

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ **АСТРА НОВА АП 2018**

УДК 82-3 ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44 А91

Международный литературный клуб «Astra Nova»

Print-on-Demand

Астра Нова: альманах фантастики. № 1(010). – СПб.: А91 Издательство Северо-Запад, 2018. – 325 с.

ISBN 978-5-93835-598-9

Игра – единственное осмысленное занятие, в котором процесс важнее результата. И чем же тогда игры в разум отличаются от игр в безумие? Наверное, почтиничем, еслиите, и другие одинаково интересны участникам.

УДК 82-3 ББК 8 (2Poc-Pyc) 6-44

- © Светлана Тулина, составление, 2018
- © Авторы публикуемых произведений
- © Издательство «Северо-Запад», 2018

ISBN 978-5-93835-598-9

СОДЕРЖАНИЕ

часть первая ИГРЫ НАЛИЧИЯ

Святослав Логинов	
Добро и уши	10
Добро может обойтись и без кулаков	
Станислав Карапапас	
Это просто бизнесГлавное – правильно выбрать себе врага!	12
Эльнур Серебряков	
Божественная дилемма	16
Сергей Удалин	
Особенности стабилизации инообъектов в полевых условиях Сопромат фантазии как оно есть	24
Игорь Ревзин. Эйрел Пыльный	
Цвет твоих знамён	37
Ирина Денисовская Реципиент	
Реципиент	56
Хирург тоже по-своему художник Татьяна Россоньери	
Во имя бессмертия	70
Все пациенты врут! Или не все?	10
Иван Соболев	
Бегство в реальность	31
Если ты живешь космосом - иди в горы!	_
Татьяна Томах	
Фиалка	98
А убийца, между прочим, не садовник!	
Владимир Якубчак	` -
Плата за жизнь)5
© Перевод с украинского Татьяны Левченко Кто решится украсть слово, если оно дороже жизни?	
тего решител украсть слово, сели опо дороже жиопи.	
Часть вторая	
*	
ИГРЫ РАЗВИТИЯ	
Павел Шумилов	
Игры разума1	18
Люди вполне поддаются дрессировке	
Наталия Гонсалес-Сенина	
Матрица воспоминаний	22
Хорошая память дорого стоит Жаклин де Гё	
Про шпионов	21
И в тяжелом труде шпиона есть свои маленькие радости	JΙ

An	_ Альманах фантастики «Астра Нова» • № 1(10) • 2018
Татьяна Берце: Больной раз:	ва УМОМ
Мария Акимов Ублюдок буд	ва ущих времен
Лада Бобровск Пургаторио .	гая
Анатолий Гера Самая прост	
	Часть третья
	игры отсутствия
	Клинсити
Владимир Нов	день дипломированного специалиста181 Его специализация – делать огоньки синими чиков. Андрей Фёдоров
	нка
Борис Богдано Паства для п	ІРОРОКА
	юв инирующего абсурда218 При танцах на граблях страдают не только ноги шев. Тимур Алиев
Ë	
	Часть четвертая
	ИГРЫ КАК ОНИ ЕСТЬ
	евва чено

Виталий Войцик
Воспоминания напрокат
Анна Михалевская
Чет-нечет, и пусть ему повезет!
Анастасия Тамило
Каллиграф
Андрей Добров
Летопись 2016 года
Часть пятая
ИГРУШКИ
Александр Карапац
Злоумышленник
Станислав Карапапас
Записки на полях
Ольга Сафарова
Конец света
А на самом деле все было так или не так?
Ирина Бакулина
Ученик M астера X а
Юрий Гаврюченков
Ликбез
Учиться, как завещали предки!
Наталья Голованова
Тестировщики
Думаи, во что вкладываешь душу Дмитрий Гужвенко
Алло, это искусственный интеллект?
Иногда приходится врать, чтобы сказать правду
Куски Неба, дуб-людоед и другие проблемы на пути в школу 295 Но тяга к знаниям победит!
Алексей Донской
Замочная скважина
Последний читатель
Андрей Загородний
Адам
Адаму проще, чем Ною. Но кто тебя спросит?

An	Альманах фантастики «Астра Нова» ° № 1(10) ° 2018
Мария Кимури	204
	ЕТ
Виктор Кузьмин Физика Будды	
Злата Линник	главнос — точка опоры, а Будда приложится:
Наследник	
Александр Петрен	КО
	ДАГОГИКА305 Главное – найти правильный подход!
Светлана Тулина	2000
І ВОРЦЫ И БОГИ	
Беспроигрышны	й вариант
Виталий Придатко	ради науки)
Мир следующего	Э дня
Станислав Романо	В
Строгов. Специя	льный Стилизованный Рассказ311 Буквы такие буквы!
Татьяна Тихонова	244
Кира Эхова	
Опасно безобид	ный яд314
Максим Тихомиро	Человек сам творец своего наркотика В
Ничего лишнего	Если на Марсе жизнь и есть, то другая)
	А грязь из-под ногтей можно вычистить тоже.
Тимур Максютов	319
	Последняя проверка на вшивость фатальна
Элеонора Воробьеі	ва во Черного властелина
DEATHUE ALEHICI	Черному Властелину тоже хочется покоя

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Игры наличия

Святослав Логинов

ДОБРО И УШИ

Лето — пора, когда следует жить на даче, дышать свежим воздухом и накапливать здоровье для зимнего сидения за компьютером.

Поскольку на даче вай-фай был ничуть не хуже, чем в центре города, Элендил позволил предкам уговорить себя и выехал на дачу. Вообщето Элендила звали Федей, но если чувствуешь себя Элендилом, то ты Элендил и есть.

Комп Элендил поставил на веранде, совместив приятное с полезным. Приятное — то, что можно целый день чатиться, и никто слова не скажет. Ну, а полезное — полная веранда чистого воздуха. Согнувшись над клавиатурой, Элендил выстукивал мессагу, злостно

пренебрегая запятыми и заглавными буквами:

эл: торин ты не прав. силы добра одни только эльфы а твои гномы сражаются за светлых патамушта их орки ограбили и выгнали из мории а то бы они сидели и в драку не мешались.

Ответ пришёл незамедлительно.

тор: а люди?

эл: они сами выбирают за ково сражаться а эльфы даже темные всегда против зла.

тор: а орки почему не выбирают?

эл: орки всегда зло. ты видел какие у них зубы?

тор: а у эльфов уши.

эл: вот именно. у кого большие зубы тот зло а у кого уши тот добро.

Ответа Элендил прочитать не успел. Со звоном вылетело хрупкое окно веранды, мелькнуло что-то серое и длинное и вмазало Элендилу в челюсть.

Нокаут мгновенный и несомненный.

Когда помрачённое сознание вернулось к Элендилу... А впрочем, вернулось ли оно?.. — поскольку в оконном проёме он увидел огромную слоновью голову.

- Жа што? прошамкал Элендил разбитым ртом.
- Не за что, а почему, любезно ответил слон. По мордасам. Видишь ли, у меня самые большие зубы. У мамонта были ещё больше, но мамонт вымер, так что я теперь олицетворение зла. Ты это придумал, вот и получил. Но кроме того, у меня самые большие уши, поэтому я — олицетворение добра и всё делаю для твоей пользы. Зубы я тебе вышиб, так что злодеем тебе не быть. Да ты не беспокойся, коренные остались, жевать сможешь. А теперь займёмся твоими ушами.
 - A-a-a-a-a!..
 - Конечно, больно. А ты думал становиться добрым легко?

- A-a-a-a-a!..
- Не дёргайся, а то оборвёшь уши и станешь не добрым, а безухим. Теперь пусть уши малость поостынут, и продолжим вытягивание. Ты пока отдохни, а я почитаю, что в чате пишут.

На экране красовалась надпись:

тор: клас! жжош не подецки. а у кого большой нос он какой? Ловко орудуя кончиком хобота, слон набрал ответ:

Сл: Самый большой нос тоже у меня, поэтому я постоянно суюсь не в свои дела.

тор: ты кто?

Сл: А вот приду к тебе в реале — узнаешь.

Станислав Карапапас

ЭТО ПРОСТО БИЗНЕС

Итклив натирал витрины, осматривая их под разными углами. Предстоит рабочая ночь, а сейчас можно спокойно настроиться в ожидании клиентов. Лето заканчивается, и до осеннего маскарада ещё далеко, особых празднеств не планируется (никто не родился и не умер). В общем, не лучшее время для торговли. Любуясь своим отражением в начищенной до зеркального блеска столешнице, Итклив придирчиво оценивал оранжевую напомаженную бородку, распушённые и выкрашенные ей в цвет брови. Смахнул с плеча несуществующую пылинку и улыбнулся своему отражению.

- Питт, бездельник! Живо ко мне! послышались торопливые шаги, и из подсобной комнаты высунулась взлохмаченная голова мальчишки лет десяти. Вот ты где, негодник! Ну-ка пчелкой пролетел по всем амулетам. Те, что почти разрядились...
 - ...отправить на подзарядку!
- Конечно же нет! Итклив от возмущения схватился за сердце. Те, что почти разрядились, переложи на витрину у входа ту, с надписью «Быстродействующие амулеты». А вот те, что разрядились полностью, отправь на подзарядку. Боги, почему я должен тебя терпеть?!
- Потому что я ваш племянник. И моя мама оторвет вам голову, если вы меня выгоните, самодовольно улыбаясь, Питт отправился выполнять задание.
- Мерзкие дети. И поставь уже объявление «Скидка 20%» на витрину со свежими пирожными, неделю тебя прошу!

Чтобы успокоить нервы, он принялся полировать изумрудные ногти. От медитативного самолюбования его отвлек мигающий камень на перстне — сигнал о прибытии посетителя. Попасть в заведение, учитывая его специфику, было не просто. Совершающие променад пары или праздно гуляющие горожане не захаживали в гости к Иткливу. Возможно из-за отсутствия манящей витрины с соблазнительным товаром, притягательной полуоткрытой двери или яркой вывески над входом. Ничего из вышеперечисленного не было и в помине. Отсутствовали даже нарисованные мелом стрелочки.

Сработал второй сигнал. Значит, точно клиент, а не случайный прохожий, заплутавший в переулках улиц. Хлопнула тяжелая дверь. Встречая гостя, Итклив окинул его профессиональным взглядом, прикидывая возможную выгоду. На посетителе был теневой плащ, изменяющий фигуру и телосложение. Не удивительно — ведь мало кто приходил без маскировки. Поношенность плаща и старость модели вызывали удивление, поскольку обычно клиент у Итклива был зажиточный.

Лицо посетитель скрывал за эпической зеркальной маской, отчего образ не складывался и создавал некий ценовой диссонанс.
— Для меня счастье лицезреть вас в моем скромном, но несомненно лучшем заведении! –произнес Итклив, кланяясь.

Раздался скрежет стекла, от которого у Итклива свело зубы, перекосилось лицо, и волосы вздыбились по всему телу. При неумелом использовании зеркальные маски создавали чудовищный для слуха резонанс с любым стеклянным объектом.

- Молодой человек, соблаговолите настроить звук! А то у вас сейчас мор.., хм.., маска треснет, а у меня витрины полопаются! поучительным тоном произнес Итклив, пытаясь вернуть своему лицу приветливую невозмутимость.
- Я сэр Лпф... Зовите меня мистер... Блэк, в помещении вибрировали все стеклянные предметы, создавая гул, складывающийся в слова. Вас рекомендовал сэр... мой хороший друг. Мне нужно... нужно решить один деликатный вопрос.
- Прекрасно вас понимаю! Итклив бесцеремонно взял под руку посетителя и повел к стенду у стены. Могу предложить потрясающий молот с облегченным подъемом и усиленным спуском. Подхо́дите со спины, один взмах, и голова, как спелый арбуз, разлетается на части. Для опытного продавца молчание покупателя было красноречивее

тысячи слов.

— Нет? Вы правы — это слишком! Очищать гобелены от крови. Мебель можно поцарапать осколками черепа, — и подвел гостя к ближайшей витрине. — Обратите внимание на экземпляр в правом углу. Серебряный нож для колки льда. Изящно. Можно нанести гравировку на память. Итклив украдкой посмотрел на клиента, сделал для себя неутеши-

тельный вывод и уступил:

- тельный вывод и уступил:

 Согласен! Дамский вариант. Возможно вас заинтересует карманный самонаводящийся арбалет. Даже в безлунную ночь попадает белке в глаз. Правда в погожий солнечный день иногда заклинивает, но можно отстреливаться от надоедливых голубей на поминках.

 Ответом ему было жужжание одинокой мухи.

 Уважаемый мистер... Блук, помогите вашему скромному слуге. Намекните. Как вы видите решение вашего вопроса? Вы уже вспотеть изволили, а мы так и не пришли к взаимопониманию.

 Эта старая выдра, побитая молью! Простите. Кхе-кхе, посетитель мялся, явно размышляя, как обрисовать проблему не открыв себя. Я состою не в столь давней, но весьма жёсткой конфронтации с матушкой моей драгоценной супруги. И ради сохранения семейного благополучия решил обратиться за вашими услугами. Но предпочитаю методы, снимающие с меня подозрение и не столь огорчительные для моей Эллы у неё слабое здоровье. моей Эллы — у неё слабое здоровье.

— Ни слова более! Буду счастлив предложить вам этот замечательный комплект — серьги и перстень «Утяжка ундины». Обратите внимание на тончайшую работу ювелира. Сапфиры глубокого синего цвета в оправе из золота, принявшего форму морской раковины. В них хранится маленький секрет не менее тонкой работы. Проклятье, которое невозможно обнаружить. Оно внушает обладательнице, что она излишне богата телом, и заставляет её отказываться от пищи и постоянно крутиться перед зеркалом в обнаженном виде. Не слишком быстро, и выглядит мерзко, но чрезвычайно эффективно. Отложим.

Почувствовав заинтересованность клиента, Итклив, как опытный делец, продолжил наращивать уровень продаж:

— Понимаю, вам не хочется ждать долго. Разрешите порекомендовать дамские папироски. Кроме табака, содержат в себе стружку экзотических грибов. Вызывают непреодолимую тягу к крепкому алкоголю и видения воинствующего толка. Как будто она доблестный рыцарь и должна спасти принцессу от дракона. Драконом становится крупный домашний скот. И если коровы смиренно принимают дамские нападки, то лошади не так спокойны, когда их колошматят по хребту зонтиком. Один удар копытом... Ну, вы меня понимаете!

Покупатель был у него в руках. Главное, не давать тому времени на размышления:

— В дополнение хочу посоветовать приобрести галеты с ядом, — предчувствуя ответ, Итклив быстро продолжил развивать свою мысль. — Не для неё, а для её мерзкой тявкающей собачонки. Вы же не хотите, чтобы она досталось вам в наследство и была любимицей вашей женушки? Последним напоминанием о её матушке, с которым она ни под каким предлогом не захочет расстаться? Даже на брачном ложе!..

Предлагать ещё что-то для успокоения тёщи покупателю не имело смысла. Но закинуть удочку ради продажи иного товара было необходимо:

- Возможно есть другие претенденты на наследство, кроме вашей благочестивой жены? У нас прекрасный выбор и для господ!
 - Нет!

Итклив продолжил прощупывать дальше:

- Или малолетние наследники? Мы предлагаем широкий ассортимент продукции для детей: мягкие игрушки-удушайки, соски с ядом, качельки, вызывающие припадки, чудовища под кроватку и...

 Нет! Этого будет достаточно! чувствовалось, что гостю не тер-
- Нет! Этого будет достаточно! чувствовалось, что гостю не терпится уйти из лавки.
- И помните, мистер э... Блак! Мы с особой тщательностью подходим ко всем клиентам. Наша забота предложить наилучший выбор решения проблем, а врагов себе вы выбираете сами! Итклив усмехнулся и, покраснев, прикрыл сиреневые губы кончиками пальцев.

Не дожидаясь ответа, Итклив достал подарочные коробки и начал упаковывать предметы, обвязывая шелковой лентой и закручивая бант. Как только сработал последний сигнал, означавший, что покупатель покинул территорию лавки, Итклив постучал костяшками пальцев по прилавку.

- Питт, вылезай! Я знаю, что ты там прячешься. У меня есть для тебя задание, движения Итклива потеряли былую мягкость. Его тело, ещё несколько минут назад казавшееся вялым и бесформенным, выпрямилось. Он стоял расслабленно, но готовым среагировать на любую угрозу. Голос звучал ниже, глаза сузились. Яркий макияж теперь смотрелся боевой раскраской.
- Возьми мою красную визитку и передай её графине д'Вишем. И найми экипаж, так будет быстрее! и безопаснее, подумал Итклив. А то сестра, и правда, может оторвать мне голову.
 - Но, как вы узнали? Питт стоял растерянный, наморщив лоб.
- Он назвал жену Эллой. Можно предположить, что полное имя будет Эльвира или Элеонора. Но мне не знакома ни одна состоятельная дама, носящая данное имя и не осчастливленная братьями или сестрами. Обручились они с полгода назад достаточно времени, чтобы страсти дошли до своего пика. Также, он собрался избавиться только от её матери, а значит она особа вдовствующая. И, судя по тому, сколько он заплатил нам за товар, состояние, на которое он претендует, достаточно крупное. А сигареты и собачонка подтвердили мою догадку. Мне известна только одна курящая пожилая дама с мерзкой собакой и болезненной дочуркой Эстеллой. Мы с графиней старые друзья. Как никак, четверых её мужей схоронили. Так что передай ей визитку, объяснение ей не потребуются.
- А я тоже так смогу? мальчишка смотрел на дядю с восхищением. Итклив усмехнулся и потрепал племянника по голове. Питт, гордый от осознания своей будущей важности, побежал по поручению.
 - Стоять! нагнал его окрик. Ты какую визитку взял?
 - Красную, удивленно ответил Питт.
 - Да не эту! Новую возьми! Я там надпись добавил внизу.
 - «Скидка на свежие пирожные двадцать процентов»?

Эльнур Серебряков

БОЖЕСТВЕННАЯ ДИЛЕММА

Вопреки многочисленным кривотолкам, Великий Рандом не был ни слепым, ни хромым, ни злым. Он всего лишь делал то, чего люди частенько избегали — принимал решения. Как бог, ответственный за причинно-следственные связи, он не мог допустить ни малейшей неопределенности даже в самом незначительном вопросе. Точнее, он и вовсе не делил решения на «важные» и «не важные», поскольку прекрасно знал, что может случиться с человеком, который в один прекрасный день выпьет утром чай, а не кофе.

Вот только однажды, за два месяца до пира по случаю юбилея Юпитера, супруга задала ему вопрос, поставивший Рандома в тупик. Ни разу за все тысячелетия своего существования не случалось ничего подобного. Рандом начал издавать в ответ на вопрос супруги какие-то нечленораздельные звуки, поскольку вымолвить фразу «я не знаю» он не мог почти физически. Наслушавшись невнятного бурчания, мычания и блеяния, Великая Фейт не на шутку разгневалась:

- Да что за мужик пошел? Элементарную вещь решить не можешь! Я уезжаю к маме, и буду жить у неё до тех пор, пока ты не соблаговолишь сделать выбор. Будешь готов — скинь Меркурия. Чао!

И она уехала, оставив своего мужа наедине со сложнейшей задачей из всех, что ему приходилось решать до сих пор.

Долго бился над решением Великий Рандом, призывая на помощь весь свой многовековой опыт. Тщетно! Прошла неделя, затем вторая, а к ответу он не приблизился ни на йоту. Он перепробовал все известные ему методики и хитрости — ничто не помогало. Отчаявшись найти ответ, Рандом без сил рухнул на свой трон и погрузился в мрачные и тяжелые думы.

- Господин, господин, Сто Восемьдесят Четыре боязливо подергал бога за подол халата.
- Чего тебе? Недовольно буркнул Великий Рандом. Я в раздумья погружен, отстань!
- Простите, господин, но на Земле подходит к концу микросекунда, а вы так и не подсказали решения вот этим людям, Сто Восемьдесят Четыре протянул ему свиток.
- Ладно, давай, буркнул Рандом и развернул список. «Синичкин Д.А. Кем я буду когда вырасту?» Так, Синичкин это у нас... ага, вспомнил. Если станет космонавтом сгорит при старте. Не пойдет. Станет музыкантом цирроз. Тоже ничего хорошего. А, вот проводник поезда дальнего следования. Самый оптимальный для него вариант. Следующий, «Андрэ Дж. Дж. Сколько ложек сахара положить в её

чай, две или три?». «Она» — это у нас Джулия Н. К, за которую я в прошлом году решил сказать этому самому Андрэ «да»? Ага, она самая. Так, она любит чай с двумя ложками сахара, а если он пересластит — будет скандал и развод через полгода. Не нужно ему такое счастье, пусть кладет две ложки...

Закончив со списком, Рандом собрался было вновь вернуться к мрачным думам, но тут в его голове родилась совершенно безумная идея. Но именно такая и была нужна. Рандом соскочил со своего трона, и подошел к глобусу Земли. Это был не обычный глобус, а самый точный из всех, что когда-либо существовали. На нём, при желании и должной сноровке, можно было разглядеть буквально всё, вплоть до микроорганизмов. Но сейчас Рандома интересовали люди. Положив ладонь на Африку, он на минутку замер в нерешительности.

Африку, он на минутку замер в нерешительности.

— А-а-а, будь что будет, отчаянные времена требуют отчаянных мер! — Воскликнул он и начал раскручивать голубой шар.

Когда скорость вращения достигла двух с половиной месяцев в секунду, Рандом ткнул пальцем в глобус, отчего тот остановился. К счастью для населения Земли, «обратной связи» с самой планетой глобус не имел.

— Эй, Девяностый, — окликнул Рандом проходившего мимо слугу, не отрывая пальца от точки в Северной Америке. — Сбегай в покои Фейт и принеси мне оттуда Щипчики Апофеоза.

* * *

День для Джона не задался с самого утра. Началось всё с того, что по вине испортившегося будильника он проспал. Затем, заваривая впопыхах кофе, Джон уронил на ногу турку с кипящим напитком. Выйдя из дома он обнаружил, что у его машины спущено сразу три колеса. Дальше были: хам-водитель, окативший его грязью из лужи; скользкие ступеньки входа в метрополитен, послужившие причиной ушиба копчика; зажевавший проездную карточку турникет; захлопнувшиеся перед самым носом двери уходящего поезда; двадцатиминутное ожидание следующего состава; страдающий ожирением пассажир, усевшийся рядом с Джоном и вжавший его в боковую стенку так, что него захрустели рёбра.

Из-за тревожных мыслей о предстоящем объяснении с боссом, который не отличался особой терпеливостью в отношении опаздывающих на работу сотрудников, у Джона начала болеть голова. Будто огромные щипцы впились в его виски и сдавили череп, да так, что тот почти затрещал по швам. Затем его дернуло куда-то вверх, чуть не вырвав голову из плеч, и с огромной силой понесло куда-то, сквозь иссиня-черный туннель, в стенах которого то и дело вспыхивали и гасли разноцветные искры.

* * *

— Трепещи, о смертный! — молвил Великий Рандом, вытянув Джона в свое измерение и усадив его на ковёр. — Ибо я есть... эм-м, ну ладноладно, ты это... успокойся давай.

Джон сжался в комочек, трясясь от страха и затравленно озираясь по сторонам. «Наверное тот жиробас меня раздавил», — подумал он и спросил:

- —Я что, я мёртв, да? Я умер? Ты Сатана? А эти в майках с цифрами— это черти? Но я ведь был хорошим человеком! За что?
- Не-не-не, никаких смертей, никаких чертей, никакого ада! Ты жив-здоров и с тобой всё будет хорошо! Я Великий Рандом, бессменный и всемогущий властитель непринятых решений. А эти парни, он указал на своих слуг, Случайные Числа, мои преданные помощники.

Тридцать Девять, Минус Сто Сорок Шесть, Число Авогадро и Мнимая Единица приветливо замахали лапками. Джон потерял сознание.

* * *

На то, чтобы привести человека в чувство, отпоить амброзией и убедить в реальности происходящего, Рандому понадобилось больше часа. Когда Джон более-менее свыкся с мыслью о том, что его временно выдернули из жизни и перенесли на иной уровень Мироздания, в нём проснулось любопытство:

- Так ты бог неправильных решений?
- Непринятых. Слыхал фразу «пока выбор не сделан всё на свете возможно»?
 - Не помню точно, кажется это было в каком-то фильме...
- Ну так вот: в этом есть доля правды. Каждый раз, когда кто-то задается вопросом типа «пойти мне направо или налево», возникает две вероятности. В одной он пошел направо, в другой, соответственно, налево.
 - Мультивселенная?
- Не совсем. Мироздание одно, а вариантов тьма тьмущая. Поэтому когда решение всё-таки принято все остальные вероятности исчезают. А если выбор так и не сделан то и вероятности никуда не деваются. Так что приходится мне «подчищать хвосты», так сказать. Иначе никакого пространства-времени не напасёшься.
 - И часто это приходится делать?
- Hy, если по Земному времени, то примерно раз в две-три миллисекунды.
 - Ничего себе скорость.
- Ну так здесь, в моих владениях, одной земной миллисекунде равен час с небольшим, так что справляюсь.

- А вот такое я точно видел в кино. Там еще была планета с гигантскими волнами и прикольные роботы.
- Да-да, принцип такой же. Тебе наверное интересно, зачем я тебя сюда выдернул?
 - Эм-м, я каким-то образом нарушаю естественный ход событий?
- Нет-нет, ничего такого. Просто мне нужна твоя помощь в одном... эм-м, личном вопросе. Это касается моей жены Фейт и... в общем, если ты согласен, то мне проще тебе показать. Для наглядности.
 - Но почему я?
 - Ты Избранный, соврал Рандом.
- Вау! Ты знаешь, я всегда чувствовал в себе нечто особенное! Конечно же я согласен тебе помочь, о владыка сложных задачек! Показывай, чего у тебя там?

"Кажется с амброзией я немного переборщил", — подумал Рандом, вслух же сказав следующее:

- Для этого нужно пройти в покои моей жены, они в другом крыле дворца, пойдем.
- B путь! Джон уверенно вскочил на ноги, и двинулся вслед за Великим Ранломом.

* * *

Не успели Рандом и Джон пройти нескольких метров по коридору дворца, как их нагнал запыхавшийся Тридцать Четвертый.

- Xозяин, хозяин! пищал слуга, размахивая планшетом. Moнетки, монетки!
 - А позже никак?
 - Никак, никак! Уже почти упали!
- Ладно, давай сюда, Рандом взял планшет и принялся уверенно тыкать и «перелистывать» — Так, решка, решка, орёл, решка, орёл... Джон, ты даже не представляешь как часто люди прибегают к этому древнему методу.
 - Подкинуть монетку?
- Ara. Самый простой и доступный способ спихнуть на меня бремя выбора и ответственность за его последствия. Так, всё, это была последняя.

Рандом отдал планшет слуге, и они с Джоном продолжили путь.

— Ты не поверишь, но меня почему-то больше всего удивил план-

- шет, задумчиво сказал Джон.
- А что такого? Цифровая эра, всё-таки. Хотя половина Чисел всё ещё используют пергаментные свитки.

Коридор закончился высокими двустворчатыми дверьми. Великий Рандом распахнул их, и они вошли в просторный зал, стены которого были увешаны грифельными досками. Множество Чисел с блокнотами

в руках перебегали от одной доски к другой, периодически делая на них какие-то записи.

- Игровой Павильон, ответил на немой вопрос Джона Великий Рандом. Здесь определяются победители спортивных состязаний, результаты лотерей и даже исходы партий в «крестики-нолики».
- Папа, папа, ты мне как раз и нужен! из толпы Чисел выскочила белокурая девица лет пятнадцати и подбежала к Рандому. Слушай, тут чемпионат по покеру в Монте-Карло скоро начнётся, и там будет играть тот красавчик о котором я тебе вчера рассказывала. Можно он выиграет, можно-можно?
- Опять ты со своими любимчиками. Можно, но не больше семи миллионов. И вообще, где твои манеры, не видишь у нас гости! Джон, это моя дочь Лак. Лак, это Джон, он... эм-м, приглашенный эксперт.
 - Очень приятно, мистер Джон.
 - Взаимно, мисс.
- А вы ничего так, девчонка широко улыбнулась. Хотите подкину пару выигрышных лотерейных билетов?
 - Лак! Тебе не стыдно?!
- Да шучу я, пап, шу-чу. Ой, надо ещё раз растасовки колод проверить! Я побежала. Пока пап! До свидания, мистер Джон!

Девушка нырнула обратно в толпу Чисел, и в мгновение ока пропала из виду.

— Ну вот что с ней поделать? — сконфуженно произнес Рандом. — Возраст такой. Пойдем, Джон, здесь нам направо.

Они покинули Игровой Павильон и вновь оказались в коридоре.

- Послушай, Рандом, я вот тут задумался: ты сказал что решаешь нерешенные вопросы, верно?
 - Угу.
- И при этом ты принимаешь решение, исходя из последствий, к которым приведет тот или иной выбор, так?
 - Всё верно.
- Но те решения, которые принимают сами люди, они... не нарушают генеральный план? Люди же далеко не всегда предвидят все последствия.
- Да генерального плана как такового-то и нет. Ну, точнее, есть некоторые разумные ограничения, по большей части направленные на то, чтобы люди сами себя не уничтожили как вид. Ну и чтобы качество их жизни более-менее улучшалось.
- Так не лучше ли тебе самому принимать все решения? Ты ведь знаешь что к чему, и всё такое.
- Заманчиво конечно, но так нельзя. Да и в конце концов, зачем вам мозги и свободная воля?
 - И то верно. А это еще что такое?!

Свернув за угол, Джон и Рандом наткнулись на неожиданное препятствие: меж двух открытых дверей, расположенных друг напротив друга, шагало нечто похожее на огромную сороконожку в белой попоне с цифрами «...71342757789609...». Ни головы, ни противоположного ей полюса существа видно не было.

 А, это Пи куда идёт, — Рандом вгляделся в цифры. — И это еще надолго. Ну ничего, здесь можно срезать.
 Они вернулись немного назад, затем вошли в одну из боковых дверей и оказались в длинной комнате, в которой находилось огромное количество аквариумов. Приглядевшись, Джон увидел, что единственными их обитателями являлись бесчисленные стайки белых головастиков.

- Только не говори что это...
- Ага, они самые.
- Что «фу»? Что естественно то не безобразно. Ты и сам одним из них был когда-то, между прочим.
 - Всё равно фу!

Пройдя комнату с аквариумами насквозь, Рандом и Джон вновь вышли в коридор. Взглянув налево Джон увидел, что Пи всё еще шагает из одной комнаты в другую.

- Он вообще когда-нибудь закончиться? спросил Джон. Не знаю, ответил Рандом. Я никогда его не видел сразу целиком. Пойдем, покои Фейт уже близко.

* * *

- Серьезно?!

Великий Рандом не ответил.

- Ты бог всевозможных решений. Тебе ведомо кому и когда родиться. Ты определяешь победителей олимпиад и счастливчиков, которые сорвут джек-пот в лотерею. Но ты не можешь выбрать жене платье для вечеринки?
- Нет, представь себе не могу. От того, которое из двух она наденет не зависит ну вообще ничего.
- А ты не можешь просто выбрать то, которое тебе больше нравится?
 Да они оба идеальны! Бело-золотое, конечно, выглядит богаче и светлее, но зато синее с чёрным идеально подходит под цвет её глаз...
- Ну тогда просто выбрать любое, наугад? Пробовал. Но всякий раз когда я уже готов был принять решение меня тут же одолевали сомнения, перебороть которые было просто невозможно.
 - Подкинуть монетку?!

- Ты же видел как это работает. Если я подкину монетку, то она будет скакать по полу до тех пор, пока я не выберу результат в приложении на планшете.
- И ты хочешь сказать, что вся моя великая миссия как Избранного заключается в том, чтобы вместо тебя ткнуть пальцем в одно из платьев?!
 - Ну... да, именно так.
 - Ну знаешь!
 - Джон, как друга прошу помоги, а?
- Эх, ладно, раз уж я здесь. Пусть она наденет... э-э-э... ну-у... сине... нет! Белое. Хотя нет, стой-стой, дай подумать!

4 4 4

- Всё пропало, резюмировал Рандом. Никто не в состоянии выбрать одно из этих платьев.
- Ты уверен что нет никаких... последствий выбора того или иного платья? Ну хоть каких-то?
- Абсолютно. Они совершенно равнозначны, а потому, наверное, ни один выбор не может быть признан верным.
 Засада, конечно. Хотя, если нельзя выбрать что-то одно... слушай,
- ты же ведь всемогущ?

 - Ну, в разумных пределах.В разумных это в каких?
- До тех пор пока пространственно-временной континуум не трещит по швам, скажем так.
- Ну, надеюсь мою идею он выдержит. Я тут подумал: раз уж мы не можем выбрать одно из двух пусть будут оба. Соедини их, слей как-то воедино, пусть оно будет бело-золотым и сине-чёрным одновременно.

В глазах Великого Рандома заплясали озорные искорки.

* * *

- Джон, еще раз спасибо тебе огромное! Ты меня просто спас! Не стоит благодарности, это ведь обычное дело для нас, Избранных. Что правда то правда. К сожалению, я не могу пригласить тебя погостить в моём дворце подольше...
- Я всё понимаю. Нельзя так просто взять и выдернуть человека в иное измерение. По крайней мере надолго.
 - Именно так. Но я уверен что мы еще увидимся. До встречи, Джон!
 До скорого, Великий Рандом.

 - И ты это, когда вернешься купи лотерейный билетик.

Рандом взмахнул Молотом Изгнания, и Джон полетел сквозь пространство и время, прямиком в родной план бытия.

* * *

Фейт была в восторге от своего нового платья. Правда, в итоге оно стало причиной маленькой, но весьма ожесточенной Войны Богов, которые никак не могли определится: оно белое с золотым или всё-таки синее с чёрным. Но это уже совсем другая история.

* * *

Очнувшись в поезде, Джон долгое время пытался понять: приснилась ему вся эта история с богами и платьями или же всё это и правда произошло. Так и не найдя однозначный ответ на этот вопрос, Джон сошёл на нужной ему станции, и отправился на работу. По пути он задержался лишь у газетного киоска, в котором купил лотерейный билет.

Сергей Удалин

ОСОБЕННОСТИ СТАБИЛИЗАЦИИ ИНООБЪЕКТОВ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Вот уже неделю ты видишь по ночам один и тот же сон. И все еще убеждаешь себя, что это сон, и ничего больше, что тебе просто привиделось. Брось, кого ты обманываешь? Чтобы такое приснилось, нужно иметь фантазию, а у тебя ее никогда не было. Ты способен только цепляться за чужие выдумки, за то, что увидел в кино или прочитал. Даже в этот сон ты не сумел добавить ничего своего, он повторяется до мельчайших подробностей.

Ты не смог бы выдумать ту уродливую липу со спиленными, словно бивни у слона, нижними ветками. Ты стоял под ними, и как бы ни поворачивался, брызги дождя отскакивали от них прямо тебе на очки. Позже, вспоминая случившееся, ты все списывал именно на то, что очки были залиты водой, и на самом деле ты не мог ничего видеть, а просто дорисовал в своем воображении. Которого у тебя... ну, в общем, ты понял.

Очки-очками, но ее-то ты разглядел хорошо. Как и тех двоих с зонтиком, что двигались ей наперерез. Но сначала все-таки ее.

Она была одета в короткое летнее платье. Белая ткань быстро намокла от дождя и облепила ее фигуру. Правда, там нечего было особо облеплять, но это и к лучшему. Иначе ты так и не поднял бы взгляда и не увидел ее глаза. Да, они и в самом деле были зеленоватые, но это не главное. Они были... нет, не восторженные, и не счастливые. Предвкушающие. Ожидающие счастье. Она словно бы совсем не замечала дождь и так напряженно смотрела прямо перед собой, что ты не выдержал и взглянул в ту же сторону.

То, что ты там увидел, тебе и подавно никогда не вообразить самому. Мокрые от дождя деревья начали замысловато переплетаться ветвями, образуя что-то вроде крепостной стены. А над ними уже проступали очертания остроконечных башен с окошками, балконами и переходами, свитыми из тех же ветвей. Твоего воображения хватило лишь на то, чтобы назвать их «эльфийскими», хотя ты и сам понимал, насколько не подходит к ним это слово.

А вот тех существ, что неторопливо кружили над удивительным замком, разглядеть действительно было трудно. То ли гигантские птицы, то ли летучие драконы. Возможно, ими и в самом деле кто-то управлял. А может быть и нет. Но ты все равно почувствовал себя немного неуютно и начал оглядываться.

Сначала ты увидел такой же сплетенный из ветвей мост через ручей. Хотя этого ручья здесь минуту назад и в помине не было. Затем, прямо у тебя на глазах, обрамляющие парковую дорожку кусты потянулись вверх и превратились в изящную арку. А через мгновение рядом с аркой появились те двое с зонтиком.

Они догнали девушку. Тот, что был повыше, в плотном кожаном плаще и черной шляпе, очевидно помешанный на шпионских детективах, что-то тихо сказал ей. А второй, в своей дутой куртке похожий на мыльный пузырь, неловко протянул ей зонтик. Зато вторая его рука двигалась точно и стремительно. Он вытащил из кармана серебристый цилиндр, напоминающий прибор для инъекций, и быстро прижал его к предплечью девушки. Или, возможно, это был электрошокер.

Так или иначе, но девушка вздрогнула и обернулась. И тут ты увидел — не отпирайся, это ты в самом деле увидел четко и во всех подробностях — как ее глаза мгновенно погасли, уголки рта опустились, лицо обмякло и стало сонно-безразличным, тусклым, некрасивым. Настолько некрасивым, что ты сам удивился, как мог всего минуту назад смотреть на нее с восхищением.

Ты смущенно отвел глаза. Как раз вовремя, чтобы заметить, как исчезают, растворяясь в воздухе, силуэты башенок. Как расплетается и оседает стена замка, за которой уже остались лишь клочья серого тумана. Как болезненно изогнулся мостик через не существующий больше ручей. Ты в отчаянии оглянулся на арку. Неужели и она тоже растает, подумал ты. Нет, только не это! Должно хоть что-то остаться от чудесной картины! А это действительно было чудо, и ты сразу понял, кто его сотворил.

Ты снова обернулся к девушке, но двое незнакомцев с зонтиком уже уводили ее по аллее, крепко удерживая под локти. Точнее говоря, утаскивали, потому что она едва успевала переставлять ноги. Но ведь это из-за них исчезло чудо, запоздало догадался ты. А сейчас исчезнет и сама девушка.

«Подождите! — крикнул ты и рванулся за ними следом, не успев продумать, что будешь делать дальше. — Куда вы ее ведете? Она же...» Незнакомец в дутой куртке обернулся еще до того, как ты подавился

последними словами.

«Что она?»

Теперь он уже ничем не напоминал мыльный пузырь. В какой-то момент тебе показалось, что это вовсе не болоньевая ткань, а его собственная синяя кожа, под которой бугрятся чудовищного размера мускулы. А взгляд его серых маленьких глаз был таким острым, что ты вдруг испугался, не проколет ли он тебя самого, словно тот самый пузырь.

«Она же... совсем промокла, — промямлил ты первое, что пришло в голову. — Как бы не простудилась».
«А мы ее как раз в больницу и везем, — усмехнулся Дутый. — Вам

случайно не по пути?»

Нет, на врача он похож не был. В лучшем случае, на санитара. Из тех, что одевают пациентов в смирительные рубашки, или выносят ногами вперед. Неудивительно, что у тебя язык к гортани прилип. А когда отлип, отвечать уже было некому. Все трое вышли из ворот парка, повернули и скрылись из вида.

Ну как, вспомнил? И ты все еще считаешь, что сам выдумал все это? Зачем бы вдруг? Чтобы чувствовать себя подлецом, трусом, предателем? Ты ведь предал эту девушку, даже если она всего лишь плод твоего воображения. Но из-за воображаемой подлости так не переживают. А если ты признаёшь, что это случилось на самом деле, тогда почему не ищешь ее? Хотя бы по больницам, раз уж нет других зацепок. Почему ты направляешься именно в парк, словно преступник на место преступления? Может, тут есть еще что-то, кроме раскаяния?

Ах вот оно что! Значит, и это тебе тоже не показалось. Плетеная арка над аллеей так и не исчезла. Что ж, подойди и пощупай ее. Развей свою последнюю надежду на оптический обман.

Удивительная красота! Издали кажется, что причудливый орнамент арки просто сплетен из ветвей. С близкого расстояния ты принимаешь ее за искусную резьбу по дереву. И только прикоснувшись, убеждаешься, что это нечто иное. Живой, дышащий, непрерывно меняющийся узор из листьев, ветвей и цветов. Словно послание неведомого народа на непонятном языке. Хочешь — попытайся его расшифровать, не хочешь — просто любуйся.

«Удивительная красота!»

Нет, это уже не твои мысли, это кто-то произнес вслух. Ты поворачиваешь голову и видишь наголо бритого мужчину средних лет, в очках и с бородкой клинышком. Он одет в строгий костюм, и поэтому еще больше напоминает тебе кого-то из университетских преподавателей. Лишь восточный разрез глаз немного портит общую картину.

«Да, — машинально соглашаешься ты. — А из чего это сделано?».

«Материализация чувственных идей», — отвечает он без всякого намека на улыбку. И объясняет, перехватив твой недоуменный взгляд. — Из фантазий, молодой человек, из фантазий».

Черт возьми, а ведь он в чем-то прав! Но откуда он знает? Или не знает, а просто предполагает? В любом случае тебе не стоит болтать лишнего. А лучше всего — вежливо попрощайся с ним и уйди.

Но если он действительно что-то знает, ему наверняка известно и про ту девушку. Куда ее увезли? Зачем? Ты ведь все еще хочешь ее найти, или уже нет? Попробуй осторожно расспросить его.

«Но как же это?..» — начинаешь ты, но бородатый тут же перебивает, словно только и ждал твоего вопроса:

«Мы пока сами не разобрались, как это происходит, — виновато разводит он руками — Видите ли, это первый устойчивый инообъект, который мы зафиксировали. А неустойчивые, сами понимаете, изучать довольно затруднительно».

С каждым следующим словом ты чувствуешь себя все неуютней. Конечно, было бы интересно побольше узнать про «инообъект», но оброненное невзначай «мы» настораживает. Кто такие эти «мы»? Уж не те ли двое с зонтиком? В затылке у тебя начинает покалывать от предчувствия опасности. Ты беспокойно оглядываешься, а бородатый продолжает объяснения:

«Еще одна трудность состоит в том, что нестабильные инообъекты способны увидеть лишь немногие. Сотые доли процента. И мы стараемся привлечь таких людей к работе. Поэтому мои сотрудники получили выговор за то, что отпустили вас, даже не спросив фамилии и адреса. — Он вздыхает и снова виновато разводит руками. — Правда, мы тогда еще не знали про эту арку. А когда узнали, было уже поздно. Оставалось надеяться лишь на ваше любопытство».

Ты уже давно не слушаешь его. Стучащая в висках кровь заглушает другие звуки. Осторожно расспросил, называется! Значит, он заодно с теми двумя. Что делать? Бежать?

Поздно. Из-за придорожных кустов уже выходит тот самый Шпион. На этот раз без плаща, но по-прежнему в шляпе. А в дальнем конце аллеи появляется коренастая фигура в подозрительного знакомой дутой куртке.

Только без паники! Может быть, все удастся уладить миром. Поговорите и разойдетесь.

«А при чем здесь арка?»

По правде говоря, тебе интересней узнать, при чем здесь ты. Но на прямой вопрос последует такой же прямой ответ. Который может тебя не обрадовать.

«Простите, как ваше имя-отчество?» — неожиданно интересуется Бородатый.

Ты, разумеется, молчишь, но это его не сильно огорчает.

«Впрочем, мы еще успеем познакомиться. А пока, молодой человек, рассудите сами. Это не такая уж и сложная логическая цепочка. Мы впервые зафиксировали стабильный инообъект. Раньше этого не случалось. Как на полигоне, так и в нештатных ситуациях. Вынужден признать, что пациенты у нас иногда сбегают. — При слове «пациенты» ты непроизвольно вздрагиваешь, но он не замечает. Или делает вид, что не заметил. — Такова уж специфика работы. И данная пациентка — не исключение. Но раньше она ничего похожего не выдавала. Спрашивается, что изменилось в этот раз? Ничего. Кроме того, что рядом случайно оказались вы».

Нет, только ничего не говори. Не соглашайся. У него нет доказательств, одни подозрения. Хотя... Ты нервно оглядываешься на подошедших Шпиона и Дутого. Кроме них, поблизости никого нет. При раскладе «трое против одного» особых доказательств не потребуется.

«Но что я такого сделал?» — сдаешься ты.

Бородатый снова довольно ухмыляется. «Вот это мы и собираемся выяснить. Только я еще не решил, в каком качестве мы будем вас использовать — как лаборанта, или как пациента. Но хочу предупредить: если вы будете упрямиться, — его взгляд на мгновение становится еще более холодным и жестким, чем у Дутого, — я, скорее всего, выберу второй вариант». В клинике с такими вот санитарами? Тебе оно нужно? А с другой

стороны — разве кто-то спрашивает, нужно или нет? Начнешь вырываться — они тебя той самой серебристой штучкой уколют, и привет. А прохожие ничего даже не заметят. Как в тот раз, когда уводили девушку.

Это конечно, мало утешает, но хотя бы искать ее тебе больше не нужно. Эти люди сами тебя к ней отведут.

Вот наконец и их хваленый полигон. Огромное поле, со всех сторон окруженное лесом. А также колючей проволокой — и наверняка под током. Бежать отсюда — еще глупее, чем из самой лаборатории. Хотя у тебя пока не было возможности проверить, насколько это глупо. Шпион и Дутый по очереди ходят за тобой как привязанные, а иногда — сейчас например — сразу оба. Они даже спят в одной комнате с тобой. То еще удовольствие. Дутый храпит, как трактор, а Шпион периодически вскрикивает во сне. Видать, нелегкая у них работенка.

Кстати, может быть, ты зря смеешься. Неспроста же Бородатый выдал им сегодня усыпляющие пистолеты. По крайней мере, он сказал, что усыпляющие. Неужели он и в самом деле боится, что ты убежишь? Или это для пациента?

Ну да, пациент немного странноват, от такого всего можно ожидать. Толстый дядька, лет тридцати пяти — сорока, с двойным подбородком и пухлыми губами. Одет он в нечто напоминающее фланелевую пижаму. Скорее всего, это она и есть. Всю дорогу сюда Толстый сонно посматривал то на одного конвоира, то на другого и время от времени разочарованно бормотал себе под нос: «Живой, и этот живой «. Почемуто его тихий голос пугал тебя сильнее, чем вопли какого-нибудь буйнопомешанного.

Впрочем, чему ты удивляешься? Тебе уже объяснили, что все здешние пациенты— психи, только не буйные. Просто у них чрезвычайно развито воображение. Хотя на самом деле не так все это и просто. Психов много, но материализовать свои «чувственные идеи» — как выразился Бородатый — способны лишь единицы.

Вообще-то у Бородатого и его подчиненных есть имена, но ты из принципа обходишься либо кличками, либо местоимениями. «Ненасильственная форма протеста», по словам того же Бородатого.

Однако шутки, похоже, закончились. Дутый и Шпион выводят толстого пациента вперед, развязывают ему руки и вкалывают дозу чего-то бодрящего — тебе говорили название, но ты не запомнил. В обычное время пациентов держат на транквилизаторах, иначе сбегут. Никто не понимает, как они это проделывают. Бородатый подозревает, что просто проходят сквозь стену. Но никаких доказательств нет — система видеонаблюдения просто дает сбой. Как и другие приборы.

Тем не менее и тебя, и пациента облепили всевозможными датчиками. Особенно тебя, потому что это первый опыт с «закрепителем». Бородатый придумал тебе такую кличку в отличие от пациентов — «проявителей». Он подходит к тебе, по-отечески кладет руку на плечо и инструктирует:

«Когда появятся инообъекты, постарайтесь стабилизовать хотя бы один из них. Вспомните, что вы делали в прошлый раз, о чем думали, куда смотрели. Уверен, что у вас все получится».

Судя по голосу, ни в чем он не уверен. Волнуется, как первокурсник перед экзаменом. Но тебе не до его переживаний — своих хватает. Могли бы хотя бы предупредить, что это будут за «инообъекты». Не в первый же раз они Толстого на полигон привозят? Или это всегда бывает по-разному?

Бородатый обрывает твои мысли легким толчком в спину. Ты возмущенно оборачиваешься, но он уже бежит без оглядки к укрытию, напоминающему блиндаж из фильмов о войне. Следом несутся и Шпион с Дутым. Ты стоишь в нерешительности, раздумывая, не броситься ли за ними. Но тут с грохотом захлопывается сварная металлическая дверь, щелкает засов, и ты остаешься один. Не считая толстого пациента и его фантазий.

Какое-то время ничего необычного не происходит. Ты даже успеваешь подумать, что все обойдется. Но тут лес на горизонте начинает превращаться в силуэты высотных домов. Постепенно они приближаются, и ты понимаешь, что сними не все в порядке. Похоже, добрая половина домов сгорела во время гигантского пожара. Некоторые до сих пор дымятся, а другие и вовсе стоят полуразрушенные. Уцелевшие тоже производят гнетущее впечатление, и приглядевшись — точнее говоря, подождав, когда они приблизятся, — ты понимаешь, в чем причина. В окнах нет стекол.

Ты оглядываешься на Толстого, и сразу же отворачиваешься, сдерживая тошноту. Он жадными, голодными глазами смотрит на приближающийся разрушенный город, тянется к нему. Нет, вытягивается. Он даже кажется теперь не таким толстым. Мысленно он уже там, на

обезображенных пожаром улицах, которые перегораживают обугленные, перевернутые вверх колесами автомобили. В конце концов до тебя доходит, что, наоборот, это он тянет город к себе. И ждет, напряженно ждет встречи с кем-то. Но с кем? Город мертв, и это должно быть ясно даже такому дебилу, как Толстый.

Все, хватит паниковать. Соберись. У тебя есть задание. Стабилизировать этот, как его, инообъект. Чем быстрее ты справишься, тем раньше закончится этот кошмар. Давай, вспоминай, как ты выдернул из мира чужой фантазии ту арку. Что ты сделал? Да вроде бы ничего? А что подумал, почувствовал?

Точно! Ты испугался, что она исчезнет, и захотел сохранить ее.

Вот, значит, как. Ну что ж, пугайся, сохраняй. Вот, например, эту кучу мусора в темном глухом переулке. Как раз подходящий размер.

Что, не хочется?

Не то слово. Тебе вдруг становится отчетливо ясно, что все это безобразие, которое ты видишь перед собой, не собирается никуда исчезать. И его не нужно никуда вытаскивать, оно и без того настолько настоящее, что дальше некуда. Настоящие развалины, настоящий дым, настоящая вонь жженой резины и гниющих отходов.

Да пошел он в зад, этот Бородатый! Не будешь ты ничего здесь стабилизировать. Особенно эту кучу, подобравшуюся уже совсем близко. Настолько, что ты можешь различить, как в ней что-то копошится. Приподнимается. Встает на ноги.

За спиной раздается восторженный визг Толстого. Вот, оказывается, с кем он мечтал встретиться. Полусгнившая дырявая одежда, из-под которой проглядывает лилово-зеленоватая с бурыми пятнами кожа, ввалившийся рот с гнилыми обломанными зубами, тусклые бессмысленные глаза цвета жидкой глины. И протянутые вперед костлявые скрюченные пальцы.

Тебе становится дурно. Настолько дурно, что ты не в состоянии даже блевать. Вообще ничего не можешь сделать. Ни заорать во все горло, ни убежать со всех ног. Ни хотя бы закрыть глаза, чтобы не видеть всего этого.

Стоп! Вот что ты должен сделать! Не видеть всего этого. Оттолкнуть от себя этот жуткий мир. Раз уж ты «закрепитель», то и раскреплять тоже должен уметь.

Ты закрываешь глаза и мысленно возводишь стену между собой и разрушенным городом. Ты хочешь, чтобы появилась эта стена, чтобы она тянулась вдоль всей границы миров. Чтобы мерзкие твари никогда не проникли в твой мир. Ты очень этого хочешь, и твое желание должно сбыться.

Раз! Два! Три!

Ты открываешь глаза и с облегчением вздыхаешь. Вот она, стена! Пока еще призрачная, непрочная, но с каждым мгновением становящаяся

все реальней. Разрушенный город за ней просматривается уже с трудом. Только...

Что-то настораживает тебя. То ли изменившаяся панорама города, то ли счастливое хрюканье Толстого за спиной. Ты оборачиваешься и вскрикиваешь от ужаса. Пока ты зажмурился, этот дебил продолжал тянуть город к себе, и часть улицы с ковыляющим по ней зомби оказалась за стеной. Теперь эта тварь съест мозги толстого дебила. Да и черт бы с ним, не мозги и были. Но потом зомби сожрет и твои. А вслед за твоими...

Блин, да какая разница кого он съест потом, тебя-то уже не будет! Бежать! Скорее бежать отсюда! Куда-нибудь. Пусть сами разбираются. Вызывают бригаду спецназа, или боевые вертолеты. Тебя это уже не касается. Твое дело — уносить ноги. Но в какую сторону? Ты дергаешься вправо, но успеваешь сделать не больше десяти шагов. Черт возьми, куда ты раньше смотрел? Оказывается, зомби здесь не один. А может быть и не два. Может...

«А-а-а!» — кричишь ты, уже ничего не соображая, и бежишь куда глаза глядят. А глаза видят смутную тень впереди. Но ты уже не можешь остановиться и прешь напролом. В последний момент до тебя доходит, что это всего лишь Толстый, но тебе уже все равно. Ты втыкаешься в него на полном ходу, сшибаешь с ног, падаешь сверху и едва не теряешь очки. Вскакиваешь, чтобы бежать дальше, и со всей мочи попадаешь коленом по приподнявшейся голове Толстого. Оглядываться некогда. Придерживая рукой очки, ты мчишься так, как никогда в своей жизни не бегал, задыхаясь, но не сбавляешь хода. И останавливаешься только возле колючей проволоки. Вот и молодец, не хватало еще под две тысячи вольт угодить.

Эта неожиданно пришедшая в голову здравая мысль немного успокаивает тебя, и ты отваживаешься посмотреть назад. Вот те раз! Никакого разрушенного города у тебя за спиной нет, только унылая равнина полигона с одиноким блиндажом метрах в пятистах. Возле железной двери стоит Бородатый и что-то кричит, а Дутый и Шпион быстрым шагом направляются к неподвижно лежащему на траве Толстому.

У тебя не осталось сил гадать, что произошло и куда подевались зомби, ты только смутно понимаешь, что опасность миновала, и тоже падаешь на траву. Пропади оно все пропадом!

Ты с небрежным видом подходишь по темному коридору к комнате дежурного. Две недели назад о таком и мечтать было нельзя. В столовую — под конвоем, в туалет — тем более. Но недавно ты с третьей попытки наконец-то добыл Бородатому то, чего он от тебя добивался. Покосившийся каменный крест с заброшенного готического кладбища, на которое тебя отправил очередной пациент. Правда, «инообъект»

простоял на полигоне только два часа, а потом рассыпался в прах. Точнее, от него даже праха не осталось. Но ты даже это ухитрился обернуть в свою пользу: тонко намекнул Бородатому, что тебе было бы проще вытаскивать приятные глазу объекты, а не тошнотворные.

Бородатый, как ни странно, наживку заглотил и даже пробубнил, что подумает.

«Но пока «номер семь» к полевым испытаниям не готова», — добавил он.

Так ты и узнал, где держат ту девушку из парка — пациентов в лаборатории привыкли называть по номеру палаты.

И вообще с этого момента отношение к тебе изменилось. Теперь даже Дутый считает тебя кем-то вроде младшего сотрудника. Но сам ты Дутого по-прежнему побаиваешься, поэтому и выбрал дежурство Шпиона.

Кроме него — и пациентов, разумеется, — в лаборатории сейчас никого нет. Пятница, три часа ночи. Все сотрудники разъехались на выходные по домам. Тебе, понятное дело, увольнительных не полагается. Так что пусть Шпион думает, будто тебе просто стало скучно.

«Привет, — лениво бросаешь ему ты и подходишь к пульту. — Как там

наш Толстый поживает?»

О первой конфузии все уже начали забывать. С каждым с непривычки может случиться. Толстый оклемался в тот же вечер, хотя кто-нибудь другой на его месте непременно заработал бы сотрясение. Когда он потерял сознание там, на полигоне, город зомби мгновенно исчез. Стену Бородатый вроде бы разглядел, но так и не понял, откуда она взялась. А ты его просвещать не стал. И правильно сделал. В отличие от некоторых, ты ничего не забыл. И его угрозу превратить тебя в пациента — тоже. Пусть сначала решит, на каких правах ты здесь находишься, и только тогда он сможет надеяться на твою помощь. А пока ты знать ничего не знаешь. Так мол и так, испугался, побежал, упал, потерял сознание. Больше ничего не помнишь.

«Шестой-то? — переспрашивает Шпион и оборачивается к монитору. — Да что с ним сделается? Лежит, сопит».

Ты уже и без его помощи разглядел на огромном экране, поделенном на множество квадратов, все, что требуется. Правда, смотрел ты в основном на соседнюю палату, но кому какое дело. Главное, что девушку никуда не перевезли и можно начинать операцию.

«Кофе будешь?» — спрашивает Шпион и, не дожидаясь ответа, отходит в дальний угол комнаты, к кофеварке.

Этого ты и дожидался. Только спокойней, без лишней суеты.

Ты убираешь в карман очки, чтобы не мешали, а из другого достаешь капсулу для усыпляющего пистолета. Ты стащил ее у Шпиона на прошлом дежурстве. Наверное, смог бы украсть и сам пистолет. Ребята совсем расслабились в последнее время. Но тогда пропажу бы сразу заметили. А капсула — кто на нее внимания обратит? Шпион, видимо, подумал, что машинально разрядил пистолет и сам не заметил когда.

Ты подходишь к нему со спины и всаживаешь капсулу под его костлявую лопатку. Он вздрагивает, оборачивается, оторопело моргает. Через секунду до него доходит, что произошло, но как раз этого мгновения тебе хватает, чтобы увернуться от его длинных рук. Отлично, теперь уводи его дальше от пульта с тревожной кнопкой. Сделай вид, что пытаешься улизнуть за дверь.

Он бросается наперерез, но ты на ходу меняешь направление и несешься к пульту. Шпион как-то неловко разворачивается. Судя по озадаченному лицу, ноги уже отказываются ему подчиняться. Нужно продержаться еще несколько секунд. Или задержать его. Ты толкаешь ему навстречу тяжелое офисное кресло. Он запинается, падает, судорожно дергается, но уже не встает.

Все. Рискованная игра, но другого выбора не было. Отключить систему видеонаблюдения ты все равно не смог бы. Даже если вырубить электричество во всей лаборатории, где гарантия, что у них нет резервного питания? Проще и надежней вырубить самого дежурного.

Во всяком случае, тебе казалось, что это будет проще. Но зато теперь дорога свободна. И у тебя несколько часов в запасе.

Ты проходишь по темному коридору, обшитому со всех сторон шумопоглощающим пластиком, останавливаешься у двери с табличкой «семь», осторожно стучишься и отпираешь дверь. Замки здесь стоят примитивные, открываются простым поворотом ручки. Если пациенты умудрялись сбежать из запертой палаты, нет смысла тратиться на дорогие замки. Зато камеры наблюдения очень солидные. Но это пройденный этап, их уже можно не бояться.

А еще нужно, чтобы девушка тебя не испугалась. Не забывай, что это ты с ней знаком почти месяц, а она тебя видит первый раз в жизни. Побольше позитива. Говори тихо, но внятно, улыбайся и время от времени поправляй очки— этот жест обычно успокаивает.

Ты заходишь в палату и включаешь ночник. Девушка уже проснулась, но глаза у нее сонные, мутные. Она поднимает голову, мучительно медленно садится в кровати и натягивает на себя одеяло. Все, молчать больше нельзя, иначе начнется паника.

«Девушка, не бойтесь, — чуть ли не воркующим голосом говоришь ты. — Я не хочу вас обидеть».

Никакого эффекта, ни намека на понимание в глазах. Попробуй установить контакт.

«Как вас зовут?»

Она задумывается, словно ты задал сложный вопрос. Затем медленно, с усилием произносит:

«Лий-й-йя».

Так, интересно, это ее настоящее имя, или выдуманное, из мира фантазии. Хотя, какая разница— другого-то все равно нет. «Лия, я хочу помочь вам, — переходишь ты к сути дела. — Хочу вы-

вести вас отсюда».

Зеленоватые глаза наконец-то начинают просыпаться, но лицо девушки остается вялым, заторможенным.

«Поч-ч-чему-у-у?» — все так же натужно спрашивает она.

Теперь уже ты удивленно смотришь на нее, пока до тебя не доходит: ее же здесь пичкают транквилизаторами, если не чем-то еще более мерзким. Значит, возиться с ней придется долго. И от надежды увидеть, как она проходит сквозь стену, пожалуй, уже можно отказаться. Ну, не беда. Выведешь ее через главный вход. Хотя до него еще нужно

добраться.

«С вами здесь плохо обращаются», — спохватившись, отвечаешь ты на ее вопрос.

«Не-е-ет, — снова тянет она. — Почему мне-е-е?» Что ж, на такой вопрос нужно отвечать честно. Но как раз это тебе очень тяжело сделать. Да еще запах ее теплого со сна тела сбивает с правильного направления мысли. Ты краснеешь, потеешь и начинаешь мямлить:

«Понимаете... дело в том... так уж получилось... в общем, я видел ваш замок... и стены, и мостик, и беседку... и этих огромных птиц над замком. Мне очень понравилось... и вы сами тоже понравились... и я хотел бы снова все это увидеть, только... — Ты вздыхаешь и зачем-то добавляешь: — Я немного боюсь ваших птиц».

Девушка улыбается, и ты понимаешь, что она все равно симпатичная, даже сейчас. Просто немного похожа на заспанного ребенка. А когда окончательно проснется, станет и вовсе красавицей.

«Это грифо-о-оны, — поправляет она тебя. — Они до-о-обрые».

«Вот и хорошо — соглашаешься ты. — Давайте я отведу вас к вашим грифонам».

« \dot{X} орош-о-о», — словно эхо повторяет она и снова улыбается.

Дальше дела продвигаются уже быстрее, и через четверть часа вы выходите в коридор. Лия одета в уродливый выцветший больничный халат, но ты не сомневаешься: там, куда она скоро попадет, на ней появится роскошное платье.

Ты спрыгиваешь с крыльца главного хода и поворачиваешься к Лие, чтобы помочь ей спуститься по ступенькам. Но в этот миг за спиной раздается знакомый насмешливый голос:

«Так-так, молодой человек, решили прогуляться? То-то мне никак не засыпалось сегодня».

Бородатый! Что за дурацкая привычка у человека: появляться со спины и в самый неподходящий момент. Но еще неприятней то, что Бородатый сам машину не водит. Обычно на работу его подбрасывает Дутый.

Ты оборачиваешься, и тут же замечаешь Дутого. Он как раз припарковывает свой «шевроле» в торце дома. Это провал. С одним Бородатым ты теоретически еще мог бы справиться. Ученый, что с него возьмешь. Но драться с Дутым... даже пробовать бессмысленно. План был неплох, и ты почти его выполнил. Но побег все же придется отложить, и похоже — надолго.

Что значит «нет»? Ненадолго? Ах, не придется! Что ж, тебе виднее. Тогда действуй быстро, пока Дутый не подошел.

«Значит, вы все-таки выбрали сторону пациентов, молодой человек, — продолжает усмехаться Бородатый. — Хорошо, я вас отправлю в отдельную палату, раз уж вы так напрашиваетесь».

«Только после вас, доктор», — почти не разжимая губ, отвечаешь ты и резко, без замаха, ударяешь его ногой в пах.

Бородатый выкрикивает не совсем научное слово, сгибается пополам и хватается обеими руками за живот.

Недурно. На какое-то время о нем, как о противнике, можно забыть. Но что ты собираешься делать дальше? Убегать? Вдвоем с Лией — вряд ли получится. Без нее? Тогда зачем вообще все это было нужно? К тому же у Дутого машина — все равно догонит. Спрятаться и отсидеться? Но они же сейчас всю лабораторию на уши поставят. А может быть, и полицию подключат. Рано или поздно найдут. Нет, спасти вас теперь может только чудо. А чудеса в наше время...

Хотя, почему бы и нет? Если кто и способен на чудо, так это Лия. Постарайся разбудить ее фантазию. И побыстрей — Дутый уже бежит к тебе.

«Лия, смотри, драк... то есть грифоны!» — выкрикиваешь ты.

Девушка поднимает голову.

«Где-е-е?»

Ты не глядя показываешь пальцем куда-то за спину, в сторону стоящего напротив дома. Неважно, куда именно. Дальше она сама придумает. В зеленоватых глазах Лии вспыхивают искры, лицо оживает, губы приоткрываются в еще робкой, неуверенной улыбке.

Не обязательно даже оборачиваться, чтобы представить, чему она улыбается. Сначала ты оглядываешься на Дутого. Он резко тормозит и растерянно смотрит то на соседний дом, то на согнувшегося Бородатого. Видимо, ему очень не хочется приближаться к инообъектам

одному, без начальства. А начальство... нет, в данный момент оно явно не готово к решительным действиям.

Ты подходишь к девушке и берешь ее за руку.

«Пойдем к твоим драконам, Лия».

Что ж, пожалуй, это правильно. Ей там будет лучше. Да и у тебя выбор не богат.

Дом напротив уже превратился в средневековый замок. А над его шпилем, разумеется, кружит парочка грифонов. Теперь тебе нужно как можно сильней пожелать, чтобы все это стало настоящим и никуда не исчезло. Возможно, они и так настоящие. Для Лии — даже наверняка. Но ты на всякий случай постарайся их стабилизировать. И можно это делать прямо на ходу — мало ли что, вдруг Дутый все-таки решится погнаться за вами.

Так, в чем дело? Почему ты остановился? Ты что, в самом деле испугался этих птичек? Нет? А что же тогда?..

Ну, знаешь ли, это уже глупо. Что ты забыл в этом мире? Свой постылый универ, из которого тебя по-любому вышибут после месяца прогулов? Или маму с папой? А давно ли тебя начало беспокоить, что они подумают? Все, что могли, они уже подумали. Сколько ты им не звонил и не писал? Брось, не нужно вешать мне на уши эту сентиментальную лапшу. Ты просто трус. Боишься неизвестности, боишься, что не сможешь вернуться назад. Да куда тебе возвращаться-то, черт тебя побери?! В освободившуюся палату номер семь?

Тебе выпал такой шанс, а ты...

Ладно, поступай как хочешь. Возводи свою стену. Только без меня. Я ухожу с Лией. Раз тебе не нужны мои советы, раз ты все равно делаешь по-своему...

Хватит, мне надоело быть чьим-то внутренним голосом. Хочу все делать сам. Лия — добрая девушка, и она хозяйка в этом мире. Она придумает мне какое-нибудь тело. Да хотя бы и грифона. А что, симпатичные птички, и мне будет приятно мечтать, как ты испугаешься, когда я пролечу мимо.

Все, решено. Осталась только одна трудность — вырваться на свободу. Надо признать, ты научился строить чертовски крепкие стены...

Игорь Ревзин. Эйрел Пыльный ЦВЕТ ТВОИХ ЗНАМЁН

Лишь горстка мгновений нужна, чтобы завершить путь к цели. Тебе осталось пройти сквозь гулкую тишину чуть больше десятка шагов, но за каждым — множество дней. Слежавшийся снежный пласт лет...

* * *

Далеко на равнинах осень ещё из последних сил сдерживала приход зимы, иногда балуя людей тёплыми днями, но здесь, в горах, даже долины покрылись снегом. Кто не успел запастись на зиму — будет голодать или пытаться отобрать у более запасливых. Клан Барса приготовился и к холодам, и к нападениям соседей: закрома полны, топоры и копья многочисленных воинов остры, мрачным богам, живущим на недосягаемых вершинах, принесены кровавые жертвы.

Буран бесновался за прочными стенами большого общинного дома, пугая обитателей воем, пытаясь развалить строение, сравнять его с землёй. Однако щели были надёжно законопачены, а звуки, проникавшие сквозь камень, заглушал шум внутри. Спать все расходились под собственный кров, а вот остальное время большей частью проводили вместе.

Трещало пламя в очагах. Женщины в уголке шушукались, смеялись, спрядая состриженную с баранов шерсть в нити. То громче, то тише разносились голоса старших охотников и воинов, вспоминавших былые события и строивших планы на будущее. Группка ребят вернулась с улицы, где они убирали снег, норовивший завалить двери; они устроилась в углу. Наставник сел так, чтобы видеть всех, и некоторое время молчал, выжидая, когда вокруг станет тише. Постепенно все замолкли, и только двое продолжали пререкаться, споря о своей меткости в стрельбе.

- Будете болтать, как равнинники, станете такими же слабыми, наконец заметил наставник, и разговор мгновенно погас, как задутый ураганом факел. О чём вам сегодня рассказать?
- Ты сказал, что равнинники слабые, подал голос тощий сероглазый мальчишка лет восьми. Его тёмные, как у всех горцев, волосы, были острижены коротко и всё же сильно растрёпаны. Но почему мы тогда не завоюем их?
- Хороший вопрос, Арнис, коротко кивнул учитель. Нам не нужно жить на равнинах, но боги были бы довольны. Равнинников много, гораздо больше, чем нас, а десяток-другой слабых трусов может победить одного сильного воина. И уж тем более не справится один клан. Многие пробовали ходить вниз за добычей, они и сейчас пробуют, но

всегда приходится возвращаться, скрываясь от многочисленного войска, потому что на равнине— не спрячешься, не убежишь.
— А если много кланов? Если все пойдут?

Старший не слишком весело усмехнулся.

- Вожди слишком горды, чтобы кто-то из них подчинился другому. Мальчик ещё что-то хотел спросить, однако его перебил другой, пониже ростом, но гораздо шире в плечах.
 — Эй, Арнис, хватит! Я хочу узнать, как на горных козлов охотиться.
- Ты тут не один!
- A что, горные козлы важнее вопроса, почему сильные не могут побелить слабых?

Оба с явной неприязнью уставились друг на друга. Наставник некоторое время оценивал противостояние, потом вмешался:
— Успокойтесь, оба! Малор, твой вопрос?..

* * *

Лето. Тёмный, чуть темнее травы, силуэт скользил по земле. Слабый, чуть громче тишины, шорох выдавал, что это не тень, движимая лучами расшалившихся подмигивающих звёзд, но часовой стоял слишком далеко, чтобы услышать или заметить. Да и не с этой стороны ждал он угрозы, если вообще ждал её тёплой беззаботной ночью — и тот, кто старательно таился, миновал пост и вскоре добрался до края леса. Там Арнис поднялся и двинулся дальше, скрытый листвой, окутанный много говорившими охотнику запахами и щебетом ночных птиц, то безмятежным, то слегка тревожным.

Всё выше и выше, отталкиваясь сапогами от пружинистой почвы. И вдруг замер, не прыгнув даже, а словно передвинувшись к толстому дереву— мгновенно, неслышно. А мигом позже раздался сердитый рык, затем ещё один, уже ближе. Кусты треснули, и на поляне появился большой медведь, явно рассерженный. Не потревожь его что-то, зверь ночью бы спокойно спал. Он принюхался, но ветер дул в сторону человека, так что тот остался незамеченным — или просто у хозяина леса не было причин нападать. Туша захрустела ветками с другой стороны, и после недолгого ожидания путь вверх был продолжен.

Вскоре подъём стал круче, потом деревья исчезли, не в силах удержаться на голом камне. Повеяло прохладой и сыростью. Человек поёжился, даже приостановился, но затем продолжил движение, и вскоре оказался у Черты.

Мир чётко делился на две части. Первая вокруг, внизу, за спиной: бесплодные скалы, дремлющий в отдалении лес, осыпающиеся камешки, многослойная ткань неба. Вторая— впереди, и о ней нельзя сказать ничего, потому что мир будто срезало белой пеленой. Она не придвигалась постепенно, покачивая размытыми, колеблющимися краями.

 ${
m Het}$, этот туман стоял стеной — плотной и непроницаемой. Вот лежит глыба, и в лунном свете видны все трещинки, неторопливо точащие её, видны до середины, а потом камень словно исчезает за гранью. Будто земля, деревья, воздух обрублены.

Черта преграждала путь наверх, в какую сторону ни глянь. Барьер, который можно проломить без усилий — но не безнаказанно. Лезвие топора, разрубающее бытие на две половины — ту, где живут смертные и ту, где за погибельным туманом на вершинах обитают мрачные боги. Человек постоял немного, собираясь с силами, а потом встряхнулся

и резко, будто выброшенный из пращи камень, рванул вперёд, преодолевая оставшиеся шаги... И нос к носу столкнулся с тем, кто из тумана появился.

Это было так внезапно, что он не смог избежать столкновения и, отлетев, упал. Встречный тоже покачнулся, но удержался на ногах — он был заметно крупнее.

- Арнис? на заросшем густой черной бородой лице вышедшего от изумления поднялись брови. Что ты здесь делаешь? Го... Говорящий с духами? Я... мальчик был растерян, его не-
- давно собранная в кулак решимость рассыпалась от столкновения. Но старший молча ждал ответа, и в глазах вновь разгорелся упрямый огонёк, Арнис вскинул подбородок и сказал, глядя собеседнику в лицо снизу вверх: — Я хотел пройти через туман к вершинам и увидеть богов.

Нилит, говорящий с духами клана Барса, был ещё молод. Обычно ритуальный посох получали, когда голова уже начинала, если не заканчивала, седеть, но смерть рано настигла учителя, и ученику пришлось занять его место. Впрочем, он показывал себя достойным старика-предшественника.

Мужчина вновь вскинул брови, затем, совершенно без насмешки, произнёс:

— Ого..!

Молчание пролегло между ними, как клок тумана.

- Ты, кончено, знаешь, что сюда ходить и смертельно опасно, и строго запрещено.
- Знаю, но... мальчик оборвал себя. Знаю. Тогда что же для тебя так важно, что ты решил нарушить запреты, рискнуть, и увидеть самих богов?

Подросток смутился и отвернулся, но Нилит спокойно ждал и, наконец, Арнис выдавил из себя:

— Я хотел спросить, как объединить кланы и покорить равнины. Тогда меня помнили бы в веках!

И снова взрослый не позволил себе насмешки.

— Знаешь, покорить — мало. Некогда такое уже получилось у одного смелого и удачливого вождя. И что же? Ты не слышал его имени, да и я не помню, и саму легенду почти не рассказывают...

- Но почему? упрямство и решительный порыв наконец оставили подростка, и теперь в широко открывшихся глазах и на всём скуластом лице читались любопытство и удивление. — Ведь это великий подвиг.
- Потому что мало кто хочет хранить память о позорных поражениях. Вождь одолел воинов равнин, наложил на деревни и города тяжёлую дань, и начал приносить жителей в жертвы нашим богам.

- Решительный огонёк блеснул в зрачках мальчишки.
 Он имел право! Он же был победителем! Мы всегда так делаем, отец говорил, и наставник тоже.
- Победителем? Да, был. Люди терпели, пока погибали воины, надеясь откупиться и жить дальше. Но почувствовав себя в опасности, восстали все. Их женщины и дети изнежены, не то, что наши, но даже они брали в руки оружие, нападали по ночам. Равнинники, живущие возле гор, позвали на помощь соседей, и те, боясь, что подобная напасть придёт и на их земли, прислали воинов. Общая беда объединила их. Вождь сражался храбро, но... глупо драться против слишком многих врагов. Он потерял почти всех бойцов, оставив кланы, которые пошли за ним, беззащитными. Многие селения захватили соседи. Его имя предали забвению. А вниз с тех пор ходят только по одному клану, и только в набеги. Мало захватить власть, надо её ещё удержать, это куда труднее.

Горевшие в начале рассказа глаза Арниса будто подёрнулись дымкой.

- Я буду думать над твоими словами.
- A пока ты думаешь... Не ходи в туман, ты не найдешь там ответов только смерть. Он сбивает с пути, ломает разум, а потом останавливает сердце—если заблудившийся человек раньше не найдет смерть, упав со скал.
- A говорящие же ходят, ты вот выжил и вернулся оттуда! недоверчиво скривил губы мальчик.
- Где не помогут сила, ловкость и ум часто выручают знания. Говорящие с духами учатся многие годы, долго готовятся, прежде чем пойти впервые... Ведь именно за Чертой мы слышим духов. Но даже для нас это очень опасно. Учитель был опытен и осторожен, и всё же я однажды нашёл его тело в расщелине, выше которой клубился туман, и в мёртвых глазах не было следов рассудка. Опасное занятие... И посвятить в это можно только преемника.

Арнис разочарованно вздохнул.

- Скажи, а ты видел богов?
- Нет, даже мы не заходим так далеко, чтобы приблизиться к вершинам.
- Я пообещаю не ходить больше к Черте, если будешь иногда рассказывать легенды, которые мало кто помнит.

Казалось, теперь он смотрит не на мир, не на собеседника, а вглубь себя.

— Ты нарушил запрет и ещё пытаешься торговаться? — теперь уголок рта говорящего с духами приподнялся немного презрительно. Арнис удивлённо посмотрел на него:

— Я всё расскажу отцу, и он меня строго накажет. Но задуманное того стоит, и если ты не расскажешь, всё будет зря. Расскажи мне легенды, Нилит! — он на миг запнулся. — Пожалуйста!

На последних словах он не смог удержаться и скорчил умоляющую мину. Нилит усмехнулся.

— Hy, раз так...

* * *

Tвои пальцы впиваются в камень, будто норовят прорасти сквозь него, закрепиться здесь намертво. Но некогда пускать корни, надо хвататься за следующий уступ, чтобы подтянуть тело выше — к вершине скалы, к пронзительной лазури неба.

За спиной пустота, обрывающаяся вниз, туда, где сверстники криками подстёгивают тебя и Малора, который карабкается с другой стороны. Малора, признающего только силу и мужество, а из знаний лишь нужные воину. Малора, говорившего, что ты становишься слабым и трусливым, слишком много думая и расспрашивая говорящего с духами. Малора, не раз доказывавшего свою стойкость, сжимая в руке горящий уголёк — ты, впрочем, тоже делал так. Соперник за первенство среди компании мальчишек, которые уже скоро станут настоящими охотниками, не раз битый и не раз бивший. Ты сам предложил состязание, чтобы раз и навсегда решить вопрос, за кем пойдут остальные.

Клык Мертвеца, угрюмо торчащий подле посёлка, пользуется дурной славой, но в четырнадцать легко бросить вызов вечности, потому что как же будущей вечности обойтись без тебя? Никак. Силы и ловкости хватает, и потому вверх, вверх, прижимаясь к скале и слушая, как завывает, свивая вокруг невидимые петли, ветер, завывает, но не может оторвать человека от камня.

Одинокая травинка, поселившаяся здесь, такая же упрямая и цепкая, как ты, щекочет нос, и ты невольно улыбаешься, но только на миг, потому что время улыбок будет потом, когда ты первым окажешься на вершине, а сейчас надо быть собранным. Ещё один участок пути позади, ещё на половину своего роста ближе к цели. А потом трещинка, в которую ты вцепился, внезапно оказывается слишком глубокой. Небольшой выступ, бывший частью Клыка Мертвеца от начала веков, но подточенный дождями и временем, отслаивается и рушится вниз, а ты отчаянно взмахиваешь рукой в воздухе, пытаясь удержать равновесие. Почти удерживаешь, и тут озлобленный неудачами ветер, дождавшись своего мгновения, сильным порывом толкает в грудь, и ты

падаешь — прочь от вершины, прочь от неба, отчаянно хватаясь за скалу по пути, но не в силах удержаться. Лишь слегка замедляешь полёт, а вечность насмешливо хохочет в твоей голове, пока удар о землю не гасит сознание всплеском боли.

Арнис пришёл в себя в доме Нилита — говорящие с духами среди прочих знаний передавали и целительские. Прошло два дня после падения. Очень удачного падения — паренёк не погиб, рухнув в кусты у подножия, и всё же при каждом неосторожном движении боль жгучей волной расплёскивалась по телу. Болели сраставшиеся рёбра, ныла сломанная левая нога, зудели синяки и порезы. Неосязаемой, но настоящей болью напоминала о себе изувеченная гордость. Он упал — значит, проиграл. Малор наверняка торжествует, а он... он второй. Побыстрее бы выздороветь, а тогда... что тогда, как исправить положение — Арнис никак не мог придумать. Вынужденная неподвижность размышлять не помогала, угнетая привыкшего к постоянной активности подростка.

Нилит то и дело беседовал с ним, когда бывал свободен: расспрашивал, рассказывал старые легенды, просто обсуждал что-то. Время от времени говорящий с духами пытался осторожно прощупать, как срастается нога и озабоченно хмурился после этого.

Вечер уверенно покорял долину, занимая её отрядами теней окрестных гор. Вверху на западе небо оставалось светлым, но поселение уже тонуло в сумерках. Да ещё и облака, которые для равнинников были недосягаемы, потяжелели, опустились, и ползли с востока, задевая брюхом землю и окутывая всё вокруг зыбкой пеленой — немного похожей на туман за Чертой, но более живой, подвижной и не страшной.

Передвигающийся с трудом Арнис и его наставник Нилит сидели у входа в жилище говорящего с духами, устроившись на камнях.

— И когда бронированная конница втоптала в пыль соседей, а пехо-

— И когда бронированная конница втоптала в пыль соседей, а пехота довершила дело, Малесс стал править огромной империей. Всё же некоторые продолжали бороться против его власти, а лучший враг — мёртвый враг, решил он.

Раньше Арнис одобрил бы такие взгляды — воины в клане Барса, да и в других, рассуждали так же. Но сейчас он слушал задумчиво, наморщив лоб и пытаясь предугадать, что произойдёт дальше. Это была одна из историй о воинах и правителях, почти неизвестных всем, говорящий с духами знал их немало, как и разных других. Какие-то услышал от таких же говорящих, какие-то поведали духи, а некоторые были услышаны от пленников с равнин.

Нилит продолжал:

— Прежние правители и почти все их родственники погибли, но всё же трудно найти и убить каждого, в ком есть хоть капля крови правящего

рода. Они поднимали восстания, и некоторые шли за ними, потому что люди Малесса нередко разоряли деревни, заставляя жителей голодать. Им нечего было терять... Долго лилась кровь, полыхали пожары, многие земли обезлюдели, и пришло время, когда солдатам Малесса почти нечего стало грабить, а казна опустела — страна была разорена. Тогда недовольные воины повернули копья против того, за кем шли раньше, и он вынужден был бежать. А империя развалилась на части...

— Можно было поступить умнее. Например, оставить равнинникам немного больше еды, — заметил мальчик.
Они обычно обсуждали подобные истории, предполагая, что мог

Они обычно обсуждали подобные истории, предполагая, что мог сделать завоеватель и его враги.

- Жрецы решили, что мертвым еда не пригодится. Чтобы быть сильными нужно лить кровь.
- Но почему же жрецы мрачных богов говорят только о крови и о силе? видно было, что Арнис долго не решался задать этот вопрос. Все знали, что жрецы и говорящие с духами не очень любят друг друга. И почему их слушают больше?

Нилит нахмурился и долго молчал. Прислушался и внимательно посмотрел в сторону кустов, но мимолётный шорох не повторился.

- Потому что немногие стремятся думать. Куда легче и приятнее разделить мир на своих и чужих — и убивать, и сделать из убийства самоцель, отдаться ему полностью, без сомнений, без колебаний. Я готов разговаривать с любым — но слушаешь меня только ты, слушаешь и задаёшь вопросы. Тебе ведь рассказывали, что мы бы всех победили, да их много? А между тем мы прячемся... Вне гор, в чистом поле, бронированные полки армии королевства нас сомнут, если не будет прикрытия из таких же тяжеловооружённых воинов. Просто армия равнинников разболталась за годы бездействия и не успевает вовремя. Но нет, об этом никто не задумывается. Чтобы исправлять слабости, надо их признать. Жрецы им потакают. Мы же хотим понять и ищем знаний. И я хотел сказать... — лицо мужчины застыло, и он на время будто превратился в высеченную из камня человекоподобную фигуру — говорят, равнинники зачем-то ставят такие в своих городах. Потом короткий кивок решительно срезал молчание. — Я ещё молод, но мне нужен ученик и преемник. Все мы смертны... У тебя плохо срослась кость, и ты никогда не сможешь быстро ходить или ловко карабкаться по скалам. Не будешь воином и охотником. Но стать говорящим с духами — очень почётно. Ведь мы можем дать ответы там, где промолчат жрецы, и испугаются воины.
- Нет! Арнис вскочил, вскрикнул и потерял равновесие, однако оперся о камень, на котором сидел, и не упал, а опустился на землю рядом с ним. Я буду воином! Во мне нет страха!
- Ты не сможешь, мягко, но настойчиво повторил Нилит, однако его перебили.

Мальчик подхватил валявшийся рядом булыжник.

- Значит, дело только в ноге? Я сломаю её опять, пока она не срастётся, как следует! выкрикнул он, и поднял камень над вытянутой левой ногой.
- Подожди, быстро нагнулся Нилит, и перехватил руку подростка. Ты же знаешь, как это больно и долго лечится! К тому же что-то может вновь пойти не так.
- Тогда я сделаю это снова. Столько раз, сколько нужно, выдавил мальчик, хотя лицо его покрыла испарина, и вырвал руку.

Несколько мгновений оба глядели друг другу в глаза, а потом старший сдался.

— Давай, лучше я. По крайней мере, перебью в правильном месте.

Когда они возвращались в жилище, чтобы исполнить своё намерение, шорох, на который обратил внимание Нилит, потом начисто забыв о нём, повторился. Из кустов неподалёку выскользнула фигурка и приникла к стене возле окна. Когда внутри раздался крик, она дёрнулась, и через некоторое время вновь скрылась в ночи...

На следующий день раздался стук в дверь, и Говорящий, перекинувшись несколькими словами, впустил посетителя. К лежанке больного, который снова не мог ходить, подошёл Малор — признанный теперь вожак мальчишек клана. Он посмотрел на бывшего соперника, вынул свой нож и... склонив голову, положил его возле руки Арниса.

- Я слышал и видел, что ты сделал вчера. В тебе совсем нет страха. Ты - первый.

* * *

Черта двинулась вниз, когда Арнису исполнилось двадцать. Не помогли ни ритуальные танцы, ни множество овец и несколько пленников, принесённые в жертву мрачным богам. То ли они не слышали молитв, то ли не хотели отвечать. Ничего не могли сделать и говорящие с духами.

Как сказал Нилит, туман, где живут духи, соприкасается с разными мирами, в одном из них случилась страшная война, которая уничтожила его, и отголоски катастрофы просачивались сквозь туман. Говорящие, которые часто ходили туда, начинали кашлять кровью, их кожа покрывалась странными ожогами, волосы выпадали. Мало того, от Черты исходил гораздо более сильный холод, чем обычно, и наступавшее лето походило на середину весны. Оставаться в обжитых местах стало невозможно, и наметившийся исход заставил собраться большой совет кланов.

Вожди и сопровождавшие их лучшие воины собрались возле реки, от которой тянуло не по-летнему студёным ветерком.

— Отсюда одна дорога — вниз, — начал старейший, седовласый и седобородый предводитель клана Орла. — Надо лишь решить, как мы пойдём туда. Это не набег...

Он сделал паузу, давая другим высказаться.

- Мы сомнём равнинников! выкрикнул косматый, широкоплечий вождь Медведей. Им придётся уступить место сильным.
- Тебе известно, что мы всегда отступали сейчас не время прятать правду от себя, старик не обратил внимания на пробежавший ропот. На этот раз нам некуда будет уходить за воинами пойдут женщины и дети, а за спинами у всех смерть. Равнинников много, и нам нужно объединиться. Нужен вождь, который соберёт всех в один железный кулак и сокрушит врагов. Жрецы и говорящие с духами советуют то же самое.
- Лучше бы они посоветовали, как повернуть туман вспять, проворчал сероглазый Волк.
- Они не всесильны, пожал плечами предводитель Орлов. По их словам, возможно, мы сможем вернуться, но должны пройти годы. Итак...

Обсуждение оказалось шумным и долгим. Каждый хотел стать великим вождём — и никто не горел желанием подчиняться.

Солнце поднималось над белеющими в высоте пиками. Тянуло не полетнему студёным ветерком, флажки кланов тревожно дрожали на ветру, словно ощущая напряжение момента. Людям же положено было оставаться невозмутимыми и уверенными, но в душе каждого билась тревога.

Их осталось четверо из нескольких десятков. Жилистый парень из Рысей, ровесник Арниса. Горбоносый воин клана Орлов, видевший на несколько зим больше. Самый старший, низкорослый кряжистый Волк. И Арнис.

Голос старейшего из глав кланов был слышен каждому из них и каждому из окруживших луговину.

— У нас есть вожди, жрецы мрачных богов и говорящие с духами. Вожди отобрали лучших из своих людей — тех, кто еще молод, но уже успел прославиться и показал умение вести за собой других. Жрецы мрачных богов, которые любят войну и воинов, подготовили испытания, которые вы прошли — бег, броски копья, умение преодолевать препятствия, поединки. Каждый из вас полон сил, каждый отличный воин и хороший предводитель, каждый может гордиться собой. Но вождём вождей может быть лишь один, и его должна определить мудрость духов. Подвергаясь опасности, говорящие с духами ночью уходили за Черту, чтобы спросить совета, и вот они вернулись. К счастью, достаточно быстро, чтобы болезнь не затронула их. Подойдите сюда.

Арнис и остальные трое приблизились и остановились в нескольких шагах от Орла, за спиной которого стояло трое говорящих с духами. Митар, древний старик, про которого говорили, что он старше всех ныне

живущих в горах, незнакомый Арнису сухощавый пожилой мужчина и Нилит. Все трое смотрели бесстрастно.

— Поклянитесь, что примете выбор духов, изгоните зависть из сердца, будете подчиняться вождю вождей и не поднимете на него руку.

Каждый из четверых достал свой нож. Проведя лезвием по пальцу, чтобы потекла кровь, они немного вразнобой принесли клятву. Затем её повторили остальные собравшиеся.

— Ты, — вытянулся пожелтевший от возраста палец предводителя Орлов. — Ты. Арнис выбран духами и будет вождём вождей. Он надеялся на это, очень надеялся, и всё же не сразу посмел поверить,

Он надеялся на это, очень надеялся, и всё же не сразу посмел поверить, и лишь после короткого промедления вскинул вверх копьё в ответ на приветственные крики воинов, признававших нового предводителя.

* * *

Камнепадом скатились горцы на равнину, идя вперёд с отчаянной храбростью людей, которым некуда отступать. И всё же нашествие было подготовлено. Допросив нескольких пленников, Арнис разузнал кое-что о ситуации внизу, и его посланники ушли до нападения, пока объединённая армия, какой ещё не видели горы, только формировалась.

Воины кланов захватили предгорья, в боях сокрушив сопротивление не ожидавших такой атаки гарнизонов, но не тронули никого из перепуганных жителей деревень, не взяв с них ничего, кроме еды в поход.

Наместник короля, увидевший в происходящем шанс возвыситься, принял посланца от предводителя всех кланов, и часть войск провинции присоединилась к захватчикам. Они вместе встретили королевские полки, когда те добралась от центральных земель, и в нескольких сражениях рассеяли противника. Регулярная армия наместника удерживала позиции, а воины гор устраивали засады, фланговые обходы и стремительные атаки.

Соседний правитель, которому Арнис тоже отправил вестника, воспользовался случаем отхватить свой кусок от королевства.

Король был миролюбив и много лет избегал конфликтов, умело ведя дипломатические переговоры. Однако сильная сторона нередко оборачивается слабостью. Государство увязло в политическом болоте, армией занимались мало, солдаты и командиры не имели никакого боевого опыта, а воинская служба не считалась почётной. Мирная страна оказалась не готова к резкому повороту событий. А между тем на захваченных землях жажда славы и отмена значительной части налогов для семей солдат привлекли под чёрные, как ночь в глубоком ущелье, стяги воинства немало местных молодых людей. Горцам же, начавшим роптать о добыче, были обещаны богатства лежавших на пути к столице торговых городов.

И Арнис сдержал слово. Его люди убивали и преследовали солдат, но оставляли в живых селян и горожан, исключая тех, кто поднимал

оружие. Таких среди мирных жителей было немного— все уже слышали, что захватчики, обходя в основном бедные районы, грабили богатые кварталы, где жило меньшинство, а бедняки всегда завидовали этому меньшинству. Тем более, что после грабежей следовал кутёж.

Тех, кто мародёрствовал, забирал последнее и излишне зверствовал, вешали — вождь вождей специально позаимствовал палачей у наместника, чтобы не заставлять горцев выполнять эту работу. Воины гор под предводительством верного помощника Малора составляли основу армии, которой командовал Арнис, и которая выросла за счёт сил мятежного наместника и рекрутов.

Он не собирался останавливаться, заняв достаточно земель для кланов. Когда идёшь по раскачивающемуся над пропастью верёвочному мосту, передышку лучше отложить до противоположной стороны пропасти.

Через год после захвата предгорий король открыл вождю вождей ворота столицы в обмен на обещание, что она останется нетронутой. Тогда же Арнис решил отделаться от чрезмерно властолюбивых союзников.

* * *

...чуть больше десятка шагов в гулкой тишине, последних шагов на пути к цели. Лишь горстка мгновений нужна, чтобы пройти их, последние шаги по тронному залу до конца пути наверх, к славе и власти. Несколько десятков человек вокруг — и всё же так тихо, что слышен был бы полёт мухи, доведись ей пробраться сюда. Но мух нет, а люди молчат и будто даже затаили дыхание.

Ты во дворце, ты уже видел дворцы, но не столь прекрасные, и они обычно носили следы штурма. А это тихое великолепие поражает, кажется чемто немыслимым воспитанному в горном поселении мальчишке. Хочется ступать на цыпочках и смотреть восторженно, но победителю подобает иное.

Весь в чёрном, под цвет стягов, ты уверенно, неторопливо ступаешь по ковру. Пока ещё не король. А там, впереди, тебя ждёт грузный старик в светлых одеяниях. Старик, по лицу которого разбегаются морщины, отчасти прячась в седой бороде, а голубые глаза смотрят устало. Уже не король, потому что золотой ободок, символ власти— не на голове, а в руках, протянутых вперёд, к тебе.

Осталось подойти и дождаться, когда на голову опустится венец, а в руку ляжет рука. Рука принцессы, которую ты видишь впервые, но это неважно. Для тебя брак придаст черты законности смене власти и остудит особо горячие головы, что ещё остались на плечах. Для отца и дочери — позволит спасти жизни многих подданных. Сейчас ветер удачи на стороне Арниса, и ему быть на вершине, а им падать — и этот, уже не король, старается смягчить падение для королевства, для себя и для дочери. Разумно, но если во взгляде отца — усталая горечь, то глаза девушки — синий лёд. Лицо, обрамлённое слегка вьющимися длинными волосами цвета спелой пшеницы, хранит заученно-бесстрастное, почти приветливое выражение, как положено на церемониях у равнинников. Но зрачки — горные озёра, промёрзшие до дна в суровую зиму, и под этой толщей где-то на дне или под ним лавой пламенеет ненависть. Не так-то просто контролировать взгляд в двадцать лет, ты знаешь это, тебе самому двадцать один и тебе нет никакого дела до её чувств, когда цель близка.

Не должно быть дела.

Так почему же ты не просто рассматриваешь правильные черты лица, гармонию которых не нарушает слегка вздёрнутый носик, не просто оцениваешь свою будущую королеву? Почему вдруг вглядываешься так жадно и так хочешь — тщетно — увидеть проблеск интереса к себе? Почему сильнее забилось сердце, грозя, кажется, нарушить торжественную тишину? Почему имя Линда звучит как-то особенно?

Когда приходит время, ты сжимаешь её холодную на ощупь ладонь сильнее, чем следовало. На почти неуловимый миг пробегает лёгкая гримаса, и снова— безразличие, лёд, камень, даже ненависть уже не видна...

Золотой венец опускается на голову.

Теперь король.

* * *

Грандиозный храм мрачных богов быстро рос возле центральной площади столицы. Такие же, только поменьше, строились и в других городах. Стяги нового владыки, как чёрные пантеры, трепетали над дворцом.

Прежний король жил уединённо, часто болел, и Арнис почти не видел своего предшественника, хотя знал, что Линда часто навещает отца. Соседний правитель оказался жадным и пожелал удержать всё за-

Соседний правитель оказался жадным и пожелал удержать всё захваченное. Арнис пожал плечами и вычеркнул его из списка союзников, которых следовало отблагодарить. Теперь Малор, который вёл армию, успешно теснил врага к прежним границам королевства, выигрывая сражение за сражением. Часть сил, правда, пришлось развернуть — одна из провинций в предгорье всё же подняла знамя мятежа, и туда стекались теперь недовольные со всей страны. Впрочем, их нашлось не так много, как можно было ожидать. Налоги новый правитель не повысил — на затраты военного времени пошла доля отнятого у прежней аристократии добра, доставшаяся казне. Жадность для властителя сейчас была чревата массовым недовольством. Горцы же, проводившие время в походах, не успели обзавестись привычкой к роскоши.

Да, в государстве сменился правитель, появились новые храмы. Не всем нравился культ мрачных богов. Многие говорили, что уж лучше бы страной правили свои, чем смуглые горцы. Но покуда можно вести привычный

образ жизни — люди много раз подумают, стоит ли умирать за былых владык и старых богов, как бы ни были те по сердцу. Тем более, что прежние культы не запрещали. Люди много раз думали — и обычно не желали. Искавшие смерти, впрочем, находили её быстро — с не успевшими

бежать к мятежникам бунтарями Арнис не церемонился.

Советнику Нилиту в кабинет короля разрешалось проходить без предупреждения. Он двигался тихо, но не застал Арниса врасплох ни появлением, ни вопросом. Король поднял глаза от карты и сказал без приветствия:

— Я много размышлял о том, что нас ждёт в будущем. Я постарался не совершить ошибок, что допускали вожди прошлого, и до сих пор всё шло удачно. Но сейчас мне не помешал бы совет, и я хотел бы знать как меня выбрали духи, что они сказали о том, что ждёт меня? Нилит смутился, что с ним бывало очень редко, и уставился в сто-

рону. Впрочем, Арнис отлично перенял у него умение ждать, спокойно глядя на собеседника.

- Знаешь... ничего.
- То есть? взгляд Арниса стал мрачным, он побарабанил пальцами по столу.
- То есть, знаешь, отбросив смятение, Нилит заговорил напористо, с какой-то отчаянной прямотой, — туман отравлен, и долго скитаться в нём в поисках ответов было глупо. К тому же духи, конечно, мудрые существа. Но ни тебя, ни троих остальных они не знают, да и вообще им не всегда есть дело до наших трудностей. Мы, говорящие с духами, обсудили между собой. Из всех, кто хотел стать вождём вождей, ты единственный, кто много думал, искал знаний и задавался верными вопросами. Остальные пролили бы море ненужной крови, в котором потом утонул бы и наш народ. Мы опасались лишь, что ты не выдержишь более ранней части испытаний, но ты смог. И я считаю, что ты сам хозяин своего будущего. Тебе решать, каким оно станет.

Во время краткого рассказа брови короля сперва поползли вверх, пока не достигли положенного им предела, потом его лицо застыло в неподвижности, и наконец, когда собеседник закончил, он расхохотался.

- Вот вы... мудрецы! Не ждал, не ждал, наконец произнёс Арнис, помотав головой. — Даже не знаю, что сказать.

 — То, что духи не ошиблись, — усмехнулся в бороду Нилит, а затем
- сменил тему разговора: А как у тебя... с ней?
 Это уже не твоё дело, советник, отрезал Арнис, тут же становясь серьёзным. Давай-ка лучше обсудим вот что: мне доставляют беспокойство жрецы...

Сын у него родился меньше, чем через год. Наследник был частью договора, и королева приходила в общую спальню, верная слову и долгу — и не больше. Ни одного лишнего движения. Покорность, такая холодная, словно лёд поселился не только в глазах, и ни страсть, ни нежность не смогли растопить его. Ощущение было настолько сильным, что Арнису казалось — даже тело её остаётся промёрзшим изнутри, и не в его силах отогреть эту женщину.

Она отказалась от ночных встреч сразу же, как только узнала о беременности, а он не стал настаивать ни тогда, ни после родов. Обладание лишь телом, да и то покорным, но не отвечающим, отнимало у него больше, чем дарило.

Было неожиданно больно, а ещё и странно испытывать такие непривычные чувства.

По обычаям гор недовольные мужья жён вразумляли, устроив хорошую трёпку, но Арнис уже убедился, что многие обычаи не слишком хороши. Даже с точки зрения разума— в историях Нилита были и рассказы о королеве, отравившей мужа и потом правившей вместо него. Да и без истории— нет, бить Линду король не хотел и не мог.

Не раз он думал объясниться, но не знал, что сказать. Извинения и сожаления? Бессмысленно, тем более что он до сих пор, размышляя над своими действиями, приходил к выводу, что поступил разумно и верно. Хотел славу, власть — и взял их, получив ещё и любимую женщину... но вот тут-то всё оказалось сложнее. Расчёт и умение повелевать многими не могли ему здесь помочь.

женщину... но вот тут-то все оказалось сложнее. Тасчет и умение повелевать многими не могли ему здесь помочь.

Нет, сожаления — пустое дело, а лгать ей не стоило. Слова любви были бы глупы после того, как именно Арнис получил жену. Она покорно несла свою ношу — быть атрибутом его власти. Цветы и подарки не трогали её сердце.

Лишь дважды он заметил в синих глазах хоть что-то, кроме ледяных озёр, при взгляде на мужа.

Впервые — когда стоял на коленях у колыбели сына и смеялся, глядя, как тот шевелит руками, потом осторожно поцеловал крошечные пальчики. Стремительно обернулся на шорох — Линда стояла в дверях, и обращённый на Арниса взгляд был холоден менее обычного.

Во второй раз — в тронном зале. Она часто бывала там, когда правитель вершил государственные дела. Видимо, унаследовала от отца неравнодушие к судьбам подданных. Слушала молча и иногда казалась изваянием, но всё же слушала, хотя присутствие королевы не было обязанностью, за исключением торжественных церемоний.

Жрецы требовали на освящении столичного храма человеческой жертвы, в то время как король настаивал, чтобы жажду мрачных богов удовлетворяли животные.

— Я не позволю резать моих подданных, — бросил Арнис, откинувшись на спинку трона и зная, что за каждым его словом внимательно следят.

- В тюрьмах есть мятежники, ваше величество, титул всё ещё оставался непривычным для верховного жреца хмурого, средних лет горца. Многих из них казнят.
- Казнят, как положено, а не зарежут, как баранов. Как ни странно, для многих есть разница, усмехнулся король.
 - Но обычаи…
- Мы не в горах. Одно дело казнить за преступление, другое приносить в жертву. Это неразумно. А Неразумное можно и нужно менять. Впрочем... если ты или кто-то из вас, он окинул десяток жрецов взглядом, готов добровольно принести себя в жертву совсем другое дело. Нет? Тогда идите.

Жестом он дал понять, что аудиенция окончена, и вот тогда обернулся на Линду — и поймал на её лице нечто, похожее на одобрение. Впрочем, выражение быстро исчезло.

Некоторые жрецы примкнули к сторонникам прежней власти — и, как ни удивительно, приверженцы столь разных взглядов договорились между собой. Малор, очистивший королевство от войск соседнего правителя, оттеснил силы восставших, заперев их в пределах одной провинции — но получил приказ не занимать всю территорию мятежников и вернуться в столицу.

- Почему, Арнис? наедине в титулах не было нужды. Я мог бы быстро покончить с ними!
- Знаю. Но зачем? Сейчас недовольным есть, куда бежать. Лучше пусть собираются там, чем сеют смуту по всей стране. Опять же, тюрьмы не будут забиты.
- Но тогда нам придётся всё время держать там войска, постоянные приграничные стычки...
- А нам нужна сильная армия. Что бывает, когда слишком привыкают к миру показал наш успех. Не держать армию нельзя, а если она не воюет, то слабеет, теряет сноровку, а у солдат и командиров появляется слишком много собственных планов. Да и горцы, сражаясь, остаются самими собой, и заодно опорой трона. Им не на что жаловаться сейчас у них есть больше, чем было утрачено.
- Тебе виднее, и Малор снова склонил голову, признавая превосходство друга-соперника, как случилось годы назад. А ты изменился, Арнис. Когда-то ведь и ты был горцем.
- Я стал королём, Арнис вздохнул. И теперь забочусь не только о горцах.

Налаживалась после войн торговля, дела в стране шли в целом неплохо, но у короля их всегда оставалось невпроворот. Правление состояло отнюдь не только из славы и власти, нет — в первую очередь из многих

утомительных каждодневных хлопот и решений, но это оказалось интересно, и Арнис мог быть счастлив, если бы не... По ночам, когда в делах наступал перерыв, засыпал он далеко не сразу, думая о Линде. А когда проваливался в сон — королева приходила в видения, стояла и смотрела, не приближаясь, холодная и неподвижная. И когда Арнис касался её, собираясь привлечь к себе, оказывалось, что это статуя, столь хрупкая, что тут же рассыпалась.

Линда давно не оставалась с мужем наедине, хотя днём, на людях, они виделись часто— то во время приёмов и советов, на которые королева ходила регулярно, то проводя время с сыном.

Мальчишка, которого назвали Тамиром, уродился темноволосым и сероглазым, но чертами лица больше напоминал мать. Арнис старался вырывать каждый день немного времени от дел для него — и, конечно, рядом часто бывала Линда.

Иногда ему чудилось, что отношение жены меняется, но стоило присмотреться внимательнее, чтобы убедиться в этом — и он вновь замерзал в ледяных озёрах.

По ночам каждый уходил к себе, а во время встреч они обменивались лишь необходимыми фразами. Король несколько раз заговаривал о делах, о чём-то отвлечённом, о погоде, наконец, но женщина словно не слышала его, и он прекратил попытки. Лишь думал, что дворец, который Арнис не мог даже представить себе в самых смелых мечтах, когда был ещё юн, оставался всё таким же чужим, как и тогда, когда он вошел в него в самый первый раз.

* * *

Полуденный дворцовый сад тих и пуст. Позже он заполнится людьми и звуками, но сейчас там гуляет королевская семья. Мальчик бегает вокруг беседки, в которой сидит мать, увёртываясь от отца, делающего вид, что очень старается его схватить. Король, королева, принц и тройка стражников на своих постах.

Твоё чувство опасности, казалось, притупившееся, просыпается мгновенно, и ты хватаешь Тамира, который обиженно вскрикивает — но игры кончились. В два прыжка ты оказываешься на пороге беседки, к счастью, каменной и открытой только с одной стороны — этакая маленькая пещерка — и кидаешь мальчика на колени матери. Линда удивлённо распахивает глаза, забыв добавить льда в них, но ты даже не замечаешь этого, потому что уже обернулся и видишь стрелу, вздрагивающую в земле там, где ты и твой наследник были несколько мгновений назад.

Выхватываешь короткий меч — без оружия ты ходить не приучен с детства. Королю не положено носить топор или копьё, к длинному лезвию ты непривычен, а сноровка важнее длины.

Стражники бегут к тебе, клинки наголо, но почему-то ты сразу понимаешь— бегут не для того, чтобы помочь. Ты прячешься от стрел в беседке.

Сейчас ты потеряешь всё, чего добился. Вместе с жизнью.

Вот прыгнуть бы, ударить с наскока, перекатиться, исчезнуть за углом, но тогда останутся без защиты Линда и сын, а сейчас ты между ними и лучником, который — уже понятно — вон там, за деревом.

Может, нужен только ты, они не тронут... королеву и наследника. Заговорщики-то? Смешно.

Зато он сохранит жизнь и власть, потом расправится с врагами. Мало ли красивых женщин, что готовы сидеть на троне и рожать королю детей, не обжигая равнодушием или презрением? Разумно.

Выбрасываешь нелепую, никчёмную мысль и остаёшься, став так, чтобы наверняка перекрыть дорогу стреле туда, вглубь беседки.

Ты зовёшь на помощь, жена тоже кричит, но враги уже рядом, собираются тебя убить. Сверкают мечи, но их трое и они не могут напасть одновременно— вход в беседку слишком узкий. А ещё они мешают лучнику, и это вовсе замечательно. Теперь он не может стрелять.

Где-то во дворце звучит музыка — мирная, спокойная. Уберите её, может, тогда нас услышат?!

Принять удар на гарду, с силой отшвырнуть врага назад — и отмахнуться от удара сбоку. И вот противников остаётся двое, а третий падает, хватаясь за живот, но тут поёт стрела, и больно жалит в руку... но зато не летит дальше, в тех, кто за тобой. А ободрённые враги бросаются вперёд, и ты отбиваешь все их удары левой, успев перехватить выпавший клинок. И выставляешь немного вперёд правое плечо — как приманку, на которую они клюнут. Новый удар, и скрежет металла — вспыхнула боль, когда ты хватаешь за лезвие меч, не давая убрать, и рубишь, калеча врага. Отсечённая рука падает оземь, ртутно сверкает клинок, стрела выбивает каменное крошево прямо в глаза, и ты щуришься, а затем, превозмогая боль, выбив меч из руки мощным ударом, хватаешь за горло врага и, закрывшись его телом от стрел, бъёшь меж доспешных пластин своим коротким клинком.

Кровь хлещет из ран. Перед твоими глазами багровый туман становится гулкою тьмой, Линда кричит, ещё кто-то кричит, приближаясь, свистит ещё одна стрела, и ты, кажется, падаешь, как со скалы в детстве...

Пока король был в беспамятстве, Нилит взял на себя государственные дела, а Малор расследовал заговор. Из храма мрачных богов бежали двое жрецов, включая верховного, но их поймали по дороге. Допрашивал военачальник лично. На эшафот приговорённых пришлось тащить — они не могли стоять на ногах, зато стало известно всё о покушении.

Лейтенант дворцовой стражи, из числа горцев, считал, что только кровь людей удовлетворит обитающих в горах покровителей их народа, тем не менее до поры служил верно. И всё же жрец убедил его постоять, наконец, за правую веру. Трое доверенных подчинённых были расставлены в саду, хотя в первую очередь рассчитывали на удачный выстрел — тогда стражникам осталось бы только завершить дело, расправившись с семьёй. Правителем они планировали провозгласить двоюродного брата Арниса, ярого приверженца культа.

Возможно, план бы удался, несмотря на сопротивление короля, но Малор услышал подозрительный шум и подоспел вовремя.

Участники заговора были казнены ещё до того, как король встал на ноги: слишком серьёзными оказались раны и долгим — выздоровление.

Открывая глаза, Арнис почти каждый раз видел над собой озабоченное лицо королевы, и озера её глаз больше не были ледяными, будто наступила, наконец, весна. А однажды ночью, когда он уже достаточно окреп, Линда встала со своего кресла у его постели, решительно заперла дверь и скользнула под одеяло. Провела ладонью по уродливым шрамам.

Она больше не казалась застывшей и холодной.

* * *

Церемония совершеннолетия принца Тамира подходила к концу. Прозвучали торжественные слова, завершились обряды, стекла с небес ненадолго расцветившая их краска фейерверков.

Время перемен.

Король стоял в небольшой комнате возле окна, привалившись к стене, и смотрел на одетого по-дорожному Нилита, борода и волосы которого были уже полуседыми.

Время прощаний.

- Всё же уходишь? Мне жаль.
- Черта начала отступать, и туман уже не отравлен, многие решили вернуться домой. Здесь я не слышу голоса духов, и мне всё ещё нужен ученик. Не боишься отпускать нас?
- Не хочу. Но нет, не боюсь. Уже не копья горцев защищают мой трон. Видел флаги?

Нилит кивнул, тоже приблизился к окну. Чёрные пантеры и снежные барсы, тёмные стяги и стяги белые вытягивались по ветру на стенах, окружавших двор. Многие покинули мятежников, многие присмотрелись к правителю и теперь поддерживали его.

Старый король, отец Линды, умер несколько лет назад.

– Думаешь, это нужно?

Арнис усмехнулся, и усмешку подчеркнул и продолжил оставшийся после покушения шрам:

- Иногда символы для людей важнее сути. Если им нужны флаги, чтобы поддержать меня... Да и вообще, кажется, под цветами ночи легче брать, то, что нужно, а удерживать — под белым. Разум диктует пвет знамён.
 - Твоему предшественнику белый цвет не помог.
- Я же не снял чёрные, теперь король оскалился как-то хищно. Они всегда готовы вернуться. Ошибки не стоит повторять, ни свои, ни чужие.
- Ты старался учесть всё. И всё же ты мог погибнуть.
 Как ни крутись, ни в чём нельзя быть уверенным абсолютно. Иначе жить было бы скучно. Но я уж постараюсь, чтобы возможным неприятностям пришлось потрудиться.

Они помолчали. Сквозь толстые стёкла не проникал шум ещё шедшего снаружи праздника, и тишина сгущалась вокруг обоих. Когда она начала становиться тягостной, Арнис резко сказал:
— Тебе пора. Может, ещё увидимся. Но я туда не пойду, сам знаешь.

Говорящий с духами кивнул, крепко пожал своему ученику, соратнику и королю руку и вышел.

Арнис смотрел ему вслед и жалел, что Малора уже точно не увидит никогда. Место погибшего недавно в одном из сражений полководца занял не менее достойный преемник, но того же места в памяти, в детском соперничестве и последующей дружбе он занять не мог.

Время утрат.

Время перемен.

Время перемен — всегда, каждый день жизни.

Арнис прошёлся по комнате, слегка прихрамывая— место старого перелома всегда болело в плохую погоду.

Ему ещё не стукнуло сорок, и он оставался по-прежнему ловок и силён, и всё же сейчас показалось, что пласт прожитых лет рассыпается лавиной мгновений и дней, проносясь в сознании и засыпая всё внутри снегом, колким и холодным. Погребая всю прошедшую жизнь, засыпая настоящее, гоня вперёд, чтобы по его следам замести всё, что осталось,

отодвигая в прошлое его самого...
Как надвигающаяся Черта. Как надвигается туман.
Снаружи послышались лёгкие шаги, и в комнату вошла Линда.
Никто не мог понять по лицу владыки, что творится в его душе, когда он сам не желал этого. Никто — кроме неё. Молча вглядевшись в глаза, королева взяла мужа за исполосованную шрамами руку и подвела к окну. Они оба посмотрели на площадку у фонтана, где принимал поздравления гордый и довольный Тамир, а рядом играли его младшие брат и сестра, близнецы Алрик и Альда.

Арнис обнял жену за плечи и улыбнулся.

Ирина Денисовская

РЕЦИПИЕНТ

Я иду по коридорам Госпиталя. Иду. Правда, ходьбой моё перемещение можно назвать с большой натяжкой. Еду, качусь. Хорошо, хоть не ползу. Восемь лет назад ползала. Пока умельцы из «Медтехники» не сконструировали этот шедевр. Кресло. Специально для меня. Чтобы я продолжала работать в Госпитале. А Госпиталь — гордиться тем, что я его главный хирург. Единственный практикующий хирург в инвалидном кресле. Горькая ирония. Когда ноги отказали совсем — хотела уйти. Не дали. Обеспечили этим транспортом и персональным операционным столом.

В Госпитале многое сделано под меня.

К нам хотят попасть все, кому грозит сложная операция. И не только. Абсурд, но образовалась очередь. А проходить лечение у Розен стало модно.

«Хотят попасть на операционный стол» — страшная фраза. По мне, так туда стремиться — всё равно, что в гроб. Правда, за семнадцать лет, что я возглавляю хирургов Госпиталя, летальных исходов было восемь. Это при тридцати (как минимум) операциях за неделю. Не считая выездных. Из этих операций моих личных — всего семь. И ни одного летального исхода. У меня их восемь за всю жизнь.

Семь операций в неделю. Раньше было больше. Доходило до двадцати. А на жизнь вне Госпиталя времени не оставалось. Из родных у меня... только Госпиталь.

Я имею право называть его родным, ибо провела в этих стенах почти пятьдесят лет. Когда появилась здесь по приглашению профессора Алдошина, мне исполнилось тридцать пять. Как давно это было...

- Смотри! Сама Розен! Я тебе о ней рассказывала, девчачий шёпот долетел до меня, когда пересекала коридор, ведущий к палатам реабилитационного отделения.
 - Да ты что! Эта старуха?
 - Тише! Услышит...
- Древняя развалина! И в кресле, в голосе парня слышалось явное раздражение. Зачем её здесь держат? Дала бы дорогу кому помоложе.
 - Она же гений! Без всяких приборов знает...

Разговор остаётся за углом. Да, $\hat{\mathbf{x}}$ — старуха. И развалина. А насчёт гения... нет, я не гений. Просто мне дано чуть больше, чем другим. Интуиция и опыт.

Пандус услужливо подкатывается под колёса. Ещё два поворота, длинный коридор, и я на месте. Надо думать о предстоящей операции, а я то ударяюсь в воспоминания, то анализирую... мифы. Впрочем,

готовиться особо нечего, рядовая операция, таких было больше сотни. Пациент не ординарный, это да.

Готовиться мне уже давно не надо. Едва называют фамилию, вижу операционное поле и свои действия. Это мой дар и моё проклятие. То, из-за чего кресло всё ещё возит меня по Госпиталю. Хотя давно пора это прекратить. Парень прав — пора уступить «дорогу» молодым. Но не получается.

Солнце выглядывает из-за туч, и коридор впереди расчерчивают тёмные и светлые полосы. Сколько раз хотела уйти? Два последних хорошо запомнила. Дальше кабинета директора дело не пошло. Слышать он не хочет, чтобы я уходила. А может, не так уж сильно настаивала? Долг! Будь он неладен. Клятва, данная на могиле родителей. И особый настрой. Держат как цепи, не позволяя настаивать.

настрой. Держат как цепи, не позволяя настаивать.

Хотя настрой сейчас уже не нужен. Вот первые четыре года, пока ассистировала Алдошину, приходилось действительно подготавливать себя. Это очень помогло, когда учитель оставил меня одну перед лежащим на столе мужчиной.

Я отчётливо помню всё, что произошло тогда. Профессор не признавал специализации, обычной среди практикующих врачей. «Военный хирург должен уметь делать всё. Для него не может быть неожиданностей», — говорил он. И ещё: «Когда ты оперируешь печень, и вдруг происходит остановка сердца, не стоит ждать кардиолога, нужно самому справиться с ситуацией. Иначе смерть будет смотреть на твои руки. И ждать».

В тот день смерть стояла рядом. И её ожидание едва не увенчалось успехом. Ранение было очень плохим. Осколок стекла вспорол живот и застрял рядом с позвоночником. Врачи «Скорой помощи» обработали рану и вывели пострадавшего из состояния шока. И на том спасибо. Предстояло извлечь посторонний предмет, провести ревизию брюшной полости, наложить швы и сделать дренаж. И всё. Но я увидела, как стоит стекло. Без рентгена и томографа, не применяя ультразвук. Ещё не расчистив операционного поля, поняла, что привычный, спланированный ход действий погубит (моего! первого!) пациента. И приказала положить оперируемого на бок. Все в зале посмотрели на Алдошина. Он молчал. Я провела операцию по-своему и Станислав Воронов выжил. Вот! Даже имя не забыла, столько лет прошло.

Потом профессор кидал меня от пациента к пациенту. Иногда ситуации возникали совсем неправдоподобные. Интересно, кому-нибудь кроме меня приходилось использовать в качестве операционного стола гранитный валун, или оперировать одновременно разрыв селезёнки и сочащуюся кровью язву двенадцатиперстной кишки? Или сшивать разорванные сухожилия предплечья в окопе под минометным обстрелом. А та операция на столе проверки багажа в маленьком аэропорту, когда

на фоне тяжёлой черепно-мозговой травмы мне пришлось вытаскивать пулю и осколки ребра из лёгкого... Как звали девушку? Уже не помню. Вроде Марина? Или Маргарита...

Это сейчас мне не надо покидать привычных мест, чтобы добраться до больного. Нуждающиеся сами приходят. Или их привозят. Сюда доставляют людей со сложными травмами. У врачей «Скорой помощи» есть специальный диагноз — пациент Розен. А Госпиталь в кулуарах величают «Госпиталь Розен». И существует ещё предварительная запись — операции за деньги. Такие, как сегодняшняя. Очередь выстроилась на три месяца вперёд. Вот только никто не скажет, есть ли у меня эти три месяца. Пять лет назад отказали ноги. Сейчас очередь рук.

Каждое утро, просыпаясь, я подношу ладонь к глазам и шевелю пальцами. Они послушно двигаются. Пока.

Если бы кто знал, как я боюсь однажды не увидеть этого движения. Операция прошла, как и предполагалось, безо всяких осложнений. Полтора часа можно было считать выброшенными на ветер. Удалить подобную опухоль с двенадцатиперстной кишки мог любой из моих учеников. Я ни за что ни согласилась бы принимать участие в этой... (приличного слова не подобрать!), если бы не настоятельная просьба директора Госпиталя вписать Ориона Уорфилда в сегодняшнее расписание. А его просил вроде как сам президент. За месяц до.

Такая популярность льстит, но когда она мешает собственным планам...

- Екатерина Аркадьевна! Вы бесподобны!
- Скажите, как вам удаётся никогда не ошибаться?
- Екатерина Аркадьевна, вы уже выбрали, кто будет вам ассистировать в следующий четверг? В списке не указан анестезиолог...

Как всегда! Главная операционная за счёт стеклянного потолка и балкончика над ним часто становилась подобием театральных подмостков, на которых я— в главной роли. Зрители спустились к выходу, пока я давала указания о дальнейших действиях с пациентом.

Стащила перчатки и пошевелила пальцами. Показалось или нет? Пластик стянул кожу.

— Я не актриса, чтобы быть бесподобной. Это — первое. Второе — слышали присказку: «на ошибках учатся»? Я и училась. Только чаще — на чужих. Очень полезно, знаете ли, стараться обойтись без тех промахов, которые уже кто-то сделал. Третье — можете вписать свою фамилию, ничего не имею против. Только учтите — будет сложно. Готовы импровизировать?

Не очень уверенное: «Да». Пусть. Иногда полезны и свои ошибки. Если есть тот, кто на них укажет. И время на исправление. В четверг оно будет.

 Отлично. Все свободны. Больше на сегодня у меня операций не назначено. Пальны двигались как обычно. Показалось.

Спектакль закончился. Занавес опущен. Зрители расходились по своим делам. У меня тоже дела. Причём такие, которые я с радостью отложила бы. Но...

«Нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня» — интересно, кто это придумал? С удовольствием проигнорировала бы это правило. Касаемо всех сегодняшних дел. Особенно предстоящего разговора. Но если Орион Уорфилд, так же, как и его «шишка», вполне могли бы подождать даже не до завтра, а до следующей недели, то разговора с родителями Насти Андреевой не отложить. И не только они (ох! как стыдно признаваться) в этом заинтересованы.

Кресло катилось к моему кабинету, подчиняясь одной из программ. Они — результат творчества наших админов. Поставить управляющий модуль оказалось, с их точки зрения, пустяшным делом. Теперь, не задумываясь, перемещаюсь между операционной, своим кабинетом, приёмной начальника Госпиталя и лабораторией. Маршрут выбирало кресло. Требовалось просто нажать нужную кнопку на подлокотнике. Что я и сделала.

На часах половина третьего. У меня было полчаса. Перекусить? Есть не особо хотелось, обедала я в начале первого. Могла просмотреть публикации в журналах или почитать представленную на рецензию диссертацию. Только вот пойму ли хоть слово?

Настя Андреева умирает. И даже я не могу с этим ничего сделать. Хотя обо мне слагают легенды, утверждая, что Екатерина Розен способна оживить даже мёртвого. Если его доставят к ней на операционный стол вскоре после смерти. Надо признаться у таких легенд есть основания. Были прецеденты. Но в случае с этой девочкой я бессильна. Если только...

Не стоит думать о невозможном. Это тень пролетающего облачка, утренний туман, ползущий с озера, марево над разогретым асфальтом в летний полдень. Подует ветер, и нет ничего. Это даже не мечта. Тень мечты. Как может хирург мечтать, чтобы ему разрешили убить. Я мечтаю?

Сейчас я буду поступать вопреки своему тайному желанию. Уничтожать надежду. Убивать мечту. Это правильный выбор. Но в душе бьётся подлая мыслишка: «А вдруг они всё-таки не согласятся с моими доводами?»

— Екатерина Аркадьевна, подождите минутку, — Анечка, медсестра из реанимации, почти бежала по коридору. И как молодёжь бегает на таких каблучищах? — Вас хотел видеть Виктор Сергеевич.

Развернулась к кабинету директора. С каких это пор медсестры выполняют обязанности секретарш? Или девочка сама напросилась?

В просторном светлом помещении, больше похожем на зал совещаний в каком-нибудь офисе, меня ждали двое. Хозяин кабинета сидел

в кресле во главе длиннющего стола, а Константин прислонился к стеллажу с периодикой, сложил руки на груди и опустил голову. Как будто устранился от происходящего.

— Екатерина Аркадьевна, у меня к вам очень серьёзная просьба, слышать такую напористость в голосе директора Госпиталя было странно, — через два месяца мы проводим конференцию по «виртуальным пересадкам», подготовьте развёрнутое сообщение.

Я посмотрела на Константина, именно он настаивал, чтобы я зафиксировала свою методику. Его присутствие в кабинете не случайно. Два месяца? Протяну ли я столько?

- Я бы с удовольствием, Виктор Сергеевич, но, даже если я напишу это сообщение, представлять его на конференции должен будет кто-то другой.
 - Почему?
- Это то, о чем я вас предупреждал, Костик оторвался от стеллажа и, с шумом отодвинув стул, уселся за стол. — Умирать она собралась Виктор Сергеевич.
- Heт, это ни в какие ворота! Екатерина Аркадьевна, что за бредовые мысли? Вам же чуть больше шестидесяти.
- Мне за восемьдесят. Пора дать дорогу молодым, повторяю услышанные в коридоре слова и внутренне усмехаюсь: «Наш директор привык, что Екатерина Розен всегда под рукой и весть о моей скорой смерти для него — как ушат ледяной воды за шиворот. Не верит он, что я — старуха».
- Екатерина Аркадьевна, вы говорите глупости никто из молодых хирургов вам в подмётки не годится.

Ara! Только в каблуки, — для не ходящих ног. И в качестве пальцев. — Вы не правы. Константин...

- Не хочу ничего слышать, впервые за все время нашего знакомства он меня перебил. — Я легко заменю любого терапевта. Вас же заменить некому. Пройдите курс процедур. Неизлечимых болезней с появлением зоофана не осталось.
- Это не болезнь. Моё тело изношено настолько, что постепенно отказывается работать, — говорю, а мысли мечутся, вопрошая: «Зачем заведён этот разговор?» Поэтому продолжаю резче, чем собиралась:
- Проводите свою конференцию. Но без меня. Доклад я подготовлю, а делать его будет Константин Михайлович. Вам же следует учесть, что через неделю все мои операции надо будет отменять.
 - Ну вот, что я вам говорил. Опять командует!
- Ваши распоряжения Екатерина Аркадьевна, ценны только в операционной. А распоряжаться своей жизнью вы права не имеете.

Хором.

«Офигеваю!» — сказала бы одна моя практикантка, повторяющая это слово к месту и без. Я что — умереть спокойно не могу?

- Кто тогда имеет?
- Константин Михайлович звонил в Москву. Президент...
- Виктор Сергеевич, я же просил!

Ну вот. Оказывается заключение о моей жизни и смерти делает президент. На уровне решения государственных вопросов. Дожили! Это слово и слетает с губ.

- Если есть решение, а дело только в ваших... сомнениях, мне кажется, или Костик хотел произнести совсем другое слово?
 — Подождите, Константин Михайлович! Екатерина Аркадьевна,
- в данном случае ваш взгляд будет слишком предвзятым, директор вылезает из-за стола и подходит ко мне. Мы все понимаем. Надя ваша пациентка, и долг обяжет свести риск к минимуму. А значит, эту операцию вы делать не будете.
- Какую эту?
 Единственный способ сохранить родителям дочь провести виртуальную замену.

Слово произнесено. Да, я могу сделать «замену» — только донора нет. Говорю:

- Невозможно. Константин Михайлович проверил все клиники —
- подходящего донора не нашлось.
 Донор есть, Костик вскочил, уперев кулаки в стол, пристально посмотрел мне в глаза и, разделяя каждое слово, произнёс: Этот донор - вы!
 - A кто будет делать операцию?

В кабинете повисло молчание. Не буду говорить о своей призрачной надежде. Операция состоится, если мне успеют сделать «руки». Не буду объявлять, что пойду на это, только если получу согласие всех заинтересованных сторон. Глупо. Одна из самых заинтересованных я. И я меньше всего имею право принимать решение.

Павел и Надежда Андреевы уже сидят в коридоре рядом с моим кабинетом. Могли бы побыть с дочкой лишних полчаса. Так нет же.

Приглашаю войти. Проезжаю за стол, взмахом руки командую (опять командую, может, прав Костик) — садитесь. Ровная, почти пустая лакированная поверхность отделяет меня от выбирающих где сесть мужчины и женщины.

мужчины и женщины.
Он, высокий, широкоплечий, темноволосый, виски чуть тронуты сединой, в серых глазах усталость и боль, отодвигает кресло слева. Для жены. Она садится, скорбные складки у рта, глаза опущены, но я помню, они зелёные, как нефрит в кольце на её пальце. Светло-русые волосы забраны в хвост, а прошлый раз были уложены аккуратно и тщательно. И платье гораздо проще, серое, невзрачное. Как будто женщина махнула рукой на свою внешность. На лице восковая бледность,

в движениях отрешённость. Тонкие пальцы чуть подрагивают. И ногти обломаны. Павел садится напротив жены, его руки ложатся на стол, ладони плотно прижимаются к блестящей поверхности, мешающей сжаться кулакам. С каким удовольствием, он грохнул бы по моему столу. Только этим ничего не изменить.

Мой стол не подходит для доверительной беседы отчаявшихся людей. В форме буквы «Т» — он разделяет собеседников, расставляет по ранжиру. Тот, кто по центру — главный. Хочу ли я быть главной в этой беседе? Но другого стола у меня нет. Никогда не была любителем уголков для отдыха, с мягкими креслами и низким столиком для кофейных чашечек (или чего покрепче, что там принесёт услужливая секретарша). Секретарши у меня тоже нет.

Оттягиваю начало разговора. Я не скажу ничего нового. А констатация факта — «ваша дочь умирает» — не принесёт радости ни мне, ни им. Пусть начнут. Скорее всего, первым будет отец. Мужчины нетерпеливее. И решительней. Им нужны все точки над «і».

Сколько Насте осталось?

Как и предполагала, спрашивает Павел. Отвечаю:

- В сознании она будет неделю. От силы дней десять. Потом... ещё неделя.
 - Ей будет больно?

Это Надежда. Пожимаю плечами.

- Сейчас боль купируют. Ваша дочь почти ничего не чувствует. Но этот препарат не справится с приступами; если дадите согласие, будем постепенно вводить наркотик.
- Операция... очень несмело. Мы говорили об этом позавчера, и Надежда знает, что обычная операция, даже сделанная моими руками ничего не даст.
- Настя сказала, перебивая жену и отметая никому не нужные разъяснения, что не хочет умирать...

Ещё бы! В двенадцать лет никому не хочется умирать. Некоторые, устав от боли... Но Настя — сильная девочка.

— ...не попытавшись, не попробовав выздороветь. Мы узнали, — взгляд на жену и лёгкий кивок в ответ, — что шанс есть. Надо его использовать. Это называется «замена».

Рука всё же сжимается в кулак и требовательно ударяет по столу. Слово произнесено. Говорю, стараясь породить сомнения и заставить... Заставить лишить меня надежды?

- Операции с заменой никогда не проводились, если реципиент жив, одно исключение было, но это не тот случай. И никогда в качестве реципиента не использовался ребёнок.
- Настя ... начинает женщина и захлёбывается, пытаясь сдержать рыдание.

Павел смотрит на жену, медленно опускает глаза и произносит:

— Екатерина Аркадьевна, позавчера вы отказались провести операцию, хотя Настю подготовили. Я хочу понять...

Да, девочку положили на стол, но я посмотрела и поняла — спасать там нечего. Трансплантация органов, так же как и регенеративные возможности организма после подпитки зоофаном практически неограниченны, но случай Насти особый. Он подходит только для «виртуальной» (неправильно, неточно, но словечко прижилось) пересадки. Умирает не сам мозг, умирает информация в нём. До сих пор с таким поведением нервных клеток приходилось сталкиваться только из-за механического повреждения или инсульта. Здесь же ни того, ни другого не было, информация просто стиралась. С последующим медленным отмиранием тканей. Последующим! Очаг поражения рос очень быстро. Купировать, удалить повреждённый участок — было можно. Но что я спасла бы? Будущее растение? Увидела это и отказалась проводить операцию. Какой смысл кромсать здоровый мозг. Heт! Слово «здоровый» не подходит.

- ... нам сказали, что болезнь зашла слишком далеко и случай неоперабельный. Но я узнавал. Екатерина Розен никогда не отказывалась от операции. Если вы и не делали того, что ожидалось, вы всегда что-то делали. Никогда не уходили так, как ушли от Насти. Даже не начав. И я хочу понять почему? Вам нужны деньги? Мы, снова взгляд на жену, найдём. Или... говорят, вы коллекционируете старинные книги по медицине? Надежда может достать, у неё есть связи. Если надо...
 - Я уже говорила вам позавчера. Мне не нужно ничего. Ни-че-го.

«Кроме тела вашей дочери». Но таких слов я никогда не произнесу. Они должны предложить это сами. А я помешать этому предложению. Такую операцию способна провести только я. И подпитать мозг их дочери своим на данный момент могу только я. Других доноров нет. А ждать Настя не может. У неё не больше пяти дней. Невозможно одновременно лежать на операционном столе и делать операцию. Или возможно? Нет ответа. Мальчики хотят успеть.

- Должен же быть выход.
- Должен, произношу я. Нельзя чтобы дети умирали. Настя хочет жить. А способ только один.

Говорю. А перед глазами тело восьмилетнего мальчика, которого я не спасла. Это был один из тех восьми случаев. И одна из трёх моих (личных!) ошибок. Да, ассистент подготовил катетер не того размера, а анестезиолог ошибся с дозой. Эта бригада военных врачей никогда не имела дела с детьми. Но там была я. Которая не поверила своим чувствам.

Я всегда видела, что мешает организму регенерировать и просто убирала мешающий фактор.

Никто другой не видит.

Операции с зоофаном проводятся по стандартному плану: убрать повреждённые ткани, очистить операционное поле от посторонних предметов, ввести препарат в заранее рассчитанном количестве и зашить. Дальше организм все делает сам. Он умный. Но иногда дело не в диагностируемом повреждении. Как в том первом случае. Стекло только задело кишечник (почти нереально, готовились мы к основательной чистке брюшной полости), и печень осталась цела. Оно упёрлось в сочленение двух позвонков. Просто упёрлось. Но у парня как раз в этом месте было ущемление. Пошевели я стекло при стандартном положении оперируемого, и инвалидное кресло было бы Станиславу обеспечено. Это в лучшем случае. Надо было сначала... Что вспоминать? В тот раз я всё сделала правильно. А с мальчонкой ошиблась. Самую малость. Это сыграло роковую роль. Зоофан вместо восстановления спровоцировал развитие опухоли. Взрывообразное. И меня не извиняет, что о такой возможности никто не догадывался. Свойства зоофана и сейчас не до конца изучены. И он — не панацея. Но теперь я не имею права на оши6ку.

-Ho?

Естественный вопрос, продолжающий мою фразу. Никогда прямо не назову отцу этого «но». Использую обходной манёвр:

- Никто не может предсказать результата замены.
- Настя будет жить? зелёные глаза впиваются в меня, серые смо-
- трят с прищуром. Павел чувствует подвох.
 Будет. Но останется ли при этом вашей Настей той, которую вы знали, той, к которой привыкли, — неизвестно. У неё могут измениться вкусы, манера поведения. Лексика и мимика тоже не останутся прежними. Вы читали о донорской подпитке мозга?

Не жду ответа. Конечно читали. Мы ходим вокруг этого уже два дня. А Настя исчезает, её всё меньше и меньше в этом теле.

- Многое зависит от донора, произносит отец.
- Это всё неважно, говорит мать. Главное Настя будет жить.
- Она не пятилетний ребёнок, упорствую я, даже его трудно переучить. Вашей дочке двенадцать лет, и её сознание к моменту начала болезни было полностью сформировано. Теперь же...
- Теперь она уже забыла многое из того, чему мы её учили. От прежней Насти ничего не осталось. Она не помнит деда!

Неужели это важно? Молчание зыбкой пеленой повисает между нами. На многое нет однозначного ответа.

— А донор? Мы искали... — начинает Надежда и не заканчивает фразу. Просто пытается поймать мой взгляд. Смотрю ей в глаза. Мне нечего скрывать. Или есть чего?

Губы невольно кривятся. Они, едва узнали страшный диагноз, искали способ спасти дочь и нашли «замену». Вглядываюсь в лицо сидящей напротив женщины и вижу — ей известны все подводные камни этого метода. И выбор сделан.

А вот донора Павел и Надежда не нашли. Я тоже. Искала. И не нашла.

- Кто будет донором? Павел задал вопрос так, будто всё уже решено. Не решено ничего. Но пора сказать правду.
 - Я

Серые и зелёные глаза смотрели на меня, и в них росло понимание.

- Но сначала я должна получить согласие Насти.
- Она ничего не понимает, слишком быстро, чтобы быть правдой.
 Я сумею спросить так, чтобы получить ответ.

Сумею. Ответ будет без подтасовки. Клянусь. Пояснила:

- Другого донора нет. Вы правы, Надежда. И маловероятно, что он появится в ближайшую неделю. Мы не можем ждать дольше. Моя
- кандидатура... Мы согласны, торопливо, перебивая меня. И взгляд на мужа. А вот он сомневался:
 - Если вы... Кто будет проводить операцию?
 - Тоже я. Если Настя согласится, операция будет в пятницу.
 - Могли быть другие варианты?
- Могли. Но для благоприятного исхода нужно сильно повреждённое, не способное к регенерации тело, и человек с необоримым желанием
- жить. А таких в нашей картотеке сейчас нет.
 Вы не хотите умирать? чуть слышно, больше утверждение, чем вопрос, но я ответила Надежде:
 - Не хочу. Но придётся. И очень скоро.

Я проведу эту свою последнюю операцию. Лишь бы девочка...

Мое кресло стоит вплотную к кровати. Настя лежит, отвернувшись. Взгляд устремлен на пустую, ничем не примечательную стену.

- $\Re v M p v$.
- Не знаю. Скорее всего да. Твоё «я» очень слабое, а моё сильное.
- Значит, я умру в любом случае, но родители будут считать, что я выжила?
 - Это нечестно.
 - Да.

Молчим.

Лучи солнца золотят рамку висящей напротив окна картинки. Но даже этот радостный свет не внушает оптимизма.

Ни мне. Ни Насте. Она поворачивается:

- А вы? Вы останетесь прежней?
- Тоже не знаю. Возможны варианты. В трёх случаях из восьми получилась новая личность, но с навыками обеих. И донора, и реципиента.
 - А было, когда... никто не выжил?

И здесь я не буду лгать.

- Было. Из шестнадцати проведённых на сегодня донорских подсадок восемь привели к смерти обоих.
 - Половина.
 - Именно поэтому решать тебе. Шансы невысоки.
 - Но у вас они есть.

Опять же «да». Но произносить этого вслух не буду. Из этих восьми смертей только одна была на моем столе. Но тогда слабы были оба. А ждать было нельзя. Как и в нашем случае. Я должна провести эту операцию, пока пальцы шевелятся. И пока мозг Насти не умер полностью. Чем он сильнее, тем больше шансов на успех. Хотя считается, что мертвый реципиент при живом доноре — оптимальный вариант, но не в нашем случае, не при такой разнице в возрасте. На момент «переключения каналов» именно я должна быть мертва. Но и этого я ей не скажу. Не надо давать надежду там, где может ничего не получиться. А что получится неизвестно никому. Я слишком хочу жить, а она почти потеряла надежду. Это неправильно.

— Мама... она очень изменилась за эти три месяца. Когда она узнала... И папа...

Настя замолкает. Я её понимаю. И вижу, что омертвевших тканей больше, а слова, память и осознание себя...

— Ты ведь притворяешься? Играешь в отказавшую память.

Серые, как у отца глаза, и взгляд — такой же твёрдый. Взгляд человека, уверенного в своей правоте.

- Я думала, им так легче будет. Если я... не сразу, а постепенно.

Именно поэтому я хотела её решения, я чувствовала подвох в этом нарочито медленном уходе. Я не психиатр и не психолог. Я хирург. Хирург, способный оперировать любой орган человеческого тела. Сейчас я предлагаю девочке удалить, отсечь от тела её заболевшую сущность и вставить на освободившееся место свою. Мы обе понимаем, что это нечестно. Но особого выбора нет. Либо умрём вместе. Нет! Сначала она, потом я. У меня есть ещё около месяца. Либо умрёт только она. Страшно требовать от ребёнка ответа в такой ситуации. Что она может решить? И есть ли у меня право жить за её счёт? Но если всё — игра...

- Они дали согласие на операцию? вопрос перебивает мысли.
- Они сами предложили этот путь.
- Вы...Без меня родители пропадут. Нельзя, чтобы...

И вдруг:

- Обещайте, что будете их любить!
- Обещаю.
- Тогда я согласна.

Гаснет радостный свет, тучка закрывает солнце. В палате становиться ощутимо темнее. Мрак сгущается и в душе. Нет! Я должна быть сильной.

Кресло выкатывается в коридор.

Когда твои родители станут... я совсем не помню своих, мне только исполнилось пятнадцать...

Обещаю любить твоих родителей, девочка. До тех пор, пока им будет нужна моя любовь.

Медленно выплываю из марева боли и мутной пустоты беспамятства. Поднимаю руку и подношу к глазам. Изображение двоится, застилается туманом, влага скапливается между ресницами и стекает на щёку. Как больно! Ну, шевелитесь же!

Какие они маленькие и тоненькие. Это не мои пальцы. Но они шевелятся. Так, как я хотела. Я не могла этими пальцами делать операцию.

Свою последнюю операцию я не смогла бы сделать. Никогда. Весь расчёт был на манипуляторы. Ноги мне не смогли заменить, а руки — пообещали. Именно поэтому готова была утверждать — я всё сделаю сама. Без анестезии. Было очень больно...

Мысли уплывают в марево сна, глаза закрываются. Пальцы шевелятся... не то, что утром...

Все сделано как надо. Я ощущаю тело. Могу пошевелить пальцами, даже повернуть голову. Немного — корона из электродов мешает. Получается, я смогла продержаться столько, сколько нужно. Программируемые манипуляторы — замена моих пальцев — закончили операцию, когда мозг, не выдержав боли, отключился. Можно было ввести блокирующие спазм препараты, но это повредило бы Насте...

Не надо химии, это — одно из условий. Просто наркоз. Но как же тяжело выходить из этого «просто наркоза». Я просила Костю быть рядом...

За окном темно. Я дала себе сутки...

Почти выспалась, за последнюю неделю — впервые.

Рассвет окрашивает стенки палаты в розовый цвет. Чувствую себя отлично! Мальчики из отдела медицинских роботов справились с задачей. «Пальцы» продолжили и завершили операцию самостоятельно. дачей. «Пальцы» продолжили и завершили операцию самостоятельно. Они все сделали так, как я их научила. Довели дело почти до конца. Страховка Костика не понадобилась. Ввести зоофан, вставить кость на место и зашить мог любой мой ассистент. Так же, как и вынуть из мёртвого мозга считывающие электроды. У девочки вживлены электроды нового типа, они растворятся в «голубой крови», и организм усвоит остаток как дополнительный паек микроэлементов. Но это будет, когда все убедятся, что операция прошла успешно. Мне ждать не надо. Я позволила новому мозгу уснуть, только когда поняла — я есть.

А Настя?

Нет ответа.

Я... не сделала ничего... противозаконного.

Скатываюсь в спасительную дрёму, ни мыслей, ни...

«Мной получено согласие и родителей, и самой девочки».

Просыпаюсь с этой мыслью. В палату врываются солнечные лучи, они скользят над кроватью, освещают стенку. И картину на ней. Детский рисунок в рамке. Рисовала... я?

Я не рисовала красками. Не любила. Точнее — не умела. Никогда не делала того, чего не умела.

Что я умела вообще? Оперировать...

Я... но почему же так больно? Болит не зона операции. Боль гнездится глубже. В душе...

Спасение опытного (не хвастаясь, могу сказать — одного из лучших в мире), самого удачливого (так говорят) из хирургов удалось. Пройдёт лет пятнадцать, и Анастасия Андреева придёт в операционную и будет делать то, что делала Екатерина Розен. Вернее, приду я, на своих ногах и со своими руками. Все таланты, скорее всего, остались при мне. Ощущаю себя как прежде, только реакции тела не совсем мои.

Глаза закрываются. Естественно, мозг...

На душе нет покоя. Выныриваю из дрёмы, разбуженная осознанием, что на первом месте стоит «Я». Моё «Я». Никто не смог бы заставить меня идти на риск. Не люблю этого слова! Но слишком высок процент неудачных исходов подобных операций. В трёх случаях, когда личности объединились, нормально могла функционировать только одна комбинация. Мать и дочь. Они полноценно слились, создав новую личность. Мать спасала дочь, а дочь — мать. Получилось, они спасли друг друга. Но одной было сорок пять, другой двадцать шесть. Мне — восемьдесят четыре, а Насте — двенадцать. И мы не родственники. Исход был предрешён?

Те двое были похожи. А мы?

Взгляд скользит по палате. За окном темнеет, и я вижу только смутные очертания предметов. Или зрение ещё не восстановилось полностью? Нет, прошлый раз я чётко видела рисунок. Было светло.

Шланги темными змеюками извиваются по полу и скрываются за ширмой. Искусственное лёгкое отключили сразу после операции, смутно помню ещё какие-то действия ассистентов... Костик долго стоял рядом.

Надеюсь, всё сделано правильно. Сутки... до утра в палату никто не должен входить... Время... Змеюки? Надо ещё поспать.

Проснулась я от звука шагов. Молоденькая сестричка поставила на тумбочку стакан воды и, заметив открытые глаза, спросила:

— Как... вы себя чувствуете?

Обратила внимание на заминку перед «вы» и ободряюще улыбнулась, говоря:

- Ничего не болит. Выспалась. Немного хочу есть.
- Завтрак принесут через двадцать минут. Потом... с лёгкой заминкой, — к вам посетители.
 - После завтрака.

Я должна настроиться. Обещала.

Они робко вошли в палату. Павел замер у двери, взгляд его бегал между кроватью и стоящими за ширмой приборами. Его явно смущали многочисленные шланги, выползающие из-под одеяла. Это всего лишь чехлы на проводах от датчиков. Внутривенное питание отключили перед завтраком. И капельницу сняли.

— Доброе утро! — Нарочито радостно.

Женщина выскользнула из-за спины мужа и, решительно сдвинув

шланг, села на постель. В руках у неё огромная папка.

Я принесла. Как ты просила.

Не успела ответить, папка раскрылась передо мной.

Рисунки. Много рисунков. Карандашом, красками, мелками. И техника разная. Взяла в руки один. Это, вроде бы, называется темпера. А вот акварель. Прелестный котик, ловящий бабочку.

Перевела взгляд на картинку на стене. Детская мазня. А то, что у меня на коленях? Настя рисует просто классно! Рисовала. Я давно не говорю «классно»... и «мазня»...

 Я выбрала самые лучшие, но часть взяли в школу на выставку. Вся городская тема...

Она произносила ещё какие-то слова, но они разлетались на звуки и теряли смысл. Пальцы перебирали листы. Ива, склонившаяся над ручьём, гранитная колонна и яркие, раздуваемые ветром, флаги. Лицо женщины...

- Мамулькин...

Слово слетело с губ прежде, чем я осознала, как сложила звуки.

По лицу женщины текут слёзы.

- Настюшка!
- Ласонька моя!

Почти хором.

Я же говорила — она сильная. «Обещай, что будешь рисовать, — очень тихо, как из дальней дали. — Хотя бы иногда».

Обещаю. Мне понравилось.

Татьяна Россоньери

ВО ИМЯ БЕССМЕРТИЯ

Я устал от дорог, устал быть один, как дрозд под дождем. Устал от того, что никогда ни с кем мне не разделить компанию и не сказать, куда и зачем мы илем.

Стивен Кинг «Зеленая миля»

И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много

Mκ 5:9

- Мужчина, белый, возраст около сорока лет, называет себя Джоном Смитом, доктор Альфред усмехнулся, передавая Линде карту пациента. Его задержали в сентябре за попытку ограбления с сигнализацией не справился, бедолага. Документов на момент поступления в клинику не имел, отпечатки пальцев в базе данных отсутствуют. Возможно, нелегальный иммигрант, но он так жарко поддерживает эту теорию, что впору засомневаться в ее истинности.
 - У него есть акцент?
- Да, хотя по-английски он говорит очень чисто. Но с этим есть некоторые сложности. Впрочем, не имеет значения, американец он или приезжий. Наша задача понять, действительно ли он болен или же просто пудрит нам мозги.
 - Вы хотите сказать, что за три месяца...
- За два с половиной, доктор усиленно делал вид, что замечание Линды его не задело, но уж что-что, а уязвленное самолюбие она улавливала безошибочно. Пациент очень умен и легко втирается в доверие. Мы все наслышаны о ваших профессиональных заслугах и очень рады, что вы согласились выступить в качестве рефери в нашем непростом деле, но при выборе кандидатуры мы не в последнюю очередь руководствовались степенью осведомленности специалиста.
- Вам чертовски повезло, что я ничего не слышала о вашем непростом деле, снисходительно улыбнулась Линда. Доктор Альфред нравился ей все меньше и меньше.

В лифте Линда с интересом разглядывала фотографию человека, называвшего себя Джоном Смитом. Ростом не более ста семидесяти сантиметров, узколицый, светловолосый, худой и немного сутулый, он напоминал клерка, сменившего в выходной день деловой костюм на легкий полосатый свитер и джинсы. В глазах его сверкали озорные искры — было видно, что несколько секунд назад он во весь рот улыбался, но копы, не разделявшие его радости перед полицейской фотокамерой, приказали изобразить на лице что-нибудь посерьезнее.

- Вы держите его в одиночке? спросила Линда, когда они вышли из лифта и прошли через комнату отдыха, где собрались на предобеденный моцион пациенты. — Его сочли опасным?
- Я уже говорил, что он легко втирается в доверие. К пациентам особенно. Они наслушались его бреда и начали превозносить его почище Мессии. Мы опасались последствий.
- «Скорее, потеряли контроль над ситуацией», вздохнула про себя Линда. Они дошли до конца коридора и остановились у безликой белой двери с зарешеченным окошком.
- На него надели ремни, так что вам ничего не грозит. Я не жду от

вас вердикта после первого осмотра, но если вам покажется, что...

Не дослушав стандартную формулу, Линда толкнула дверь и оказалась в небольшой квадратной комнате с белыми стенами и высоким потолком. Флуоресцентные лампы, пришедшие на смену угасающему зимнему дню, как-то уж очень ярко освещали спартанскую обстановку комнаты-камеры — кровать с железной решетчатой спинкой, стул, стоящий посередине комнаты, и стол у дальней стены, на котором не было ничего, кроме перекидного календаря.

- Добрый день, мистер Смит, поприветствовала Линда сидящего на кровати мужчину. Я доктор Гамильтон, из Вашингтона. Округ Колумбия, пациент улыбнулся не разжимая губ. Я был там когда-то. Наверное, уже снег лежит, не то что здесь? Эта зима очень теплая. Линда присела на посетительский стул. Вы бывали в Вашингтоне? Когда?
- Давно, Смит усмехнулся уголком рта. Вас еще не было на свете. Линда многозначительно кашлянула, но не стала скрывать улыбки. Летом ей минуло пятьдесят два года, Смиту же никак не могло быть более сорока пяти.
- Будем считать, что это комплимент. Итак, Джон Смит. Это ваше настоящее имя?
- Смотря что вы имеете в виду под словом «настоящее», пожал плечами пашиент.
- Это имя дали вам при рождении?
 Сомневаюсь, что при рождении мне дали какое-нибудь имя. В любом случае, рассказать об этом было некому, так что пришлось позаботиться о себе самому.

По-английски Смит и вправду говорил безупречно, но не как американец. Некоторые звуки как будто натыкались на невидимую преграду и приобретали жесткость, свойственную германским языкам центральной Европы. «Германия? Австрия? Швейцария?» — сделала Линда пометки в блокноте. Ей предстояло проверить это, как только она получит запись беседы.

— Вы сирота?

- Родителей я не помню, так что, наверное, да, сирота.
- Где вы родились?
- Точно не скажу, но предполагаю, что на планете Земля.
- «Спасибо хоть, что не на Марсе», улыбнулась про себя Линда.
- Сколько вам лет?
- Семь тысяч пятьсот девятнадцать, улыбнулся пациент, откидываясь на спинку кровати. Если верить иудейской Библии.

Линда внимательно посмотрела на него, оценивая ситуацию. Беспечная поза (настолько, насколько позволяли кожаные ремни на запястьях) и легкая улыбка выдавали человека, приготовившегося наслаждаться эффектом, который произведет его откровение. «Нет уж, такого удовольствия я тебе не доставлю, — подумала Линда, механически кивая в улыбающееся лицо пациента. — Зрителей с тебя уже достаточно».

- Вы были первым человеком в Раю? Господь создал вас из глины...
- ...а жену из моего ребра, улыбка Смита стала шире и как будто непринужденнее. — Оставим область мифологии. Все это так же возможно, как и невозможно. Да и ребра у меня все на месте.

Похоже, поведение и слова Линды доставляли ему удовольствие.

- Значит, вы не помните, где и когда родились?
- Увы, память не бесконечна. Происходит слишком много событий, чтобы они воспроизводились одинаково живо. Человек обычно неплохо помнит то, что происходило с ним в последние три-четыре года, а вот события десятилетней давности, если они не произвели тогда особого впечатления, всплывают уже с трудом.
- «Хорошо выкручивается, уважительно отметила Линда. Посмотрим, где картина его мира даст трещину».
- Вы ведь понимаете, что ваша долгая жизнь не совсем обычное явление?
 - О, безусловно.
- У вас есть какое-то объяснение этому феномену?
 Я как-то по-особому питаюсь энергией Земли и Солнца. Они поддерживают в благоприятном состоянии мое тело и преобразуются в импульсы, которые можно материализовать вовне.
 - Каким образом?
- Вылечить человека. Помочь быстрее зажить ушибу, срастись кости. Иногда даже вернуть жизнь, если сердце... Но вы, кажется, меня не слушаете.
- Йет, отчего же? Продолжая сохранять на лице серьезность, Линда оторвалась от блокнота, в котором для вида записывала последнюю фразу Смита. — A сломанный ноготь? Вы сможете его поправить?
 - А вы осмелитесь протянуть мне руку?

В глазах пациента мелькнул странный огонек, и Линда почувствовала, как по плечам побежали мурашки. Но не прошло и секунды, как неприятное ощущение отпустило, а Смит вновь принял благодушный вил.

- Не надо героизма. Во-первых, мне понадобился бы обломок ногтя, а вы вряд ли принесли его в кармане. А во-вторых, я при всем желании не могу помочь вам с маникюром в стенах клиники.
- Почему же? Линда вдруг поймала себя на том, что машинально потирает тыльную сторону ладони, которую уже готова была протянуть Смиту. Нехватка энергии Солнца и Земли?
- Ваш ноготь может поднять много шума. Пока мной интересуются только две инстанции, но если я начну представлять научный интерес... Это несколько противоречит моим планам. На данный момент пристанище меня вполне устраивает. Здесь куда комфортнее, чем в тюрьме или в научной лаборатории. Да и сбежать отсюда будет гораздо проще.

«Симулянт ты или душевнобольной, но ума тебе явно не занимать», — с чем-то похожим на уважение подумала Линда. «Нелегкое дело» доктора Альфреда обещало быть интересным.

- Значит, вас изучали?
- Без малого десять лет. И могу вам сказать, что это было одно из самых ужасных десятилетий в моей жизни.

Обведя в кружок «Швейцарию», Линда мысленно похвалила себя и поднялась со стула.

- Что ж, спасибо за беседу, мистер Смит, она была для меня очень познавательна.
- Уже уходите? насмешливо спросил пациент, приподнимая брови. Пятиминутного разговора нынче достаточно, чтобы сделать заключение о состоянии больного?
- О нет, мы с вами еще встретимся. Пока же мне надо подумать над тем, что вы мне рассказали. Не каждый день встречаешься с божьим чудом.

* * *

Мальчик идет впереди меня, громко шмыгает носом. Шаг его неровный, он то и дело оступается, дважды чуть не упал.

- Hy, noweл! — кричит Саныч, явно жалея, что ему выпало замыкать шествие и он не может ткнуть мальчика дулом в спину. — Вань, отвесь ему с ноги! А то ползет, как слизняк... Сука.

Мальчик что-то бубнит себе под нос и едва слышно стонет, с трудом сдерживая рыдания. Вспоминается залитое слезами лицо Буревестника, вышедшего из барака — что-то невнятное шептали его губы, густые усы колыхались и дрожали, делая писателя похожим на кита. Таким же неровным шагом дошел он до коляски и, забравшись в нее, махнул рукой: «Трогай!» Коляска поехала в сторону дома начальника лагеря, а дети уже хлынули в барак, галдя наперебой:

- «А про комариков?..»
- «А как с лестницы спихивают?»
- «А о ночевках в снегу?..»
- «Все рассказал, братцы», то и дело слышался усталый ответ, и в этом юном голосе было столько чувства собственного достоинства, что стало даже немного завидно.

Саныч глядел вслед коляске, плотно сжав губы. Сплюнув, чертыхнулся, с ненавистью посмотрел на копошащихся в бараке мальчишек: «Глаз с него не спускать. С-сучонок...»

И теперь он стоит у задней стены барака— худой, оборванный пацан, черт знает какими судьбами занесенный в соловецкую Дет-колонию,— стоит и воет, захлебывается соплями, покачивается, судорожно дышит, сжимает кулаки.

— Что, страшно помирать? — Саныч сплевывает желтую слюну и злорадно склабится. — В штаны нассал? Гаденыш! Я 6 тя дважды расстрелял, сука! Ружья!

Я поднимаю винтовку, прикладываюк плечу.

- Цельсь!

Прости, парень.

— Огонь!

Три выстрела грохают, как один, заглушив плач мальчишки— и оборвав его. Он дважды вздыхает, пытаясь вобрать воздух пробитыми легкими, падает на колени и, всхлипнув, утыкается лицом в траву.

- Совсем обнаглели, твари\— Саныч подходит к трупу и несколько раз пинает его ногой под ребра. Стучать вздумал! На хлеб всех, на неделю! И только гад какой пикнет!
- Приберешь? тихо спрашивает меня Серега. Голубоглазый, веснушчатый. Лет на пять старше расстрелянного мальчишки, а мысли все о вчерашнем проигрыше в «орлянку». Соловки остров контрастов.
- \dot{M} ди, киваю я вслед Санычу, твердой походкой огибающему барак, над которым все еще реет растяжка: «Нашему другу Алексею Максимычу ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ».

Оставшись один, убираю за плечо винтовку, подхожу к мальчику. Под скрюченным тельцем быстро растекается красная лужа. Едва заметно трепещут на ветру грязные волосы. Еще не поздно. Есть еще как минимум полторы минуты.

Я подхватывю его на руки и, закинув на плечо, несу к яме. Легко бъет по спине безвольная детская рука. Не боялся он смерти, не от страха плакал. Плакал он, потому что идеалы погибли, то, во что верил, сокрушилось. Уехал Буревестник, и не подумал помочь. Воспевать он приехал, а не хулить. Всплакнет потихоньку да увековечит мальчишку в одном из своих романов, наделит его внешностью какого-нибудь

бродяжку — и чиста совесть $^{\scriptscriptstyle 1}$. А народ и имени его не узнает. Да и я скоро забуду.

Бережно опускаю мальчишку в яму, от которой уже смердит — четыре дня как первого скинули, завтра закопаем. Висок еще теплый, хотя минуту как должен был остыть. Как будто издеваясь, держится жизнь, просит: «Помоги!» Но что я могу сделать на голом острове? Ни спрятать его, ни кормить, ни бежать помочь не смогу. Это Буревестник мог, а я-то? Разве что Санычу удовольствие второй раз расстрелять доставлю.

— Прости, парень, — шепчу я, прикрывая застывшие глаза, устремленные в белое июньское небо.

* * *

- Снимите с него ремни, сказала Линда санитарам, подойдя к комнате Смита.
- Должен вас предупредить, что сегодня он неспокоен, сообщил доктор Альфред. Ночью пришлось ввести ему успокоительное.
 - Кошмары?
 - Или новый способ привлечь внимание.

Линда отмахнулась и вошла в комнату.

— Очень любезно с вашей стороны, — раздался глухой голос пациента. — Надо думать, сегодня вы принесли обломок ногтя.

Судя по всему, поспать ему не довелось: под глазами залегли тени, лицо осунулось, да и голос звучал как-то иначе.

- Вы нездоровы?
- Пустяки, улыбнулся Смит уголком рта. Так, хандрю немного. Некоторые воспоминания не доставляют особого удовольствия.
 - Расскажете?
 - Не приведи Господь. Поговорим о чем-нибудь более приятном.

Внезапно Линда поняла, что подразумевал доктор Альфред под сложностями с акцентом. Если вчера Смит говорил как уроженец немецкой земли, то сегодня его речь приобрела иное звучание: сохранив резкость и топорность, она стала неожиданно мелодичнее за счет мягких согласных, не свойственных германским языкам. «Полиглот или хороший пародист? — Линда пометила в блокноте факт широких лингвистических знаний пациента. — И если первое — на скольких языках он говорит?»

¹ Широко известна история о том, как Максим Горький во время поездки на Соловки встретил мальчика, который не побоялся рассказать писателю о зверствах в Детколонии. Горький вышел из барака в слезах, но не обмолвился о произошедшем ни начальнику лагеря, ни позже в публицистике. В день отплытия писателя мальчика расстреляли. Его имя осталось неизвестным.

^Историю о мальчике подробно рассказывает А.И. Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ».

- Хорошо, мистер Смит. У вас есть семья? Жена, дети?
- Не в этом веке. Я не испытываю потребности в женщине уже лет пятьсот, а мой последний сын умер в двадцатых годах четырнадцатого века.
 - И как вы это можете объяснить?
- Старею, улыбнулся он, насмешливо подмигнув Линде. Да и надоело, знаете ли. Не самое большое удовольствие знать, что твои жена и дети обречены, а ты, закопав их в землю, не придумаешь ничего лучше, чем создать новую семью, которую вскоре так же закопаешь в землю.
 «Потерял близких», — записала Линда. Это могло стать хорошей
- запепкой.
 - Они умирали своей смертью или...
- По-разному бывало. Некоторых я покидал, когда неизменность моего внешнего вида становилась предметом толков и сплетен соседей. Две женщины дожили со мной до глубокой старости. Одна покончила с собой, когда я открыл ей правду. Последняя погибла в расцвете лет. Из-за меня.

Карандаш несколько раз обвел слово «потерял» и замер. Линда пыталась распознать в голосе пациента боль и муку, вызванные чувством вины, но слышала лишь усталость невыспавшегося человека.

— Расскажете, как это случилось?

Смит оценивающе посмотрел на нее, словно прикидывая, стоит ли игра свеч.

— Ee схватила инквизиция. В Испании это, знаете ли, было нормально — подозревать в колдовстве всех и каждого, а если ты дочь знахарки, а муж твой на досуге исцеляет прокаженных, у тебя немного шансов избежать костра.

И хотя голос его так и не дрогнул, Линда снова почувствовала, как ее сковывает изнутри мертвенный холод. Его равнодушный и повседневный тон нагонял куда больше страха, чем привычные спектакли со слезами и истериками.

- A это исцеление как оно происходит? Вы просто кладете на человека руки, и он...
- Увы, все очень непросто, прервал ее Смит, отвернувшись к за-решеченному окну.
 Это безумно...

* * *

...больно. Кажется, что все тело пронзают раскаленные иглы. Нечто похожее пришлось испытать в подземельях Гаруна аль-Рашида, когда металл загоняли под ногти, но на этот раз во сто крат хуже. Как могло принести такую боль это юное создание, только начинающее жить?

Девушка глубоко вздохнула и открыла глаза. Несколько мгновений смотрела на меня непонимающим взглядом, а затем тихо вскрикнула и прижала руки к разорванному лифу платья.

- Беги, махнул я рукой, не отдавая себе отчета, в ту ли сторону. Предупреди своих. Это была разведка, завтра их будет в сто раз больше. Пусть вам пришлют помощь из Вокулёра.
- Что произошло? прошептала девушка, перебирая в пальцах окровавленные лохмотья. — Я упала... И лошади... Это были англичане?
- Нет. Язык словно порос волосами и еле ворочается, так что сам с трудом разбираю, что говорю. Французы.
 - Но как же?..
- Это война. Здесь нет своих и чужих, здесь каждый сам за себя. Беги в Домреми, возьми троих мужчин, и скачите во весь опор в Вокулёр. Вы еще можете спасти деревню.

, В ее голубых глазах снова появились слезы.

- Что они со мной сделали?
- Huчего.
- Но я помню... Лошади... Я упала, а они окружили... И так больно...

Нет, девочка, ты не знаешь, что такое боль. Боль — это когда глаза лопаются и текут по обгоревшим щекам. Это когда кровь в жилах закипает, а в горле словно кол застрял, дым и пепел заменяют воздух, и ты горишь, словно факел, ты уже мертва, но все еще чувствуешь... Тебе только предстоит это узнать.

- С тобой все в порядке. - С трудом поднявшись на ноги, помогаю ей встать. - Они не причинили тебе вреда. Господь сохранил твою невинность.

Ее испуганное лицо перемазано землей и кровью. Грязный чепчик съехал набок и открывает взору рыжевато-бронзовые волосы. Вот она, передо мной — девушка, которая станет легендой. Спасительница Франции, Дева-воительница. Я только что помог свершиться воле Всевышнего — я обрек ее на страшную гибель во имя бессмертия.

- Как вас зовут? тихо спросила она, благодарно пожимая мои ладони.
 - Жан, с трудом улыбнулся я.
- Как и меня. В заплаканных глазах светится восхищение и благоговение. Благодарю вас, Жан.
 - Храни тебя Бог, Жанна.

* * *

- Вы путешествуете согласно какому-то плану?
- Как правило, нет. Иногда меня озаряет, и я спешу через полмира в какой-нибудь богом забытый уголок Земли, но это случается не так уж и часто. Смерть и болезни есть везде.
 - И вы помогаете всем?

- Что вы, доктор. Вы представить не можете, сколько людей страдает в эту минуту в радиусе одного километра.
 - To есть, вы сами выбираете, кому жить, а кому умирать?
- Как и любой врач. Есть случаи благоприятные, есть безнадежные. Хотя иногда я просто закрываю глаза и жду, какая рука коснется меня первой.

В этот день его речь была тороплива, как у южанина, а легкое грассирование навевало мысли о бескрайних виноградниках Шампани. Линда разослала запросы во все европейские клиники, но ни одного похожего случая в последние годы зафиксировано не было.

— Как по-вашему, зачем все это? Ваше существование — случайность

- или закономерность?
- Мне кажется, это своего рода попытка сохранить равновесие. Мне приходилось слышать о таких, как я, но встретить так ни разу и не довелось. Я думаю, это тоже часть плана.
 - Что вы имеете в виду?

Смит улыбнулся и покачал головой. Было в его глазах что-то умиротворяющее и одновременно тоскливое, так что у Линды то и дело сжималось сердце. Она никак не могла понять, что именно чувствует по отношению к этому пациенту. В тени его уверенности и логичности она чувствовала себя как никогда спокойно и, как ни смешно это звучит, защищенно. Спустя пять дней поиски прорех в его рассказах превратились в захватывающее путешествие по неведомым мирам, которые представали перед ней как наяву. Она не могла верить ему, но не могла и прийти к какому-то определенному решению — симулянт он или шизофреник. Да и кто сказал, что одно исключает другое?

- Если не дадут сбой магнитные поля и Солнце с прежней силой будет освещать космические просторы, я не умру своей смертью. Но для смерти насильственной я уязвим так же, как вы или доктор Альфред. Меня можно зарезать кухонным ножом, утопить в озере, расплющить колесами грузовика. Вы не представляете, насколько ужасно бесчисленные годы странствовать в одиночестве, но будь рядом со мной человек, обладающий теми же особенностями — окончу ли я когда-нибудь свой путь? А он? Мы не дадим друг другу уйти из жизни, и тогда равновесие может нарушиться. И бог знает, к каким последствиям это может привести.
- Вы боитесь смерти? еле слышно прошептала Линда.
 Больше всего на свете, так же тихо ответил Смит, сцепив пальцы в замок. — Потому что знаю, что ждет меня по ту сторону.

* * *

— Учитель? Осанна, он дышит!

Свод пещеры едва освещен мерцающими огнями. Чья-то рука лежит на моем плече. Слышится лай собак.

- с креста?
- Мы выкрали тебя из гробницы, губы Иоанна сильно трясутся, по щекам катятся слезы. — Выкрали вчера, а сегодня... Пытаюсь перевести дыхание, но дышать становится все тяжелее.

Кажется, я понял, что произошло.

- Сколько я был мертв?
- Два дня, учитель.
- *Мы вышли за хворостом, а когда пришли* он уже был здесь, шепчет мне в ухо Иоанн, суетливо поглаживая по плечу. — Сидел над тобой и держал тебя за руки. Я крикнул, чтобы он оставил тебя, но он не пошевелился. Тогда Петр схватил камень...
 - $\Gamma \partial e$ он? ϵ ужасе прошептал я, боясь услышать страшное.
- Он ушел, покачал головой Петр. Я хотел удержать его, но ты пошевелился, и мы бросились к тебе, а он...

Превозмогая боль, от которой ноет и рассыпается тело, держась за плечи учеников, я наконец поднялся. Ноги трясутся и отказываются стать ровно. По ладоням течет кровь, воскрешая в памяти крест... веревки... гвозди...

- Что ты делаешь?
- Я должен найти его.
- Тебе нельзя выходить! Солдаты Кайафы рыщут по всем окрестностям! Он приказал вернуть твое тело, а если они увидят, что ты жив... Они не побоятся! Они уже убили Лазаря!
- Я должен... сжав зубы, ковыляю вперед. Еще несколько шагов — и я хватаюсь за выступающий камень. В непроглядной тьме, тишину которой нарушает лишь лай собак, теплится одинокий огонек, быстро удаляющийся от пещеры. — Надо задержать... Остановить...

Но я не могу позвать его. Щурясь в темноту, впиваясь пальцами в камень, я могу лишь кусать в отчаянье губы, потому что не знаю даже его имени.

* * *

Линда укладывала вещи. Самолет в Вашингтон вылетал через четыре часа, и хотя ей не терпелось вернуться домой, сердце не отпускало щемящее чувство тоски, которое преследовало ее с той минуты, как она попрощалась с Джоном Смитом. С этим же чувством сделала она вчера заключение относительно состояния пациента:

— Этот человек болен. Верит он в то, что говорит, или нет — ему требуется серьезная психиатрическая помощь. Несомненно, на его

долю выпало много невзгод, и наш долг — сделать все, чтобы помочь ему вернуться в общество.

Доктор Альфред был вне себя от ярости.

— Этот прохвост провел вас, как медсестричку! Ваш диагноз надуман до предела, и половины симптомов не проявляется! Его место в тюрьме, а не в клинике!

Но Линда знала, что выбрала правильное решение. Если Джон Смит и выйдет из тюрьмы, его психика будет изувечена навсегда. Да и кто знает? — вдруг и вправду есть в этом человеке...

Зазвонил телефон.

- Вам звонит доктор Герхард из Цюриха, - сообщил секретарь с ресепшена.

Линда почувствовала, как все внутри напряглось и вытянулось в струнку. Неужели они нашли его?

- Доктор Гамильтон? зазвучал в трубке мужской голос с сильным немецким акцентом. Я доктор Герхард из клиники «Кильхберг». Вы оставляли запрос, связанный с установлением личности вашего пациента. Прошу прощения, что не ответил раньше, у меня была долгосрочная командировка, а большая часть персонала не в курсе того, что здесь произошло десять лет назад.
 - Что произошло?
- Жуткая история, доктор. Если я не ошибаюсь, этот парень, ваш пациент наш доктор Йохан Шмидт. У него была жена и сын прелестный мальчуган, сейчас, должно быть, уже колледж закончил. Жена его откуда-то с юга то ли испанка, то ли португалка. Привязалась к одному больному как сейчас помню, он все о вечной жизни говорил, мол, он секрет знает или что-то в этом роде. А потом возьми да спали все восточное крыло, да и ее заодно. Ну, у Йохана на этой почве и пошло... Запил, наркотики... Медикаменты воровал... В суд на него не подавали, но от работы отстранили, родительских прав лишили, а потом и сам он сгинул куда-то. Годы, конечно штука серьезная, но мне кажется, что...
- Пришлите мне факс, деревянным голосом выговорила Линда и, бросив трубку, быстро набрала номер доктора Альфреда. Это Линда Гамильтон. Мне нужно еще раз увидеть Джона Смита. Похоже, что я...
- Боюсь, это невозможно, доктор Гамильтон, устало и язвительно прервала ее трубка. Этой ночью мистер Смит сбежал.

Иван Соболев

БЕГСТВО В РЕАЛЬНОСТЬ

- Это твоё окончательное решение?
- Да.

Андрей задумчиво посмотрел на меня. Было видно, что ему трудно подобрать слова для ответа.

Я тоже почувствовал себя весьма неуютно, словно действительно в чем-то был виноват. Но при этом прекрасно понимал, что сделать это было надо, не сегодня — так завтра, какая разница?

— Что ж, удерживать тебя я не могу. Ты же знаешь, это не в правилах нашего общества, где возможность свободного выбора занятия — один из основополагающих принципов. Но, во-первых, я хотел бы тебе сказать, что ты нам по-прежнему нужен. И как специалист, и как человек. Во-вторых — поскольку я знаю тебя и некоторую характерную для тебя спонтанность, хочу спросить: ты хотя бы сам себе можешь ответить, чем будешь заниматься потом?

Теперь настала моя очередь задумываться. Потому что чёткого понимания этого у меня, конечно, не было. Но отвечать что-то было надо. И желательно без старомодного лукавства.

- Скорее всего, вначале уеду куда-нибудь в Восточную Сибирь, проветриться. А потом... В общем, там видно будет. По планете поезжу, поснимаю «тридэшки», может, напишу что-нибудь. По итогам, как говорится...
- Но для этого ведь не обязательно уходить насовсем! Двух месяцев на «проветриться» тебе хватит?
- Ĥет, Андрей, я уже решил, что жить в виртуальной реальности мне больше не хочется. Сам подумай творим мы здесь, в основном, за экранами, в псевдопространстве. Сборку ведут роботы, а момент истины наступает на орбите. И далеко не для нас.
- Да, это так. Но ведь без нас с тобой этот момент вообще никогда не наступит...

Он повернул голову и посмотрел в окно, как мне показалось, с некоторой грустью. Задумался. Затем снова повернулся ко мне.

- Повторюсь удерживать я тебя не буду. Никаких старомодных обид тоже не будет. Ты волен вернуться в любой момент, когда передумаешь.
 - Древние говорили, что в одну реку дважды не войти.
- Ну, что ж... с этого момента твои обязательства заканчиваются. Впрочем, проект практически завершён, ты никого не подводишь, а под новый будем и новую команду формировать, справимся. А тебе всяческих удач и спасибо за работу!

И всё-таки мне было неловко.

- Не благодари...
- Отчего же? Ты сам прекрасно знаешь и свою роль, и свой вклад, так что не прибедняйся. С жильем-то определился?
 - Пока нет. Но если необходимо...
- Не веди себя, как униженный обыватель прошлого века! Живи там, где живешь, пока на новом месте не определишься. И опять же вдруг ещё передумаешь?

* * *

Город образовывался множеством полусферических жилых домов, размещённых посреди наполненного смолистыми ароматами и птичьими перепевами хвойного леса. То здесь, то там возникали они между древних сосновых и лиственничных стволов, напоминая то ли перевернутые гнезда, то ли наполовину закопанные в землю яйца гигантских птиц, возможно, живущих где-то в других планетных системах.

Специфика нашей деятельности предполагала, что большая часть работ выполнялась в виртуальной среде, войти в которую можно было, вообще никуда не выходя из дома. А при желании пообщаться с коллегами или товарищами лично всегда можно было просто зайти в гости. Или приехать — на велосипеде, самокате, а если уж совсем лень ногами шевелить, то и на электроцикле. Так работали многие. Те же, кто предпочитал иметь постоянный личный контакт друг с другом, творили в главном корпусе — сверкающей огромными окнами самой большой полусфере, раздувавшейся в центре. Недалеко от неё посреди зеленого ковра синело озеро с взлетающим в небо фонтаном, из снопа сверкающих струй которого стремилась ввысь металлическая стела, увенчанная моделью архаичной уже ракеты.

Именно здесь, в этих стенах, а точнее — под этими куполами родились практически все космолёты последнего поколения. Созданию которых немало своих сил отдал и я. И вот теперь я отсюда ухожу. Удовлетворённый тем, что наконец-то сумел преодолеть долгие внутренние колебания, я подошел к своей полусфере, притулившейся под высокими, почти упиравшимися в небо соснами, и коснулся ладонью стены.

Входная дверь тихо поднялась вверх. Я шагнул в прихожую. И сквозь проем комнатной двери сразу увидел человека.

Сидя в моём любимом кресле, основанием которого служила гигантская морская раковина, он потягивал через соломку из узкого и высокого сосуда одуванчиковый коктейль. Вмонтированный в стену синтезатор подмигивал желтым диодом — аппарат накапливал растраченное вещество, очевидно, заказ был сделан ещё совсем недавно.

Подтянутая фигура гостя и строгие черты его лица показались мне неимоверно знакомыми. Неужели?.. Но раньше чем я успел удивиться, он встал и, отставив в сторону сосуд, сделал шаг в моём направлении.

— Привет бойцам инженерного фронта!

Теперь узнать его мне не составило труда — казалось, что с момента нашей крайней встречи прошло не пять лет, а пять часов. Наверное, действительно вне Земли люди медленнее стареют.

- Алекс! Какими судьбами? Ты же сейчас, вроде как, на Красной планете должен геройствовать?
 - А вот такими! Граждане СССР имеют право на отдых или нет?
 - Ты когда прилетел?
- Сегодня утром. Завтра улетаю в горы. Но перед этим мне здесь нужно вашим «отцам-командирам» кое-какие материалы передать, по результатам опытной эксплуатации «Прибоев». Ну, и подумал, а вдруг и тебя встречу? Решил подождать.
 - И, как я вижу, подождал?
- Hy да хорошо, двери в жилища в вашем городе не кодируются, все свои, не от кого. Иначе пришлось бы дорогому гостю ждать у порога! Я тут твоим «пищеблоком» воспользовался, не ожидал, что ты так скоро появишься. Тебе сделать ещё один?

 — Не, не надо. Уже в институте пообедал. Расскажи лучше, что там
- происходит у вас?
- Живём и здравствуем! Транспортники снабжение таскают, а мы потихоньку обживаем полярную шапку, в лёд вгрызаемся. Скоро третья база откроется, но уже у Южной шапки.
 - Рядом с американским сектором?
- Ну да, договор уже есть. И они потом около нас свою откроют взаимообмен, так сказать.
 - То есть потихоньку отбираете хлеб у автоматов?
- Ничего, не проголодаются. Автоматы это всего лишь машины для быстрого сбора информации, и то не всякой. Они, конечно, умные, но они — глупые! По-другому сказать не могу даже.

За стеклом по округлому боку купола прошуршала упавшая шишка и глухо стукнулась в покрытие дорожки.

— А теперь давай-ка ты рассказывай, что там у тебя нового?

- Самое новое, что есть, я ушел из института. Насовсем.

Алекс на долю секунды замер и даже присвистнул на старомодный манер.

- Вон оно как... А что случилось?
- Последнее время всё чаще сам себе напоминаю офисного работника прошлого. Только те по клавиатуре стучали, а у нас интерфейс более продвинутый — ты полностью погружен в виртуальную среду, где существует создаваемый объект. Вернее, существуешь в этой среде

вместе с создаваемым объектом. Вот только себя самого за этой виртуальной реальностью я уже ощущать перестал.

— Hy, от тех самых «крыс» пользы было, если ты помнишь, не сильно много. А уж тебе-то совсем не пристало жаловаться на бесцельное существование.

Желтая струйка коктейля вновь побежала вверх по прозрачной соломинке. Поглотив очередной глоток, Алекс продолжил разговор.

- Странный ты. Заниматься передовой инженерной практикой, иметь за спиной несколько реализованных проектов, стоять, как когда-то говорили, на переднем крае — и вдруг что? Как говорили упомянутые обитатели офисной среды — «Надоело?»
- Нет, не надоело. И прекрасно я всё знаю про нашу роль. И проекты свои помню. И работу свою сейчас довел до логического конца, так что никаких последствий мой уход за собой не повлечёт — там дальше и пятикурсники «Королёвского» справятся. А может, даже и третьекурсники.
 - Чего же ты хочешь?

Эх, если б я сам мог себе это объяснить словами! Ну почему мы ко второй половине 21-го века так и не освоили телепатию, чтобы можно было другому человеку передавать свои ощущения без потерь смысла при их вербализации и — тем более — последующей девербализации! А так придется искать наиболее близкую аналогию...
— Звёзд над головой. Или хотя бы в иллюминаторе.

- Э-э-э-э.... И где ж ты раньше-то был?
- Вначале там же, где и ты, только на другом факультете. Потом на практике. Потом занялся, так сказать, строительством лестницы к планетам. Здесь. Потом — понял, что было бы хорошо и самому по ней подняться.
 - Чего ж тогда сразу не подал заявление?
 - А вот не угадал. Подавал.
 - И как?
 - Забрал обратно.
 - Почему?
 - Потому что понял, что отсеюсь.
- Ну и отсеялся бы. Что, тебя спросил бы кто? И даже если бы и спросил ответил бы, что «не прошел ИМБП», все было бы понятно. А сейчас что ответишь — «духу не хватило»?

По куполу глухо ударила новая шишка. Алекс повернул голову на стук.

- Мне что-то комнатный воздух надоел. Давай свод откроем?
- Предпочитаешь синтезированную атмосферу планетных баз и скафандров? — не без иронии ответил я. — Но открыть — запросто!

Я прикоснулся к панели рядом со столом, полусферическая крыша послушно сложилась, спрятавшись в стену. Над нашими головами в проёме между распушившимися иглами ветками открылся лазурный свод июньского неба, расчеркнутого легкими мазками перистых облаков. Среди которых чертил свою серебряную стрелу очередной суборбитальный «Илюшин».

Алекс проводил его взглядом. И продолжил.

- А почему ты так уверен, что тебя бы не взяли?
- Сердце.
- Ну, как ни странно, у меня оно тоже есть. А что конкретно? Сейчас, вроде, кардиопатологии не представляет особо сложной задачи для медицины...
- Никто не знает. Уже сотни раз всякие тесты проходил, и светили, и крутили, и что только ни делали всё чисто. «Никаких патологических изменений». Несмотря на все медицинские успехи последних лет, о Марсе мы до сих пор знаем больше, чем о самих себе.
 - Тогда в чем вопрос?
- Просто иногда не по себе. Вначале словно в какую-то пустоту падаешь, потом наоборот колотиться начинает...
- Ты, наверное, тут сидишь сиднем, как молодой Илья Муромец? Хотя на вид жиром вроде ещё не заплыл...
- Скажешь тоже не-е, свои километры я пробегаю и проплываю стабильно. Да и концепция города без автотранспорта, вообще-то, не сильно располагает к тому, чтобы превратиться в жирного кота. Алекс дотянул остатки желто-солнечной массы, отставил бокал с со-

Алекс дотянул остатки желто-солнечной массы, отставил бокал с соломинкой на блестящую поверхность стола. И неожиданно вернулся, как мне показалось, к уже завершённой теме.

— Видишь ли... Космос — это как театр. Им нужно жить! Я знал многих, кто хотел туда. И кто либо так и не смог туда попасть, либо в итоге вернулся обратно на планету. Эти люди прекрасно проходили подготовку и свою работу выполняли неплохо. Некоторые даже очень хорошо. Но — они им не жили! Не случайно отбор мы проводим в возрасте двадцати пяти — двадцати семи лет, когда человек, с одной стороны, уже опытен и рассудителен, с другой — ещё достаточно податлив, чтобы перестроить себя, принять новый мир, срастись с ним. Ведь в отличие от пилота прошлого века, отрывавшегося от Земли на несколько часов, космолётчик проводит вне родной планеты месяцы и годы. Возможно, что скоро речь пойдёт уже о десятилетиях. И их нужно будет не просто проводить, не просто выполнять при этом свою работу — повторюсь, там нужно жить! И даже не только и не столько «там», а именно «им»! Потому что без этого хорошо выполнять свою работу у нас невозможно.

Он перевел взгляд на меня.

- Ты уверен в себе?
- Не знаю, честно ответил я.

- Верю. Потому что, тебе могу сказать, я тоже вначале не был уверен. И никто не может быть уверен - узнать, на что ты на самом деле способен, можно только в деле.

Он снова поднял глаза на небо. Но «Илюшина» на этот раз над нами не оказалось — единственными летающими объектами, пересекавшими бело-голубую прогалину, были белки, изредка прыгавшие с ветки на ветку. После прыжка одной сверху прямо на наш стол приземлилась новая шишка, с хрустом отскочила от крышки, закрутилась волчком на полу, с каждым оборотом замедляясь. Алекс проводил её глазами, дождался, пока вращение прекратится. Потом вернул взгляд на меня, очевидно, уже приняв решение.

— Значит, так. Сегодня, как я уже сказал, мне нужно зайти в вашу вотчину. Завтра я улетаю на Тянь-Шань. Давай-ка со мной? Пообщаемся— всё же сколько лет друг о друге только вспоминали. Физически разомнемся. И заодно посмотрим, что там с тобою происходит.

* * *

Пассажирский октокоптер, своим корпусом напоминавший большое чечевичное зерно, плавно причалил к краю скальному плато, на котором среди густых волн сочной травы и зарослей неизвестных мне растений приютился выполненный в старинном стиле бревенчатый домик. Выбросив за борт рюкзаки, мы спрыгнули в мягкий зелёный ковер, расцвеченный желтыми и белыми вкраплениями альпийских цветов.

— Мы на месте. Благодарю! — обратился Алекс к кибермозгу.

Беспилотник приветливо качнулся из стороны в сторону, медленно отошёл от причальной площадки, с набором скорости ушел вниз, в долину. И мы долго смотрели ему вслед до тех пор, пока красная точка не стала совсем незаметной на фоне покрытых лесами хребтов.

Разминая затекшую в узком кресле спину, Алекс прогнулся назад, затем широко раскинул руки в стороны и мечтательно зажмурился, обернувшись к блестевшему в вышине солнечному кругу.

— Как же всё-таки здесь здорово!

Я прекрасно понимал причину такой поистине детской радости своего товарища— на протяжении нескольких лет он видел Солнце размером лишь слегка больше половины привычного нам диска...

- А что это за хижина?
- Дом для бродяг. Место, где можно остановиться перед выходом. Сегодня переночуем в нём, а там видно будет.

Я ещё не мог окончательно осознать место, уготовленное мне в этой поездке. Ну, он-то будет лазать по горным тропам и скалам, а я?

Подойдя к постройке, Алекс по-хозяйски распахнул дверь, отозвавшуюся недовольным скрипом массивных петель.

— Заходи!

Внутреннее убранство «дома для бродяг» явно перешагнуло в наши дни из прошлого века. А, может, даже позапрошлого, — я не столь большой знаток истории быта.

В центре домика стоял большой и крепкий стол, вокруг которого в круг выстроились такие же крепкие лавки. В углу белела кирпичами древняя печь. Интересно, откуда для неё дрова приносят? Приглядевшись, я заметил, что «печь» своим антуражем лишь скрывала газовую плиту, питавшуюся от спрятанного за нею газового баллона, но всё равно — кто сейчас газом пользуется?

На бревенчатой стене — и не лень же было кому-то сюда брёвна тащить? — на двух огромных гвоздях висела полка с посудой. Тарелками, стаканами, вилками-ложками. У самого края стояла большая глиняная бутыль, рядом с ней — мешочек с какими-то палочками с зелёными и коричневыми головками... Вот это да! Неужели где-то на Земле ещё сохранились так называемые «спички»?

Возле дальней стены притулилась кровать с толстым и мягким матрасом, одеялом и подушками, от одного вида которой веяло каким-то давним и уже забытым уютом. Над нею висел ковер с картиной, изображавшей, по всей видимости, охотников, остановившихся отдохнуть на привале.
Алекс подошел к кровати, поставил около неё свой рюкзак.
— Заходи, здесь мы будем жить. Что, непривычно?
— Честно говоря, немножко да.
-Эх... А ведь в такой обстановке люди жили многие века. Распола-

- гайся, а я пока с плитой поколдую.

Я присел на кровать и заметил, что на тумбочке рядом с ней лежали несколько журналов, датированных началом века. Взяв один из них, я наугад раскрыл его.

Текста было не очень много, в основном — фотографии.

...Человек в ярком комбинезоне на горных лыжах летел по невообразимо крутому склону. Прямо перед ним снежную пелену разрывали два каменных зуба, под которыми чернел обрыв. Было очевидно, что единственный остававшийся шанс для лыжника— это не промахнуться, попасть в узкий проход между ощетинившимися камнями и прыгнуть с обрыва, приземлившись ниже в надежде на то, что снег там достаточно глубокий и надёжно укрывает другие возможные камни. Именно это неизвестный лыжник и собирался сделать— ведь не случайно же в нужной точке оказался фотограф?

На другой фотографии уже другой человек падал вниз головой в пропасть, разверзнувшуюся под какой-то ферменной конструкцией. С ней его связывала верёвка, другим концом обвивавшаяся вокруг ног. Смысла этого поступка я не понимал, но, наверное, тому человеку это зачем-то было нужно.

Следующее изображение занимало весь разворот целиком — на фоне черной грозовой тучи, из-под которой сочились последние лучи закрываемого Солнца, словно три перевернутых вниз наконечниками лунных серпа, висели купола-крылья, под которыми угадывались маленькие фигурки пилотов. Пожалуй, это была наиболее спокойная картина, изображавшая не бессмысленный риск, а встречу человека с природной средой. Хотя было понятно, что если парапланы не приземлятся в ближайшие считанные минуты, то придется им весьма несладко.

Я отложил журнал в сторону. — Что это?

Алекс скосил взгляд.

- А, ты добрался до местной библиотеки? Это журналы, когда-то издававшиеся для так называемых экстремалов — людей, искавших для себя опасных ситуаций. Причем поиск этот в большинстве случаев был для них самоцелью.
 - А зачем они всё это делали?
- В ту эпоху, эпоху расцвета общества потребления, значительная часть человечества погрязла в комфорте. Отчасти это было результатом часть человечества погрязла в комфорте. Отчасти это оыло результатом стремления к лучшей жизни, отчасти — целенаправленной политикой. Человек, утонувший в благополучии, не станет задумываться о том, чем и кем это благополучие оплачено — живи себе и радуйся!

 Только вот человеку в силу самой его природы нужно постоянно расширять границы своего существования, искать что-то новое, ри-

сковать, жертвовать малым ради большего, причем не обязательно очевидного. В человеческой психике сосуществуют, с одной стороны, стремление к более качественной жизни, с другой— необходимость постоянно бороться, преодолевать трудности, утверждать себя в этом преодолении. Людям, отказавшимся от всего этого, казалось, что они надёжно обезопасили себя, сделав максимально спокойным и размеренным своё существование и переложив обязанность рисковать и терпеть лишения на плечи других людей, это самое существование обеспечивавших. Но обыватели границы веков не понимали того, что сами для себя создали ещё большую опасность. Которая просто убивала их— вначале психологически, а потом, через хроническую неподвижность и проистекавшие из неё болезни, и физически.

И тогда начала формироваться особая субкультура экстремалов. Эти и тогда начала формироваться осооая суокультура экстремалов. Эти люди, устав от офисного благополучия и комфорта, искали себе занятие, связанное с риском и преодолением трудностей, страха, собственных комплексов. Понятно, что пользы человечеству от этой субкультуры не было — ведь риск для них был самоцелью, не обусловленный никакими высшими устремлениями. Более того, общество потребления и рыночная экономика мгновенно отреагировали на новую реальность через создание нового пласта сферы услуг...

- Но ведь ты сам тоже ходишь в горы. Зачем?
 Верно, хожу. И когда смотрю с нескольких тысяч метров на планету внизу, то испытываю примерно такие же чувства, как при виде картин древних мастеров. Но самоутверждаться, прыгая в пропасть на верёвке, мне совсем не нужно.

И, помолчав, он добавил:

И, помолчав, он добавил:
— Знаешь, в ранние годы существования первого Союза был популярен лозунг о покорении и переустройстве природы. Понадобился почти век для того, чтобы понять — природу невозможно покорить, тем более переустроить под себя. Можно только самим постоянно расти и вырасти настолько, чтобы суметь взять те блага, которые она нам даёт. Когда-то люди в свои короткие отпуска убегали из дымных городов, чтобы увидеть хотя бы чистое, естественное небо. Сейчас наши города совсем другие, нас не душит транспорт, суета и постоянные стрессы. А вот рассвет с хорошего, трудного перевала выглядит всё равно совсем по-другому, хотя, казалось бы — то же самое светило в том же самом небе.

Алекс замолчал, словно пытаясь посчитать, сколько же таких рассветов было уже в его жизни.
— Впрочем, возможно, тебе это ещё предстоит понять самому.

Утром меня разбудил озорной солнечный луч, по-хозяйски заглядывавший в прикрытое шелковой шторкой окошко. Свежий ветер просачивался через щель приоткрытой двери, отчего та слегка колыхалась и солнечный круг на ней плавно качался из стороны в сторону.

Мой спутник, он же — проводник, уже копошился у входа, осматривая снаряжение, в его руках звякали карабины и шуршали бухтуемые верёвки. Синие язычки газового пламени с легким гулом неспешно плясали над конфоркой, на которой грелся старинный блестящий чайник. А за окном, словно гигантский кусок мороженого, переливался снежник, сбегавший с перевала, находившегося в паре тысяч метров над нами.

Я потянулся на кровати, которую минувшей ночью мы, подобно путешественникам прошлого, делили на двоих. Алекс, хоть и стоял спиной ко мне, похоже, услышал или каким-то ещё образом ощутил мои шевеления.

- Ну, с добрым утром!
- И тебе того же самого!

Он чуть шире приоткрыл дверь, открывая вид на снежник и впуская в дом утреннюю прохладу. Мечтательно посмотрел на висевшее в вышине белое пятно. Потом — уже выжидательно — на меня.

- Сегодня сходим туда?
- Зачем?
- Просто посмотреть.
- Да я, вообще-то, никогда не ходил в горы...
- А тут не сложно. Заодно и тебя проверим —здесь, если даже что и случится, тебе ничего не угрожает. Почувствуешь себя нехорошо остановимся и спустимся. Если совсем тяжко вызовем «вертикалку», но до этого, думаю, вряд ли дойдет.

Я посмотрел вверх. Тропинка, уходившая от нашего домика, поворачивала за небольшой лесок, затем снова тонкой петляющей ниточкой возникала уже на склоне и исчезала в расщелине, которую Алекс называл «кулуаром». Словно глубокий надрез, рассекал он бурое тело склона, заканчиваясь уже возле нижней кромки языка снежника.

Наверное, взгляд мой в понимании Алекса был не таким, которым человеку подобает смотреть на такую картину.

- Что пригорюнился, а?
- Непривычно...
- A что, ваять в виртуальной реальности планетолёты тебе сразу привычно стало?
 - Ну, этому меня всё же учили.
- Вот и я тебя сейчас кое-чему поучу. Пошли! Бери «шмотник», я тебе всё собрал, здесь недалеко, вернёмся через несколько часов.

И тут я увидел, что рядом с дверью лежали два рюкзачка. Причем один из них предназначался для меня.

- Алекс, так нечестно!
- Отставить разговоры! Давай быстро, до выхода пять минут!

Ровно через указанные минуты мы уже бодро шли по петлявшей через поляну тропе. Впрочем, поляна очень быстро закончилась, сменившись густыми зарослями неизвестного мне кустарника. Было видно, что люди здесь иногда ходили, иначе никакой тропы не осталось бы вообще, но не слишком часто — потому что в иных местах нам приходилось буквально протискивать себя через живую стену, образованную перехлестнувшимися ветвями. Да, действительно, это тебе не по беговой дорожке вокруг города круги нарезать!

Поначалу подъем был плавным и особой сложности не представлял. Более того, по мере набора высоты идти становилось даже легче, поскольку заросли постепенно редели, пока не исчезли совсем. И вот тут поверхность, словно облегчившись от обременительной ноши растительности, круто и решительно изломилась вверх. Ну что ж, значит, и нам туда дорога...

Специфику передвижения по склону и приемы постановки стопы после короткого инструктажа Алекса я освоил очень быстро. Но не заставило себя ожидать и другое.

Вначале мне показалось, что на мгновение возникла невесомость, хоть ноги и твердо стояли на земле. Потом меня словно стало распирать изнутри. Что произойдет дальше, я прекрасно знал по предыдущему опыту.

Бубух!

В груди тяжело схлопнулось...

Потом ещё. И ещё...

Странно — нагрузка сейчас вовсе не была запредельной, на беговых тренировках я давал себе и гораздо большую.

Остановиться?

Я оглянулся назад. Весь склон под нами был покрыт «зелёнкой», которая махровым ковром изливалась вниз, до самой нашей поляны, заканчивавшейся крутым обрывом в долину. И на ней, среди желтых и белых островков альпийских цветов, возле серебристой ленты ручья, завалялась небольшая соринка — домик, в котором мы провели сегодняшнюю ночь.

Глядя на эту столь непривычную для меня картину, я и сам не заметил, как что-то неприятное, ворвавшееся в мои ощущения еще пять минут назад, растворилось. Ладно, пока вроде тяну. Да и неудобно совсем уж слабаком оказаться.

Ещё какое-то время мы поднимались по относительно ровному склону, пока тропинка не упёрлась в крупную осыпь. Камни, некогда сорвавшиеся сверху, не оставляли никакой возможности пробираться между ними, но Алекс ловко вспрыгнул на один из них и аккуратно пошел вперёд, перешагивая с одного на другой. Я раньше даже не представлял себе, что так вообще можно ходить! Однако теперь мне ничего не оставалось делать, кроме как последовать за товарищем.

За каждым шагом нужно было внимательно следить, выбирая наи-

За каждым шагом нужно было внимательно следить, выбирая наиболее ровную поверхность камня, чтобы нога не соскочила с неё — о том, как было бы тут идти после дождя, мне даже думать не хотелось. Впрочем, даже удобные камни порой таили подвохи — многие из них держались непрочно и были, как говорил Алекс, «живыми». Потому перед тем, как окончательно перенести вес, приходилось ощупывать ботинком новую точку опоры. Впрочем, иногда осыпь словно расступалась, порождая некое подобие тропы, на которой можно было идти «по-обычному». Если, конечно, так можно было назвать уже даже не ходьбу, а медленное поочерёдное выжимание своего тела вверх то на одной ноге, то на другой.

За раздумьями о том, какой леший дернул меня так опрометчиво согласиться на эту авантюру, я не заметил, как мы оказались у нижней кромки снежника.

Остановившись, Алекс оглянулся на меня.

— Ты там как?

Ну не отвечать же, что уже на пределе! Губы сами сложились в некое подобие улыбки, и, поймав момент, когда лёгкие, словно кузнечные меха, выпускали из организма освободившийся от кислорода воздух, я выдохнул вместе с ним нейтральное:

— Нормально!

Возможно, что он и понял всю наигранность ситуации, но не подал

— Отлично! Тогда теперь пойдём по снегу. Здесь бей ступени — мысок ботинка с размаха вгоняешь в склон... Нет, неправильно! Так устанешь быстро, отведи ногу назад и пусть она сама в колене разгибается под действием силы тяжести, как маятник, ну ещё можешь немного помогать ей. Давай, вначале шагов сто я протроплю, а ты иди по моим следам, потом поменяемся, принято?

За время короткой остановки и объяснений дыхание восстановилось. Как ни странно, но идти по снегу было легче— я сразу понял, что более сложная постановка шага компенсируется более удобным положением ноги, которая теперь сцеплялась со снежной массой и фиксировалась в ней, как влитая.

Но склон постепенно становился все круче и круче, мои шаги — всё короче и короче, а мысли — всё злее и злее. И вот настал он, этот момент, когда я остановился с твёрдой решимостью вынести однозначное резюме — «всё, больше не смогу!».

зюме— «все, оольше не смогу:». Но одновременно остановился и Алекс. — Дальше пойдем поочередно, с попеременной страховкой. Он утоптал в снегу небольшую горизонтальную площадку, воткнул он утоптал в снегу неоольшую горизонтальную площадку, воткнул в снег ледоруб, встегнул в него ус самостраховки и рядом вторым карабином — свой рюкзак, который перед этим снял со спины. В рюкзаке сверху лежала ярко-оранжевая бухта веревки.

Следующие полчаса он обучал меня организации станции страховки на снежном склоне с использованием ледоруба. Убедившись, что я всё

понял и выполняю правильно, он велел мне соорудить станцию уже «по-боевому».

Я пойду первым.

Так мы и пошли дальше. Я готовил станцию страховки, пропускал через неё верёвку, к которой был пристёгнут Алекс и выпускал его вверх. Он шел, покуда хватало длины, затем оборудовал свою станцию и уже через неё принимал поднимавшегося меня. Затем мы менялись, и я шел первым, чтобы потом принять его. И так несколько раз. После нескольких повторов я уже выполнял все требуемые операции почти свободно — так, ледоруб в снег, спусковое устройство вщелкнуть вот в этот карабин, верёвку пропустить через спусковуху, придавить ледоруб собственным весом, руки на верёвку — «страховка готова»!

Заботясь о том, чтобы правильно выполнить страховочный приём, я как-то упустил из виду сам факт того, что склон не только не уположился но, напротив, становился всё круче и круче, что я уже давно превысил все мыслимые и немыслимые для себя нагрузки, и что мне, вообще-то, тяжело. Впрочем, работа в паре с товарищем давала возможность отдохнуть, стоя на страховочной станции, пока напарник поднимался вверх.

Поднялись на длину одной веревки, другой, третей... сколько уже раз? Наконец, Алекс дошел до перегиба, ранее утопавшего где-то в недосягаемой бело-синей бесконечности, и уверенными движениями быстро подготовил станцию для приема меня.

Страховка готова!

— Страховка готова! Выдернув ледоруб из снега, я двинулся вверх. Лишь только я дошел до середины верёвки, из-за перегиба снова брызнуло Солнце, успевшее слегка переместиться по небу за то время, пока мы шли. Оно разливалось миллионами брызг по бесчисленным ледяным кристаллам, образовывавшим густую снежную массу под нашими ногами. И я почувствовал, что идти стало заметно легче — после трудного крутого участка склон, наконец, начал выполаживаться. Последние несколько десятков метров мы уже, можно сказать, неторопливо гуляли.

Последние несколько десятков метров мы уже, можно сказать, неторопливо гуляли.

Наконец Алекс остановился, положил рюкзак в снег и снова, широко раскинув руки в стороны, обратил к Солнцу зажмуренные глаза. Я ожидал новых команд с его стороны, но он молчал, и казалось, что сейчас мой спутник занят тем, что принимает на свои нервные стволы неведомые, недоступные никаким приборам волны. Как только я остановился рядом, то и сам ощутил мощное дуновение энергетического фронта, который, подобно Солнечному ветру, пронизывал меня всего, от пяток до макушки, унося с собой усталость и наполняя взамен незнакомой мне прежде концентрированной силой.

Обернувшись, я увидел, как вокруг меня в лазурной дали, теряясь в молочной дымке, высились горные пики, с которых, сверкая на Солнце, стекали ледниковые шапки. Они заканчивались существенно ниже, переходя в темно-коричневые скальные выходы, перемежавшиеся серыми осыпями, сбегавшими вниз к долинам со склонами, покрытыми «черточками лесов». По долинам текли реки, питаемые ледниками. И над всем этим посреди снегов, не исчезающих даже в самое жаркое лето, стояли сейчас два человека. Одним из которых был я. Впервые в жизни я стоял на перевале!!!

Сердце стучало, словно древний кузнечный молот, но стук этот был ровным, мощным и уверенным. И я даже не сомневался в том, что

больше со мной ничего нехорошего не произойдёт. Во всяком случае — сейчас и здесь.

Спускаться Алекс решил по уже оставленным следам. Мы довольно быстро дошли до участка, где поднимались, страхуя друг друга, и я уже приготовился снова готовить станцию, но он даже не замедлил хода, уверенно вбил в снег ботинок и двинулся вниз, лишь слегка подстраховывая себя упирающимся в склон ледорубом.

— На самом деле здесь можно и так идти!

Я посмотрел не него. Вопроса задавать даже не пришлось.

— Хочешь спросить — «тогда зачем мы вверх поднимались со страховкой?» Вот внизу и поймешь!

Впрочем, спускаться вниз для этого было не нужно.

Потому что если бы он тогда не остановился и не сменил стиль нашего восхождения, не вовлёк бы в работу «парой», при которой каждый отвечает не только за себя, но и за товарища, то я бы в тот момент произнес то, что хотел произнести.

И тогда не было бы ничего — ни Солнца над перевалом, ни Победы. А может быть, не было бы и чего-то ещё, что должно проявиться в будущем, близком ли, далёком ли — теперь неважно.

* * *

Мы сидели в домике. За тяжелым деревянным столом, по разные стороны друг от друга. Мои ноги и поясница натружено болели, но эта боль была какой-то необычной, и даже по-особому приятной. А для Алекса, как казалось, всё прошедшее было сравнимо с кратковременным выходом во двор.

— Что, хорошо погуляли?

Он еще и спрашивает! Вот остряк — ну нисколько не изменился со студенческих лет!

- Ещё одна такая прогулочка и я останусь без коленей!
- Ничего, экзопротезы поставим! Но если честно, то меня что-то тоже слегка притомило отвык уже от ваших реалий, всё-таки на Марсе сила тяжести поменьше.
 - Так ты там тоже лазаешь?
- Приходилось. Только там, где мы стоим, склоны, в основном, ледяные. И, конечно, не такой высоты.

Облокотившись на мощную столешницу, он потягивал из большой глиняной кружки дымящийся, наполняющий воздух кисло-сладким запахом глинт, сваренный на газовой горелке. Благо в той самой старинной глиняной бутыли, которую кто-то заботливый оставил на полке, оказалось прекрасное вино, а в ящике стола, словно перенесённого из прошлого века, нашелся вполне современный термос длительного

хранения, содержавший настоящие фрукты. И в этом архаичном напитке, равно как и в его составляющих и, тем более, способе изготовления, таилось что-то трудно описываемое человеческим языком, но неудержимо привлекательное.

И я понял, что настал момент истины. Именно сейчас должно случиться то, для чего он всё это затеял. И продолжение не заставило себя долго ждать.

- A вот теперь честно как ты?
- Прекрасно! И даже лучше, чем в городе.
- Как «мотор»?

Я прислушался к себе

— После перевала — никаких проблем, вниз шел, уже ни о чем не беспокоясь.

Он внимательно посмотрел на меня.

- Примерно это я и предполагал. Значит, так. Похоже, что твои проблемы как раз от недогруженности, причём в первую очередь эмоциональной. Тебе хочется чего-то большего, чем ты имеешь, но себе ты этого не даёшь...
- ты этого не даешь...

 Ну ты сказанул! Может, еще процитируешь мне какой-нибудь из «учебников по самокопанию» конца прошлого века?

 Далеко не всё, что было тогда написано, не имело под собой совсем никаких оснований. Понятно, что ты не стремился к спокойной и размеренной жизни, подобно обывателям прошлых времён, но в своем неудержимом погружении в работу не заметил, как перешёл тот же самый рубеж. И, фактически поселившись в виртуальном пространстве, перестал ощущать свои реальные потребности, свои реальные внутренние силы.

Я задумался.

А ведь он прав!

Сколько уже лет я безвылазно, не снимая трехмерных очков и контактных перчаток, целыми днями, а порою и ночами, лазал по виртуальным внутренностям проектируемого планетолёта, садился за пульты командира и штурмана, оценивал удобство жилых кают, допульты командира и штурмана, оценивал удооство жилых кают, доступ к бортовым системам в случае ремонта, досягаемость внешних конструктивных элементов при работе в открытом космосе и многое подобное. Если мне было неудобно — я мог, не выходя из этой самой «псевдореальности», подвинуть переборку, изменить расположение люка или расширить зону обзора. Как часто я буквально жил в этих ещё не существующих кораблях, не обращая внимания больше ни на что на свете, и, казалось, что даже о смене времён суток и года узнавал лишь от товарищей!

Да, он прав. Но...

— Без этого самого «виртуального пространства» тебе не на чем было бы летать...

- Ну да и планетолётчик Алекс до сих пор ползал бы по тверди земной! Одно из противоречий нашей эпохи. Мы успешно переложили значительную часть своих забот, если так можно выразиться, на плечи роботов и мозги вычислительных машин пусть они работают, а человек возьмет на себя функции творца и мыслителя! Но оказалось, что только творчества и только мышления для человека мало. Если его жизнь, даже посвящённая чему-то важному, проходит по большей части в виртуальном пространстве, если она лишена реальной насыщенности то, как и у тех «экстремалов», с особой остротой начинает проявляется потребность в преодолении трудностей, возбуждении внутренних сил. Возможно, что в твоём случае мы наблюдаем как раз такую реакцию. А вот почему твой организм выбрал именно такой способ её проявления это уже загадка. Сам говорил, что о Марсе мы сейчас знаем больше, чем о самих себе...
- Ну, я всё же же не в компьютерных играх просиживаю всё это время. А работаю для осуществления космической экспансии человечества.
- Знаешь, а вот я даже «там» порой задумываюсь, что и сама экспансия эта нужна нам не только для доступа к внеземным ресурсам и чистой энергии. Как раз в эпоху роботизации и компьютеризации она становится жизненно необходима нам ещё и для того, чтобы оставаться людьми. Не позволить жизни облегчиться и овиртуалиться до такого рубежа, после которого исчезнет необходимость в самосовершенствовании. И, конечно, чтобы сохранить те рубежи, которые необходимо преодолевать на пути к поставленной цели.

Я решил-таки ускорить окончательный вывод.

- И что же в завершение сей глубокой мысли желает молвить мудрейший из мудрейших?
- Желаю молвить печальный факт пилотом тебе, скорее всего, уже не стать...

Вот так-то... И неужели сюда стоило ехать лишь ради того, чтобы сообщить мне этот практически очевидный факт? Не-ет, на этом разговор не закончится...

Он задумчиво посмотрел на грубые доски, образовывавшие потолок. -Хотя... В общем, оставим эту возможность, как опцию, в наше время всякое случается. Но вот в качестве бортинженера тебя попробовать можно. И, наверное, даже нужно. Корабли проекта «Прилив» знаешь?

- Помилосердствуй я разрабатывал всю их концепцию...
- Там нужно не умничать, а разбираться в конкретном «железе». На весьма «низовом», если так можно выразиться, уровне. И работать придётся уже не за экраном в творческом одиночестве, а в экипаже. Так что учиться тебе всё равно придется.

От неожиданности я даже не знал, что сказать.

— И... как ты себе это всё представляешь?

— Ну, ты даёшь! А то не знаешь, как это делается? Вернёшься, потуляешь по стране, как хотел, успокоишься, как следует — а то, чего доброго, по глупости какой-нибудь «срежешься» на психологии, обидно будет. И осенью — добро пожаловать в ЦПК! Адрес, надеюсь, не забыл? Я подошел к дверному проёму. Растягивая наливавшиеся болью

и энергией мышцы, облокотился на косяк. За дверью вступал в свои права вечер.

Ближние и дальние вершины горели ярко-красным расплавом, и казалось, что только расстояние приглушает яростное шипение ледников, соприкоснувшихся с раскалённым солнечным шаром.

Чуть выше разливалась розовая полоса неба, словно отражавшая отблеск гигантского пожара, полыхавшего где-то за хребтами.

Еще выше царствовала нежная синева, у самой границы которой снова чертил свой теперь уже алый в закатных лучах след очередной входивший в атмосферу суборбитальник.
И, наконец, уже над самой-самой головой повис черный свод без-

граничного пространства, на котором рассыпанными разноцветными бриллиантами горели далёкие звезды. До которых мы пока так и не дошли, и на моём веку, по всей видимости, не дойдём. Но которые от того становились только ещё более манящими.

Я позвал Алекса. И, показывая на алеющие полотнища дальнего ледника, показавшегося мне наиболее величественным, спросил.

А что, может, завтра вон туда сходим?

— А что, может, завтра вон туда сходим?
Он пробежал взглядом по склону, что-то прикидывая в уме, потом посмотрел на меня. Впервые я увидел в его взгляде оттенок недоумения, которому, впрочем, быстро нашлось объяснение.

— Ну, у тебя и запросы! Боюсь, в этой поездке для такого выхода у меня с собой всей нужной «снаряги» не окажется!..

Татьяна Томах

ФИАЛКА

Расследовать убийство назначили глора. Первым делом он замкнул защитный контур усадьбы. Потом велел всем находиться в своих комнатах и не появляться без крайней нужды в коридорах и, тем более, в саду.

Устроившись с этюдником возле окна, Вил с неприязнью и тревогой наблюдал, как глор бродит по саду. Обследует каждый сантиметр дорожки у пруда, то ли ощупывает, то ли обнюхивает камни длинными гибкими щупальцами, вертит во все стороны выпуклыми блестящими глазами на концах тонких отростков. Сквозь решетку беседки был виден край белой скатерти и уголок желтой шелковой подушки. Должно быть, мертвая хозяйка дома все еще сидела там, уставившись неподвижными глазами на воду и уронив на подлокотник плетеного кресла костлявую руку, отягощенную роскошными перстнями.

Вилу почудилось, что один глаз глора вдруг пристально уставился на него. Вил дрогнул, отодвинулся вглубь комнаты, спрятался за край тяжелой бархатной портьеры. Отложил этюдник, на котором так и не сумел нарисовать ни одной линии. Больше всего на свете ему хотелось бы оказаться подальше отсюда. Лучше всего — где-нибудь на другой планете.

* * *

- Так, скрипуче сказал глор, разглядывая Вила всеми тремя глазами, но с разных углов. Голос шел снизу должно быть, транслятор был вмонтирован у глора под форменным серым панцирем, защищающим нежное тело.
 - Так. Художник?
- Боюсь, я вам ничем не помогу, торопливо ответил Вил. Я всего несколько дней здесь.
 - Подробнее.
 - Что, простите?
 - Зачем, откуда, как?

* * *

Это был первый частный заказ Вила.

- Попробуй, предложил хозяин галереи, который охотно выставлял работы Вила. Что случайными продажами перебиваться? Твоя последняя пустыня это... Мороз по коже, одним словом.
 - Мороз? удивился Вил.

- Да не, жарко от нее, конечно. И пить охота. А барханы, как звери, вроде как подползают со всех сторон. И смотрят.
 - Так и есть.
- Жутко, одним словом. Уж на что я привычный... Да, так вот я сразу и подумал — что тебе не нарисовать эту старуху?
 - Кого?
- Семейный групповой портрет. Она меня замучила уже, эта ведьма подай ей хорошего художника. Ей лет сто уже, бабке. Того и гляди помирать. Хотя с ее деньгами на искусственных органах еще столько можно прожить... Ну, да не мое дело. Аделаида Гейс, слышал?
 - Еще бы, присвистнул Вил.

* * *

- Почему вы думаете, что ее убили? спросил Вил. Она ведь... Аделаида Гейс уже старая была.
 - Медицинское обследование. Гарантийный срок десять лет.
 - Она могла жить еще десять лет?
- Так, один глаз глора пристально смотрел на Вила, два других оглядывали комнату. Это есть ваша работа?
- Да. Здесь наброски. Такая технология— я сначала делаю наброски с натуры. Потом, перед тем как писать картину, просматриваю их и заново как бы пытаюсь понять и ... Простите, это ведь вам не интересно?
 - Я не художник, непонятно ответил глор. Не знаю.

Он осторожно поднял двумя щупальцами матрицу для набросков, потрогал третьим чистую поверхность. По белой глади мнемо-холста прошла рябь, будто кто-то окунул палец в неподвижную воду. Глор вернул матрицу на место.

- A подозреваемые, неуверенно спросил Вил, есть?
- Так.
- KTo?
- Мальчики. Дворецкий. Сель. Вы. Глор мигнул белая пленка на секунду закрыла блестящий шарик глаза. Прошу откланяться. Беседа закончена. Можете выходить из комнаты.

* * *

Вил думал, что найдет Сель в ее садике. Или в библиотеке.

Сель сидела в холле на узком диванчике перед огромным зеркалом. Ее лицо было непривычным, растерянным. Бедная девочка, — подумал Вил. Он подвинул шелковые подушки и опустился возле ног Сель. — Испугалась? — тихо спросил он. Она посмотрела на Вила мель-

ком — и снова уставилась в пространство.

— Теперь ты можешь уехать. То есть потом, когда это расследование закончится.

Он нашел ее ладошку — узкую, прохладную, спрятавшуюся под подушку, как напуганный зверек — в норку. Спросил дрогнувшим голосом: — Ты хочешь уехать со мной, Сель?

Она обернулась, удивленно посмотрела незнакомым далеким взглялом.

— Сель, — позвал Вил. — Все пройдет.

Почему-то от ее взгляда ему тоже стало страшно. Бедная девочка, такая нежная, впечатлительная... Наверное, потрясена смертью этой жуткой чужой старухи. Хотя они даже не родственники, Аделаида ведь просто удочерила и воспитывала девочку.

Вил погладил тонкие прохладные пальчики Сель, склонился, прикоснулся к ним губами, согревая дыханием.

 Я люблю тебя, — сказал он. — Думаешь, невозможно за несколько дней? Я сам думал... пока не увидел тебя. В самую первую минуту... Я вошел и увидел, как ты разговариваешь с этими своим цветами... как их... фиалками, да?

* * *

Она гладила круглые пушистые листья, как маленьких зверьков.

— Извините, извините, все теперь будет хорошо...

Голос взволнованно дрожал, и глаза, взглянувшие на Вила, блестели от слез.

- Что-то случилось? спросил Вил.
- Ой, девушка улыбнулась, поставила лейку на пол. Я вас не видела. Вы кто?
 - Художник. Я приехал... Только что. Что у вас с цветами?
- Мальчики отодвинули шторы. Цветы чуть не сгорели. Знаете, здесь такое солнце... А фиалкам совсем нельзя. А они ведь цветы не могут сами встать и уйти. Даже сопротивляться не могут, когда их убивают. Я открываю шторы на закате, чтобы они погрелись под вечерним светом, а иначе... Вам правда интересно? Хотите лимонада или чая? Вы устали?
 — Еще как. Мальчики?

 - Не думаю, что они специально...
- Ну конечно. Это те два милых молодых человека, которые так любезно указали утром мне дорогу к дому?
 - Да, наверное...
- Конечно, они совершенно случайно проводили меня как раз к тренировочной площадке с зыбучим песком.
 - Ой...

- Пустяки. Я бывал в настоящей пустыне. Два часа по шею в песке, испорченная одежда, пара потерянных этюдников, право, ничего серьезного. Хуже было бы, если на моем месте оказался кто-нибудь со слабым сердцем и без опыта прогулок по зыбучим пескам.
 - Ой, извините, пожалуйста...
- Вас-то за что? Думаю, так же не специально эти изобретательные молодые люди чуть не убили ваши цветы. Их кто-нибудь воспитывает, не знаете?
- Сама Аделаида, смущенно ответила девушка. Это ее любимые правнуки.
 - А вы?
 - Я не любимая, грустно улыбнулась девушка. Я так. Никто.

— Ты уедешь со мной, Сель? Помнишь, ты говорила — уехать бы куда-нибудь подальше от этого дома. Увидеть другие города и миры. Зеленые моря Тианы, горы Колиза, сады Розета... Помнишь, ты показывала мне картинки?

* * *

- А вот смотри, Вил, какие сады... Здесь водоемы, соединяются узкой протокой, а вечером каждый подсвечивается особенным цветом. Получается как россыпь драгоценных камней. А здесь растут лотосы, можно плавать в теплой воде и смотреть, как они распускаются...
 - Пожалуй, ты превратишься там в русалку...
 - Почему?
- Потому что у тебя так сейчас мечтательно блестят глаза... Сель, как получилось, что такое чудо, как ты, выросло в этом гадючнике?
 - Ты о чем?
- Эти чудовища-мальчики, которые так и норовят устроить какую-нибудь гадость не окружающим, так друг другу... Их родители, которые приезжали на выходные, выплясывать и унижаться перед бабкой — подозреваю, в борьбе за будущее наследство. Аделаида... Она ведь как паук в паутине, наслаждается этим всем цирком... Что ты здесь делаешь, Сель?
- Меня не спрашивали, грустно улыбнулась девушка.
 Сель, Сель... милая, давай уедем? Я бы уже сбежал отсюда, если не бы не ты. Работа... У меня ни черта не получается с работой, знаешь... Только ты... Знаешь, сколько твоих портретов я уже нарисовал, Сель...
 - Вместе с тобой?
 - Хочешь?

- Уехать.. вместе с тобой... светлые глаза Сель, взглянувшие на Вила, были наполнены слезами, надеждой и отчаянием. — Хочу. Я так хочу. Ты такой... Ты совсем не такой, как они... Нет, она меня не отпустит...
 - Да кто она? Аделаида? Кто она тебе? Тюремщица?
 - Она не отпустит...

* * *

- Сель, милая, теперь ведь ты можешь уехать? Аделаиды больше нет. Нет, согласилась Сель. Старухи больше нет.

Улыбнулась и посмотрела на Вила. Ему стало неуютно под ее взглядом.

— Может быть, — задумчиво, непривычно протягивая слова, сказала Сель. — Я и уеду с тобой. Почему нет?

Она погладила его по щеке холодным пальцем, легонько царапнула ногтем.

Ты милый.

Усмешка почему-то показалась ему неприятной.

— Да, — ответил он. Отнял ее ладонь от своей щеки, неловко улыбнулся и ушел к себе.

«Мальчики. Дворецкий. Сель» — вспомнил Вил бесстрастный голос глора. Сель.

Неужели она могла?... Эта — могла, подумал он. Ему до сих пор было холодно от оценивающего взгляда Сель и ее улыбки. Что ее так изменило? Известие о смерти старухи? Или — убийство...

В своей комнате он расставил вдоль стены наброски для портрета Сель, долго смотрел на них.

Нет. Он не мог так ошибиться. Она не могла быть убийцей...

* * *

- Почему ты лгать? Голос глора, поднявшего Вила среди ночи, казалось, звенел от гнева.
 - $Y_{TO} = Y_{TO} = Y_{TO}$
 - Почему не говорить, кто ты есть?
- Я художник, Вил часто моргал, привыкая к яркому свету. Щупальца глора ловко и быстро раскладывали на полу наброски Вила.
- Психический художник! рявкнул глор и больно ткнул щупальцем в грудь Вила.
 - Что?! А... ну, да. Сейчас почти все художники...
- У нас нет, важно сказал глор. Что здесь есть? уже спокойнее спросил он, махнув щупальцем в сторону набросков.

- Подготовка к моей картине. На самом деле, ничего не получается, я думаю...
 - Что здесь есть?
 - Вы не видите? удивился Вил.
 - Другой чувство, хмуро ответил глор. Что?
 - A-а... Извините, я не знал...
 - Что?
- Это старуха, смущенно пояснил Вил, указывая на крайний набросок.
 - Как ты ее рисовал?
 - У меня получился паук.
- Ага, сказал глор. Три глаза пристально смотрели на Вила. Ты рисуешь истинный суть? Так?
- Нет, не совсем. Я рисую то, что чувствую в данный момент. Отличие пси-живописи от обычной в том, что рисуют и передают не взгляд, а ощущение. Так ярче, ближе, доходчивей. В обычной живописи я смотрю-чувствую-представляю-рисую, а зритель смотрит-представляет-чувствует. Длинная цепочка. Много теряется по дороге, понимаете? Пси-живопись передает чувство напрямую. Но при этом я могу ошибаться, и тогда эта ошибка передается зрителю. Понимаете?
 - Я понимать, что старуху ты видел, как паук? Так?
 - Так, вздохнул Вил.
 - Остальные?
- Мальчики драконы. Ну, такие еще маленькие дракончики, он хмыкнул. Вредные, но неопасные. Пока. Кусают друг друга. Вот этот набросок.
 - Дальше.
- Родственники всякие пресмыкающиеся. Вот тут. Я, собственно, почти сразу понял, что ничего не получится. Вряд ли им...ну... понравится такой семейный портрет.
 - Дальше.
 - Что дальше?
 - Кто есть еще?
 - Сель.
 - Что Сель?
- Цветок. Фиалка. Такие, знаете, растут в тропиках. Очень красивые. Не роскошные, роскошные они, знаете, почти всегда хищные, ну вроде росянок... фиалки такие почти незаметные, но очень милые. И нежные.
 - Все есть животные, кроме Сель? Сель растение?
 - Да.
- Так, глаза глора собрались в треугольник, составляя улыбку. Так и есть, психический художник, Вил. Жаль, ты не сказать мне раньше.

- Постойте, позвал его Вил. Я не понимаю...
- Нарисуй цветок-Сель сейчас. Ты поймешь.

* * *

Вил догнал глора уже возле ворот усадьбы.

- Расследование закончен, обернулся глор, махнув щупальцем, все свободны.
 - Пожалуйста, объясните мне... Кто... Кто убийца?
 - Убийства не было, психический художник.
 - Как? Но...
- Сель-растение. Улики на Сель. Она сидел со старухой в беседке. Но Сель-растение. Я искал улики на других. Нет. Тогда я делал тест Сель.
 - Какой тест?
 - Ты уметь рисовать суть, глор уметь проверять суть.
 - Тест на способность убить?
 - Так.
 - И что?
- Сель может убить. Значит, Сель не убивала. Убийства не было, психический художник.
- Я ничего не понимаю. Постойте. Как это? Почему вы сказали, что Сель растение?
- Ты видишь суть, я знаю. Старая женщина растила себе второе тело заменить.
 - Клон? Сель это клон Аделаиды?
- Так. Старая женщина решила менять тело. Старая женщина надела тело Сель, ее никто не убивал. При перемене тела бывает краткий амнезия. Или старая женщина решила пошутить и придумать расследований своего убийства, которого не было, глор опять сложил улыбку-треугольник из своих глаз. У вас есть чувство юмор, так? он легонько ткнул Вила в бок щупальцем.
- Постойте! крикнул Вил. Стойте. Вы же... Вы же здесь полицейский, да? Почему вы ее не арестовали?!
 - Убийства не было.
 - Как не было? Как? Она ведь... Она убила Сель...

У него перехватило горло. Сель... Такая особенная, беззащитная, нежная... Чудесная... «Я люблю ее, — подумал он. — И я больше никогда...»

— Не убила. Сель — растение. А вы, — глор ткнул щупальцем в грудь Вила. — Вы животные.

Владимир Якубчак

ПЛАТА ЗА ЖИЗНЬ

Вокруг царила жара. В чистом, словно гладь океана, небе, дрейфовало солнце, похожее на голову золотоволосой девочки, что кружится в зажигательном танце. Сияющая завеса застила глаза, и Ветару, который смотрел на поселок с невысокого холма, казалось, что перед ним дрожит мираж.

Он спустился немного ниже. Там, в тени пологой площадки, лесенкой вдававшейся внутрь холма, расположилась его лачуга. Мираж развеялся. На холмистом полотне среди деревьев и полей проступили темные пятнышки домов. Кое-где по лентам дорог двигались люди и запряженные волами телеги, оставляя после себя, в противовес небу, облака пыли.

Ветар поселился в Переване, самом южном районе империи, по одной простой причине — здесь никогда не бывало дождей. Когда десять лет назад он вышел в отставку — то в тот же день заплатил двухсот сорока двумя днями жизни, чтобы стереть из памяти одно воспоминание. И дождь имел к этому некоторое отношение. Мужчина не имел представления, что именно пожелал забыть такой высокой ценой и почему вынужден прятаться от дождя. Но надеялся, что ему никогда не придется об этом узнать.

Он вытер со лба пот и вошел в лачугу. Денег, которые он заработал, служа главой карательно-поискового отряда императора, должно было хватить до конца жизни. Поэтому он не вел хозяйства и не держал поля, которое, учитывая отсутствие дождей, было слишком трудно обрабатывать. Системы орошения, паутиной накрывавшие село, упрощали дело, однако Ветар все же не завидовал сельским работягам. Вместо этого все свое свободное время и средства он посвятил чтению и легкому алкоголизму.

Две стены его скромного жилья были заставлены полками с книгами. Один угол он отвел под спальню, отгородившись чем-то наподобие ширмы. Там стояли кровать и низенькая тумбочка. На тумбочке всегда стояли свечка, кувшин, кружка и лежала очередная книжка. Он частенько просыпался ночью, и тогда вставал выбор: зажечь свечку и почитать или опрокинуть кружку или две. К счастью, чтение пока побежлало.

Было еще кое-что, кроме книжек и пьянства, чем он скрашивал свой досуг. И именно этим он должен был заняться часика через два. На этот раз Мериса— жена лорда-мэра.

Ветар вздохнул. Нужно привести себя в порядок. Он разделся, достал из сундука чистую одежду и разложил на столе. Потом направился

к бочке с водой, стоявшей возле двери. Рядом не было ни одного источника, и воду привозил Пат, сын бондаря, через каждые два дня. Он заглянул в бочку — воды было на донышке. «Хватит». Ветар вы-

лил всю до капли в железный таз и поставил греться на печку, которую прорезал в склоне холма. И уже когда вода нагрелась, ему нестерпимо захотелось пить — вчера ночью победила чарка. Он отодвинул ширму и стал искать на кровати бурдюк. Нашел, открутил крышку. Пусто. Он еще немного постоял, словно надеясь, что бурдюк каким-то чу-

дом наполнится, после чего вздохнул и достал из кошеля на поясе то самое «чудо». Монетку, стертую с обеих сторон так, что невозможно различить номинал — единственную, которую не пропил в тот день, когда получил первую в жизни плату.

«Наполнить водой», — сказал он про себя.

«Семь минут», — ответила монетка. Ветар снова вздохнул. Семь минут жизни за несколько глотков воды. Он сошел с ума.

«Разрешаю».

Он спрятал монетку в кошель и почувствовал, как бурдюк наполняется. Сделал три глотка холодной, чертовски вкусной воды. Сколько своей жизни он уже потратил на такие вот мелочи? Похмелье даже близко не стояло с медленной смертью от жажды среди адских песков пустыни. Можно потерпеть. Так почему же?

Потому что такая жизнь ему уже осточертела?

Возможно. Книги не приносили былой радости, общение с людьми лишь усиливало чувство одиночества, он мог позволить себе любые развлечения, однако ничего не хотелось, и даже еда стала обязанностью, которую просто должен выполнять. Алкоголь немного улучшал дело, однако спиваться Ветар не собирался.

Поэтому на лице промелькнула тень радости, когда ему принесли записку от жены мэра. Да, ему снова придется воспользоваться монеткой, однако оно того стоило. Ему нравился ореол таинственности, который он создавал вокруг себя, и нравилось, что люди, которые ничего не зна-

ли о его прошлой жизни, обращались к нему со своими проблемами. Ветар снова достал монетку и стал ее рассматривать. В самой монете ничего магического не было — она была лишь «проводником». Им могла стать любая вещь, которая была для тебя особенной. Безделушка, ла стать любая вещь, которая была для тебя особенной. Безделушка, которая напоминала о дорогих сердцу людях, что-то, что воскрешало в памяти приятные моменты или напоминало о собственных успехах и достижениях. В какой-то период жизни такой предмет, который уже успел стать для тебя особым, пробуждался и давал тебе знать, что отныне ты способен «торговать» жизнью.

Вода нагрелась. Мужчина снял таз с печи, тщательно вымылся и побрился. Заглянул в зеркальце — с чистого лица на него смотрели

грязные глаза. Так он всегда думал. Тусклые, полные разочарования, полные презрения и неверия. Такую грязь не отмоешь.

Он швырнул зеркальце на кровать и вышел из дома. Ветерок щипал свежевыбритый подбородок и недавний глубокий порез на искривленном со времен службы носу — пьяное падение с кровати. Мягкие порывы, которые волнами набрасывались на него, взбудоражили черные, с вплетенными нитками седины, волосы. Даже не прикрыв дверь, Ветар неторопливо двинулся вниз — по прямой тропинке, вытоптанной им на склоне холма за долгие годы. «Интересно, сколько времени уйдет на то, чтобы вытоптать себе могилу?»

Главная площадь встретила его перестуком деревянных колес и методическими ударами, доносившимися из кузни. Время от времени в эту несложную мелодию вплетались крики или смех. Одноэтажные, а изредка и двухэтажные домики с аккуратно разбитыми дворами хаотично разбегались во всех направлениях. В центре площади стояли огромные весы — символ божественной воли. Ведь именно на весах Веартион, единосущий бог и верховная опора, взвешивал твое желание, уравновешивая его отобранными минутами жизни. Церковь всячески поощряла жертвы в угоду богу, который сам пожертвовал собой, чтобы не допустить прихода ада на землю, и который дал людям возможность улучшать земную жизнь, повышая этим шансы на жизнь вечную. Ветар мысленно поморщился. Как-то ради любопытства он спросил, сколько стоит смерть человека. Сорок лет. Получается, убьешь таким

манером человека— и рай гарантирован? Да они сбрендили. Откуда б ни пришла эта сила, ей безразличен был и рай, и ад. Да и людям так же — они не спешили разбазаривать свою жизнь.

Усадьба лорда-мэра находилась вдалеке, к ней от площади вела вымощенная камнем дорожка. Ветар отправился туда, вплетая в мелодию деревенского гомона стук каблуков. Вокруг кипела работа— с пронзительным треском кололись дрова, гоготала домашняя птица, из раскрытых окон доносились самые разнообразные запахи. Среди них господствовал запах свежеиспеченного хлеба— его любимый запах.

Усадьба не сильно отличалась от остальных зданий. Двухэтажная, раза в три просторнее, но украшенная небогато. Открыла ему служанка. Невысокая девушка, с короткими рыжими волосами и лицом, испещренным веснушками.

 Хозяйка примет вас у себя, — сказала она, поклонившись.
 Ее голова напомнила Ветару букет из тесно составленных между собою крошечных морковок.

Он слегка склонил голову, после чего прошел в гостиную. Просторная комната фантазией не поражала, однако все было обставлено со вкусом. Ковер не слишком толстый, мебель добротная, без лишних украшений, картин на стенах мало — богатством хозяева не кичились.

— Идите за мной, — сказала служанка, направляясь по лестнице вверх. Ветар двинулся за нею. Держась за полированные перила, он перешагивал сразу две ступеньки. С противоположной стены, сквозь два полукруглых окошка, на него лился косой свет.

Шагнув во мрак коридора на втором этаже, он заметил мужчину, который как раз закрывал за собою дверь. Очевидно, тот навещал Мерису. «Нездешний», — отметил он. Лет двадцати — двадцати пяти, богато и со вкусом одетый. Длинные волосы собраны в по-деловому простой хвост.

Мужчина обернулся. Что-то в легкой примятости одежды и выражении его лица заставило Ветара думать, что тот только что с дороги. А потом Ветар встретил его взгляд, и в голове мелькнула одна мысль: «Сейчас я умру». Уже через мгновение он чуть не расхохотался.

Мужчина стоял на месте, пристально глядя Ветару в глаза. Словно чего-то ждал. А потом выражение его лица внезапно изменилось. Холодные кристаллики глаз блеснули, будто кусочки стекла, пойманные лучом солнца. Он сделал шаг вперед и протянул руку:

- Я Игарас.
- Ветар.

Они пожали друг другу руки. Ветар почувствовал, как по шее стекла холодная капелька пота.

- Правду говоря, сказал Игорас, я искал именно вас. В самом деле? Тут?
- Лорд-мэр должен знать всех своих подданных. А я и так обязан был нанести ему визит вежливости. Возможность убить... двух зайцев.
- И зачем вы меня разыскиваете? спросил Ветар, в то время как в голове зрело неясное предчувствие.

Казалось, прямо здесь, посреди коридора, его застал дождь и сейчас выльется на голову ледяным ужасом.

— По той же причине, что и леди Мериса, насколько я могу судить, — проговорил он и, после короткой паузы, добавил: — Мне нужны ваши навыки. Я подожду на улице.

Игарас прошел мимо, медленно спустился по лестнице. Потом открылась и закрылась дверь. Ветар выдохнул воздух. Давненько он такого не чувствовал. Испуг вперемешку с интересом. А сколько в голове набралось вопросов! Даже если мужчина сведущ в результатах его работы, про что говорится не каждому встречному, то почему пришел к нему? Сам факт того, что он знает, дает возможность обратиться с проблемой через самого императора. Ветар лет десять назад вышел в отставку, но хорошо помнил, что оставил после себя пару способных солдат: огненно-рыжую Кире, чья красота ввела в заблуждение многих, и угрюмого, словно слепленного из грозовой тучи, Сванда. А сколько могло прийти после него. Так почему он? Разве что...

Пробел в памяти. Черный, как глубокая яма на кладбище, разрыв на месте воспоминаний. Неужели Игарас похоронен в недрах той черноты? Додумать не дал скрип дверных петель и писклявый голосок, принадлежавший полноватой миловидной женщине с глазами-искорками и сложной прической:

— Скорей проходите. У Аарона встреча, однако, он скоро вернется.

— Скорей проходите. У Аарона встреча, однако, он скоро вернется. Он ни за что не должен вас тут видеть.

Ветар двинулся к открытой двери, однако весь энтузиазм испарился как морозный выдох. Однажды он словно ненароком обмолвился, что был самым лучшим следопытом в столице — не совсем так, однако правда их напугала бы — в надежде, что люди станут обращаться к нему за помощью, а это дало бы ему хоть тень того удовлетворения, что приносила прежняя работа. Которая не была приятной, а то, что он пожелал забыть и из-за чего, скорей всего, ушел в отставку — должно быть вообще чем-то ужасным, однако она делала его живым и нужным. Теперь ему представилась возможность хоть ненадолго вернуть те опучнения, однако думал он совсем о другом — о недовекс вернуть те ощущения, однако думал он совсем о другом — о человеке со змеиными глазами.

— Дело в том, что я потеряла серебряную брошку. Она принадлежала еще прабабушке Аарона. Он подарил мне ее в день свадьбы, а теперь вот я, дуреха, где-то...

вот я, дуреха, где-то...

Дальнейшее взволнованное щебетание Ветар слушать не стал. Если бы не встреча с Игарасом — он снова насладился бы спектаклем: поиск несуществующих следов, основанные на них логические допущения, сделанные с умным выражением лица и немного снисходительной улыбкой, а в завершение — находка пропажи. Но сейчас он собирался сделать то, что делал всегда, только без последующих манипуляций.

«Где серебряная брошка Мерисы?» — спросил он, сжав в кармане

монетку.

«Десять часов».

«Разрешаю».

«Разрешаю».
«Ее муж отнес брошку для полировки, чтобы сделать ей сюрприз». Ну кто подумает, что он платит собственной жизнью, помогая им с их маленькими незначительными проблемками?

— Аарон отдал ее мастеру-полировщику, чтобы сделать вам сюрприз, — сказал Ветар и, не дав ей заговорить, продолжил: — Мужчина, который недавно у вас был. Чего он хотел?

Мериса, на секунду растерявшись, ответила:

— Хотел разузнать, где вас найти. Расспрашивал, чем вы занимаетесь.

— Хм...

Ветар вышел из комнаты. Ему в спину неслись слова благодарности и восхищения, однако он на них не обращал внимания. Ему не терпелось услышать, что расскажет Игарас.

Служанка едва успела распахнуть перед ним парадную дверь. Ветар чуть ли не выбежал на улицу, сразу заприметив змееокого — тот стоял поодаль, подставив лицо палящему солнцу. Как будто наслаждался теплом каждого лучика. Увидев Ветара, обернулся:
— Деревня в десяти километрах отсюда. У мужчины похитили нечто...

очень ценное. Хотя он этого мог и не заметить. Для начала мы с ним поговорим, после чего вы дадите ответ: согласны помогать мне или нет. Выдвигаемся, скажем, через часок. Ворота на северо-западный тракт. «Кража? — подумал Ветар. — Всего лишь?»

- Дело очень сложное, добавил Игарас.

С этими словами он повернулся, медленно двинувшись прочь.

Ветар достал монетку и сжал в кулаке. «Что украли?» — спросил он. «Двадцать лет», — ответила монетка.

- Сколько?!

Ветар положил монетку обратно в кошель. Такую цену он заплатить не мог: ему сорок шесть лет, и если, к примеру, смерть позовет его с собой в пятьдесят, то, согласившись отдать двадцать — он умрет сразу же после того, как узнает ответ. Жаль, что Проводник не давал возможности узнать, сколько тебе осталось жить. Или даже детали и обстоятельства чьей-то, не только собственной, смерти.

В груди разливалось тепло. Ветар знал, что глаза его блестят, а губы кривит ухмылка. По телу забегали мурашки, казалось, что воздух во-

круг стал замерзать.

Никакой дешевой показушности для наивных горожан— настоящее расследование, как в старые добрые времена. Двадцать лет! Это что же такое было украдено? Он даже не спросил, кто вор! Сколько пришлось бы заплатить за это? Можно было узнать, вопросы у Проводника ничего не стоили, однако важной информации это не даст. Очевидно, что очень много.

Через двадцать минут Ветар уже паковал вещи. Ну как вещи: смену одежды, флягу с вином, толстую книжку и, что главное, кучу денег, за которые, когда ситуация прояснится, можно будет купить все, что потребуется.

Когда он прошел через распахнутые ворота, буркнув приветствие часовому, Игарас открыл дверцу фургона:

- А вы даже не спросили, сколько я вам заплачу.
- Меня деньги не интересуют. Но вы и сами это знаете. У Мерисы длинный язык.

Игарас улыбнулся.

Они устроились на сиденьях один против другого. Мягко хлопнула дверца, извозчик забрался на козлы, и фургончик двинулся с места.

Нарушать тишину, похоже, никто не собирался: Игарас сидел с закрытыми глазами, на тонких губах — едва заметная улыбка. Казалось, он просто наслаждается поездкой. Или спит. У Ветара было несколько вопросов, которые он решил приберечь на потом. Скоро они прибудут на место, дорога близкая.

Он отодвинул шторку. Пейзаж почти не менялся: все те же поля, изредка поделенные венами рек. На обочине — кустарник и одинокие деревца. Этот тракт служил одним из основных торговых путей между югом и центром, поэтому дорога здесь, в основном, была хорошей, лишь изредка попадались коварные выбоины.

Через некоторое время они свернули с тракта, и фургон начало ощутимо трясти. Слева проступил хвойный лесок. Все это время Игарас спал, а проснулся лишь тогда, когда они въехали в деревню. Извозчик остановил коней у приземистой корчмы. Ветар с Игарасом выбрались из фургона.

Очевидно, никто из них говорить не любил. Игарас молча показал на улочку, которая круто поворачивала влево, и Ветар, так же молча, последовал за ним. Когда они остановились перед домиком, который ничем не выделялся среди соседних, жавшихся по обе стороны дороги, навстречу им, оторвавшись от дел, вышел высоченный мужчина:

Кто вы...

Мужчина замолчал, когда Игарас выставил вперед руку. Взгляд Ветара, который стоял рядом, привлекли тонкие пальцы, похожие на туго обтянутые кожей прутики. А на безымянном — что-то странное. Волос? Обмотанный несколько раз вокруг пальца, рыжий, словно застывшая струя пламени. Такого обычая Ветар не знал. Кому волос мог принадлежать? Сестре? Матери? Любимой женщине?

- Это может прозвучать странно, сказал Игарас, но у вас кое-что похитили. Слово. Мы здесь затем, чтобы в этом убедиться и, при возможности, выяснить, кто и для чего это сделал. Это слово — «солнце». Попробуйте произнести.
 - Не морочьте мне голову, ответил мужчина. Мне никогда...
- Можете воспользоваться своим Проводником, чтобы убедиться, что мы говорим правду. Потерянную жизнь мы компенсируем деньгами. «Компенсируем деньгами? — подумал Ветар. — Да кто такое пред-
- лагает? И кто на такое согласится?»
- У меня его нет, и не было, отрезал мужчина.
 Как это нет? от неожиданности спросил Ветар. Проводники есть у всех.
- Слушайте, дрова сами себя не нарубят. Мне...
 Вот, сказал Игарас, протянув руку ладонью вверх. Она ваша, если попробуете.

Это подействовало. Мужчина задержал взгляд на серебряной монете, перевел его на Игараса.

- Ладно, - сказал он, пряча монету в карман. - ...

Из его горла вырвался хрип. На лице отобразилось удивление.

- Вы убедились, что не можете. Хорошо. Теперь попробуйте написать. Мужчина попробовал. Острый конец ветки, которую он воткнул в пыль на дороге, никак не хотел двигаться, а руки его дрожали, словно он прикладывал для этого невероятные усилия. Но вот он начал что-то писать. Ветар с интересом наклонился, однако прочитал только «вод». Не «солнце».
 - Не получается. «Вода» написать могу, а...
- Слушайте, сказал Игарас, нам известно, что произошло это сегодня. Попробуйте вспомнить, встречали вы кого-то странного? Кого раньше никогда не видели?
- Я ездил на рынок. Там много разного люда. А дома никого. Что мне теперь делать? Не то, чтоб я сильно переживал, но для чего кому-то устраивать такое?
 - Не знаем.

Игарас развернулся и быстрым шагом двинулся прочь. Мужчина хотел что-то сказать, но передумал — тот был уже далеко. Ветар кинулся его догонять.

Догнал уже возле фургона.

- Что это означает? спросил Ветар. Какое, к чертям, слово?
- Так вы согласны? Если так отправляемся в столицу. Садитесь в фургон, по дороге я проясню некоторые детали.

Ветар мгновение колебался, хотя и так знал, что ответит. Как и Игарас. Да, в столице его гарантированно застанет дождь. Что произойдет тогда? Какое отношение имел дождь к забытым воспоминаниям? Ветара это больше не волновало. Прошло десять лет, он сильно изменился. Сейчас он снова чувствовал себя живым, и что бы не произошло — он ни о чем не пожалеет.

Ветар залез в фургон, к нему присоединился Игарас.

- Вы религиозный человек? спросил Игарас.
- 4 To?
- Религия. Верите ли вы в то, что сила, с помощью которой мы обмениваем жизнь на то, что нам нужно, пришла от бога?
 - Нет.
- А это так. Точнее, когда-то так было. Веартион пожертвовал собой, приняв адские муки, чтобы ад не опустился на наш мир. Люди платили своей жизнью, получая определенную выгоду, а минуты, часы или дни их жизни шли на поддержку его сил. Чтобы он и дальше мог страдать. Со временем люди забыли о его жертве, перестали жертвовать сами, и в один прекрасный день земля превратилась в ад. Веартион умер. Перед людьми встал выбор. Кто-то мог добровольно занять место бога и все стало бы как раньше. Да никто этого не захотел. Поскольку такая

жертва обязательно должна быть добровольной, люди решили схитрить. Группа священнослужителей пожертвовала частицей жизни, чтобы создать специальное место. Туда поместили маленького мальчика — сына верховного наставника. Теперь он принимал все пожертвования людей. Но он не был богом, поэтому понадобились дополнительные усилия для того, чтобы поддерживать жизнь в сотворенном в давние времена мире. Появились люди, у которых не было Проводников. По крайней мере, таких, о которых они бы знали. Их Проводниками стали слова. У кого-то «небо», у кого-то «солнце», у кого-то — «дождь». При слове «дождь» Ветар вздрогнул. До этого он слушал историю Иго-

При слове «дождь» Ветар вздрогнул. До этого он слушал историю Игораса не совсем внимательно, глядя в окно на полотно дороги, которое мельтешило под колесами. Теперь, заглянув ему в глаза, заметил лихорадочный блеск, а выражение его лица напоминало гримасу дикой злости.

- Употребляя эти слова, каждый свое, они брали у мальчика силу и, бессознательно, направляли ее на то, чтобы поддержать существование явлений или предметов, которые те слова означали.
- А теперь кто-то забирает у таких людей их Проводников? Игарас, заметив, что Верас не спускает с него глаз, взял себя в руки. Лицо его разгладилось, глаза заметно потускнели.
 - Да.
- Каким образом? Даже за то, чтобы просто узнать, что было похищено, мне пришлось бы заплатить двадцатью годами. Сколько тогда понадобится на то, чтобы похитить «слово»? Лет двести? У одного человека столько нет.
 - Мы не знаем. Поэтому император послал за вами.
- Xм... Возможно, действует группа людей. Но откуда они про это узнали? Даже я, в прошлом друг императора, этого не знал.

Игарас не ответил. Ветар понял, что расспрашивать дальше смысла нет. Сейчас им ничего не известно. Но все это чертовски его заинтересовало. И потешило самолюбие. Император послал за ним, ему потребовались его способности и навыки. Это распалило огонь в венах, а в голове засуетились мысли. Как ему этого не хватало!

Дальше ехали молча. Путешествие займет семь — восемь часов, поэтому Ветар взял в руки книжку. Слова никак не хотели складываться во что-то осмысленное и, еще немножко помучившись, он ее отложил, заменив на флягу с вином. Одолев половину, удобно устроился на сидении. Его клонило в сон. Он попробовал разобраться во всем том, что рассказал Игарас, да вскоре понял, что информации, чтобы прийти хотя бы к каким-то выводам, слишком мало. Что его удивило, так это поведение Игараса. Сложилось впечатление, что тот принимает все слишком близко к сердцу. Да, под угрозой само существование мира, однако Ветар был уверен, что дело не в этом. В его реакции он видел что-то личное.

Ветар заснул. А когда, проснувшись, выглянул в окно — то увидел величественные белые стены с широкими зубчатыми укреплениями и высокие ворота между цилиндрической формы сторожевыми башнями. Вокруг, под прикрытием мощных стен, расположились много-

- численные домики и пристройки. Фургончик подъезжал к столице.

 Перед встречей с императором я хотел бы привести себя в порядок. Переменить одежду и так далее. Где мы остановимся?
 - Сначала мы посетим церковь.

Ветар нахмурился.

- Зачем? спросил он.
- Там все вопросы отпадут.

Ветар собирался настаивать на своем, но тут до слуха донесся мелкий топот. Секунду он не мог понять, что это такое, но когда увидел грозовые тучи, что стремительно неслись им навстречу, накрывая столицу, словно прилив построенные на берегу песчаные замки, то распознал уже забытую мелодию дождя. Его зазнобило. Стоило лишь выйти из фургона...

Ветар решил не ждать. Что это изменит? Зачем откладывать? Он высунул дрожащую руку из окна. Один крошечный укол, холодный, как спрессованный в каплю мороз. Еще один. Воспоминания ворвались в память, заполняя могилоподобный разрыв. Ветар отшатнулся. Ему казалось, что он захлебывается. Тонет. Хватая воздух ртом, он медленно повернулся к Игарасу. В душе страх и отвращение копошились разворошенным осиным гнездом.

– Извини, – будто не своим голосом вымолвил Ветар, глядя в змеиные очи, в которых теперь полыхал огонь ненависти.

Игарас вытянул руку. Ту, на пальце которой пламенел волос. Наверно, он принадлежал рыжеволосой Кире, его самой лучшей ученице и правой руке. Именно вместе с ней он...

Мысли Ветара оборвала яркая вспышка.

Когда он пришел в себя, то первым, что увидел сквозь морок головокружения — была могила. В разы больше, чем обычно, но именно так ему подумалось. Связанный, он сидел на кресле с высокой спинкой на краю глубочайшей ямы. На ее дне, благодаря множеству факелов на стенах церкви, он сумел разглядеть тело одного из священников.

— Не думал, что еще когда-нибудь меня увидишь? Стер себе память,

надеясь, что никогда не придется ответить за содеянное?

Голос Игараса звучал откуда-то сзади.

- Мне жаль, ответил Ветар.
- Жаль?

Как удары барабана, послышались шаги. Игарас остановился у него за спиной, развернул кресло так, чтобы Ветар мог его видеть. Мальчикабродяжку, которого он приволок сюда лет десять назад, было не узнать.

— Знаешь, как там, на дне? Вы меня раздели, отобрали Проводника, чтобы у меня не было ни одного шанса освободиться. Когда ты попадаешь туда — твое тело деревенеет. Ты не можешь пошевелиться. Тебе не нужно ни есть, ни спать. Хотя все чувства, в том числе и боль, исчезают. Ты лежишь там, как труп, и можешь только думать. Я провел так целых десять лет. Знаешь, что меня спасло? Вот этот волос, который уронила Кире. Она, между прочим, умирала очень долго и болезненно. Я выбросил ее тело в канаву возле самой задрипанной корчмы.

Заменить Проводника тяжело, почти невозможно. Но этот волос, словно дар богов, приземлился мне на окоченевший палец. И за десять лет я смог сделать его своим Проводником. В то время у меня скопилась уйма лет из людских пожертвований. Я смог освободиться. Не думал, что такое может произойти? За тысячу лет, пока такие, как я, невинные жертвы гнили в этой яме, такого никогда не случалось.

Ветар плакал. Он вспомнил, как император, вместе с церковным главой, рассказали, для чего им этот мальчик. Рассказали страшный секрет. Рассказали, сколько людских жизней погубили, чтобы мир мог жить. Тогда он принял необходимость этого, хотя и понимал, что не сможет с этим жить. И пожелал забыть.

- Почему ты меня не убил?
- Почему ты меня не уоил?

 Я хотел, хоть и знал от императора, которого хорошенько помучил, что ты ничего не помнишь. Но какая в этом радость? Теперь ты все вспомнил. А скоро весь мир почувствует то, то чувствовал я. Я заберу у вас солнце, небо, дождь. Заберу все, что вы отобрали у меня. А ты недолго побудешь на моем месте. Пока там лежит никчемный поп, но попозже я брошу туда тебя. Люди станут жертвовать, но их пожертвования больше не пойдут на существование солнца или дождя, ветра или смены времен года, потому что люди не смогут выговорить необходимых слов-проводников. Опустится ад. Все вы почувствуете на себе мои муки. А потом мир погибнет, и вместе с ним все до единой людские души, которые живы страданиями детей.

Ветар понимал его гнев. Игарас заслуживал его. Как никто другой. Да разве виноват в этом весь мир? Император, церковники, он сам — да. Они совершили нечто страшное и должны за это заплатить. Но весь мир? Теперь Ветар знал, почему не ценил жизнь. Почему так ей разбрасывался. Хотя он похоронил в себе все те воспоминания, где-то в глубине

- души его разрывала вина. Подсознательно он хотел ее искупить.

 Не делай этого, сказал Ветар. Ты еще молодой. Убей меня, убей императора, уничтожь церковь. Но не весь мир. Люди ни в чем не виноваты.
- О. Виноваты. Они, своим неверием и лицемерием, убили бога. Если бы они этого не сделали, мир не держался бы на телах маленьких мальчиков, которые росли, лежа живыми трупами на дне, пока

не умирали от старости. Все время в сознании. Они кричали дикими голосами в своих головах, пока не сходили с ума. Потому что приходилось страдать. Как богу в аду. Все завязано на страданиях.

Ветар заглянул в его глаза. Ему больше не казалось, что там полыхает ненависть. Он увидел там море боли, которое звенело слезами в уголках глаз.

- Мне жаль, сказал Ветар. Я сделаю все...
- Ты ничего не сделаешь. Существование мира нужно будет поддерживать. Кому-то придется страдать. Там, на дне могилы. Придется. Всегда.
- «Есть еще один способ», подумал Ветар. Никто не хотел занять место бога. Что если...
- Извини, сказал Ветар. Я не ожидаю, что ты когда-нибудь простишь людям. Или сможешь жить нормальной жизнью. Но ты будешь жить.

Он посмотрел Игарасу в глаза и тот, казалось, все понял. В мерцающих огнях факелов блеснула слеза, которая, наконец, скатилась из уголка его глаза. Словно от облегчения.

Ветар не знал, что делать, поэтому просто пожелал этого всем сердцем. И пропал. Испарился без следа из маленькой церкви.

Он почувствовал огонь. Адский огонь, который охватил все тело. Сначала он не кричал. Языки пламени лизали тело, хлестали, словно плети. А потом из горла вырвались нечеловеческие крики. Ветар не знал, как долго сможет это терпеть. И как тут идет время. Может быть, минута тут — это год в реальном мире? Он на это надеялся. Он корчился от боли, но не мог сойти с места. Вокруг, словно завеса тумана, мерцало пламя.

«Сюда бы книжку, — подумал он, — или вино. Скучно...»

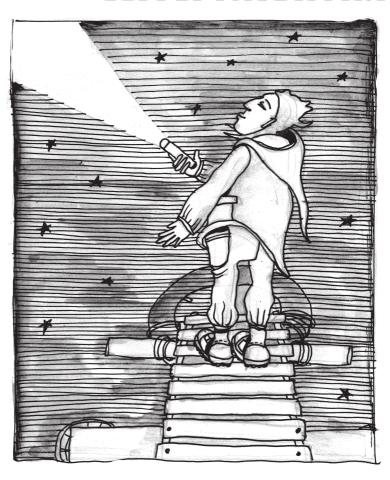
Та жизнь, полная интересных историй и вина, ему нравилась. Он рассмеялся сквозь крик.

А потом боль стала отступать. И Ветар, через завесу из огненных языков, которые, казалось, стали затихать, что-то увидел. Две стены, заставленные книгами, трепетали перед ним, как мираж. Пламя ослабевало. Он оглянулся. Дверь, из которой выползало пламя, а рядом с ней — обычная бочка. Под ногами проступил пол. Сквозь остатки боли Ветар повернул голову. Закуток, отгороженный ширмой. Все полыхало огнем, но ничего не горело.

Он смог оторвать ноги от земли. Идти было тяжко. Ветар пересек комнату, схватился за ширму.

И отодвинул ее.

N РАЗВИТИЯ

Павел Шумилов

ИГРЫ РАЗУМА

Сижу — и прожигаю взглядом видеокамеру в углу под потолком. Раздражает страшно!.. С некоторых пор начал понимать выражение голокожих «чувствую себя голым».

Одну камеру я могу, как бы случайно, загасить. Но случайно сорвать четыре камеры — это уже за пределами естественного поведения. А камеры — во всех четырех углах. Мертвых зон нет. Да и до потолка четыре с половиной метра. Хоть в туалете камеры нет.

Есть хочется... С ненавистью смотрю на банан. Как они мне надоели. Спасает то, что есть его не обязательно. Банан — это ключ к кормушке. Как инвестиция в проект в расчете на будущую прибыль. Кормушка — в моей жилой комнате. После того, как кормушка срабатывает, дверь в рабочую комнату закрывается и блокируется. До следующего утра. А в кормушку попадает много вкусных вещей. И яблоки, и апельсины, и дыни, и сухофрукты. Особенно люблю сникерсы, пирожки, пиццу и бутерброды с бужениной, от которых пахнет Тонечкой. Тонечка — моя вторая мама. Ну, я так думаю. Как давно ее не видел... Неделю, да.

Экзотическое питание получить трудно. Надо разыграть целый спектакль. Мол, мне чем-то очень не понравился стандартный паек. Сначала нужно, как обычно, схватить и откусить яблоко, отбросить с недовольным криком. Перебрать и обнюхать все продукты в кормушке. Поднять крик, заметаться по комнате. Потом забиться в угол и жалобно скулить. Можно, для большей убедительности, пару раз подойти к кормушке и еще раз обнюхать продпаек. Но есть нельзя. Категорически нельзя! Тогда голокожие начинают импровизировать, и фрукты в кормушке заменяются на вкуснятинку.

Слаб я духом, до чего слаб! Сколько раз давал себе слово перетерпеть голод и не прикасаться к банану. Чтоб голокожие разочаровались во мне и прекратился этот ежедневный цирк. Но желудок подает сигналы, и я сдаюсь. Иду за бананом.

Банан лежит в центре комнаты. В середине прозрачной трубы из прочного оргстекла. Труба толстая и длинная — пять шагов длиной. Рука входит в нее по самое плечо, но рукой банан не достать. Считается, что банан нужно достать палкой, которую голокожие приготовили для меня. Что могу сказать о палке? Обычная ветка, шага три с половиной длиной. Если обломать боковые сучки, войдет в трубу и протолкнет банан к дальнему концу, откуда его можно достать рукой. Одно «но». На эту палку собаки писали. Поэтому в первый день я ее не использовал. Взялся за край трубы, поднатужился и приподнял вместе с подставкой. Банан послушно скользнул под уклон — и вывалился из

дальнего конца трубы. Как пользоваться кормушкой, мы проходили в предыдущих опытах...

С тех пор так и повелось. Палкой я не пользуюсь из принципа.

На второй день увидел, что голокожие навалили на подставку, наверно, сотню кирпичей. Трудоголики! Ну, я взял крайний, саданул по соседнему, чтоб раскололся — и закинул обломки в приемник кормушки вместо банана. Кормушка глупая, от веса срабатывает. Ей что банан, что кирпич... Когда-то давно, когда еще жил с Тонечкой в соседнем корпусе, я банан съел сам, а шкурку бросил в приемник. Кормушка сработала. Не сразу, с задержкой, но сработала. Глупая!

Только на следующий день менять кирпичи на продукты кормушка отказалась. Виноват, не удержался. Дал волю гневу. Поднял крик и саданул кирпичом по трубе. Была труба — нет трубы. Зато банан у меня. Банан кормушка приняла нормально. Но сколько шума поднялось за стенкой... И меня на двое суток лишили телевизора. Это уже удар ниже пояса! Привык я к каналу «Энимал».

Месть моя была жестока! Я вытолкнул банан кирпичами. Затолкал их в трубу — новенькую, из толстого, непробиваемого оргстекла — не меньше полутора десятков. Думаете, это было легко? Как голокожие будут их из трубы выковыривать — их проблемы!

На утро подставку трубы прижимали к полу не кирпичи, а бетонные блоки. Аж шесть штук.

Шесть блоков — это не сотня кирпичей. Сковырнуть их с подставки — минутное дело. После чего я, как в первый день, ставлю трубу на попа. И банан мой.

Нет, у голокожих явно напряженка с интеллектом. Действуют методом грубой силы. Весь пол расцарапали, но придавили подставку неподъемной бетонной плитой.

Прием на этот случай у меня был продуман еще пару дней назад. Обнаружил эффект, когда кирпичи в трубу загонял. Засек положение банана в трубе относительно царапин от кирпичей. Затем сильно ударил обеими ладонями по торцу трубы. Труба вздрогнула! А я посмотрел, что случилось с бананом. Он сдвинулся! Совсем на чуть, но сдвинулся! Слава инерции! Но ладошки болят. Впрочем, колотить по торцу трубы можно и обоссанной палкой.

Плохо, что голокожие могут засчитать палку за инструмент. Как и тот кирпич, которым я трубу разбил. А внутренний голос подсказывает, лучше голокожих с инструментами не знакомить. Но ладошки болят... Поэтому колочу палкой. Кричу и колочу. Кричу — это чтоб голокожим было интереснее. Нельзя только о себе думать.

Через пять минут я убедился, что банан уверенно движется, а еще через полчаса он был мой! Зато палки не стало! Вся в щепки! В труху. Тоже плюс! Уходил в свою комнату с одной мыслью — что будет завтра?

* * *

И вот теперь сижу на трубе, кошусь на камеру, тупо чешу в затылке. Может, настало время объявить голодовку? Или сдаться и выполнить то, чего от меня хотят голокожие — вытолкнуть банан длинными ивовыми прутьями? О чем они вообще думают? Вся суть опыта в том, что я должен обломать с ветки сучки. Тем самым превратить ее в рукотворный инструмент. Но ивовые прутья гладкие, в обработке не нуждаются. То есть опыт сводится к предыдущему, когда я вытолкал банан кирпичами. Инструментами естественного происхождения...

Голова — не самое сильное место голокожих. Думают, если я был маленький, сидел на руках у Тонечки, то не помню, как мои коллеги проходили тесты? И как сами голокожие комментировали каждое действие испытуемого. Я все отлично помню! И тесты, и их комментарии. Отлично понимаю суть каждого теста. Но не кричать же об этом. Тем более, поймет меня только Тонечка.

Но что задумали голокожие на этот раз? Решили подыграть мне, понизить ставки?

А вот фиг вам! Не поддамся на провокацию. Я еще не простил вам два дня без телевизора.

Может, нужно поломать прутья на куски и бросить в приемник кормушки? Ива— не кирпич. Какая-никакая, а органика...

Нет, нельзя идти на поводу у голокожих! Прутья не трогаю. Что у меня еще есть? В рабочей комнате — больше ничего. Если не считать видеокамер под потолком. За каждой камерой тянется провод, но попробуй его еще достань...

В жилой комнате — телевизор, вмурованный в стенку, подстилка, одеяло, кормушка, тоже вмурованная в стенку, кран-поилка, который выдает около стакана воды на каждое нажатие, моя миска. Ну и четыре видеокамеры по углам. Как же без этого?

В туалете — разумеется, унитаз, вторая раковина-поилка, следы от какой-то давно снятой крупной сантехники, видимо, ванны, ведро, половая тряпка и лысая швабра. Еще — весьма вместительный лоток с песком на месте ванны. Видимо, от предыдущего жильца остался. Видеокамера когда-то была, сейчас сорвана, болтается на проводе и смотрит в угол. ЭТО НЕ Я! Чес-слово, не я! Это еще до меня. Но — одобряю!

Да, забыл, ершик для унитаза. Я им не пользуюсь из принципа, потому что поселился здесь не по своей воле. Пока я занят в рабочей комнате, Тонечка наводит марафет в жилой. Разумеется, дверь между комнатами на это время блокируется. Но запах не скроешь. И мои любимые конфеты в тайничках...

Ершику тоже есть место в моих планах. Если засунуть его на три четверти в трубу, а потом сильно ударить по рукояти рукой, он пролетит всю трубу насквозь и вылетит с другого конца! Банан, конечно,

не вытолкнет. Но это и не нужно. Ершик будет челноком. Протащит за собой нить. Нить можно добыть из одеяла. Или окончательно оторвать камеру в туалете и взять ее провод. А затем привязать на конец нити рулон туалетной бумаги и протянуть его по трубе словно поршень. Он вытолкиет банан.

Одеяло жалко. А провод короткий. И вообще, подготовки много.

Проще нужно быть. Никаких рукотворных инструментов! Рулон туалетной бумаги! Она легкая. Если ее «продуть» сквозь трубу, а потом осторожными подергиваниями завести под банан... Может получиться. Точно получится. Но оставим этот вариант на черный день. Я же пропаду, если после опыта туалетную бумагу конфискуют!

Если б банан можно было сдуть с места... Будь на моем месте слон... А зачем мне весь слон, если нужна только его дыхалка? Допустим, закреплю на конце трубы мешок, а потом резко, со всей дури его схлопну...

Мешка нет. И чем его закрепить — тоже... Нет, сдуть не получится. Протолкнуть ивовыми прутьями, ручкой от швабры или туалетным ершиком — не идейно. А если смыть? Водой! Набираю полную миску воды и... Или набираю полный рот воды... Струя слабая. А если полное ведро воды? Должно получиться.

Готовлюсь к акции в туалете. На всякий случай. Раз за разом наполняю миску и выплескиваю в ведро. Наконец ведро наполнено на три четверти. Иду в рабочую комнату и с размаху выплескиваю воду в трубу. Разумеется, половина мимо. Иначе и быть не могло. Но это неважно! Волна подхватывает банан и проносит до самого обреза трубы. Идеально!

Брезгливо-равнодушным жестом бросаю мокрый банан в ведро и, шлепая по лужам, удаляюсь в жилую комнату. Получилось! Жакоо-оня молодец! Интересно, что голокожие завтра придумают?

Одно беспокоит. Не переборщил ли я с демонстрацией интеллекта?

Наталия Гонсалес-Сенина

МАТРИЦА ВОСПОМИНАНИЙ

Наблюдаю за лицитатором. Украдкой ворую мимику. Если финальная ставка сорвется, покривляюсь перед зеркалом, вспоминая встречу, теша самолюбие. Сейчас амбициозность страдает, забитая ногами. Впрочем, подставляться за деньги лучше, чем исповедоваться за каплю кагора.

— Начнем, — ведущий аукциона отрывает взгляд от гаджета, который до этого тискал минут десять, чтобы завести стринг нового донора.

Теперь он смотрит мне прямо в глаза. Обожаю этот момент. Щелк — программа запущена. Зрачки собеседника сужаются. Мои — чуть шире.

Глаза петуха. Квартирка, что досталась в наследство, забита сомнительной литературой. Астрология, гороскопы, эзотерика, физиогномика, искусство манипуляции, нумерология... Мама фанатела от подобной чуши. Среди макулатуры нашлась маленькая брошюрка про петушиную судьбу. Эта книженция сделала мои дни. Теперь каждое утро перед зеркалом — глаза в глаза с невысказанным вопросом: какого хрена?

С глазами петуха рождаются те, кто часто находит себе приключения на то самое место. Серо-голубые глаза, с темной обводкой и с язычками зеленых лучиков от черной точки. Зрачок расширен.

— Готова... — контролирую напор звуков. Инфантильность и зрелая, раскрытая на полную, внешность — цепляет. Карма от рождения. Сбой в перинатальной матрице. Родилась в рубашке, с глазами петуха.

Поднимаю глаза на лицитатора. Ждет. Смотрит устало. Таких, как я, через него проходит немало. Зацеплю историей из прошлого, и тогда он выставит лот. Купят — мой счет пополнится. Стриптиз души в новинку, главное, чтобы соучастники выглядели красиво. Ловлю взгляд ведущего и улыбаюсь, мы не напрасно проведем время.

Тыия.

Симпатичный, высокий, наглый, и мне это нравится. С такими мужиками всегда легко. Облизываюсь, во рту пересохло. И вот он уже переводит взгляд на мои губы. От первого слова зависит жизнь, и не только моя.

- Счастье... - произношу чуть слышно, но ведущий улавливает настроение и удовлетворенно кивает. Счастье стоит и продается дорого.

Чем изысканней раритет, тем больше спрос. На гаджете мигает режим «открыто». Шаг назад в мои двенадцать.

Поле. Огромное, бесконечное поле. Трава по пояс: островки ромашек и васильков, беззвучных колокольчиков. Стою, вдыхаю ароматы и смотрю вдаль. На горизонте зелень встречается с синью, шаг вперед— и неровный частокол верхушек соснового бора подчеркивает расплывчатую границу.

- Катька, чего застыла, жги! приседаю на корточки, расставляя колени, и бросаю спичку в сложенный горкой хворост. Вспыхивает махом. Навык от деда. Научил с одной!
- Давай им записку подкинем, Витька присел рядом и подкинул веток поувесистей. Дескать, если не свалите, хана вашему трактору! И подпись — Фантомас.
- Глупо как-то... завороженно смотрю на огонь и чувствую, что хорошо. Вот от пяток до макушки хорошо, и все! Свободно и легко, и Витьку обнять хочется за глупости, задушить от восторга, от того, что он часть этого Хорошо. Фиг с ним, пусть несет околесицу, главное, что сейчас вот тут — мы одни. Свободные, дерзкие, и впереди нас ждут приключения! На пятую точку.
- Ок, не сдерживаюсь и обнимаю его за плечи. Фантомас это круто!

Витька недовольно бурчит под нос, косится неприветливо. А я лыблюсь как дура. Хороше же! А то, что я в этот момент чудо как хороша, и в голову не приходит.

Шмыгаю носом, смахиваю влагу тыльной стороной запястья, и потом руку — о край юбки. Витька одобрительно хмыкает. — Катька, больше так не делай, окей? — О чем просит, не понимаю,

но счастливо киваю головой.

Садимся на землю. Витька припер ранец, там все, что нужно: бумага, фломастеры, даже лекало! Пишем послание трактористам, рисуем морду Фантомаса.

- Есть хочешь? Витька достает пакет с зефиром. От соседки по даче слышала, что в Америке дети жарят белобокие сладости на огне. Чем мы хуже? Натыкаю зефирину на кончик ветки и сую в огонь. Пахнет горелым сахаром и ванилью. Кайф! Ощущение счастья пронизывает от затылка в копчик, и я плюхаюсь на задницу, громко хохоча. Распугивая птиц и пугая Витьку.
- Странная ты сегодня! Отодвигается в сторону. Скручивает бумагу, скатывая в трубочку морду Фантомаса.

Ая впихиваю в рот горячую расплавленную зефирину, не обращая внимания на то, что верхнее небо и язык жжет так, что хочется орать от боли.

 Катька, ты че творишь-то?
 Витька зло отпихивает меня в сторону, подальше от костра, отнимает раскрытый пакет со сладостями и бросает в середину костра, а потом для верности прыгает на тлеющие угольки, топчет догорающие ветки. Смотрю на беснующегося друга и хохочу.

Хорошо-то как! Живу и чувствую! Живу и чувствую! В сумерках бежим к привалу трактористов. Железные красавцы «Беларусь» — новенькие, желтые и страшные. Запрыгиваю на подножку, просовываю записку под дворник. Прежде чем прижать бумагу к стеклу, плюю для верности, чтоб прилипло.

- Круто, Катька! Запужаются, стопудово! Витька радостно улюлюкает и выбрасывает правую руку вверх, жестом победителя.
 - Йаппи! кричу я, и прыгаю ему на шею.

Хорошо же сработали! Ладно! Зацеловываю в щеки, не обращая внимания на возмущенные вопли:

— Катька, сдурела, слазь с меня, дура шальная!

Лицитатор хмуро смотрит на строку стринга. Желающих сделать первый взнос не видно. Еще минута — и можно уходить. Поднимаю глаза, встречаемся взглядами. Зрачки расширенные — теперь больше, чем мои. А цвет янтарный. Теплый такой, тянущий. Резко сдвигаю ноги, готовясь вскочить с места.

Щелк — первая ставка! Хорошо-то как. Хочется вскочить и расцеловать ведущего, как Витьку. До боли стискивая в объятиях. «В десна»- воспоминания не отпускают.

Щелк. Новая ставка. Щелк, щелк... Лицитатор не отводит глаз.

— Зачем вы пугали трактористов?

Опускаю взгляд на его губы. Меняемся местами— не вставая, но меняемся. Улыбается.

— В котловане штаб был. Руками рыли, укрепляли стены. Они хотели разрушить все, что у нас было — наше укрытие от реальности... Секреты, тайны, свободу.

Пока говорила, щелкало как из пулемета. Цена росла. Остановлюсь, и мой процент упадет на карточку. Переведу все до копейки. Одним махом — и в больницу. Витьке осталось жить меньше суток. Счастье за деньги. Какое, нахрен, счастье. Я только что спасла друга детства. Йаппи! Хорошо-то как.

Неожиданно настала тишина. Одно движение пальцев, и чувствую, как тренькает мобильник. Сжимала его в руке, забыла, что там что-то есть... в ладони, и тут приятно так. Вжжжж... Три клика — и деньги на нужном счету. Витька будет жить.

- Продолжим? лицитатор улыбается. Размашисто так. Хорошо. Тепло. Ему процент со сделки капает, как мне с продажи. Чем выше мой рейтинг, тем шире его улыбка. Хмурюсь. И не стоит обольщаться, что этот размах адресован лично мне.
- Продолжим... теперь в голосе нет инфантильных ноток. Что продается круче, чем счастье?

И тут же отвечаю, выталкивая звуки, и они, набирая силу, со свистом вырываются наружу:

Страсть...

С лица оппонента исчезает улыбка. Он опускает глаза на монитор, щелкает по клаве и ставит лот. Тема моментально вызывает интерес.

У нас есть поклонники. Надо спросить ник-нейм, под которым меня ввели в матрицу воспоминаний.
— Продолжайте... — взгляд не поднимает, хотя нет, косится на стис-

нутые колени.

Слегка раздвигаю ноги и смотрю на его шею. Кадык движется, пытается сглотнуть... А я закрываю глаза, отступая в свои пятнадцать.

В подъезде темно. Стоим напротив друг друга. Я на ступеньку выше. Одни — внутри многоэтажного дома, где за каждой дверью кто-то существует, а нам параллельно. Стоим. Я и Лешка. Вздрагиваем каждый раз, когда открывают двери, входят и выходят. Когда вызывают лифт, и тот с грохотом поднимается или опускается. Из щелей и маленьких окошек лестничной клетки струится теплый желтый свет, он подсвечивает наши фигуры. Темные силуэты двух влюбленных, которые боятся ощущений. Смотрим друг другу в глаза. Если я выше, то наши слагаемые равны. И губы на одной линии. Математика любви. Символ бесконечности кажется осязаемым. Чувствую, как холодеет затылок, потом шея, плечи, пальцы. Дрожу, словно стою на морозе. Но глаз не отвожу.

- Давай на счет три, предлагаю с усмешкой, дразня Лешку и пря-
- чась от мороза. Спина. Ей холодно, и стынут ступни. Дрожат колени.
 Смешная ты, Катька, улыбается, и я слегка наклоняю голову.
 Вспомнив, что носы мешаются. Мы с подругой смотрели киношку в видеосалоне, я запомнила. Надо чуть вправо — и закрыть глаза. Но они не закрываются. С яростью петуха подаюсь вперед и тычусь губами в его смеющийся рот.

Лешка ловит меня на лету, я забываю о ступеньке. Куртки распахнуты. Они мешают, сбрасываю свою, не думая о грязной, заплеванной лестнице. Забывая о гремящем наверху лифте.

Хочется плакать. Первый блин комом. Лешка смеется громче. Вечер, двадцать минут до часа икс. И нас, жмущихся друг к другу подростков, погонят из подъезда поганой метлой.

- Прекрати! шиплю и стаскиваю с него куртку, насильно. Резко, рывками вниз, рыча и проклиная его беспечность. Но Лешке уже не до смеха. Его трясет не меньше моего. Так и стоим на одной ступеньке. Я топчу его новые кроссы. Мелкая, хрупкая, злая...
 Катька... шепчет чуть слышно. Приподнимаюсь на цыпочки,
- пытаясь дотянуться до его губ. Хочется орать и бить кулаками в грудь.

И тут чудо! Лешка приседает и обхватывает меня руками, чуть ниже ягодиц, и приподнимает. Мы снова равнозначны. Облизываю губы, они сухие, горячие, шершавые. Чувствую, как дрожат тела, и прикасаюсь влажными губами к раскрытому рту, впуская внутрь язык. Поскуливаю от желания быть глубже.

Лифт вздрагивает, пробуя нас на стойкость. Но нам пофиг. Лешка ставит меня на ступеньку выше. Приподнимает край свитера. И я закрываю глаза.

 Катька...- слышу и вздрагиваю вместе с открывающейся внизу дверью.

«Опять тискаются, суки!»

Хохочем. Хватаем на бегу куртки с пола и выбегаем на улицу. Январь. Через два часа я буду танцевать на столе: пьяная и счастливая, а Лешка будет тискать чужую грудь. Но сейчас я дрожу от страсти и хочу продолжения!

- Какой мой ник? открываю глаза и шепчу поверх щелканья счетчика. Ведущий смотрит пьяно и осуждающе. Понимаю — торкнуло. Меня всегда пронимает до чертиков, когда вспоминаю. А покупателей так вовсе не остановить. Столбик растёт, обесценивая счастье буквально на глазах.
 - Зрачки!

Пытаюсь сдержать удивление, но не получается. Оценщик краснеет под изучающим взглядом.

— Вы тоже знаете об этой фишке? — чтобы не показать волнения, сжимаю мобильник в руке.

В тишине щелкает счетчик ставок, напоминая пение цикад. Двое. Вечер. Дорога до вокзала.

— Да... Какие-то обрывки воспоминаний, — отводит взгляд в сторону. Закрылся. Рано... Ок. Я не тороплюсь!

Счетчик замолкает. Порядок действий неизменен. Лицитатор снимает сливки, мне глоточек, остальное в недра матрицы. Мобильник вибрирует. Перевожу деньги на счет Лешке. У него тройня. Сам три года без работы. Порадуется. Главное, чтоб жена поняла правильно. Я же ее поняла.

- Почему вы не боролись? Оценщика не отпускают мои воспоминания. Меня тоже.
- Я думала, он учится для меня. Она была опытней. Оправляю юбку. Привлекая внимание к бедрам.
 - А сейчас? Он скользит взглядом по моей фигуре.
- А сейчас? Он скользит взглядом по моей фигуре.
 А сейчас я готова к третьей фазе, говорю, поглядывая на забытый планшет. Разговор по душам не входит в мои планы.
 Что ставим? в голосе разочарование.
 Главное не сбиться, не перескочить к финалу. Желание настолько

сильно, что хочется кричать.

Дыши. Дыши! Глубоко. Раз, два... Раз.

Молчание затянулось. Спасибо, что ведущий оценивает не только мои воспоминания, но и реальность. У меня есть время на отдых.

Боль.

Краснеет. Причем очень мило. Со щек румянец стекает на шею, теряясь за воротом белоснежной сорочки.

Вводит название нового лота. Моментальный отклик. Покупатели ждут файла. Закрываю глаза и выпускаю прошлое наружу. Стриптиз души, а кожу пронзают тысячи мелких иголок, входят внутрь и скачивают память. Я незаметно отключила анестезию, и мышцы сводит судорогой. Да так мощно, что начинаю кричать. Последнее, что вижу, погружаясь в прошлое, вскочившего с места Генку. Он вспомнит! Вспомнит! Осталось два шага. Восемнадцать...

— Вставай, чего разлеглась!

Открываю глаза, вижу кафель. Белый, в тонкую паутинку из серебряных нитей. Я лежу, касаясь голым животом холодного пола, и пытаюсь уснуть. Но уборщице пох, я мешаю мыть пол.

— Шла бы ты домой, чего разлеглась? — тычет в бок мокрой тряпкой. Торопит, бесит.

Мычу что-то, но вразумительно послать нет силы. Господи, дай мне поспать! Час! Всего лишь час, и мне станет лучше.

- Встань, новый удар холщового комка в бок, и я вскакиваю, яростно пинаю ведро, разливая воду, больше похожую на помои, и выбегаю из женской уборной.
- Ветрова, ты почему в таком виде? Ректор стоит, широко расставив ноги. Ловит прогульщиков, чуть ли не за уши втаскивая в кабинет для личной беседы. Потом волочишь ему в пакете: бутылки, конфеты, духи для толстожопой женушки. Лишь бы не отчислил. Поймал и меня: скалится, как блудливая псина, почуявшая течную сучку. Твоя правда. Первый день месячных, и я себя не контролирую.

— Плохо мне.

Одергиваю свитер, прикрывая голый живот, отряхиваю джинсы и кривлюсь от новой схватки. Говорят — рожу, и все как рукой... Может, ректора трахнуть. Боль унять и заработать очки на не отчисление. Морщусь.

— Пойдем-ка. — Берет под локоть, толкает в сторону. Тускло освещенный коридор. Глубже. Глубже... В переход между корпусами, низкие потолки давят на мозг, спотыкаюсь. Твердая рука обнимает за талию, поднимает с пола.

Петрович несет меня через коридор, не обращая внимания на взгляды сокурсников и прочих студентов, педагогов, зрителей. Дверь вышибает ногой и кладет на стол.

— Пила? — нервно стирает пот со лба и наливает полный стакан из высокого графина.

А я теряюсь в чувствах, которык тянут низ, вниз, в ад. Молча мотаю головой. Нет. Не курила. Не ширялась. Просто всегда так, в первый день... Всегда.

Ректор улыбается. Умеет читать мысли? Или думает о своем?

— Дома-то чего не осталась?

Дома? Лучше здесь — на полу в сортире, чем там, где в жопу пьяные предки.

- Ладно. Ты поспи пока. Я через час вернусь.

Закрывает дверь, а я проваливаюсь в темноту. Благодарно сжимая в руке пуговицу. Отвалилась с пиджака.

Счетчик щелкал медленно, но верно. Растеряны. Довела до пика и скинула вниз.

— Мы теряем популярность, — хмыкает лицитатор.

Генка... Неужели не помнит? Я вот жила все это время — ради этой встречи. Больно-то как. То хорошо, то больно. Дура...

Облом с БДСМ, да?

Встаю. Устала: сидеть, думать, манипулировать. Остался один шаг. Всего один. Щелкнуло в последний раз. Смотрю на экран мобильника. Несмотря на то, что потеряли клиентов, цена была выше, чем за историю с лифтом. Перевод на счет одинокого пенсионера. Деньги продлят годы жизни. Всегда оставайся человеком. Даже если выглядишь как ссучившаяся псина.

- Сколько вам лет?
- Много...
- Выглядите прекрасно.

Тоже встает. Снимает пиджак, ослабляет узел галстука. Слежу за его движениями, словно изголодавшийся зверь. Впитывая все, до мельчайших подробностей, чтобы файлы памяти заполнились под завязку. Мне так не хватало этих деталей.

— Как вы попали в эту систему? — Обвожу рукой стены.

Пустые стены. Кофе с молоком. Даже окон нет. Донор, ведущий и покупатели. Время летит незаметно.

— По рекомендации, — и вновь закрылся.

Впрочем, я не хочу знать, как. Главное, что я нашла его. На это ушли годы.

Продолжим? — теперь вопрос задаю я.

Генка морщится. Последние воспоминания пришлись ему не по вкусу. Но ведь кто-то купил. Жаль, нельзя узнать, кто. Впрочем, какой в этом смысл? Главное — расплатиться с теми, через кого перешагнула, чтобы повзрослеть.

- Продолжим, Генка вздыхает и поднимает планшет с сидения. Стучит по клавиатуре на мониторе. Запускает новый стринг с продажей. И замирает в ожидании темы.
 - Наваждение...

Вводит и замирает, перед тем как отправить.

- Уверены?
- Да...

Сажусь в кресло, отдаваясь приборам. Анестезию включаю, превышая дозу. Не хочу чувствовать. Тема страданий позади. Теперь апогей охоты. Зрачки расширены. Почти сливаются с радужкой. Генка подходит ближе, кладет руки на мою талию, словно тиски. Склоняется вплотную — лицом к лицу, глаза в глаза. Зрачки — его и мои — теперь одинаковые. Вспомнил.

- Катька, шепчет, обдавая горячим дыханием, и я теряюсь в аромате ментола и ранней осени, теряюсь и не хочу, чтобы меня нашли: Я не смогу отключить эту бандуру. Какого хрена?
- Глаза Петуха, помнишь? успеваю прошептать в ответ и проваливаюсь в прошлое.

Я молода, красива, мне двадцать один, а он безнадежно женат. Первый мужчина — пик детских заблуждений.

Мы останавливались у каждого дерева. Насытиться друг другом казалось невозможным. Тропинка через лес. За углом виднеются крыши дачных домиков. Ночь. В прорехах листьев звезды. Запрокидываю голову, и он закрывает мне рот ладонью. Листва скрывает нас, стон прячется в ладони.

- Катька... Понимаю, что нам нужно остановиться. Но не могу.
- Ты как наркотик. Слышишь?

Я слышу. Знаю. И сама подсаживаюсь. Глубоко. В себя. До самого дна, до границы, до боли.

- Катька... Снова чувствую ладонь на раскрытых губах, впиваюсь зубами в мякоть, и Генка отдергивает руку. Кричу так, как хотелось: захлебываясь счастьем и болью. Эхо теряется в сосновом бору, убегает в поле, срывает с веток уснувших птиц.
 - Сумасшедшая...

Знаю!

В первый и последний вечер счастья, перед побегом, шла до края и с обрыва вниз, чтобы потом упасть на дно, в самокопание, самоедство, в тлен.

Аукцион воспоминаний создали для нуждавшихся.

Донорам — деньги, покупателям — эмоции. Первого и последнего у меня с лихвой. Почему не поделиться. Ведь тот, кто платит, не видит наших имен и лиц. Это стриптиз души.

Счетчик щелкал словно бешеный. Все звуки слились в один.

Несмотря на двойную дозу, последнее воспоминание отняло остаток сил. Меня предупреждали. Максимум — три. Потом, если в генах был сбой, возможны последствия.

Почему дети, рожденные в тисках околоплодного пузыря, считаются везунчиками? Счастье только в том, что ты остался живым и не задохнулся...

На пике, когда стон счетчика замрет в тишине, на Генкин счет поступит все отработанное. Цель достигнута — расплачусь по счетам за вехи взросления, за самые яркие мгновения. Повезет — получу свое...

Открываю глаза и смотрю на ведущего. Стоит на коленях. Напротив. Глаза в глаза. Рожденная в рубашке, со смещенным градусом удачи. Не стала бороться за мужчину, а спустя годы вернулась, когда он остался один.

- Сумасшедшая, ты, Катька, Генка улыбается.
- Чего это вдруг?

Я не понимаю, чему он радуется. Деньги еще не перечислены. Счетчик не останавливается.

Генка кончиками пальцев касается моей щеки. Чувства возвращаются. Жить буду. А Генка, наваждение мое, продолжая улыбаться, с силой бросает гаджет, и тот ударяется в стену. В наступившей тишине считаю осколки на полу. В руке весело вибрирует мобильник. Все четко и никакого сбоя. Деньги переведены на счет, но это уже не так важно.

Генка склоняется к моим губам:

— Сумасшедшая, и все...

Жаклин де Гё

ПРО ШПИОНОВ

Поезд прибыл в Париж с большим опозданием. В здании Северного вокзала все окна были закрыты светомаскировкой. Мокрый от дождя перрон тускло блестел. Шерц раскрыл зонт, поднял воротник пальто, перехватил поудобнее ручку саквояжа и зашагал к выходу в город. На привокзальной площади он сразу направился к стоянке такси

На привокзальной площади он сразу направился к стоянке такси (Леблан предупредил, что трамваи уже давно не ходят). Ни одного автомобиля — только несколько старомодных, словно сошедших с открыток двадцатилетней давности, конных повозок.

Закутанная в чёрный дождевик фигура на козлах вскинула голову, придержала пальцами ускользающий капюшон — женщина. Худая, лицо бледное, взгляд равнодушный.

- Приняли дело от мужа, мадам? поинтересовался Шерц.
- От отца, устало ответила возница. Хорошо, что сохранил фиакр. Какая глупость эта ваша война...

Шерц предпочёл не продолжать разговор. Узкая улица вилась между тёмных, стоявших вплотную друг к другу домов. Фонари не горели. В редких проёмах между зданиями мелькало рассечённое на лоскутья лучами прожекторов сумрачное небо.

Фиакр свернул на Рю Бержер, остановился возле четырёхэтажного отеля с плотно закрытыми ставнями. От третьего этажа вдоль фронтона свисал почти до самого тротуара огромный национальный флаг, — его пропитанное влагой трёхцветное полотнище закрывало сразу два ряда окон. «Не дай бог, номер окажется с видом на эту линялую тряпку,» — подумал Шерц, рассчитываясь с возницей.

Однако Леблан не зря пользовался репутацией исполнительного и надёжного человека — номер смотрел во двор, и рядом с окном спальни располагалась пожарная лестница. Шерц швырнул саквояж на продавленный задницами сотен постояльцев диван, плюхнулся в стоявшее напротив кресло и с наслаждением закурил.

* * *

С потолка капала в подставленные вёдра вода, в углу тлели в жаровне угли — подвал и есть подвал. Сырость, а нормального отопления нет.

— Знаешь, что я ненавижу здесь больше всего? — Роз критически оглядела себя в зеркале, провела пуховкой по лицу, шее, обнажённым плечам. — Запах! Сколько ни прыскай духами, всё равно вся гримёрная провоняла потом, сортиром, плесенью и папиросным дымом. Чёрт бы побрал эти цепеллины. Из-за них приходится выступать в подземельях.

Ни окон, ни вентиляции. Кротовый балаган. А на сцене так разит, что у бедняги Реми к концу номера глаза слезятся.

Она сердито тряхнула головой, скорчила гримаску и начала обри-

Она сердито тряхнула головой, скорчила гримаску и начала обрисовывать контурным карандашом и без того пухлые губы.

- Мы должны радоваться, что есть хоть такая работа, возразила Эжени, осторожно нагревавшая на спиртовке щипцы для завивки. Театры закрыты, большинство ресторанов тоже. Если бы не эти концерты...
- Концерты?! Роз резко повернулась, оставив рот недорисованным. Это для тебя они концерты голос, талант, сольный номер! А я просто выхожу показать осатаневшим от сидения в окопах самцам свои голые ляжки. Вообще не понимаю, зачем Реми утруждает себя фокусами этим отпускникам совершенно всё равно, что он вытаскивает из цилиндра, кролика или контрабас. Лишь бы я поклонилась пониже, чтобы они могли заглянуть сразу и под юбку и в декольте!

Она раздражённо махнула рукой и опять уставилась в зеркало. Её соседка по гримёрной пожала плечами.

- Ты преувеличиваешь. На концерты ходят не только отпускники. И что плохого в том, что им нравится тебя разглядывать? С тебя не убудет, а людям, вырвавшимся с фронта в Париж, нужно хоть немного развеяться.
- А мне нужны деньги, Роз, закончив накладывать грим, стащила со стоявшей на подзеркальнике болванки белокурый парик и начала прилаживать его поверх собственной причёски. Тебе хорошо певицы всегда имеют поклонников с толстыми кошельками. Промурлыкала пару шансонов, подцепила этого островитянина и доишь. А я всего лишь ассистентка. Лежу в ящике и улыбаюсь, пока Реми распиливает меня пополам! На что я могу рассчитывать?
- Мне показалось, вчера ты уехала с каким-то пожилым хлыщом в очень даже неплохом авто...
- Именно что хлыщом! Провинциальный отец семейства приехал на три дня в столицу. Всё, на что его хватило попытаться накачать меня дешёвым вином. Не знал, бедняга, сколько я могу выпить... Кстати, ты ведь обычно носишь с собой аспирин. Не одолжишь ли таблеточку? Голова разламывается...
- Конечно, Эжени, порывшись в сумочке, достала пузырёк. Возьми, оставь себе. У меня дома есть ещё.
- Ты ангел. Кстати, у тебя самой-то всё в порядке? Весь вечер молчишь. Что случилось?
- Ничего не случилось, певица грустно улыбнулась. Всё попрежнему.
- Дорогой братец никак не поймёт, что ты ему не мать, да и он уже давно не ребёнок?

Эжени ничего не ответила, только вздохнула. Роз сочувственно взглянула на товарку, сняла с плечиков расшитое блёстками трико и начала втискивать в него свои пышные формы

* * *

Леблан свернул к Опере, пересёк бульвар. Там всегда было людно, и ни дождь, ни война не могли этого изменить. Тыловики и отпускники в поисках развлечений, миндинетки в поисках мужчин, уличные торговки в поисках заработка. Смех, цоканье каблучков, трели аккордеонов и губных гармошек, лица, освещённые вспышками зажигалок. Запах прелых листьев, дешёвой пудры и крепкого армейского табака. Но стоило отойти чуть подальше— и снова темнота, тишина, только

порывистый ветер треплет патриотические транспаранты на домах. Заказчик — «мсье Пьер» — ждал возле Биржи, у самой ограды. Они обменялись условленными фразами, пошли в сторону моста. Леблан искоса поглядывал на спутника. Высокий, рыжеватый. Волевое лицо, уверенный взгляд.

- Далеко он живёт? тот же лёгкий, едва уловимый акцент, что и по телефону. «Я фламандец», объяснил заказчик во время первого разговора.

- В Латинском квартале. Минут пятнадцать ходьбы.

 «Пьер» кивнул, оторвал взгляд от подсвеченного противовоздушными прожекторами острова Ситэ, пристально посмотрел на Леблана:

 Теперь, когда можно наконец не бояться, что нас подслушают телефонные барышни, могу я спросить, кто он, этот ваш изобретатель? Леблан вздохнул.
- Голодранец. Сидит на шее у сестры кафешантанной певички. Мы договорились, что я найду ему заказчика, а он уплатит мне комиссионные. Я добрый человек, мсье. Согласился работать без задатка.

Помолчал и добавил:

- Он очень странный. Не от мира сего. Будете с ним разговаривать имейте это в виду.
 — Учту, — спокойно ответил заказчик.

* * *

- Эжени!
- Алекс, пожалуйста, не сейчас! Скоро мой выход, испортишь причёску!

— Дарлинг, но я так соскучился! Эжени вывернулась из рук англичанина, томно вздохнула: — Я тоже... — и снова повернулась к зеркалу.

Алекс прошёлся по крошёчной гримёрной — четыре шага вперёд, четыре назад — спросил другим, сухим и требовательным тоном:

Ты сказала ему?

Эжени покачала головой.

— Нет. Не было подходящего момента. У него какой-то срочный заказ, он поглощён своими опытами. Отмахнулся от всех моих попыток завести серьёзный разговор.

Алекс остановился за спиной певицы, встретился взглядом с её отражением, недовольно нахмурил брови:

— Мне это начинает надоедать. Твой брат взрослый человек, ты не можешь заботиться о нём бесконечно. У тебя должна быть своя жизнь. Мне не нравится, что ты поёшь в этом кабаке, не нравится, что ты содержишь Макса, а больше всего не нравится, что из-за его капризов постоянно откладывается твой переезд в Англию.

Эжени, по-прежнему глядя в зеркало, улыбнулась виновато, вздохнула.

— Это не капризы. Он просто не такой, как все.

Алекс резко развернул её к себе:

- Да-да, я знаю, он непризнанный гений, не понятый человечеством. Дарлинг, я не могу больше ждать. Идёт война. Никто не знает, что будет завтра. Я хочу жениться и оставить после себя ребёнка. Я даже согласен выделять определённую сумму на содержание твоего ненормального родственника, но категорически против того, чтобы ты нянчилась с ним, как с грудным младенцем или паралитиком. Пусть он неспособен к строевой, однако вполне способен сам вытирать себе нос. Если ты не соберёшь чемоданы до конца недели, я начну думать, что Макс — это только предлог.
 — Хорошо, — покорно согласилась Эжени. — Я поговорю с ним се-
- годня же.
 - Обещаешь?
 - Да. Алекс, ну что ты делаешь, сюда могут войти...
 - Никто не войдёт. Я запер дверь.

* * *

Париж экономил электричество, и свет на ночь отключали. После визита к изобретателю пришлось спускаться по лестнице почти впотьмах, только внизу пробивалось от консьержки дрожащее мерцание свечей. Шерц сосредоточенно анализировал только что состоявшуюся беседу. Он не любил, когда события, вместо того, чтобы развиваться логично и последовательно, вдруг начинали хаотическую пляску. При необходимости мог, разумеется, импровизировать и находить удачные решения непредвиденных проблем, но это не доставляло ему удовольствия — по натуре Шерц был скорее педантом, чем авантюристом. Поэтому любая непредвиденная мелочь настораживала. Вот и сейчас — парнишка

сказал, что товар по ошибке унесла из дома его сестра. Правда это или ложь? Действительно он настолько не от мира сего, что раскладывает свои изобретения где попало, или ломает комедию?

Шедший впереди Леблан придержал дверь, пропуская Шерца. Снапедшии впереди леолан придержал дверь, пропуская шерца. Снаружи у крыльца мокли пустые цветочные горшки и велосипеды. Шерц искоса взглянул на толстячка-француза. Леблан уверяет, что изобретатель и вправду чокнутый. Но кто поручится за самого Леблана? Не ведёт ли он двойную игру?

Тот ответил безмятежным взглядом, заметил благодушно:

— Я же говорил, что он с придурью. Но вы молодец. Сразу сумели

- расположить его к себе.
- Да неужели? скептически приподнял брови Шерц. Вот уж в жизни не подумал бы. Он цедил слова сквозь зубы и за всё время разговора посмотрел в мою сторону всего пару раз. Заметили?
 Конечно, кивнул Леблан. Но он разговаривал с вами. Отвечал на вопросы. Даже о планах на будущее упомянул. Говорю вам, вы ему
- понравились.
- Ему понравился задаток, с иронией возразил Шерц. Деньги открывают любую дверь и привлекают сердца. Кстати, а какой процент он вам должен отстегнуть с этой сделки?

 Наймите меня сбывать свой товар и узнаете, ухмыльнулся посредник. А пока пардон, коммерческая тайна. Идёмте я провожу вас до шантана, где поёт эта девица.

Он внезапно остановился, хлопнул себя по карманам.
— Забыл перчатки у него в прихожей. Подождите секундочку, я мигом.

* * *

Эжени била нервная дрожь, она изо всех сил старалась не смотреть на лежавший на полу труп высокого рыжеватого мужчины, из-под которого медленно расползалась тёмная лужа. Полицейский фотограф — низеньмедленно расползалась тёмная лужа. Полицейский фотограф — низенький, худой, похожий на старого седого грызуна — неторопливо делал снимки. Второй полицейский, чуть помоложе и поупитаннее, расспрашивал свидетельницу, время от времени делая пометки в блокноте. Тут фотограф снова поджёг магний и девушка так вздрогнула, что допрашивающий перешёл с официального тона на отечески-сочувственный:

— Успокойтесь, мадемуазель, вы вне опасности.

Та судорожно всхлипнула:

— Это было так ужасно... Он, наверное, маньяк. Ворвался в гримёрку, набросился на меня, пытался сорвать одежду... Какое счастье, что Алекс вернулся и пристрелил его!

— Вам очень повезло, — кивнул ажан, покосившись на скромно стоявшего у стены англичанина. — А вы, мсье, просто замечательно

стреляете. Девять человек из десяти не рискнули бы пустить в ход оружие — побоялись ненароком попасть в мадемуазель.

- В моей стране аристократ обязан уметь всё, с достоинством проговорил герой дня. — Фехтовать, стрелять, боксировать, скакать на лошади и управляться с парусом и вёслами. Меня учили всему этому с раннего детства.
- Похвально, мсье, весьма похвально, полицейский записал имена и адреса свидетелей, кивнул напарнику, и представители закона удалились.
- Пустите! Я ищу мадемуазель Эжени Вышински! дверь распахнулась, и в гримёрку вбежала девочка лет двенадцати.
- Мими? удивилась Эжени. Что случилось? Это дочка моей консьержки, — объяснила она Алексу.
- Добрый вечер, мадемуазель! Матушка послала меня к вам сказать, что вашего брата нашли мёртвым с воооот такой дыркой в голове! Его кто-то пристрелил из пистолета!

Эжени сначала несколько мгновений тупо смотрела на Мими, потом пронзительно завизжала и забилась в истерике.

* * *

Леблан сидел за угловым столиком и смотрел на эстраду. Под низким потолком подвального зала плавали сизые клубы дыма. Старуха-тапёр, не вынимая из густо накрашенных губ сигареты, энергично барабанила по клавишам. Кордебалетные девицы, заученно улыбаясь, старательно подбрасывали вверх обтянутые тёмным шёлком ноги.

Алекс пробрался к столику Леблана, брезгливо взглянул на стоявший рядом стул, тщательно вытер его салфеткой, осторожно уселся.

- Всё в порядке, сказал он без предисловий. Девушка дала нужные показания, у вашей полиции нет ко мне никаких претензий. Я предпочёл бы убить его в менее людном месте, но дать ему уйти сейчас означало бы идти на риск его потерять. Как вам удалось убедить его пойти в гримёрку?
 — Да я, собственно... — начал было Леблан и замолчал.

Англичанин молча ждал ответа.

- Он услышал фамилию мадемуазель, когда объявляли её номер, объяснил Леблан. Вот и решил познакомиться. Моей заслуги тут нет.
 - Что ж, в любом случае вы мне очень помогли. Спасибо.
- Да не за что, отмахнулся Леблан. Долг патриота и французского гражданина. Мы же вроде как союзники.
- Да, с достоинством кивнул Алекс, достал из-за пазухи конверт. — Вот ваш... хм... гонорар за эту операцию. Кстати, вы абсолютно уверены, что наш юный гений не успел изготовить это своё снадобье? Страшно даже подумать...

— Абсолютно уверен, — успокоил толстяк, принимая конверт. — Парнишка так долго оправдывался перед немцем за то, что заказ будет готов только через неделю...

Он поднял глаза на собеседника.

— Здесь больше, чем мы договаривались.

Алекс покровительственно улыбнулся:

— Небольшой бонус лично от меня. Вы хорошо провернули это дело. Изобретение не создано, германский агент уничтожен, изобретатель — тоже. Секретное оружие кануло в Лету и — ничто не мешает Эжени уехать в Англию и стать моей женой.

Леблан изумлённо вытаращил глаза.

— Вы что — серьёзно хотите жениться на шантанной певичке? Я думал, вы ухаживали за ней только чтобы подобраться к её братцу...

Алекс резко встал, с шумом отодвинул стул.
— Я британский офицер и джентльмен, — сухо сказал он. — И никогда не позволил бы себе давать серьёзных обещаний порядочной девушке, не имея намерений их исполнить. Всего доброго.

Леблан проводил его взглядом, пожал плечами, пробормотал:

- Островитяне...- и опять поднял глаза на эстраду. Танцовщиц там уже не было. Вместо них пышная блондинка в розовом трико и прозрачных шароварах сладострастно извивалась под восточную музыку, отвлекая публику от завозившегося с реквизитом фокусника.

 — Хороша, — одобрительно заметил Леблан и не отводил глаз от
- сцены до конца номера. Потом наскоро нацарапал записку, подозвал

гарсона и велел ему отнести послание за кулисы.
Подошёл полицейский — тот самый, что допрашивал Эжени.
— Я тщательно обыскал всю гримёрную — проверил и сумочку девушки, и карманы её пальто, и ящики, где они хранят всю эту актёрскую дребедень. Ничего. Или ты ошибся, или тебя намеренно пустили по ложному следу.

Леблан кивнул. Не глядя, сунул в подставленную ладонь купюру, снова уткнулся в бокал.

- Наконец появилась Роз, уже переодевшаяся, без грима и без парика. Гарсон проводил её к столику Леблана.

 Привет, сказала она, плюхаясь на стул.

 Привет, Леблан оценивающе разглядывал девушку, задерживая взгляд на особенно аппетитных изгибах её крупного тела. Как тебя зовут?
 - Poз.
 - Красивое имя. Меня можешь называть мсье Леблан. Как дела, Роз? Хреново, равнодушно ответила девушка.

 - Платят мало, любовника нет, работа дурацкая, заведение ещё

хуже. В гримёрке воняет так, что свинью бы стошнило, да ещё какойто придурок подружку сегодня чуть не пристукнул, да сам нарвался на пулю. В результате имеем труп и лужу крови на полу. Всё в той же гримёрке. А у тебя?

- С деньгами всё в порядке. Любовницы в данный момент тоже нет. Вони, трупов и придурков и вокруг меня хватает. — Он посмотрел на пустой бокал, потом опять на девушку. — Пить будешь?
 - Буду.
- Молодец, Леблан одобрительно кивнул, сделал заказ. Когда принесли вино, пригубил, спросил:
 - A ты хотела бы уметь читать мысли?
 - Не знаю... Никогда об этом не думала. Хотела бы, наверное.
 - Вот и я хотел. Не вышло.
 - Почему?
- Тот, кто мог бы сделать средство для чтения мыслей, умер, Леблан помолчал и добавил: — Скоропостижно.
 — Царствие Небесное, — набожно прошептала Роз, осеняя себя
- крестным знамением. Отчего он умер?
 - От пули в лоб.
 - Мир праху его.
 - Аминь, поддержал Леблан. Ты чего не пьёшь?
- Я, наверное, аспирин сначала приму. А то с утра голова болела. Роз достала из сумочки пузырёк, вытряхнула на ладонь белую таблетку.
- Странный какой-то аспирин, сообщила она, проглотив лекарство. — Вовсе не кислый.

Некоторое время оба молчали, неторопливо потягивая из бокалов своё вино.

— Ты очень привлекательная, — неожиданно сказал Леблан. — Как раз в моём вкусе.

Роз смотрела на него странным, слегка удивлённым взглядом.

- Ну, что замолчала? Леблан посмотрел в упор, нахмурился. Не нравлюсь?
 - О чём ты сейчас думаешь? спросила Роз. Только честно.
- Честно? Думаю, что с тех самых пор, как уехал из Нормандии, не видел такой здоровой, пышной, крепкой девки. И ещё кое о чём, но пока рановато об этом рассказывать. Если споёмся, позже сама всё узнаешь, — он подмигнул, усмехнулся. — А почему ты спросила?
- Интересно же, какое впечатление я произвожу на умных, солидных, разбирающихся в людях мужчин... — Роз улыбнулась. — Знаешь, похоже этот аспирин не так уж плох. Голова почти совсем прошла. Так что ты там говорил насчёт попозже?

Татьяна Берцева БОЛЬНОЙ РАЗУМОМ

Информация пришла неожиданно. Перед заходом звезды еще ничего известно не было, а едва край диска показался над горизонтом, сообщение о предстоящем выбросе магмы уже заполонило все ячейки. Природные обстоятельства предоставили шанс многим разумным раз и навсегда мыслящие элементы. В том числе и Граву.

Грав уже просуществовал несколько лишних оборотов в разумном виде и с каждым оборотом становился все более разумным. Это начинало его беспокоить. Говорят, беспокойство — тоже признак чрезмерной разумности. Зараженных разумом становилось все больше и больше, а количество способов уничтожения разума не увеличивалось. Наконец природа собралась исправить разрастающийся с космической скоростью дисбаланс.

Следовало торопиться. Неизвестно, сколько времени продлится извержение. Однако желающих покончить с существованием, отягощенным упорядоченным мыслительным процессом, накопилось слишком много. Проблема заключалась в том, что Грав стал слишком стационарен. Повышение умственной деятельности приводило к стабилизации форм, что затрудняло перемещение в пространстве. Не получилось бы так, что к месту выброса магмы Грав прибудет, когда вулканическая деятельность уже утихнет, лава остынет и перестанет выжигать разум. Утешало, что и другие зараженные мыслительной деятельностью тоже не способны к быстрым перемещениям. Хотя столь длительно больных на планете были единицы.

Сосредоточившись, Грав попытался максимально удалить из себя все мысли, логические цепочки и рассуждения, чтобы его форма приобрела чуть большую подвижность. Получалось плохо. Жесткие структуры не поддавались дестабилизации. Он с тоской наблюдал за молодыми, которые еще не обрели даже зачатков разума, поэтому носились вокруг горячими сгустками чистой энергии. Когда-то, как же давно это было, и он мог вот также безудержно перемещаться над поверхностью земли от восхода до заката. Теперь же мыслительный процесс сделал его неповоротливым и почти несдвигаемым с места. В те далекие времена мысль была нужна лишь для того, чтобы было за чем броситься вдогонку. Стоит в мелюзгу бросить любую, пусть самую маленькую, мыслишку, они рванут к ней, сметая все на своем пути.

Стоп! А ведь это мысль. И мысль, которую Грав пока отдавать не спешил. Нужно еще немного подумать: как и куда кидать мысли, чтобы волна молодежи захлестнула его и понесла к вулкану. Все равно придется потрудиться и самому. Грав снова сосредоточился, отпуская

лишние мысли прочь. Сейчас он хотел просто изменить форму: сделать себя плоским и широким, чтобы увеличить площадь себя. Или свою? Как правильно думать? Нет, сейчас следует подумать о другом. О том, что толпа мелочи, даже лишь задев его краем выбрасываемой энергии, уже сможет переместить массу Грава на некоторое расстояние. При этом у большей поверхности выше шансы поглотить часть принесенной энергии, размягчиться, чтобы дальше как-то перемещаться самому.

Не размышлять совсем у Грава не получалось, так что он договорился с самим собой, что просто будет пытаться думать не более одной мысли одновременно. Это казалось легче, а на деле тоже получалось не очень хорошо. В какой-то момент Грав погрузился в уныние, понимая, что накатывающие на него чувства — это признак прогрессирующей болезни. Когда к разуму начинают примешиваться эмоции, значит, процесс принял необратимую форму.

Для пробы Грав бросил рядом с собой маленькую мыслишку. Когда совсем небольшой малец на всей скорости ткнулся в нее, Грав постарался захватить, сколько возможно, распыляемой малышом энергии. Даже такой незначительный приток позволил Граву распластать себя в подобие плоского листа. Тогда Грав приложил еще усилие, приподнял край плоскости себя (Или просто край себя? Не отвлекаться!) и кинул туда несколько мыслей сразу. Тут же стайка молодежи с размаху бросилась за добычей, приподняла Грава над поверхностью земли, протащив его в сторону.

Тут Грав опомнился: предполагаемый выход магмы должен находиться совсем в другой стороне. Ничего страшного — это просто попытка. Зато теперь Грав точно знал, что его задумка вполне жизнеспособна. А вот он сам... Знание, как и эмоции, показатель ухудшения состояния. А ведь Граву предстоит продуцировать многое множество... нет, не так — великое множество мыслей, чтобы энергичный молодняк донес его до жерла вулкана. Остается надеяться, что болезнь не успеет перейти в следующую стадию. Знать бы еще, что представляет из себя эта следующая стадия. Да куда ж больше-то знать?! Интересно, а ктонибудь вообще доходил до этой неизвестной следующей стадии?

Звезда поднималась все выше, а Грав пока не приблизился к месту уничтожения разума ни на ширину своей формы. К нему приблизились надзирающие. Обычно надзирающими становились особи на начальной стадии разумности. Они обладали способностью достаточно долго удерживать одну конкретную мысль. Конечно, с одной стороны, это указывало на заражение разумом, но с другой, надзирающие имели право на внеочередное разрушение своей мыслящей формы после того, как доставляли на уничтожение столько мыслящих, сколько граней у икоситетраэдра. Именно столько юных энергосгустков образовывалось после разрушения каждого разума.

Надзирающие официально сообщили Граву, что извержение начнется ближе к закату звезды, так что ему следует поторопиться с перемещением в сторону вулкана. В противном случае зараженному придется еще очень долго ждать своей очереди на уничтожение обычными методами. Грав ответил, что уже принимает меры к регулярному перемещению в нужном направлении, после чего надзирающие полетели дальше.

А ведь это неправильно, подумал Грав. Если один надзиратель ликвидирует двадцать четыре мыслящих формы, после каждой из которых образуется по двадцать четыре новых особи, то скоро на планете будет не поместиться. Даже если из вновь появившихся только половина заразится разумом, все равно плотность жизненных форм скоро вырастет настолько, что молодежи просто негде будет резвиться. Не лучше ли таким застабилизировавшимся мыслящим структурам, как Грав, тихонько оставаться на месте, формируя дополнительный рельеф поверхности планеты, чем плодить новые формы? И чем его болезнь мешает другим? Его мысли — это его проблема.

Его, да не совсем его. Он же вон разбрасывается мыслями, чтобы заставить молодежь переместить его. Фактически тем самым он умышленно распространяет заразу разума. Конечно, далеко не всякий юнец способен его мысли воспринять, а тем более начать мыслить, но всетаки и его вина будет, если кто-то соберется думать.

Грав приподнял другой край плоскости себя (или всё-таки своей плоскости?) и бросил несколько мыслей. Молодежь налетела и подхватила его, увлекая в нужном направлении. Грав подкинул еще мыслишку и переместился дальше. Постепенно он пришел к выводу, что не стоит слишком разбрасываться мыслями, достаточно выдавать по одной. Все равно бросаются все. Дело пошло быстрее. Почувствовав бесхозные мысли Грава, к нему стало прибиваться все больше и больше энергичных юнцов — скорость начала увеличиваться.

Интересно, кто сообщает надзирателям нужную информацию? Этот некто мог бы устроить и организованное перемещение больных к местам уничтожения. А ведь чтобы додуматься до необходимости подобного рода организации этот некто должен уметь размышлять, думать. Значит, он тоже больной? И давно болен. Неужели давнее, чем Грав? Наверное, можно как-то более удачно сформулировать эту мысль, но зачем? Интересно, а другие заражённые о чём-нибудь подобном задумывались? Говорят, интерес — тоже признак усиления заболевания.

По пути Грав обгонял других разумных, которые пытались своими силами добраться до места извержения. В какой-то момент Грав осознал, что обогнал почти всех. Можно и передохнуть. Грав опустился на грунт и блаженно перестал думать. Это получилось почти сразу и принесло невероятное облегчение, от которого форма Грава начала

расплываться сама собой. Он ощутил легкость, какую, бывало, чувствовал в молодости, когда еще и думать не научился.

К размышлениям Грава вернула вздрогнувшая земля: вулкан проснулся, мощным взрывом выбросив огромную порцию магмы. Вся молодежь тотчас метнулась к источнику сил и энергии, оставив вновь отвердевающего Грава одного. Несколько мыслей, брошенных вдогонку, уже не смогли приманить ни одного из них. Грав поймал себя на том, что с каждым разом ему все легче и легче плодить мысли, думалось все быстрее и быстрее — болезнь продолжала прогрессировать.
Ума нет — пусть горят, подумал Грав. Один сгорит — один народится.

Сгорит разумный, результат будет значительно хуже. Так стоит ли ему туда вообще двигаться?

— Не стоит, — поймал он чужую мысль.

Странное чувство. Казалось, он думал о том же, но мысль пришла явно со стороны. Грав аккуратно принял мысль и поизучал ее. Это было ново. И это было интересно.

— Но посмотреть стоит, — послал он ответную мысль.

Несколько мгновений второй думал про себя. Видимо, тоже оценивал ощущения.

- В этом что-то есть: делиться мыслью. То есть не отдавать ее со-
- всем, не выбрасывать, а оставлять и себе, откликнулся он наконец. А главное, уже не страшно заразить друг друга, подхватил Грав. И мы сможем спокойно обмениваться мыслями и думать вместе.
- Наверное, это интересно... Мне не хочется сейчас уничтожать свой разум, мне хочется попробовать, каково это — мыслить вместе.
- И мне. В конце концов, не такая уж и страшная болезнь разум. На фоне заходящей звезды Грав и его новый друг любовались извержением вулкана и понимали, что завтра у них будет еще много времени на... общение. Да-да, они так и решили это назвать, раз мысли стали обшими.

Мария Акимова

УБЛЮДОК БУДУЩИХ ВРЕМЕН

- Отличная вечеринка! - проорал очередной приятель, от души хлопнув меня по спине, а его обалденная от кончиков волос до кончиков пальцев ног спутница улыбнулась весьма многообещающе.

«Не сегодня, детка», — подумал я, пряча в карман вижуалкарточку, которую она незаметно сунула мне в ладонь. Не сегодня, но, как знать, может быть, завтра? Или на днях?

Музыка гремела, ритм пульсировал перекрывая сердцебиение, разгоряченные тела дергались ему в такт. А я вышел на террасу, чтобы подальше от гостей немного подумать о своей жизни. О тридцати самых лучших годах чертовски везучего ублюдка. Да, вот уже о тридцати... Не хочется начинать о том, как быстро они пронеслись, это старики пусть ноют, мне сожалеть не о чем — создал себя сам. Что называется «прошел путь от прыщавого подростка-неудачника до главы корпорации, филантропа и плейбоя». И, бог мой, до чего же мне сегодня скучно. Словно влез на гору, откуда только головой вниз бросаться.

Ветер принес соленый запах океана. Громадина дома за спиной шумела сотней голосов и переливалась тысячами огней. Что вы знаете об одиночестве?

- Скучаешь, красавчик?
- Мы знакомы?
- Не думаю. Я пришла на день рождения Паоло. Или Тими. Уже не помню. Такой симпатичный засранец. Ты его друг?
 - Вот уж дудки! Я собираюсь прикончить этого говнюка в конце вечера.
- М-м-м, так ты киллер? Мне, наверное, опасно стоять рядом? Рука, едва различимая в полумраке, легла на мое плечо.
 - Только если ты Паоло. Или Тими.

Джессика наконец рассмеялась. Моя милая, чудесная, восхитительная Джессика. Моя после стольких лет, после столького... всего.

- Устал? спросила она.
- Как никогда.
- А давай сбежим? ее лицо оказалось совсем рядом, Давай бросим всех и поедем к маме. Малыши уже спать ложатся, мы недолго с ними побудем, а потом... потом к Ли. Помнишь ту закусочную? Только ты и я. Без всего этого шума. Как раньше.

Да, это станет лучшим завершением праздника: сбежать от гостей с лучшей женщиной в мире к лучшим в мире детям. И после бродить по городу, целуясь под каждым фонарем, будто подростки,

— Кое-что закончу, и поехали, — согласился я, осторожно коснулся пальцами ее шеи и поцеловал уголок губ, пахнущих шампанским и клубникой.

Это был наш последний поцелуй.

Я вернулся в дом, стараясь не тревожить парочки, страстно уединявшиеся в глубинах портьер. Хмельные голоса встречали меня радостными воплями и стотысячными поздравлениями. Макс попытался поймать за рукав с очередным деловым предложением, но я велел ему немедленно напиться, найти себе девушку, парня, домашнего питомца или хотя бы фикус и уделять им время до самого утра. Иначе никаких сделок! Зная его исполнительность, страшно даже представить, во что превратится остаток вечера. У лестницы меня перехватила Юлия и обиженным голосом пожаловалась на любовника, который совсем не уделяет ей внимания. Любовник признал себя дегенератом и моральным разложенцем, но «милая, как это будет выглядеть?» Она надулась. Пришлось чуть отступить от собственных правил и пообещать ей командировку на уединенный курорт.

— Может быть, тогда я тебя прощу. Но ничего не обещаю, — мурлыкнула она и ускользнула в толпу танцующих. Возле нее немедленно образовалось несколько вариантов, с которыми Юлия принялась отчаянно флиртовать. Давно стоило подсунуть ей кого-нибудь вместо себя и расстаться. Впрочем, это больше не моя забота.

Я поднялся наверх, остановился у двери кабинета, стараясь успокоить дыхание, и осторожно постучал.

— Входи, — раздалось изнутри.

Клиент сидел за столом, заваленный отчетами и моими заметками. Лицо к него было нездорового серого оттенка, как у многих после криозаморозки, в легких булькало, он поминутно откашливался, морщась от боли, которое причиняло собственное тело. Именно таким я его и помнил — сутулым невзрачным типом, обиженным на весь мир. Будто и не было этих пятнадцати лет.

- Добрый вечер, босс. С днем рождения. Клиентам нравится мое легкое самочнижение.
 - Да, да, $\overset{\circ}{-}$ кисло отозвался тот, Садись уже. Ну, что скажешь?

Я пожал плечами и сел. Говорить особенно было не о чем, все про-изошедшее за последние сутки он видел на мониторах. Обойдется без накладок, как и записано в контракте. Которого, разумеется, никто никогда не прочтет.

- Мне нравится моя жена. Но совсем не нравится, что ты с ней...
 Не я, параноидальный бред стоит пресечь сразу, Это вы с ней.
 Тело станет вашим вместе с памятью. Поначалу немного неудобно иметь двойные воспоминания, потом привыкнете. В конце концов, прошлый вариант начнет казаться лишь дурным сном.

— Не вариант, а моя жизнь! — Грохнул он ладонью по столу. Ну вот, еще один припадочный. Придется разговаривать, как с дитем малым, напоминать о том, что сам вписался в эту историю и сам хотел прокачаться. Никто насильно не тащил.

— Можете оставить, как есть. Не возражаю. Мне здесь нравится. А вы вернетесь в... где раньше жили? Нижний что-то-там? Квартирка не больше ящика стола. Работа, от которой только застрелиться. Одиночество. Сам бы так жил, да не хочется что-то.

Он в ярости смотрел на мое лицо — на свое собственное лицо, но более здоровое и спокойное. Сложно сказать, кого в эту секунду он ненавидел сильнее: себя — жалкого сдавшегося неудачника, или меня — сумевшего успешно прожить чужую жизнь. Ведь даже на клонирование тела я ему одолжил. Как такое вынести?

- Так что? Джессика ждет...
- Меня! отрезал он.
- Тогда вам нужно успокоится. Перенос в таком состоянии чреват проблемами. А вот пить не стоит! Иначе оба мы окажемся... не знаю

точно где, но мне туда не нужно.
Он послушно поставил бутылку виски на место. Куда, в самом деле, спешить? После можно и выпить, и потанцевать, и поцеловать жену в первый раз. Вы верите в непорочное зачатие? Я тоже почти верю. А женщинам даже нравится, когда муж ревнует к самому себе, в этом видится поэзия и подлинная страсть. Никто же не станет всерьез подозревать, что живет с вариантом.

дозревать, что живет с вариантом.

Стоя у открытого окна, клиент с шумом вдыхал океанский бриз и старался успокоиться. Дом на побережье — одно из условий соглашения. Да, не каждый сумеет воплотить свою мечту, но каждому хочется жить в своей мечте. Ни один наркотик, никакая виртуальная реальность не сравнится с тем, что даю я. Даже завидую. Самому бы хоть раз пережить это — первое понимание, все вокруг действительно твое! Твоя новая и прекрасная жизнь. Настоящая. Подлинная. Наверное, похоже на то, как из куколки вылупляется бабочка. А о бытности в теле гусеницы лучше просто забыть.

— Вы простите... мне... — Голос его звучал глухо.

— Не нужно. Обойдемся без извинений. Примите все мое... все ваше в качестве поларка ко дню рождения.

- в качестве подарка ко дню рождения.

Он обернулся с усмешкой:
— Дороговат подарочек.

- Не дороже денег.

— Не дороже денег.
В его ухмылке не было ничего хорошего. Кабинет, конечно, защищен от прослушки извне, но что мешало записать наш разговор, находясь внутри? Я незаметно включил крошечный блокиратор, лежавший в кармане пиджака. Если и была какая-то запись, она превратится в белый шум. Возможно, излишняя осторожность, но рисковать ни к чему. Люди ведь такие люди. Особенно, когда приходит время оплачивать счета.

— И последнее, — произнес я, будто мимоходом, когда «Харон» уже настроился и остановить процесс стало невозможно.

- Только сейчас? испугался клиент.
- О, сущий пустяк. Прошлое тело то, в котором вы сейчас доставят сюда примерно через неделю. Постарайтесь избавиться от него, не оставляя следов.
 - Но разве не ты...
- За кого вы меня принимаете? Я оказываю консалтинговые услуги и веду тренинги личностного роста. Плачу налоги, кстати. А вот избавляться от трупа — явно не мое дело.

«И постарайся, скотина, не запороть мою работу». Так каждый раз, не просто принеси им на блюдечке, а еще нарежь и в рот положи. Хоть маленькое усилие ради самого себя сделать-то можно?

«Харон» завибрировал. В глазах потемнело.

Разглядывая нового себя в зеркале, он чуть подпрыгивал на месте от ощущения легкости. Ну, что сказать? Здоровый образ жизни, умеренная активность, хорошее питание, полноценный сон, положительные эмоции. Чувствовать себя прекрасно довольно легко, если не жалеешь времени и усилий.

Меня же будто потолком к креслу придавило. Не знал бы о криосне, решил бы, что клиент нарочно пытался себя угробить. Не удивительно, что ему хотелось избавиться от этого тела, оно через десяток лет само бы отвалилось в муках и корчах.

- Постарайся убраться незаметно, бросил он через плечо.
- Одолжите машину, доехать до города?

Он задумался на мгновение, потом усмехнулся:

— Бери. Ту, что ты так предусмотрительно за воротами поставил. Можешь не возвращать, вычту ее стоимость из счета.

Дверь закрылась. На душе сделалось тошно. По опыту, он изгадит свою жизнь примерно за полгода. Все пятнадцать лет стараний... Хотя бывают случаи, что успевают одуматься. Или более вменяемый вариант за руку поймает. Буду надеяться на лучшее, я же ему Джесс оставил. Другую такую мне до следующего контракта не найти.

Я выбрался из дома через черный ход и сел за руль настолько старой жестянки, что у нее на самом деле был руль. На всякий случай прикупил когда-то этого монстра, чтобы не жалко было втридорога самому себе загнать. Кто тут сам? Кому себе? Тело вело себя под стать тачке капризничало и ныло, в голове крутилась мешанина воспоминаний своих и чужих. Клиент получил обрезанную версию, точно столько, на сколько условились, я — те же самые годы в двух экземплярах. Как было и как стало — беспросветный ужас и красота неземная.

«А где же твои?» — нашептывал злобный голосок где-то в районе совести.

Я немедленно припарковался. Сердце билось о ребра, в ушах гудело,

- Я немедленно припарковался. Сердце билось о ребра, в ушах гудело, от пота щипало глаза. Вслепую набрал привычный номер.

 Брат, хреново выглядишь, нечеткое лицо Айвана на экране напоминало облако, Демоны одолевают?

 Давай без шуток. Дело сделано, пеленгуй меня и забирай поскорее. Эвакуатор примчался с рекордной скоростью, всего-то и успел за это время: раза три раскаяться в своих поступках, два пообещать вести нормальную жизнь и один задуматься о сдаче с повинной. Деньги пожертвовать не клялся, уже хорошо. Как-никак заработал, к тому же не все они мои, сотрудники ждут своей доли. Не могу же я хороших дюлей полволить людей подводить.
- Отпускаю тебе грехи, сын мой, техник дернул дверцу, и если судить по звуку, оторвал ее с мясом. О, как...
 Айван, без охов-ахов вытаскивай... И домой... Хочу домой... Хочу
- себя назад... назад в себя...

себя назад... назад в себя...

Здоровый бугай — может, в самом деле, в его стране на картошке таких выращивают — достал меня из салона и едва не на руках перенес в кабину тягача. По пути последними словами костеря упырей, не способных сохранить тело, данное им природой. Зря он так. Куда бы мы без этих упырей?

— Брат, ты не помирай только. Лады?
Я усмехнулся через силу:

— То я тебе брат, то сын... Определись...

— Ты мне курица, несущая золотые яйца. Сейчас домчим, как по льду, — и уже не мне, а куда-то в сторону, — Моник, девочка, зеленый коридор, акробат опять надорвался!

Ответа я не слышал, но знал, что ребята не подведут. У нас отличная команда. Просто замечательная... Лучше всех... Слюна во рту была горькой и отдавала медью... Засыпая, только и смог повторять: «Айван, ты — неуч... Силачи надрываются, акробаты падают... они падают... падают...»

Не буду врать, что во время переноса видишь яркий свет и все радости своего далекого детства, когда можно было выбрать иную судьбу, а не вставать на путь порока и беззакония. Ничего подобного. И просветленным не просыпаешься. А единственный глас мудрости, который слышишь — свой собственный: «Лучше бы я сдох. Как же мне погано». Представьте свое худшее похмелье и умножьте на ядерный взрыв — получите отдаленное сходство.

И все это из-за того, что возвращаешься в свое старое тело. Можно было бы новое вырастить, но мне пока не нужно. Ладно, вру. Просто боюсь, что копия окажется не годной для работы. Слишком много брака у взрослых образцов, а переживать раз за разом детство — оставьте себе.

Никто не станет заключать серьезные контракты с сопливым пацаном.

Я свесил ноги с кровати, полежал, привыкая к новому положению. Не смог и залез обратно. Вяло ощупал лицо, грудь, живот, особенно дорогие детали организма— все на месте. От крио остался легкий тремор, пройдет. Хорошо поработали: разморозили, закачали, домой отвезли. Выпишу им премию, как только разберусь с рутиной...

- Откройте, полиция!
- ... вроде этой.

Удары в дверь заставляли болезненно кривиться. Почему нельзя постучать разок, а потом сразу взломать замок? Все равно ведь сломают, так хоть соседей не тревожили бы. Нет, нужно продемонстрировать силу и мощь.

– Руки за голову!

Послушно сложил руки за голову, лежать стало даже удобнее. Так вот в чем дело! Подушка на пол свалилось, то-то шея затекла. Сквозь полуоткрытые веки разглядел толпу бравых служителей закона, наставивших на меня оружие. Старший буркнул в рацию: «Все чисто» и обратился ко мне тем оскорбляющим человеческое достоинство лаем, который такие вот типы особенно любят:

- Мистер Мюллер, вы арестованы. Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде...
- Герр, прервал его я, Надо говорить «герр Мюллер», а не «мистер». Позволите одеться или повезете меня под простыней? Одеться позволили. Но выйти из комнаты не пожелали. Да и ладно,

я привык.

Комнаты для допросов в участках делают такими, чтобы задержанный от ужаса вздохнуть боялся. Они или слишком светлые, или слишком темные. Или оглушительно тихие, будто в дурдоме, или полны шума из соседних помещений, который мешает сосредоточиться. Я бы еще и столы оттуда поубирал, чтобы никакой иллюзии защиты не оставалось.

Но стол был, меня пристегнули к нему наручниками и надолго оставили одного. Слишком надолго, чтобы в этом был хоть какой-то смысл, кроме запугивания. Надо было срочно запугаться — слегка, как невиновному, который не понимает происходящее — но голова все еще побаливала, поэтому остановился на среднем варианте беспокойства: «недалекий тип в похмелье сам не знает, что случилось».

Дверь открылась, в комнату вошел лейтенант Таби... Топпи... Что-то в таком духе. Мы с ним уже пересекались, он как дряхлый охотничий пес — упорный, но лишенный чутья. Шумно прихлебывая кофе из кружки, полицейский сел напротив и широко улыбнулся. Мне бы тоже водички с аспирином, и можно радоваться новому дню.

— Герр Мюллер, рад вас снова видеть.

В ответ я кивнул.

— Давненько мы не встречались, — запах кофе бил прямо в мозг, хотелось отсесть подальше, но любое движение выдало бы меня с головой. И кто ж нашептал полиции, что прыгуны недолюбливают эту мерзкую вонь? — Признаться, сильно по вам скучал. Пресно работалось.

Еще один кивок. С максимальным сочувствием.

Еще один кивок. С максимальным сочувствием.

— Не хотите разговаривать?
Пожимаю плечами. Если вам даны права — да еще и вслух зачитаны — даже такой нелепицей, как право на молчание, глупо не воспользоваться.

— И не нужно, — лейтенант удобно устроился на стуле, — Этот разговор — чистая формальность. Все нужные признания уже есть, ваши подельники взяты под стражу... Пишут чистосердечные. О вас много интересного рассказывают.

Ой, ну конечно! Проще горшок с золотом на конце радуги найти, чем моих ребят. И денег у нас больше, чем у полиции, и техника в разы лучше. Ко всему прочему, я им подарил очень интересную жизнь безо всяких вариантов.

- всяких вариантов.

 Ваш последний клиент, он положил между нами изображение лица, несколько утомившего меня за эти годы, прелюбопытную историю рассказал. Не могу отрицать, отлично исполнено богатство, роскошная жизнь, семья. Красиво у вас получается.

 За что меня задержали? Слова царапали пересохшее горло.

 Герр Мюллер, давайте без этого обойдемся, возмущенный взмах кружкой и веером полетели коричневые брызги. На меня не попали, но кофейные лужицы на столешнице смердели так, что заставляли непроизвольно задерживать дыхание.

 Я глубоко вздохнул:

 И все-таки

— И все-таки...

Лицо полицейского сделалось сухим и сдержанным, из позы исчезла вальяжность.

— Вы обвиняетесь по статье двести тридцать четвертой, пункт «Б»: незаконное копирование личности с целью наживы, — он постучал по снимку, — Этот человек во всем сознался и готов сотрудничать со следствием. Ваш бывший клиент понимает аморальность ситуации, в которую попал.

Мой бывший клиент — идиот. Он навредит Джессике и детям, разрушит налаженный бизнес и подставит многих хороших людей, которые теперь зависят от него, а не от меня. Зла не хватает на придурка. — Я всего лишь тренер по личностному росту. Лестно, что он думает, будто я поменял его жизнь. Но это только его залу...

— Довольно!

Начался новый виток допроса, который «чистая формальность», в ход пошли крики и угрозы. Ему достаточно сломить сопротивление моих очень усталых мозгов, и я во всем признаюсь, лишь бы только замолчал.

Дурные мысли, которые Айван называет демонами, визжали в моей голове и вторили обвинениям. Да, я виновен. Незаконно выращивая тела, внедряясь в них, как паразит, и принуждая жить по нужному мне сценарию. Заставляя людей вести себя не так, как им бы хотелось, а так, как стоит себя вести. Очаровывая женщин и отдавая их после выполнения контракта всяким упырям. Зачиная детей от клонов. И вынуждая уничтожать изначальные тела, что делает клиентов фактически моими соучастниками в убийстве. Да, я виновен во всем этом! Да! Но что делать, если они не умеют жить, а я умею?! Если я им не нужен, то зачем ко мне приходить?! Да, я виновен! Но и все вы виновны не меньше! В вашем скотстве, ненависти, алчности! В вашей трусости! В вашем предательстве самих себя! Жалкие лицемеры, мне не в чем оправдываться. Я знаю, что виновен. А вы? Что вы о себе знаете, жалкие...

«Тогда признайся, — шипел на ухо злой голосок, — Признайся, будь смелым. Разве ты — Бог, чтобы решать, кому и как жить?»

Я не решаю... Все прописывается в договоре...

Запястья ныли от наручников, спину свело, головой хотелось удариться об стол, и разбить ее ко всем чертям. Губы против воли зашевелились.

— Вы что-то сказали? — встрепенулся лейтенант, услышав мое невнятное бормотание.

Оглушительно хлопнула дверь.

— Moй клиент не станет с вами говорить, — невысокий седеющий мужчина в элегантном костюме вступил в комнату для допросов, и сила его харизмы словно заставила стены затрепетать. — Герр Мюллер. как вы себя чувствуете?

В ответном звуке выплеснулась вся скорбь мира. Адвокат по-отечески улыбнулся:

- Похмелье? Понимаю. Помню свою бурную молодость... И все-таки не дело, не дело.
 - Простите... попытался вмешаться полицейский.
- Ни в коем случае! Вы удерживаете моего клиента безо всяких на то оснований. Если есть доказательства вины, предъявляйте. Нет мы уходим.
- Есть заявление мистера... мистера... лейтенант принялся листать файлы в коммуникаторе. У моего защитника есть удивительное свойство заставлять людей

забывать важные имена, даты и события.

— Мистер-мистер, — передразнил он копа, будто учитель нерадивого школяра, — забрал свое заявление. У него был легкий нервный срыв. Случается и при хорошей жизни. А больше, насколько понимаю, вы ничем не располагаете.

Спустя пять минут, приняв кислые извинения, мы покидали здание участка.

— Куда катится мир? — громко рассуждал адвокат по пути, и каждый, кто слышал его, невольно краснел от стыда, — Какой-то зажравшийся богатей обвиняет простого человека во всех грехах, и в эту ложь верят. Без улик! Без доказательств! Верят те, кто должен охранять закон, а не слушать досужие россказни. Так любого можно притащить в тюрьму...

Двери за нами закрылись. Ступени высокой мраморной лестницы заливало весеннее солнце. Из кофеен доносился запах проклятого

- заливало весеннее солнце. Из кофеен доносился запах проклятого напитка, но слабо. Почти не раздражая.

 Филипп, не разоряйся. Ты не в суде.

 Извини. Он сбросил маску праведного гнева и стал обычным немолодым, но не лишенным некоторого очарования мужчиной, Не доглядели за этим. Но теперь вправили ему мозги. Чудик думал, что он чуть ли не единственный в своем роде.
 - Чудики, они такие.
 - Вызвать тебе такси?
- Сам справлюсь, спасибо. Бывай. Я остался на месте, а адвокат легкой пружинистой походкой побежал вниз по лестнице, мне не нужно

было окликать его, но не смог удержаться: — Филипп!
Тот обернулся — моложавое лицо, подтянутая фигура, ясный взгляд, по всему видно — счастливчик. Невольно начнешь завидовать. А узнав поближе, заработаешь на зависти язву.

— Как там Клэр и дети?

Он пожевал губами и чуть нехотя ответил:

— Все благополучно. Благодарю.

Варианты не любят, когда прыгун задает такие вопросы. Но тяжело делать вид, что совсем ничего не помню.

Как и два предыдущих дела, это закрыли за отсутствием состава преступления. Хорошо быть знакомым с генеральным прокурором. Хотя все равно пришлось переехать, слишком много внимания от-

дельные чины полиции начали проявлять ко мне во внеслужебное

время. Весь придверный коврик истоптали.
Моя команда еще раньше перевезла оборудование и биологический материал, обустроила новую базу и залегла на дно. Денег для жизни было более, чем достаточно. Ребята наслаждались заслуженным отпуском, нудели, что вместо океана приходится ограничиваться бассейнами, и вели жизнь робких заучек на каникулах. Но по их собственному мнению — отрывались по полной.

А я сидел в четырех стенах, за задернутыми шторами и не выходил на улицу. День за днем смотрел глупые ток-шоу и не менее безмозглые сериалы. Пытался читать, но выдуманные персонажи быстро приедались. Мне не хватало своих — живых и настоящих — из которых

можно творить кумиров и героев, любимчиков судьбы и счастливых сукиных детей.

Каждый писк коммуникатора заставлял сердце биться в предвкушении, но всякий раз это был всего лишь Айван, мечтающий вытащить меня из номера. Ему покоя не давало желание заставить меня жить. Что за глупость вообще?

После того как в битве с упаковками от фаст-фуда сломался третий робот-уборщик; после того как телевизионные глупости начали казаться вполне разумными, а голоса в моей голове с ними еще и соглашались; после того как я застал себя разговаривающим с кофейной чашкой... После того как не смог вспомнить, откуда здесь взялось кофе... Короче, когда моя крыша уже собирала чемоданы, раздался наконец нужный звонок. Один из местных вариантов предлагал контракт.

— Наверное, зря вас беспокою. Финансовый интерес сомнительный... Едва ли не в убыток себе, брать такую работу...

Манера тянуть слова едва не заставила меня зарычать.

Присылайте! — рявкнул я и сбросил разговор.

Она появилась на пороге, робея. Неловким движением убирала за ухо непослушную прядь. Стеснялась своей старомодной одежды, своей наивной мечты, самой себя. Немолодая, некрасивая, одинокая, серая. Огонь, горевший в ней когда-то, едва угадывался. Резкий взмах руки, прямая осанка, сомнение в глазах. Да, передо мной была не пустышка, а очаг, сгоревший попусту. Я почти влюбился... Без этого прыгуну нельзя.

— Вас что-то смущает?

Она замялась. Промолчала.

— То, что я мужчина?

Покрасневшие щеки ответили лучше слов.

— В нашем деле это значения не имеет. У меня разнообразный опыт. Итак, чего бы вы хотели?

Она рассказывала сбивчиво, готовая к обороне при малейшем намеке на насмешку. Хотя в поэзии нет ничего смешного. Милое и бестолковое увлечение... Для немногих избранных. Камерный зал, блестящие в полумраке глаза, ее тихий голос, который боятся прервать неосторожным звуком. Льются сточки. В перерыве восторженный юноша дарит ей розу. «Милый мальчик», — скажет она про него другому юноше и, смеясь, долго будет успокаивать его ревность, думая: «И в таком-то возрасте я все еще хороша». Но будет не просто хороша, а восхитительна. Будет, никуда не денется.

 $\vec{\mathrm{A}}$ едва слушал ее, предвкушая, как проживу первый день этой прекрасной чужой жизни.

Лада Бобровская

ПУРГАТОРИО

Одурманенный сиренью, сад уснул, погрузившись в тишину. Ночь ступила хозяйкой на аллеи, но вела себя, как любопытная гостья: ворошила лиловый дурман, пробиралась сквозь лепестковый снегопад яблонь, ласковым крылом прошлась по пионам, набирающим цвет.

Бархат темноты под долгим взглядом Арсения обрел прозрачность и выдал дорогие сердцу картины, исполненные в строгой ночной графике: силуэты шалых от мая деревьев, уходящий в темноту коридор аллеи, плеск лунного света в листве. Арсений жадно вбирал в себя запахи сада, впитывал тишину и наслаждался мигом, скоротечность которого делала его еще более совершенным.

Когда в детстве мечтал он о полетах на дальние планеты, трудно было представить, что по истечении лет самым прекрасным местом покажется вот это. Тихий уголок сада в корявых объятиях яблонь, старый родительский дом, помолодевший от встречи с блудным сыном. Рано или поздно любому космическому страннику суждено убедиться, что, независимо от гравитационного потенциала планет, наиболее сильным притяжением обладает Земля.

Перелеты и приключения, перепады температур и впечатлений — Арсений устал от пестроты событий, он так соскучился по тишине! Дом щедро предлагал все ее варианты: устоявшуюся безмятежность будней, задушевность молчания у костра в саду и бездонный душевный покой. Арсений планировал посвятить отпуск теплой грусти, к которой взывала ностальгия. Дом радовался его планам. Он едва успел раскрыть Арсению нежность объятий и предложить альбом воспоминаний....

Но братец Юрий выразил протест: сказал, что отдых должен быть активным, что в старики Арсению записываться рано. И тоном, не допускающим возражений, объявил, что старший брат должен сопровождать их с Варварой на Пургаторио.

Варвары возле Юрки Арсений никак не ожидал. Ничто не предвещало появления молодой жены у младшего Ковалева, потому старший опешил, когда братец торжественно представил ему свою Барби. Вот тебе и птенец-желторотик! От растерянности Арсений даже забыл их поздравить. Он разглядывал новоявленную родственницу и удивлялся, почему Варвара не снимает темной шапочки в гостиной. Потом он обнаружил, что шапочки никакой и нет. Просто линия волос начиналась слишком рано у лица и срезала лоб на нет. Но какое все это имело значение? Юрка выглядел счастливым, а это значило, что принимать молодых Ковалеву-старшему следовало только в паре.

- Почему Пургаторио? мрачно поинтересовался Арсений. По большому счету ему одинаково не хотелось лететь куда бы то ни было, но вдруг предложение покажется действительно заманчивым?
- Самый престижный тур, просветила Варвара с придыханием, призванным обозначить статус выбранного тура.

Желая предупредить ироническую ухмылку старшего, Юрка поспешно добавил:

— Говорят, это красивейшее место среди туристических новинок.

Знал, шельмец, чем пронять брата! Не хуже Арсения ведал, что рыщет старший по космическим просторам в поисках идеала совершенства. Понимание — тонкая материя, без него узы родства превращаются в пустую формальность. Юрка заметил, что ухмылка-таки появилась, и добавил совсем уж смиренно:

У нас с Барби еще не было свадебного путешествия...

Этот тон — с позиции опекаемого, слабого, — выбран был как самый верный в обращении к Арсению. Отказать тому, с кем делил одно на двоих детство, старший Ковалев чувствовал себя не вправе.

Арсению той части детства, что осенялась надежным крылом родительской заботы, досталось больше, а Юрка оказался несправедливо обделенным. Младшему из Ковалевых было всего четырнадцать, когда родители погибли. Арсений тогда учился в Академии Космоплавания, жил насыщенной, напряженной жизнью, времени на брата не хватало. Оставалось только изо всех сил жалеть Юрку. Чтобы хоть как-то компенсировать недоданное брату судьбой, он щедро оплачивал любые его прихоти, субсидировал обучение в той же Академии Космоплавания и продолжал выдавать деньги по первому требованию, вне зависимости от возрастания запросов.

- Если путешествие свадебное, то третий лишний вам ни к чему, хмыкнул Арсений.
- Ну как будто не знаешь, в чем проблема! Совсем оторвался от действительности... Юрка досадливо махнул рукой и посмотрел с укором. В присутствии молодой жены напоминать о несамостоятельности мужа со стороны старшего брата было по меньшей мере неделикатно.
- Мы с Юрой, находясь на иждивении, считаемся недееспособными, и нам разрешаются только путешествия в пределах Земли, пожаловалась Варвара. Ее неодобрение было широким: оно захватывало не только орбиты Земли, но и все ее законы с запретами, и странноватое положение зависимости, которую Арсений воспринимал как добровольную. Диплом космоплавателя Юрка получил полгода назад, но до сих пор не сделал еще ни одного вылета.

Пока он собирался с мыслями, чтобы осторожно разузнать, когда же брат намерен распроститься с ограничением собственной дееспособности, у того уже возникла новая идея.

- Тебе тоже не обязательно лететь одному. Хочешь, я приглашу Беату? - лукаво прищурился братец. - Мне она точно не сможет отказать, ты же знаешь.

Прежде чем Арсений сумел возразить, Юрка быстро нажал кнопку видеокоммуникатора экстрасвязи. Пожалуй, слишком быстро для того, чтобы его решение выглядело спонтанным. Белесая муть экрана, помедлив, расцвела голубовато-серебристыми тонами — классика оттенков для мира Снежной королевы. Ленивый сказочный вихрь закружил перед глазами зрителей, не давая визуальной опоры на привычные предметы. Квартиру представляло кружение световых пятен в шуме искусственного дождя. Сверхсовременный дизайн интерьера предусматривал не просто модульные видеокартины, а трансформацию мебели из пластичной полуматерии по требованию хозяев.

Беата царила в неясном потоке сенсорных волн, призванных корректировать настроение. Арсений уже успел отвыкнуть от аморфности собственной квартиры и сейчас, глядя со стороны, не мог поверить, что когдато вписывался в это затейливое пространство. Да он попросту мирился, потому что атмосфера таинственной неопределенности изумительно подходила Беате. Она и внедряла модерновый стиль трансформации в дизайне. Арсений лишь уступал, как и положено мужу. Иногда он думал: а что, если жена вдруг захотела бы и лицо сделать таким же меняющимся и текучим, как ее жилище? К счастью, Беата сознавала, что не следует совершенствовать совершенство и лицу своему покуда была верна. Не лицо, а лик с серебряной печатью: изысканно и безупречно.

Юрка вел себя, как заправский сводник и говорил с Беатой так, словно нормой последнего времени для Ковалевых был разговор, а не напряжение молчания. Она вроде бы не удивилась, впрочем, Беата хорошо умела скрывать чувства под царственно-холодной маской. Под аристократическим спокойствием не каждый мог разглядеть ранимость и хрупкость натуры, утянутой в серебристую ирреальность.

— Ладно, суть я изложил, а дальше думай, как лучше принять наше предложение, — забавлялся младший, кося хитрым глазом на одеревенелого Арсения. — Нам с Барби нужно кое-что обсудить наедине.

венелого Арсения. — Нам с Барби нужно кое-что обсудить наедине. Юрка принялся оттаскивать от экрана упиравшуюся Варвару: девушка с жадным любопытством разглядывала сверхсовременную квартиру и ее прекрасную хозяйку, даже подалась вперед, будто в надежде, что декоративно-сенсорные волны втянут и ее в глубину замысловатого пространства. Но муж тянул настойчиво и был сильнее. Тяжко вздохнув, молодая супруга покорилась, и они вышли, выразительно закрыв за собой двери.

— Расслабься, Ковалев, — сказала Беата после неловкой паузы. — Я же поняла, что инициатива исходила не от тебя. А Юра неплохо умеет расставлять ловушки...

Он кивнул, жалея о том, что так и не научился носить спасительную маску и жена спокойно читает по его лицу все то, что ему так хотелось бы скрыть. Когда он мнил себя свободным от снежнокоролевских чар, стоило принять во внимание привкус тоски, обнаруженный у свободы.

- Спасибо за предложение, но... принять не смогу, сказала Беата. А тебе советую. Пургаторио — не заурядный комплекс развлечений. Это нечто большее.
 - Была там? поинтересовался Арсений.
- Совсем недавно. В служебной командировке, великодушно добавила жена, и Арсений понял, что она по-прежнему видит его насквозь и что не стремится подчеркнуть, насколько свободна сейчас в своих решениях и передвижениях.
- И что же там такого особенного, в этом Пургаторио? спросил он, надеясь, что вернул себе независимый вид. Экстрим?
 - Психоэкстрим, так бы я сказала.
- Экстрим всегда находится в сфере психо, возразил Арсений.
 Да... Но у дамианцев он не сопутствует, а организовывает психо.
 У них, как я поняла, идет расчет на трансформацию сознания. Эдакая творческая планетная лаборатория с привлечением туристов в качестве испытуемых.
- Ara. Выходит, тур сеанс развлекательно-ментальной терапии. И что, по-твоему, я нуждаюсь в психокоррекции? — спросил он с вызовом. — Знаешь, нам всем требуется корректировка, — вздохнула Беата. —
- Тебе бы я посоветовала подлечиться от перфекционизма.
- Не самое плохое качество, хмыкнул Арсений.
 Вот уж не скажи. Помнишь, как ты говорил про розу?
 Я и сейчас готов повторить. Не могу наслаждаться красотой розы, если на ней сидит жирная навозная муха.

Беата кивнула.

— Именно. Ӑ я вот думаю, что муха тоже имеет право на существование. Арсений понял, что в ней изменилось. Спокойствие Беаты сейчас было не наигранным и не в угоду хорошим манерам. Спокойствие приобрело глубину, изливалось уверенно, полно и походило на заслуженный результат стараний беспокойной души. Сенсоволны, отражающие настроение, казались совершенно чистыми— никаких серых и мутных тонов. На заднем фоне, в проеме виртуального окна, лился прозрачный и веселый дождь. Неужели действительно воздействие Пургаторио настолько целебно? Тогда стоит попытаться. Взять— и излечиться... к примеру, от Беаты. А что? Неплохая идея.

Собирались быстро и шумно. Юрка, с потребительской небрежностью, заказал перелет в компании «Космопрестиж», что несказанно удивило Арсения. «Космопрестиж» не баловал качеством обслуживания, хотя цены драл непомерные, потому среди космолетчиков и бывалых пассажиров считался прибежищем богатеньких лохов.

- Какой смысл оплачивать тщеславие? сердито поинтересовался Арсений.
- Я думала, что суперлетчикам мелочность не свойственна, тут же насупилась Варвара. И добавила с ехидцей провокатора. Неужели доходов профессионала не хватит на маленькое путешествие?

 Вот когда твой муж займется космоплаванием, посмотрим на ваши
- доходы, огрызнулся Арсений.
- Не займется, пообещала Варвара. Я его от себя никуда не отпущу.

Арсений хохотнул и бросил на брата взгляд сообщника. Ему ли не знать, как мечтал Юрка о дальних путешествиях? Не зря же пошел по стопам старшего! Но Юрка отвел глаза. Арсений понял: Варвара не шутит. Не случайно ведь сидит возле нее преданный молодожен, отказываясь от самостоятельных заработков, мирясь со статусом ущемленного в правах...

- А как ты собираешься содержать семью? спросил он с той неуверенностью, которая касается только близкого, когда боишься его обидеть. Неловко было требовать понимания того, что очевидно. А еще не хотелось, чтобы Юрка заподозрил в нем нарастающее нежелание бесконечно содержать младшего.
- Не все помешались на деньгах, поджала губы Варвара.
 Деньги не главное, подтвердил брат. Ты вон долетался по командировкам — семью потерял. А я не собираюсь разменивать любовь на звонкую монету.

Крыть было нечем. Брат с женой выступали вдвоем, семейным фронтом, а значит — имели численное преимущество. Да и били по больному.

Арсений приуныл. Он не узнавал брата. Куда девались юный романтизм и непосредственность? Уже понятно: шашлыки в саду и рыбалка на речке, мечтательный огонь костра, тихая, пробирающая до дна души песня, — ничего этого не сбудется. Точки соприкосновения утеряны. И не Пургаторио виною.

Пониманию требуется наличие обратной связи, но контакту даже самых близких людей очень мешают помехи. Неясная муть сомнений, рябь тревог, шум наскоков и подозрений. Измена... как в случае с Беатой. Но хуже всего, когда помехой является человек. Третий ли, четвертый, но... лишний.

До Варвары теплоты отношений им хватало. Юрка был замечательным братом, другом и собеседником. Он так жадно слушал рассказы старшего об иных мирах и о романтике космических путешествий! Арсений надеялся, что новоиспеченный космоплаватель после стажировки начнет работать в той же компании, что и он, присматривал вакансии.

Но Юрка стал другим — иначе родственность душ пришлось бы назвать иллюзией. Откуда взялась эта Варвара? Барби, как называет ее братец. Только имя Варвара подходит куда больше, соединяя в себе напор древних завоевателей и деревенскую незамысловатость.

От Барби у девчонки только ноги. Красивые, смелые. А голова всегда в темной шапочке. Пусть и нет ее, но ощущение остается. В глазах девушки — странный голод, к тому же Варвара их постоянно прячет, потому встречаться с ней взглядом неловко: кажется, что подсматриваешь. Юрка считает избранницу прелестной. Его право, конечно. Когда Арсений смотрел на них со спины, то даже гордился: высоченный красавец, а рядом — модель с точеными ножками. Только не ходить же старшему все время сзади!

- Она тебя боится, недовольно поведал Юрка, улучив момент.
- С чего это? изумился Арсений.

— Ты смотришь на нее с подозрением. И не разговариваешь. Упрек стоило переадресовать в обратном направлении! Варвара сама смотрела сычом и никакого дружелюбия не выказывала.

— Apc, девочке в жизни пришлось несладко. Она — сирота. Намыкалась по приемным семьям. Ты будь уж с ней поприветливее...

Конечно же, Арсений попытался отнестись к Варваре с большим сочувствием, но разговоров не получалось, как он ни старался. Вопервых, говорить было не о чем. Во-вторых, девушка вела себя так, как будто в общении не нуждалась. Видимо, волновало ее не отсутствие разговоров, а их качество. Вот если бы лесть комплиментов да непрерывная забота, то согласие было бы гарантировано, как с Юркой. Но Арсения на такие нежности не хватало. Ну не ласков он по натуре — что тут поделаешь?

Юрка сделал заказ на путешествие и только потом взялся выяснять, куда же они отправляются. Просматривал в справочнике видеосети не туристический путеводитель, а отзывы путешественников, чье беспристрастие вызывало большее доверие.

- Пургаторио находится вовсе не на Дамиано, объявил Юрка.
 Не удивительно, отозвался Арсений. Мне сразу показалось странным, что зелененькие сделали ставку на туризм. Общительностью они не отличаются, живут замкнуто...
- Однако мир развлечений создали именно дамианцы! Пургаторио у них — что-то вроде большого эксперимента с уклоном в психологию. Находится за пределами планеты, типа развлекательного центра на искусственном спутнике. А народ валом валит туда за нирваной.
 — Там обещают нирвану? — встрепенулась Варвара. Упование на
- блаженство еще более увеличило ее туристический энтузиазм. Арсений посмотрел с сомнением. Насколько ему помнилось, нирвана

подразумевала отказ от желаний. Но от каких желаний следует отрекаться двум влюбленным?

Сомнениями делиться он не стал. Балом здесь правил не он.

Туристический центр орбитальной станции Дамиано переживал мощный наплыв посетителей, однако никакой суеты не наблюдалось. Пока одни туроператоры отправляли группы на Пургаторио, другие занимались вновь прибывшими. Туристов обязали пройти медосмотр. Зеленые эскулапы проворно снимали энцефалограммы, проводили тестовые опросы и сличали данные с показателями мнемограмм. Дотошность процедур вызывала раздражение, но никто не роптал — на диво благонравная оказалась публика!

Когда Арсений проходил ментаскопические исследования, он вдруг отметил, что друг с другом лаборанты, контролеры и туроператоры совершенно не разговаривают, хотя слаженности их работы можно было только позавидовать. Неужели пользовались мыслеречью?

Отчего-то Арсений встревожился. Представилась тонкая сеть из мыслей дамианцев, а в этой паутине — головы всех туристов-инопланетян. Не в этом ли причина столь высокой дисциплинированности прибывших?

Большеглазая бесстрастная дамианка, надевающая на Арсения шлем ментаскопа, посмотрела долго и пристально, и Ковалев вдруг сразу успокоился: разве здесь происходит что-то запретное?
Со стоимостью предстоящего тура определиться никак не удавалось.
«Мы не можем брать предоплату за неоказанные услуги», — так

- сказала дамианка-чиновница, охлаждая коммерческое рвение путешественников.
- Но мне хочется знать, уложимся ли мы в пределы суммы, которую позволит мой бюджет, настаивал Арсений.

На него посмотрели, как на идиота.

— На Пургаторио ничего лишнего с вас не возьмут. Вы платите тем, что вам не нужно...

Упорствовать казалось глупым, тем более, что Юрка и Варвара откровенно наслаждались. Пока их тургруппа готовилась к вылету на Пургаторио, организаторы массовых развлечений, даже не с Дамиано, усиленно потрошили карманы ожидающих. Юрка то приносил Варваре сказочные букеты мыслезнаков, то водил в бассейн искрящихся пузырей с гелем-массажером, а Арсений с тоской следил, как в расширяющуюся дыру его бюджета безвозвратно утекает мечта о собственном грузовом перевозчике.

Самому развлекаться не хотелось. Он как будто обнаружил в себе неприятного, брюзжащего типа, который очень мешал радоваться жизни. Их ознакомили с длинным списком правил пребывания на Пургаторио, предложили внимательно изучить требования техники безопасности

и заставили расписаться под заявлением, что в случае нарушения таковых администрация Пургаторио ответственности не несет.

После цепких бюрократических лапок вкус свободы показался Арсению упоительно сладким, и он решил, что основная прелесть хваленого тура, пожалуй, и состоит из этой вот, дарованной зелеными чинушами свободы. Однако настоящие чудеса только начинались.

Аэрокар плыл в радужных тоннелях, а туманные долины чудо-мира стелились внизу в чувственном томлении. Страстная экзотика пейзажей будила восторг сродни дикарскому, а следующая картина затапливала нежностью, от которой душа летела ввысь перышком ангела.

Юрка ликовал и непрерывно посматривал на свою Барби, желая видеть на ее лице ответный восторг, но Варвара, отметил Арсений, относилась к породе людей, что радости боятся, будто она и в самом деле может послужить причиной грядущих разочарований. Он знал, как сильно обесценивает общий праздник вот такая сдержанно-кислая улыбка, но корить за это Варвару не мог, потому что обнаруженный в нем самом занудный ворчун вел себя ничуть не лучше.

То ли из-за роли опекуна для молодых Ковалевых, то ли из-за непреходящего раздражения Арсений чувствовал себя старым и одиноким. Туристки старости в нем, к счастью, не видели, а на одиночество липли, как на мед, всеми силами стараясь его скрасить. Дама романтического образа и другая, с прической «розовый одуванчик», подружились на почве старания держаться поближе к Арсению. Они были ненавязчивы, безмолвны, милы, но... чужие.

Пургаторио пленял. Покорял буйством красок, чудесами световых явлений. В этом мире хотелось раствориться, но рядом ахала дама романтического образа, разрушая хрупкую неповторимость момента, и декламировала что-то возвышенное о золотом рыданье арфы, о парении хрусталей света. Подруга-»одуванчик» градус восхищения поддерживала, хотя произносила нечто более заурядное:

— Да... Красота точно спасет мир!

Брюзга, засевший внутри Арсения, ехидно вопрошал:

– Интересно, а что сказали бы по этому поводу троянцы?

Правда, вопросы он задавал мысленно— хватило ума лишить своего внутреннего ворчуна права голоса. Зато тот буянил в мыслях и доставал самого Арсения ненужными замечаниями, в основном, мрачными:

— Если учесть, насколько восприятие красоты субъективно, то о спасении можно и не мечтать: слишком уж разнятся критерии...

Он смотрел на Варвару и все больше мрачнел. Невестка, явно пресыщенная Юркиным поклонением, жадно ловила интерес в глазах встречных мужчин, распускаясь навстречу чужому зову. Жалеть эту сиротскую душу, не получившую любви во время роста, получалось плохо. Арсений вместо этого жалел брата с нелепым его обожанием,

обесцененным до нуля. Варвара шла с Юркой в обнимку, а в мыслях ежеминутно ему изменяла. И было уже непонятно, что лучше: тысячу раз в мыслях или один раз по-настоящему.

Он все больше тосковал по Беате. Представлял ее рядом. Мужчины смотрели бы на нее совсем не так, как на Варвару в закулисной роли Мессалины, но удивленно и благоговейно, не отрывая глаз. А она бы шла спокойно и отстраненно, равнодушная к чужой страсти и восхищению, серебристая и таинственная.

Ах, Беата... Будь она похожа на Варвару, Ковалев бы скорее простил неверность, но королевскому ее великолепию измена совершенно не шла. Ну не должно быть в лепестках прекрасной утренней розы никаких мух! Наглость этих мух обрекает людей на пустоту бесчувствия, на одиночество в толпе восторженных туристов, на непреходящую тоску...

Пургаторио был создан виртуальностью, допускающей присутствие материи. Калейдоскоп волшебных картин выдавал все более прекрасные виды. Чудо-город непрерывно трансформировался, архитектурные комплексы плавно перетекали в иные, более изысканные. Ажурные мосты выгибались и превращались в радуги над серебром каналов. Гроздью огромных колонн, прекрасным парадоксом поднималось в небо здание туристического центра, чтобы назавтра оказаться прозрачной воздушной каплей.

Визуализатор вбрасывал их в иные миры, и туристы поочередно то вдыхали влажный воздух Акваниллы, то огромными скачками с хохотом неслись по поверхности планеты со слабым гравитационным полем. Молодежь радостно штурмовала аттракционы парка. Старик из созвездия Волопаса задумчиво созерцал кипучее веселье, потом произнес:

- Вы заметили, как мастерски готовят здесь сознание к перелому? Перелому? удивился Арсений.
- К очищению, старик быстро взглянул на Арсения, словно удивляясь его непониманию, и пояснил. Вы наверняка здесь впервые.
- А я прилетаю специально, чтобы пройти ментально-оздоровительные процедуры. С моими перегрузками, стрессами...
 Хм. Ментальные процедуры, пробурчал Арсений. Насколько мне известно, туристические предложения не предусматривают какого-либо воздействия на сознание.

Взгляд старика сделался снисходительным, словно тот обращался к несмышленышу.

- Воздействие на сознание совершается всегда. Даже в ходе самой безобидной, не нацеленной на результат беседы. Вопрос лишь в том, какова цель этого воздействия.
 - И какова же у организаторов Пургаторио? спросил Арсений.

– Дамианцы, как мне видится, мечтают об экологии мышления во вселенском масштабе. Замечаете, как целенаправленно, проводя туристов по аттракционам, операторы устремляют объединенное сознание группы в русло саногенного мышления? Им важна самоидентификация личности. Нет, Пургаторио — не забава для тела. Здесь на первом месте — дух.

Арсений досадливо поморщился. Стремление разделять человека на составные части казалось ему столь же непривлекательным, как необходимость аутопсии.

— Разделять не стоит, — согласился старик. — Но очень важно помнить о том, что первично. Люди привыкли считать, что мысль вторична, и когда думают о благе, ищут в основном пользы телу...

Их разговор прервала дама-»одуванчик», прибежавшая от аттракционов. Подскочив к Арсению, она затараторила:

- Простите, но мне кажется, что вам нужно вмешаться. Там ваши подопечные затребовали немедленной нирваны. Все говорят, что они еше не готовы...
- Конечно, не готовы! подтвердил старик. Нирвана требует особого состояния духа. Она идет по завершении процедур.

Арсений догадывался, что Варвара сэкономила силы на восторге и заскучала, не получив бешеного признания почитателей. А поскольку признавала только «вынь да подай», то и затребовала немедленных удовольствий.

Он прибежал в разгар перепалки. Собственно, спорила только Варвара. Юрка ухмылялся, выжидая, чем все кончится. Туроператор-дамианец отвечал официально и ровно:

- Просветление требует беседы с Мастером, а он может принять вас только в назначенное время.
- Да не нужна нам его беседа! Я хочу в нирвану! Варвара закусила удила и ничего не желала слышать. Арсений, как ни пытался, не мог вставить и слова. — Разве на Пургаторио не обязаны выполнять требования туристов?
- Мы предоставили вам все, что относится к внешнему плану. Нирвана затрагивает мир вашего внутреннего «я». Над ним мы не властны.
 — Вот именно! — крикнула Варвара. — Это мой мир! И я хочу, чтобы
- вы не мешали мне туда попасть.
- Хорошо, не счел нужным дальше спорить дамианец. Но вам следует прослушать лекцию по технике безопасности.
- Да сколько можно? возмутилась Варвара. Прямо планета бюрократов! Мы что, мало читали всяких инструкций? Если поставили недостаточно подписей под всякими договорами, подпишем еще один, только давайте обойдемся без лекций!

— Не думал, что ты такая пробивная, — восхитился Юрка, когда организаторы сдались и проводили Ковалевых к отдаленному, упрятанному в гуще деревьев зданию с биометрическими терминалами, в которых им предстояло пройти сеанс блаженства.

Варвара горделиво вздернула носик. Щеки ее раскраснелись, и даже Арсений улыбнулся. Она показалась ему забавным ежиком, который выиграл нелегкий бой с судьбой. Разубеждать молодых смысла не имело, ему осталось только присоединиться к невоздержанным родственникам. «Вот и ладно, — подумал он себе в утешение. — Чем скорее разделаемся с этим Пургаторио, тем быстрее вернемся на Землю».

Пространство, куда он попал, вброшенный оператором, выглядело совсем не сказочным: серое марево, отдающее безбрежной тоской. Его внутренний мир? Спросить было не у кого: Арсений находился один на один с собой в персональной камере. Жаль все-таки, что не удалось встретиться с Мастером. Одиночество охватило туго и плотно, от беспомощности захотелось плакать. Перед глазами пошли вдруг забытые воспоминания детства, далекие обиды всколыхнулись жарко и остро, а потом из темноты словно возникли руки маминой теплоты и отцовской силы, обняли, и пришло понимание: ты не одинок, пока любим. И неуязвим, когда любишь...

- Уязвим, возразил он непонятно кому. Я любил Беату...
- И любишь, ответили ему. В этом твоя сила. А боль спасение от равнодушия. Боль исцеляет от пустоты. Не заостряйся на ней. Прощение выше.

Прощение накатило, как теплая волна, смыло обиду, что показалась вдруг такой бессмысленной, тоска одиночества, как грязь, поплыла с уставшей души, освобождая ее от ненужной тяжести. Сердце дрогнуло, беспрепятственно возвращаясь в нелепую гостиную дома-трансформера, где им с Беатой было умопомрачительно уютно, когда вместе. А прощение все омывало и счищало последние коросты — какие-то пустые амбиции, мелкие обиды на судьбу, беспокойство о будущем. И наступила нирвана.

Арсений плыл в безмятежности, никуда не стремясь, ничего не желая. Душа летела птицей над безбрежностью бытия, а само бытие представало бесконечным счастьем...

— Второй уровень пройден, — прозвучало в динамиках. — Приго-

товьтесь к выходу.

Арсений вспомнил указание оператора строго следовать рекомендациям. Конец первого уровня, как он понял, знаменовал начало прощения. Освобождение — второй. Третьим оказался обыкновенный покой. Чистота и легкость, как во время прогулки на лужайке родного сада после долгой разлуки.

— Конец се
анса, — объявил металлический голос. — Вам необходимо покинуть кабину.

Арсений открыл глаза, со счастливым вздохом потянулся, нажал кнопку блокировки и вышел из кабины с чувством небывалой благодарности ко всему, что наполняло его осознанием. Он шел осторожно, боясь расплескать ощущение невероятной чистоты и свободы. Никакой старый брюзга не покушался сейчас на его непорочность!

— Угроза. Уровень номер один. Срочно покиньте кабину. — сказал металлический голос на фоне неприятно нарастающего гула.

Арсений удивленно посмотрел на соседние кабинки. В самом деле: ни Юрки, ни Варвары. Где они? В ряду пустых кабинок две заполнены. Там — его родственники. Каждый — в невесомости личного пространства. Он посмотрел на контрольное табло оператора. В зоне цветовой пульсации — те же фигуры, только в мультиизображении. Призрачный голубоватый свет, парение прекрасных тел... плыли в необъятности своего блаженства младшие Ковалевы. Арсений подошел ближе, через прозрачные двери заглянул в лица. На них — восторг такой силы, что походит уже на болезненную гримасу.

- Эй, выходите! Вам что, блаженства не хватило? крикнул Арсений, глупо надеясь, что из сурдокамер его все-таки услышат.
 Угроза. Уровень номер два. Срочно покиньте кабину. Начинается
- Угроза. Уровень номер два. Срочно покиньте кабину. Начинается растворение, сказал металлический голос, слышный как в салоне, так и в динамиках, установленных внутри сурдокамер. Зловещий гул превратился в тревожное завывание сирены, звук вибрировал, бил по нервам.

На дисплее оператора с фигурами, плывущими в невесомости, начало происходить что-то странное. В неясном голубоватом свете они слегка потускнели. Конечности стали прозрачными, словно плоть постепенно растворялась в безумии синевы.

- Да вы рехнулись, идиоты! заорал Арсений и кинулся к Юркиной кабине. Никакой ручки личный мир имеет выход только изнутри. В панике он огляделся, подбежал к стойке администратора, ударом ноги выломал металлический брус и бросился к Юркиной кабинке. Он с силой обрушил нелепое орудие на прозрачную дверь. Стекло рассыпалось после третьего удара. Арсений ворвался в тесную кабину, подхватил полубезжизненное тело брата и выволок наружу.
- Угроза. Уровень номер три. Разрушение, объявил голос в динамике под жуткое завывание сирены.

Арсений схватил спасительную палицу и бросился к кабинке Варвары. Стекло не поддавалось, а он все бил и бил. Лицо Варвары таяло, как льдинка в голубоватом свечении пространства, а выражение умиротворения витало над уходящей телесностью превосходством торжества над страданием. Он понимал уже, что случилось непоправимое, но упорно

молотил в дверь и ворвался-таки в сурдокамеру, чтобы удостовериться: персональная кабина Варвары пуста.

Дождь шел серый и такой тоскливый, что казался осенним. За окном волновались и нервничали мокрые яблони. Беата куталась в шаль. Она

волновались и нервничали мокрые яолони. Беата куталась в шаль. Она всегда зябла не от холода, а от настроения.

Юрка сидел в кресле, посеревший и постаревший — ничего от счастливого молодожена недельной давности. К его ногам потихоньку возвращались силы, но младший Ковалев не испытывал радости по этому поводу. Полноценным он ощущал себя только в присутствии Барби. Зажужжал видеокоммуникатор. Беата посмотрела на дисплей и ска-

зала:

- Адвокат Горин.

- Пропади они все пропадом, — равнодушно пожелал Юрка. Говорить с адвокатом вновь пришлось Беате. К категории деловых людей она не относилась и понимала, что толку от нее немного. Но должен хотя бы кто-то от Ковалевых отвечать на звонки. Арсения уже воротило от бюрократических формальностей, которые на фоне потрясения отдавали откровенных цинизмом. Ввиду неординарности события юристы Земли схлестнулись с юристами Дамиано, но речь о возвращении Варвары не шла. Основной темой обсуждений стала исключительно финансовая сторона дела. Арсению мысль о возмещении морального ущерба казалась кощунственной: как можно возместить потерю деньгами, если эта потеря— человек? Как будто они, торгуясь, продавали жену брата дамианцам... Беата закончила разговор, отключилась и растерянно посмотрела

на Арсения:

— Представляешь, они даже не отменили туры на Пургаторио. Сказали, что такой необходимости нет, если туристы готовы соблюдать правила и не игнорировать требования техники безопасности... Единственное, что они сделали, — это уволили оператора, отвечающего за сеанс...

Уволили? Верится с трудом. Тот выглядел абсолютно безмятежным, когда Арсений подскочил к нему с яростным криком:

когда Арсений подскочил к нему с яростным криком:

— Где наша девушка?

— Она сделала свой выбор, — бесстрастно отвечал зеленый.

— По-вашему, нирвана — это смерть? — кричал Арсений.

— Любая чрезмерность разрушительна. Это — закон жизни.

Дамианец даже не выразил сожаления. Зато выдал, что исчезновение девушки вызвано не случайным стечением обстоятельств, а является закономерным результатом, следствием поступков и мыслей. А потом совершенно спокойно заключил:

 Если человек не способен нести ответственность за качество своих мыслей, то он не в состоянии иметь высокое качество жизни.

Арсений не выдержал. Он зарычал и, не помня себя, бросился на негодяя, чтобы сжать в руках его хлипкую шейку. Но не смог сделать и шага. Дамианец остановил его на расстоянии. Просто выставил маленькую ручку ладонью вперед, и нападавший замер, скованный невидимой силой.

— Как вы думаете, то, что сдерживает вас сейчас, имеет отношение к материальности? — спросил дамианец, словно отвечая на незаданный вопрос о том, как возможно, чтобы тело могло раствориться в эфире. — Вы, земляне, — странный народ. Вашим телом движет мысль, но вы упорно в это не верите. Представляете сознание производным тела, потому обращаетесь с ним возмутительно небрежно. Не развиваете, не очищаете. Отдаете его на волю страсти, злобных импульсов и грязных эмоций...

Беата подошла к Арсению, села рядом и успокаивающе положила руку на его плечо. Рука была холодной, но присутствие жены — таким отрадно-теплым, что стало неловко за их единение, столь контрастное Юркиному сиротству.

Ну почему не позволила Варвара им встретиться с Мастером? Почему не встретилась с ним сама? Мудрец, в отличие от туроператора, никого не обвинял. В глазах его, по-дамиански огромных, стояла вселенская печаль. Он напомнил Арсению о волновой структуре человека, рассказал о материальности мысли, о том, что разум, расширенный в пространстве, носит полевой характер. То, что тело так легко перетекло в невидимость пространства, Мастер объяснил просто:

- Когда человек целиком отдается своей страсти, вся его энергия перетекает в эту страсть до такой степени, что человек перестает быть человеком.
- Вы имеете в виду... начал Арсений и замолчал, не решаясь продолжить.
- Да. Чаще всего расплачиваться людям приходится за свою жадность, с горечью подтвердил дамианец.

Печаль мудреца простиралась на все мыслящее человечество. Но ведь Арсений тоже был его представителем. Ходил рядом с Варварой, рядом с братом и тоже жадничал! Молчал, откупался, не желая плохо выглядеть, а получается, — скупился на искренность. Разве не старший должен заботиться о моральном состоянии младшего? Что ж не объяснил, как важно иметь личную систему самоограничений? Менталитет дефицита куда страшнее самого дефицита. Кто, как не Арсений, позволил ему разгуляться в душах молодых до ненасытности? Сейчас Арсения буквально тошнило от собственной фальшивой щедрости.

И еще эта фраза диспетчера, который отказывался брать предоплату за экскурсию на Пургаторио:

— Вы платите тем, что вам не нужно.

Фраза раздирала в воспаленном мозгу свежую рану, звучала, как грубая насмешка.

Что подумает Юрка, если узнает о ней? Выходит, что у Юрки не смогли бы отобрать его половину, если бы за путешествие платил он сам? Неужели Варвара для Арсения была до такой степени «ненужной»? Неужели дамианцы, копавшиеся в подсознании, нашли в нем именно это? Не жалость к глупышке, обделенной пониманием, что такое настоящие ценности, а полное отречение...

Рассыпчатые струйки дождя сбегали по стеклу, Беата следила за ними неотрывно. Арсений вновь подумал, что жена изменилась. Разглядывает простую обстановку старого родительского дома, словно удивляясь тому, что не придавала раньше значения незатейливой красоте обыденных вещей. И вряд ли теперь променяет живой дождь на искусственные его аналоги в доме-трансформере.

Беата тихо погладила его руку, — животворное касание. Где вообще пролегает измена — в сфере физиологии или в области души? Кому что важнее, но... не всякая измена — предательство.

Юрка поднялся, неуверенно ступая, словно не чувствовал ног, прошел к бару, неловкими руками взял бутылку, налил себе водки. Простонал, не глядя на старшего:

- Зачем? Зачем ты меня вытащил?
- У меня один брат, сухо сказал Арсений, и он мне дорог.
- Но почему ты вытащил меня, а не Барби? Кем я должен себя ощущать, спасенный? Каином? Увез и бросил... Ты же сам учил: мужчина в ответе за женщину.
- Наконец-то и в тебе заговорил мужчина, сказала Беата. Только жаль, что ответственность ты по-прежнему возлагаешь не на себя. Жена сказала это таким прожигающе-ледяным тоном, что Юрку

Жена сказала это таким прожигающе-ледяным тоном, что Юрку словно отбросило. Он посмотрел на нее растерянно, как мальчишка, каковым по сути и являлся.

— Она ждала ребенка, — сказал Юрка и заплакал.

Арсению хотелось обнять его, как маленького, но он не стал. Он и так слишком долго держал его за маленького.

Права Беата. Жестокой правотой мудрецов Пургаторио.

Юрка тоже прав. Спасать нужно было в первую очередь женщину. Только что делать ему, Арсению, со всеобщей этой правотой? Он

Только что делать ему, Арсению, со всеобщей этой правотой? Он всю жизнь старался поступать как положено, по-человечески. Как же получилось, что оказался он виновником всех бед?

Арсений поежился. Храни его, судьба, от Пургаторио!

Если вновь поставит она Арсения перед выбором, окажется ли этот выбор правильным?

Анатолий Герасименко

САМАЯ ПРОСТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Звук шагов дробился рассыпчатым эхом, звенел под потолком, играл в прятки между колоннами. Фонарик давал очень мало света: бледное пятно то металось под самые ноги, то вдруг улетало прочь и выхватывало из темноты кусок бетонной стены. Порой казалось, что нет больше на свете ничего, кроме темноты — и сбивчивого шороха шагов.

А потом в темноте нашлась дверь. Запертая дверь.

- Надо подумать, сказал Клим и опустился на корточки, привалившись спиной к стене. Клим был хрупким и невысоким для своих двенадцати лет, волосы его вились золотистыми кудряшками — про таких детей обычно говорят: «ну что за ребенок, просто ангел». Сейчас Клим не отказался бы на минутку превратиться в бесплотного ангела. От холода зуб на зуб не попадал.
- Надо подумать, произнес Бася в тон Климу и тоже присел на корточки. Аксель помедлил и уселся прямо на пол. Аксель и Бася смахивали на двух грызунов из старого советского мультика: Бася — худой, высокий и ушастый, Аксель — приземистый, с фигурой, похожей на грушу «конференц».
- A мы точно весь подвал обошли? спросил Бася. Клим долго смотрел в пол, прежде чем ответил:

Аксель вздохнул, встал и перебрался поближе к друзьям. Клим закрыл глаза. Так глупо все получилось...

По краям восьмиугольной крыши небоскреба стояла бетонная ограда. Сюда часто водили туристов: лучшей площадки для обзора города не придумаешь. Клим, Бася и Аксель смотрели вниз, опершись на ограду локтями. Кроме них, на крыше никого не было. Скорее всего, из-за жары. Полуденное солнце походило на огромный светящийся глаз — беспощадное, жаркое солнце. То самое, кстати, которому поклонялись древние ацтеки. Ацтеков больше нет, а солнце — вот оно.

Клим перегнулся через ограду и пустил по ветру фантик от жвачки. Блестящая бабочка фантика, кружась, опустилась на добрый десяток метров, заплясала в воздухе и стала медленно подниматься, подхваченная восходящим потоком.

- Погода хорошая будет, произнес Бася.
- Н-да? спросил Клим.
- Погода будет дождь, сообщил Аксель.
- Не пыхти. сказал Бася.

- Я не пыхтю, ответил Алексей Алексеев, которого все звали просто Акселем — для краткости.
 - Пыхти-ишь, протянул Бася и принялся шумно отдуваться.
- Неправда, сказал Аксель. Несмотря на жару, он не снял толстовку, и теперь у него подмышками расплывались темные пятна пота. Плечи Акселя оттягивал рюкзак, на поясе висел смартфон. Сбоку смартфона мигал красный огонек — словно билось рубиновое сердце.
 — Завязывайте ссориться, — сказал Клим. — А то Паук кусит.

Пауков было восемь — по числу углов на крыше. Неподвижные, блестящие, они застыли у ограды, словно здесь устроили выставку диковинных пылесосов, у которых по бокам выросли длинные лапы. Передние манипуляторы растопырились в воздухе, будто клешни: режим захвата.

- A что будет, если я вниз брошусь? спросил Бася.
- Поймают, сказал Клим. Верно, Леха?

Аксель прикрыл глаза, огонек на смартфоне замигал чаще. Сигналы нейронов обратились в биты, биты стали незримыми волнами, волны заплясали между базовыми станциями — все дальше, все дальше... Огромный компьютер получил запрос, мгновенно просчитал все варианты развития событий и отослал расчет обратно. Всего лишь компьютер — но могучий и быстрый, как бог. Люди называли его — Талисман. Подобно многим богам, он не был всесильным. Зато Талисман отвечал на каждую обращенную к нему молитву, и взамен требовал от своей паствы исполнения всего двух заповедей.

Одна из них звучала так: «Вовремя плати за трафик».

Другая — еще проще: «Будь на связи».

Очень простые заповеди.

Огонек успокоился. Пакет данных прошел по невидимым сетям, контрольная сумма совпала до последнего бита, и смартфон спроецировал результат прямо в мозг Акселя.

- Вероятность восемьдесят семь процентов, сказал Аксель. И три десятых.
 - Что-то мало, усомнился Бася.
 - Тебе хватит, сказал Аксель.
 - Не пыхти, сказал Бася.
- Пошел к черту, ответил Аксель. Он завозился, стянул с себя рюкзак и взял его за лямки. Подбросил, поймал.

Паук, что стоял ближе всех, опустил клешни и приподнялся на тонких ногах.

— Ну и что? — спросил Бася.

Огонек ярко вспыхнул. Аксель пожал плечами и швырнул рюкзак за ограду.

Стальное тело метнулось в воздух, брызнула пыль. Хруст и скрежет — будто наступили на пластиковый стаканчик. Паук, словно авангардная скульптура, повис между землей и небом. Задние лапы вцепились в бетон, оставив узкие борозды. Всеми остальными лапами Паук держал рюкзак — тот не успел пролететь и метра. Тихонько запели сервомоторы, Паук втянулся на крышу, подошел к Акселю и положил рюкзак у его ног.

- Bay, произнес Бася.
- Хочешь проверь на себе, предложил Аксель.

Паук убрался прочь.

- Не хочу, сказал Бася.
- Так, сказал Клим. По ходу, перегрелся кое-кто. Пойдем, в бассейне искупаемся.
 - И-ха! закричал Бася. Аксель опять пожал плечами.

Бетонное здание бизнес-центра пронизывали лифтовые шахты. Две шахты выходили на крышу, оканчиваясь павильонами — стены зеркального стекла, плавные углы, прозрачный козырек от дождя. Жаль, что дизайнер, который придумывал эти павильоны, забыл, что на небе бывает еще и солнце.

Клим нажал кнопку вызова. «Дин-дон» — на черной табличке загорелась синяя цифра «1».

- У-у, сказал Бася. Полчаса ждать.
- Две минуты всего, сказал Аксель и принялся надевать рюкзак. Трудно сказать, кому приходилось хуже — нещадно терзаемому рюкзаку или Акселю, который от усилий изогнулся всем телом и напоминал статую Лаокоона.
 - Помочь? спросил Клим.
 - He. сказал Аксель.

Бася прищурился.

— Аксель, — проговорил он, — а откуда у тебя такой шрам? Тот посмотрел на руку, поправил задравшийся рукав. — Это еще до Талисмана, — ответил Аксель. — Фигня одна вышла.

- Обжегся?
- Не, ответил Аксель, помолчал и добавил:
- Руку в мясорубку сунул.
- Зачем? удивился Бася.
- Так... сказал Аксель. Посмотреть захотелось. На что посмотреть? не понял Бася.
- Бася, терпеливо сказал Клим. Какой же ты придурок все-таки.
 Однако, обиженно произнес Бася. Человек лапу в мясорубку
- сунул, просто так и ничего, а я один раз спросил и сразу придурок...
 - Заткнись, a? сказал Клим.
- Да нормально все, отозвался Аксель. Проехали. Короче, операцию сделали мне. Пальцы там, кости... Только шрам вот остался.
 - Это после мясорубки тебе Талисман купили, да? спросил Бася.

- Нет, сказал Аксель. Потом еще было... Неважно.
- «Дин-дон». На табло зажглось: «30». Двери бесшумно разъехались в стороны.
 - yф, произнес Бася, войдя в лифт.
 - Кондиционер, сказал Клим, это вещь.
 - Aга, согласился Бася. Ух ты, кнопки!
 - С ума сойти, проворчал Аксель.
- Да ты погляди, возразил Бася. Тут под землю спуститься можно! Три подвальных этажа. Здорово!

Аксель зажмурился. На смартфоне замигал огонек.

- Минус первый этаж супермаркет, сообщил Аксель. Минус второй подземная парковка. Минус третий... про третий ничего нет.
- А ты говорил, что Талисман все время карты апдейтит, сказал Клим.
- Он и апдейтит! сердито ответил Аксель. Просто, наверное, там еще не решили, что делать будут. Этаж построили... То есть вырыли... А для чего потом придумают.
- А мы сейчас посмотрим, сказал Бася и нажал кнопку с надписью «-3».

Ничего не произошло.

- Еще бы, сказал Клим. Там же ни черта нет, зачем туда ехать?
- Да ну, сказал Бася. Интересно же.

Он зажал кнопку большим пальцем и принялся тыкать указательным куда попало — в кнопки «стоп», «вызов вахтера», «закрыть двери».

Брось дурью маяться, — сказал Аксель.

В этот момент двери закрылись и пол под ногами дрогнул.

- Ой, радостно сказал Бася. Поехали, кажется.
- Доигрался, заметил Клим.

Цифры — синие на черном табло, будто неоновые рыбки в темной воде. «2.5».

- «24».
- «23».
- Ну вот зачем? спросил Клим.
- «18».
- «17».
- «16».
- Так это... Прикольно, сказал Бася.
- «10».
- «9».
- «8».
- Ты хоть знаешь, что будет, если мы под землю спустимся? спросил Аксель.

Бася почесал затылок.

- Да ладно вам, сказал он. Что будет, что будет... Выйдем, посмотрим, зайдем обратно, нажмем на первый этаж и поедем вверх.
- Угу, согласился Аксель. Только сначала у меня связь пропадет. В подвалах, знаешь ли, базовых станций нет.
 - «3»
 - «2»
 - «1».
 - Блин, сказал Бася.
 - «-1».
 - «-2».
 - «-3».
 - Приехали, мрачно произнес Клим.

Двери раскрылись.

На минус третьем этаже было темно. Хоть глаз выколи. Лампа под лифтовым потолком освещала пару метров грязного пола, и от этого было еще хуже, потому что чувствовалось — все самое страшное осталось в темноте. Темнота жила здесь всегда.

И холод. В лифте работал кондиционер, но из подвала тянуло такой могильной сыростью, что всем захотелось обратно на раскаленную крышу.

- И запах.
- Фу, вонища, с отвращением сказал Бася.
- Тут, наверное, трупы хранят, сказал Клим задумчиво. Да ну тебя, сказал Бася.

Аксель молчал.

— Поехали, что ли, — Клим пихнул Басю в бок.

Бася нажал кнопку, на которой красовалась строгая единица.

Ничего не произошло.

- Чего ты там возишься? нетерпеливо спросил Клим.
- Не работает, пробормотал Бася.
- На Леху посмотри, предложил Клим.
- А что... произнес Бася и осекся.

Аксель пристально глядел на панель с кнопками. Рот его приоткрылся, щеки обвисли, на губах лопались слюнные пузыри. Огонек смартфона погас: компьютерный бог отвернулся от того, кто посмел нарушить его заповедь. Самую простую заповедь.

— Леха, — позвал Клим.

Аксель повернул к нему лицо и широко улыбнулся.

- Га-а, сказал он радостно. Га-а-а!
- Ни хрена себе, сказал Бася.
- Что, в первый раз такое видишь? спросил Клим.

Бася покивал.

— Вот поэтому к Талисману нормальных людей и не подключают, — объяснил Клим. — Только тех, кому терять нечего. Мозг думать разучивается.

- Кы-клииим, сказал Аксель.
- Узнал, отметил Клим. И то ладно. Давай, поехали уже куданибудь!

Но никуда они не поехали. Лифт не трогался с места, хотя Бася давил на все кнопки подряд. Затем его сменил Клим — он принялся нажимать по несколько кнопок одновременно, как будто пытался открыть кодовый замок, а Бася, глядя ему через плечо, давал советы. Потом Клим попросил Басю заткнуться, и тот обиженно замолчал. Стало слышно, как рядом живет Аксель — сопит, почесывается, вздыхает. Пружинисто щелкали кнопки.

- Ну, Бася, наконец сказал Клим. Ну, кашу заварил.
- А чего мы делать будем? спросил Бася.
- Гы-ы, сказал Аксель.
- Пойдем, сказал Клим. Может, отсюда выход есть.
- Что туда? в ужасе спросил Бася и посмотрел в подвальную темноту.
- Нет, блин, оттуда! сказал Клим раздраженно. Если хочешь, тут оставайся, только фонарик дай. У тебя же был фонарик?

Они вышли из лифта — впереди Клим с фонариком, следом Бася, за ними плелся издающий немыслимые звуки Аксель. Под ногами что-то звякало, вдалеке капала вода. От шагов разносилось далекое эхо. Луч фонарика натыкался повсюду на квадратные колонны, подпиравшие потолок. Ребята пошли вдоль ближайшей стены и очень скоро обнаружили дверь — добротную, красивую, отделанную под ореховое дерево. Не запертую. За дверью была маленькая комната, совершенно пустая, если не считать надписи на стене, которая гласила: «ДЕРЖИСЬ КРЕПЧЕ ПЛИНТУС!»

Клим сплюнул под ноги.

— Понятно, — сказал он. — Ремонт делали-делали, не доделали...

Они нашли еще несколько дверей. Каждая вела в комнату, где с потолка свисали голые провода, со стен хмурилась грубая серая штукатурка, а пол покрывал мелкий строительный мусор. Всякий раз, когда оебята видели на стене очередную надпись, Бася принимался хихикать, и ему жутковато вторил Аксель. Клим не смеялся: надписи словно издевались над тем, кто их читал. «ПОКА И СПАСИБО ЗА РЫБКУ», «МИНОТАВРУ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ», «ВЫШЕ СТРО-ПИЛА ПЛОТНИКИ»... Видно, у кого-то было весьма своеобразное чувство юмора.

Наконец Бася нашел дверь, непохожую на остальные. Она находилась напротив лифта — подвал был очень большим, но не бесконечным — и отсюда был хорошо виден желтый прямоугольник лифтового света. Дверь отличалась от своих деревянных сестер массивной ручкой, черной облицовкой (никакого фальшивого

ореха) и размерами. Но главное отличие обнаружил Клим, когда попытался ее открыть.

Эта дверь была заперта.

Аксель чихнул — оглушительно, с гортанным уханьем — и стал вяло водить рукой под носом. Они сидели под дверью уже четверть часа.

— Может, замок сломаем? — предложил наконец Бася. Клим встал, наклонился и посмотрел в замочную скважину. Из скважины тянуло тем самым тошнотворным душком, который они почуяли еще в лифте. Только здесь вонь была гораздо сильнее. Клим закашлялся.

— Можно попробовать... — начал он.

За спиной загудело. Клим и Бася обернулись. Вдалеке зажглась кнопка вызова («Ого!» — сказал Бася), двери лифта бесшумно закрылись («Стой!» — сказал Клим), и по черному табло поплыли синие рыбки номера этажей («Гы-ы!» — сказал Аксель). Лифт уехал.

А как это? — тупо спросил Бася.

Клим скрипнул зубами.

- Вызвал кто-то. Я так думаю.
- А-а, протянул Бася. Странно, что его раньше не вызвали.
 Может, и хотели, заметил Клим. Только кое-кто его немножечко поломал. К счастью, — продолжал он, уже не сдерживаясь, современные, понимаешь, системы иногда само... сади... самодиагно... Умнее людей бывают, короче, — закончил он. — Особенно некоторых. — Понятно, — печально сказал Бася. — Ну что, давай тогда дверь
- ломать будем.

Клим посмотрел на Басино хрящеватое ухо, глубоко вздохнул и сказал:

- На счет «раз» бьем плечом. (Именно так ломали дверь хорошие герои в кино). Вставай, что ли. Вот тут становись, рядом. Готов? И-и-и... р-раз!
 - «Скрип!»
 - Еще... p-раз!
 - «Скрип!»
 - Н-да, произнес Клим, потирая плечо. Хорошая дверь.
- А давай Акселя тоже заставим, сказал Бася. Эх... вздохнул Клим, подошел к Акселю, безучастно сидевшему возле стенки, поднял его за руку и повел, приговаривая: «Дверь сломаем, давай? Сломаем, а? Плечом вот так — раз! Давай? Потом на свет выйдем, у тебя приборчик заработает. Давай...» «Кы-лиим», — стонал Аксель. — «Ды-веерь»... «Да-да-да, дверь, сломаем, да?» «Све-ет...»

Басю передернуло.

— Понимает, — сказал он, просто, чтобы что-то сказать. Клим посмотрел сердито.

— Я его с пяти лет знаю. В садик вместе ходили. Тогда он вообще от

других не отличался... Давай, чего стоишь! Приготовились! И-и... раз!! Они ударили — из всех сил, втроем. Правда, Аксель опоздал на долю секунды, но дверь все равно не выдержала и распахнулась, так что они влетели внутрь и увидели в свете фонарика:

Вторую дверь в дальнем конце комнаты. Аккуратную горку мертвых крыс на полу— смрадную кучу, вонявшую на весь подвал.

И еще кое-что.

- Ложись! — заорал Клим и что было сил толкнул Акселя в бок. Аксель упал. Бася отшатнулся и тоже упал. Клим бросился на полнеудачно — и вскрикнул от боли. Блеснула яркая, небесного цвета искра. Запахло озоном.

Паук рванулся вперед.

«Кто его здесь оставил?» — подумал Клим и тут же понял: тот, кто изрисовал стены. Не мог же безмозглый механический паук сойти с ума. Кто-то привел его сюда, вскрыл панель на спине и выставил режим охоты. Потом ушел. Запирая дверь, смеялся, представляя, что будет, если с улицы забредет неосторожный бродяга и, осмелев, взломает дверь. У того, кто это сделал, и впрямь было чувство юмора — ну очень своеобразное.

Паук пронесся между Климом и Акселем — цокали по бетонному полу ноги, трещал выставленный для атаки шокер. Режим охоты отличался от режима захвата тем, что Пауку позволялось парализовать жертву электричеством. Или убивать.

Робот добежал до взломанной двери, развернулся. Снова треск шокера. Бася сломя голову кинулся к светлому прямоугольному контуру, что виднелся напротив. Ударил всем телом. Послышался треск сорванного замка, блеснул яркий дневной свет. Бася исчез. Паук метнулся за Басей, замер перед порогом. Затем бросился на Клима тихий шелест гидравлики, восемь суставчатых ног и быстрая смерть на концах электродов.

Рядом с Пауком возник Аксель. В руках он сжимал кусок водопроводной трубы — строители оставили в подвале не только надписи. Аксель обрушил трубу Пауку на спину. Робот подпрыгнул, ринулся в угол, вскарабкался на потолок, и уже оттуда упал на пол. Где остался лежать — потрескивая шокером, подергивая лапами и пованивая горелой проводкой.

Аксель, как рассерженный краб, бочком подобрался к Пауку и принялся охаживать его трубой. Паук не двигался, но Аксель все бил и бил его, пока не устал. Потом отбросил трубу, подошел к лежавшему поодаль Климу, схватил его за ноги и потащил к выломанной двери. По дороге Аксель пнул Паука — напоследок.

Клим, сопя от боли, обвел глазами комнату. На стене кто-то написал светящейся краской: «А ПАУК-ТО НЕ ШУТИТ!»

- Сволочи, произнес Клим и потерял сознание.
- Вызвал, сказал Бася.
- Угу, сказал Аксель. Он накладывал шину на Климово плечо. Талисман рекомендовал сделать шину из подручных материалов. Подручными материалами оказались носки и линейка из рюкзака Акселя. Клим все еще не пришел в себя.

Аксель закончил приматывать к линейке руку товарища и сел на пол рядом с Басей. Лампы дневного света ярко освещали минус второй этаж; здесь было тепло и сухо, и хорошо работали телефоны, и по углам не прятались... кто? Аксель никак не мог вспомнить, что же случилось с ними в подвале. Осталось только ощущение чего-то жуткого, смертельно опасного, но так бывало всякий раз, когда он терял связь с Талисманом. Затмение — если выходила из строя базовая станция, садилась батарейка в смартфоне, или просто наступала пора системной профилактики. Затмение. Гнев бога. Или ошибка бога. Или просто выходные бога...

- Hy как, скоро они там? спросил Аксель.
- Угу, сказал Бася. Через десять минут прилетят.
- Ругали? сочувственно спросил Аксель.
 Угу, ответил Бася. Да нет, не очень. Так... Сказали, чтобы мы оставались, где есть. Еще кое-чего сказали... Ну, дома будет нам.
 - Это точно, согласился Аксель и вздохнул.

Наступило молчание. Аксель украдкой посмотрел на смартфон. Рубиновый глаз ровно помигивал.

 Слушай, — сказал Аксель серьезно, — я ведь там совсем пропасть мог, да?

Бася издал горлом неопределенный звук.

- A вы не бросили, продолжал Аксель. Я это... Спасибо, в общем. Бася кивнул, глядя под ноги.
- A что было-то? спросил Аксель.

Игры отсутствия

Андрей Зимний

ГЕРОСТРАТ ИЗ КЛИНСИТИ

В тот день я решил испачкать Клинсити.

Чистый город, чудо, оставленное нам щедрыми богами древности или, как пыжились доказать уфологи, совершенной инопланетной расой миллионы лет назад. Не знаю уж, кто и зачем забыл его в Центральной Африке, но я готов был руку себе отгрызть, только бы это чудо увидеть. А потом — чтобы прикоснуться, чтобы иметь право драить серебристобелые сверкающие плиты его мостовых.

Не один я был таким. Мы все — от русских бизнесменов до японских студентов и американских кинозвёзд — грезили Клинсити. Приезжали, селились в палаточном лагере и, точно коленопреклонённые фанатики перед идолом, чистили, мыли, полировали сферические здания, витые белые стебли оград и хрусталь фантасмагоричных скульптур.

Город вырос как долбаный гриб, когда исследователи, ведущие раскопки, смахнули последние песчинки с загадочной плиты, напоминавшей погребённый алтарь. Белоснежная сенсация-2016 оккупировала дисплеи всех гаджетов мира. И именно я решил стать тем, кто поставит жирное чёрное пятно на этом чистеньком городе.

Знаете, когда единственным смыслом в жизни становится отдраивание инопланетного Мачу-Пикчу, начинаешь задумываться. Другие "паломники" тоже задумывались. Но противиться притягательности Клинсити было практически невозможно. Так и хотелось оттереть последнее микропятнышко, чтобы насладиться совершенством. Поэтому каждый день я думал: "Взбунтуюсь завтра".

Однажды это самое решительное "завтра" наступило. Через грязеулавливатели на входе в город я прошёл без проблем, если не считать того, что привратник не хотел пропускать меня с зажигалкой. "Счастливый талисман", — сказал я, и верзила отвалил, что-то неразборчиво хрюкнув через респиратор, встроенный в спецкостюм.

В белом шаре, приспособленном под кладовую, я взял тряпку и бутыль "Мистера Пропера" для стёкол. Не удержался — пшикнул на стену, потёр. И пошёл к Башне.

Башня — самое потрясающее и притягательное строение в городе. Вроде вот посмотреть — ну башня и башня. Даже не с заглавной буквы. Но было в ней такое величие совершенства, в линиях, форме, серебристо-снежном оттенке, что оторопь брала. "Когда находишься рядом с Башней, мир кажется прекрасным". Так мне сказал какой-то парень, приехавший в Клинсити из сектора Газа. Там он агитировал кого-то воевать против кого-то. Пока здесь не взял бутыль "Мистера

Пропера" и не пшикнул на стену. В тот момент Клинсити показался мне божественным даром. Да.

Все равны, точно собственность римского рабовладельца. Нет, тогда я так, конечно, не думал. Тогда я готов был едва ли не языком вылизать город и эту его чёртову Башню. Один блаженный, впрочем, пытался, но остальные чистильщики не позволили — никто не в праве размазывать слюни по Клинсити.

Если бы ещё лет пять назад мне, способному устроить живописный свинарник даже в карцере, сказали, что я не буду видеть большей радости, чем наяривать мостовую мыльной губкой, я поднял бы говорящего на смех. Но Клинсити меняет всё. И всех.

Тоталитарный режим бесконечной уборки. Точно чья-то свихнутая мамаша завладела умами всех и каждого, обещая после работы горячий шоколад и гору бутербродов с арахисовым маслом. Никто этих мифических сладостей до сих пор не попробовал.

Вот почему я решил испачкать город. Жалкая крошечная пакость, которую в своих мыслях я гордо называл "акцией протеста". На большее я оказался не способен. Даже на эту малость я собирался с духом непростительно долго и был уверен, что, едва свершив её, брошусь на колени с тряпкой замаливать провинность и затирать грех.

До сих пор мне снится то мгновение, когда я дёрнул собачку молнии на спецкостюме. Один "вжик", разделяющий жизнь пополам. Не знаю уж, почему никто не кинулся ко мне тут же. Хотя знаю, созерцать Клинсити гораздо приятнее, чем созерцать раздевающегося человека. Я стянул спецкостюм, бросил сверху ещё и рубашку, надетую под него. Помню, что не снял брюки из-за мысли о том, что нонконформист в трусах будет выглядеть нелепо. Свернул крышку с "Мистера Пропера" и вылил жидкость на горку одежды. Щёлкнул счастливой зажигалкой. Ткань, пропитанная моющим средством, вспыхнула мгновенно. Когда ко мне бежали ребята в спецкостюмах, она уже догорала.

Я шваркнул ногой по горке сажи, размазывая чёрное пятно по облачно-белым плитам Клинсити. Оно выглядело так уродливо, что я зарыдал. А может, я ревел из-за того, что меня начали лупасить по корпусу и голове. Я закрывался руками и орал что-то бессвязное про свободу воли и духовное развитие личности. Или просто умолял не бить. Сложно сказать точно.

Через неделю я очнулся в палате тюремного лазарета в Нью-Йорке и посмотрел новости. В результате дерзкой акции протеста образовалось критическое загрязнение, и Клинсити свернулся обратно в плиту размером не больше столешницы. Учёные выяснили, что от Башни исходило псионическое излучение, пробуждавшее в людях необоримое желание чистить город. Диктор рассказывал о счастливом возвращении "паломников" в семьи. О возобновившихся конфликтах в Украине

и Палестине. В одном репортаже, кажется, мелькнуло лицо моего знакомого из сектора Газа. Обо всём сообщали. Только не о том, куда делась плита с Клинсити.

Меня, в конце концов, оправдали. Даже называли кем-то вроде "освободителя от гнёта инопланетного разума" или ещё какой-то пафосной дрянью. В общем, теперь всё хорошо.

Только иногда, бывает, вспомню, каким счастливым себя чувствовал на улицах Клинсити, да и вытру пыль на столе.

Светлана Тулина

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ДИПЛОМИРОВАННОГО СПЕЦИАЛИСТА

 \mathbf{S} — специалист. Дипломированный. Моя основная специализация — делать желтые огонечки синими.

Но при этом я не «узкий», что бы там кто ни говорил. Они говорят — подобен флюсу. И хихикают. Они полагают — смешно. Мне — нет. Но не потому, что я себя считаю узким специалистом и обижаюсь. Это не так. Просто у меня нет чувства юмора.

Я потому и комедии не смотрю. Мне от них плакать хочется. Человек падает в лужу — это смешно? У меня есть знакомый аутист, я по нему в универе социальную практику отрабатывал. Так вот, он смеялся, когда идущий в парк монор проехал мимо остановки, так и не открыв дверей. Мне не было смешно, но я хотя бы мог понять. Он ведь подумал, что монор пошутил. Потому и смеялся. Так на то он и аутист. А почему смеются те, кто себя считает нормальными, я не понимаю. И больше не пытаюсь понять. Надоело.

Закончится этот рейс — попрошу вернуть меня в одиночный патруль. Все равно адаптация не удалась. И не удастся, что бы там Док ни говорил. Я не стану одним из них. Даже пытаться не буду. Не хочу.

Док называет это негативным мышлением, которое надо преодолевать. А зачем? В патруле никто не заставит меня смотреть комедии. Никто не будет хихикать и перешептываться при моем появлении. Никто не станет ругаться, что я опять не так одет и делаю не то. А работа та же самая — только кнопок поменьше, да сигналы не желтый-синий-красный, а оранжевый-зеленый-синий. Красный тоже есть, но он редко бывает. Запомнить несложно. Оттенков и сочетаний побольше, конечно, и их тоже запоминать надо, но зато никто не мешает. Не стоит над душой. Не хихикает вслед. Просто сигналы разного цвета — и все.

О, кстати. Желтый сигнал. Пора.

Встаю с койки, на которой лежал. Я давно проснулся, просто вставать не хотелось — зачем? Сигнал был синим, а выходить в коридор просто так...

Больше — не хочу.

Умываюсь. Чищу зубы. Одеваюсь. Расчесываться не надо — Док хорошо поработал, больше волосы у меня не растут. Мне нравится — удобно и аккуратно. Я знаю, что меня называют лысым уродом. Во всяком случае — раньше называли. Не обижаюсь. На что? Ведь правда — лысый. И не красавец. Вот старший конвоя бригадир Майк — красавец, это да. А толку? Девушек трое, а красавец один. Где уж тут выспаться, каждое утро из новой каюты выходит. К концу рейса от него только тень

остается. Глаза красные, руки трясутся. Так что это хорошо, что я урод. Смотрю на свое отражение, тщательно проверяю одежду. Последнее время они не хихикают, но лучше пусть я буду уверен, что все в порядке. Надеваю рабочий фартук и проверяю содержимое карманов. Я сам его обновил после окончания прошлой вахты, но порядок есть порядок.

Выхожу в коридор.

Конечно же, бригадир Майк тут как тут. Делает вид, что он просто так завис в самом узком месте коридора у моей капсулы, а вовсе не меня караулит. Повадился проверять, даже девушек своих забросил. Ну, так смотри, проверяй — вот он я. Я всегда сигнал с упреждением ставлю, чтобы не опаздывать. Вот и сейчас — до начала моей вахты еще куча времени.

Здороваюсь, но он, конечно же, не отвечает. Даже не смотрит в мою сторону. Недоволен — опять не поймал. Это у него пунктик такой — поймать на каком-нибудь нарушении. Я бы мог заложить Кэт — та четвертую вахту пропускает. Но не буду. Пусть пропускает. Мне не трудно, а пятнадцать реалов не лишние. Надеюсь, она и сегодня не придет.

Протискиваюсь мимо бригадира Майка — коридор в этом месте очень узкий, а он и не подумал отодвинуться. Мелкая месть за то, что не сумел ни на чем поймать. Морщусь — пахнет от него неприятно. То ли не мылся, то ли подцепил что. Может, потому и злится, и девушек забросил. И чего он гермошлем никогда не надевает, вонял бы себе в гермошлеме... Сказать, что ли, Доку?.. Впрочем, не мое дело. Иду по коридору. Гравитацию после аварии полностью не восста-

Йду по коридору. Гравитацию после аварии полностью не восстановили, но мне так даже больше нравится. Тело невесомое, легкое, и только ботинки липучками по полу шлеп-да-шлеп. Можно по потолку пройти, или по стене. Я на днях так и сделал. Не в коридоре, конечно, чего тут интересного? В смотровой. Прогулялся между обзорными экранами, пока не видит никто. Они вблизи такие огромные! Снизу кажется — совсем плоские и прямо на обшивку приклеены. А на самом деле за ними до обшивки — больше моего роста. И все забито какими-то непонятными трубами и проводами. Я особо рассмотреть не успел — наткнулся на механика и удрал. Нет, он не ругался, он, может, меня и не заметил совсем, но зачем рисковать? Лучше я попозже еще разок там прогуляюсь — никто ведь не запрещал мне этого, правда?

Коридор выводит к центральному стволу. Тут тоже нет гравитации. На всякий случай проверяю клавишу лифта, но она не реагирует. Вот интересно— а если бы починили? Пришлось бы, наверное, воспользоваться, раз уж нажал. А я куда больше люблю летать. Удачно, что лифт не работает.

Открываю расположенный рядом шлюз на аварийную лестницу, протискиваюсь и толкаю себя вниз. Скобы проносятся мимо, время от времени бью по ним ладонью, сначала ускоряясь, потом — тормозя.

Выхожу на нужном ярусе. Все как обычно, и даже то, что Кэт меня не ждет — тоже уже стало обычным. Впрочем — смотрю на часы — у нее

еще четыре минуты до официального начала вахты. Можно и подождать. Здесь гравитация есть, но слабая и нестабильная, словно кто-то подергивает тебя за ноги. Потому липучек не отключаю.

Слежу за стрелкой. Мне торопиться некуда. Кэт так и не появляется, и я начинаю работать один. Провожу магнитным ключом по приемнику на двери первой камеры, прикладываю палец. Гудение, щелчок — меня опознали и разрешили доступ. Набираю определенную последовательность цифр. Снимаю приподнявшуюся панельку. Перевожу влево рычаг. Теперь можно достать использованный диск фильтра, что я и делаю. Кладу его в левый карман фартука. Из правого достаю новенький, выщелкиваю из упаковки, вставляю в гнездо. Бросаю съеживающуюся на глазах упаковку на пол — это не мусор, она сделана из инертного кислорода. Удобная штука, эти упаковки. Распадаются на молекулы в течение минуты после извлечения диска. Туда добавили что-то, чтобы кислород не загорелся, когда снова газом становится, а то ведь и до пожара недалеко. Гравитация снова скачет, и какое-то время упаковка просто висит в воздухе. Потом все-таки падает. Морщусь — неприятно, когда тебя дергают за ноги. Теперь — рычаг и все прочее в обратной последовательности. Убедиться, что огонек над панелькой стал синим — и можно переходить к следующей двери.

Это моя работа — менять цвет огоньков с желтого на синий. Несложная, но мне нравится. Особенно — запах озона. Триста две камеры — это триста две упаковки. Люблю этот запах. Жаль, что приходиться надевать респиратор. Но Док говорит — это отрава, хоть и приятно пахнет. Доку можно верить. Он не любит шутить. Хороший человек.

Медленно продвигаюсь вдоль дверей, задерживаясь у каждой не дольше положенного. Иногда мое присутствие замечают и пытаются заговорить. Не люблю пустые разговоры, тем более во время работы. Не замедляю движения. За мной по коридору движется полоса синих огоньков, вытесняя желтые. Это красиво.

Покончив со своей половиной, смотрю на часы. Уложился с запасом. Бригадир Майк ни к чему не сможет придраться, даже если проверит. Но он никогда не спускается на рабочий уровень. Наверное, знает, что тут ко мне придраться не сможет даже он — я ведь специалист и работаю очень быстро. Поэтому он и караулит перед вахтой у каюты — надеется, что просплю. Проспать кто угодно может.

Сажусь на откидной стул у двери лифта. Уборщики на этот раз прибрались хорошо — вчерашней грязи нет и следа, красные пятна и потеки с переборок тоже отчистили. Не зря я внес в доклад это за-

Сажусь на откидной стул у двери лифта. Уборщики на этот раз прибрались хорошо — вчерашней грязи нет и следа, красные пятна и потеки с переборок тоже отчистили. Не зря я внес в доклад это замечание. Достаю из бокового кармана сэндвичи и бутылку молочношоколадной смеси. Перед тем, как начать обрабатывать участок Кэт, стоит пообедать — ведь у нее камер не меньше, чем на моей половине. Дополнительные пятнадцать реалов. А, может, и все двадцать — если

в бухгалтерии согласятся с тем, что это были сверхурочные. Жую, сдвинув респиратор на нос и стараясь не дышать ртом, и улыбаюсь.

Доев и допив, аккуратно отправляю мусор в сжигатель. Эти обертки и бутылка — не из кислорода, их нельзя бросать на пол. Гравитация опять почти пропала, хорошо, что я не отключил липучки. Перехожу на половину Кэт, осторожно переступив через ее сумочку. Магнитная застежка прилипла к полу, длинная ручка приподнята и слегка шевелится. Будь я менее аккуратен, мог бы зацепиться за нее ногой и упасть. Но я не буду убирать еще и сумочку — это не моя работа. Хватит того, что я позаботился внести указания в программу уборщиков, и мусора больше нет ни на моей половине, ни на ее. Надо отметить, что на ее половине мусора было больше. Все-таки Кэт — очень неаккуратная девушка.

Панелька, клавиши, рычаг, фильтр... желтый огонек гаснет, сменяется синим. Это очень красиво, но я не позволяю себе отвлекаться. И потому работаю быстро. Кэт тратит на каждую дверь намного больше времени. Но не потому, что любуется красотой перемены цвета. Она никак не может запомнить все цифры, постоянно сверяется с электронным блокнотиком, перепроверяет. И все равно не может нажать больше четырех клавиш подряд — обязательно снова в блокнотик лезет. Наверное, у нее низкий статус, с такой-то памятью. Что там запоминать? Всего-то сто пятьдесят дверей и по двенадцать цифр на каждую. Я проглядел их на ее рабочем комме и запомнил еще месяц назад, когда она первый раз попросила ее подменить.

- Когда этот псих придет?!
- Скоро уже. Успокойся.
- Как я могу успокоиться, как?! Как ты сам можешь быть таким спокойным?! Мы тут сдохнем, пока он возится! Я уже задыхаюсь! Задыхаюсь, понимаешь ты, урод?! Развалился тут, как... как...
 - Как тот, кто хочет выжить. Перестань метаться. Приляг и расслабься.
 - Куда?! На пол, что ли? Ты же занял всю койку, урод!
 - Ложись рядом. Койка широкая.
 - Я тут подыхаю, а он только об одном и может думать! Скотина!
 - Да ложись ты хоть на пол, мне-то что?
- Тебе меня совсем не жалко, да?! Скотина! Все вы такие! Подвинься, урод, что, не видишь мне тут совсем места нету?! И не прижимайся! Не обломится тебе ничего, понял?!
 - Может, мне вообще встать?
 - А мог бы и встать! Уступить девушке! Тем более, что не посторонней!
 - Зачем? Ты же сама сказала, что не обломится.
- Урод! Урод! А если я уже беременна?! Мы же не проверялись! И неизвестно, когда теперь! И вообще... Ой, мамочка, и зачем я только

согласилась, и зачем только связалась с этим уродом! Ведь это только из-за тебя мы тут...

- Что-то новенькое. Это мне, что ли, невтерпеж было? Это у меня, что ли, так чесалось, что до конца вахты не подождать?
- Убери руку, урод! Да ты мне по гроб жизни благодарен должен быть! Я тебе жизнь спасла! Если бы не я, тебя бы тоже по стенкам размазало, как Сандерса! А вот ты мог бы дверь и не запирать...
- Сколько раз тебе повторять— не запирал я. Это автоматика. Уже после аварии, когда давление упало.
 - Не запирал он... толку-то! Слышишь? Идет вроде...
 - Показалось. Но уже скоро.
 - Как ты думаешь он нас выпустит?
- Надеюсь. Если он говорил с кем-нибудь из начальства наверняка. Он ведь очень послушный и никогда не нарушает четких инструкций. Док клялся, что в пределах своей категории он адаптирован идеально.
 - Ну да! Идеальный псих!
- Он не псих. Просто... человек с недостаточной хромосомной адекватностью. Но он хорошо адаптирован и обучен. Очень доброжелателен. Чтит закон и порядок, начальству подчиняется безоговорочно. Не будь у него диплома открыл бы дверь сразу же, по первой просьбе. Но тогда бы его никто и не допустил до этой работы, сама понимаешь. А так... Ему нужен четкий приказ. Приказ офицера...
- Но ты ведь офицер! Прикажи, пусть откроет! И убери все-таки руку... ох... нет, ну ты сейчас меня заведешь, а потом... нет, ну правда... ну не надо... ну он же сейчас придет...о-о-ох... не на-а-а-а...а-ах... ладно, давай, только быстрее, сил уже нет... давай же... о-ох... ну что же ты... куда ты...
 - Тихо! Он пришел. Эй! Как там тебя?! Ты говорил с капитаном?
 - Скотина! Скотина! Скотина!!!
 - Ты рассказал ему о нас? Я офицер! Ты должен был рассказать!
 - Скотина!.. Что он сказал?
 - Что капитану это не интересно. Не понимаю...
 - Он мог соврать?
 - Нет, они врать не могут. Тут другое что-то...
- Эй, урод! Он офицер, слышишь?! Ты должен выполнять команду, придурок! Взгляни на экран, урод, взгляни! Бейджик видишь?! Читать умеешь? Что на нем написано, ну?

* * *

Проблемная камера.

Решать проблемы— не моя специализация. Я доложил. Сделал все как надо. Даже больше— спросил капитана.

Долго не мог решиться, но все же подумал, что так будет правильнее. Человек в камере имеет низкий статус. По определению. Но эта камера — проблемная. Она на участке Кэт. Про свой участок я знаю все — там не может быть в камере никого со статусом офицера. Но на участке Кэт — не знаю. Она мне ничего не говорила. А человек в проблемной камере называет себя офицером. Проблема. Решать проблемы — работа тех, у кого высокий статус. У капитана самый высокий. Так что пусть он и решает. Вот я и спросил.

Только капитан не ответил.

Ну что ж, не моя проблема. Новых инструкций нет, значит, и медлить нет смысла.

Иногда те, которые считаются нормальными, ведут себя очень странно и пытаются присвоить статус, на который не имеют прав. А офицеры сами открывают любые двери, им не нужен для этого специалист, даже такой хороший, как я.

- Эти камеры открываются лишь снаружи, ты, придурок!!!

Даже плечами не пожимаю — зачем? Обращено не ко мне — я не придурок, я — специалист.

- И как его только взяли?! Он же придурок! Полный придурок!.. Ой, мамочки... а теперь мы из-за него...
- Не его так другого кого, еще и похуже могли. У этого хотя бы диплом и опыт работы.
 - Как можно таким выдавать дипломы?!
- А попробуй не выдай сразу загремишь под статью о дискриминации по хромосомному признаку.
 - Скотина! Зачем он врет? Что я ему плохого сделала?!
- Он не врет. Если говорит, что доложил капитану, а тот не соизволил дать никаких инструкций значит, все так и есть.
 - Сволочи! Козлы! Уроды! Почему нас не освободили?!
- Может, решили так наказать. Мы же все-таки нарушили. Во время вахты...
- Козлы! Это ты нарушил! А я вообще не при чем, у меня свободное время было! Это из-за тебя я тут застряла, да?!
 - Не кричи. Я думаю. Может, им просто не до нас...
 - Думает он! Было бы чем! Что значит не до нас?!
- Гравитацию толком так и не восстановили. И лифт... может, там все куда хуже оказалось...
- Мы третий день заперты в этой консервной банке! Как преступники! Здесь нечем дышать! Жрачка отвратная! И вода воняет! Куда уж хуже-то?!

Проблемная камера меня нервирует. После нее долго не могу успокоиться. Не моя работа — решать проблемы. Я только исправляю цвет у огоньков — и все. Точно, переведусь. В патруле нет таких, проблемных. А если откажут — уйду в чистильщики. Они всегда требуются.

Иду по коридору.

Вообще-то, последнее время мне тут почти нравится. Наверное, все-таки адаптируюсь понемногу. Только вот работа... Нет, сама-то она нетрудная, я уже говорил. Быстро делаю. Даже сейчас, когда за двоих работаю. Может, участок Кэт мне вообще отдадут насовсем, мне нетрудно. Трудно с этими, которые в камерах.

Но они — тоже часть работы. Я это понимаю. И терплю.

Они, которые в камерах, глупые. Всегда говорят одно и то же. А особенно эти, в предпоследней, проблемной. В прошлый раз пытались доказать, что я должен подчиняться параграфу пять примечание три. А ведь параграф этот только для узких специалистов. Не для меня. Я — просто специалист. Дипломированный. Не узкий.

Я специально в диплом заглянул, хотя и так помнил. Но на всякий случай. Там четко написано — «специалист». Там нет слова «узкий». Значит, параграф пять меня не касается. Совсем. Да и не мог он меня касаться. Узкий специалист — это когда умеешь делать только что-то одно. И все. А я ведь и еще кое-что умею, кроме своей основной работы. И это куда более интересное занятие. И приятное.

Только вот почему-то заниматься им не разрешают. Когда впервые попробовал, давно еще, девчонки-расчетчицы перестали хихикать и начали вопить и звать капитана. А тот меня выгнал из рубки и запретил это делать. И Док потом сказал, что нельзя. Я спросил, почему раньше было можно и даже нужно, а теперь нельзя. А он ответил, что все люди разные, и здешних мои забавы раздражают. Что если мне так уж хочется — я внизу могу, там есть специальное место для подобных игрушек. Я попробовал разок, но не стал больше — там не интересно. В рубке ведь совсем другое дело...

Иду по коридору. Чем ближе к рубке — тем холоднее. В рубке вообще очень холодно. Ну и ладно, я ведь не собираюсь там задерживаться.

Капитан куда вежливее бригадира Майка — он застыл у потолка и проходу не мешает. Здороваюсь и, так и не дождавшись ответа, прохожу к коммуникатору. Но на капитана я не в обиде — он все-таки капитан. В креслах пусто — оба пилота у кофейного автомата, вечно они там толкутся. Набираю свой код для ежедневного отчета. Код принят, сигнал становится синим. Докладываю обстановку — все нормально, никаких нарушений. Двести девяносто восемь камер, фильтры стандартные, заменены успешно. Одна камера — фильтр заменен на усиленный в связи с возрастанием нагрузки. Еще одна камера — резервная,

фильтр законсервирован в начале полета, консервация подтверждена. Уборка на уровне, ни внизу, ни в рубке сегодня я не заметил ничего неподобающего. Правда, лифт по-прежнему не починили, но этого я не докладываю — не мое дело. Кэт опять пропустила вахту. Вот об этом — докладываю.

Это, наверное, не совсем хорошо с моей стороны. Ей наверняка влетит. Но сама виновата. Если бы она меня заранее предупредила и попросила ее подменить, я никому бы ничего не сказал. Первый раз, что ли? Мне не трудно. Но она не стала предупреждать и просить, просто не вышла — и все. Словно так и надо. А, значит, сама виновата. Поделом. А мне премиальные будут. Точно будут, уже четыре вахты за нее отработал.

Завершаю доклад и нажимаю отсыл. Огонечек меняет цвет. Вообщето, это не моя работа, но я очень люблю смотреть, как они меняют цвет. И, потом, мне совсем нетрудно. На соседней консоли мигает желтым, далекий голос бубнит устало:

— ...«Шхера», ответьте, ответьте, «Шхера»... есть кто живой, ответьте... вы отклонились от курса, ответьте, «Шхера»...

Он давно там бубнит, но это не имеет ко мне никакого отношения. Я сделал свою работу на сегодня и могу быть свободен. Могу сесть в кресло прямо тут и слегка позабавиться. Что-то мне подсказывает, что сегодня капитан возражать не будет. Он вообще очень молчаливый последнее время, да и девчонок, которые могли бы завопить, в рубке нет. Вообще никого нет, кроме нас с капитаном и пилотов у кофеварки. Но они и раньше не возражали, смеялись только и пальцем показывали. Может, действительно доставить себе удовольствие, пока есть время?.

Ежусь и судорожно зеваю.

Нет. Слишком тут холодно. Да и устал я— все-таки за двоих работал. Покидаю рубку, вежливо кивнув капитану на прощанье. Он не отвечает, но я не в обиде. Во-первых, он все-таки капитан. А, во вторых, очень трудно кивать, когда голова так сильно свернута в сторону, что из разорванной шеи торчит позвоночник.

Прохожу по коридору до своего отсека. Снова приходится протискиваться мимо бригадира Майка — и что он так ко мне привязался? Снова зеваю — резко, даже челюсти больно. Еще какое-то время приходится потратить на шлюз, а потом сразу — спать...

- Не плачь.
- Как же не плачь, как же не плачь!.. Что же теперь будет-то?! Ой, мамочки-и-и-и!
 - Все будет хорошо.

- Ага, хорошо, как же... когда они все... Когда мы все... ой, и зачем я только согласилась!..
 - Может, я ошибся. И все вовсе не так плохо.
- Как же, ошибся! А почему нас тогда не освободили до сих пор? Нету их никого, нету! Ой, мамочки... только мы и этот идиот. И бандиты эти, ой, страшно-то как, мамочки...
- Он не идиот. А они не бандиты. В колонисты особо агрессивных не загоняют, кому нужны проблемы? Только за мелкие правонарушения. Дорогу не там перешел, хулиганство, налоги опять же... Так что ты не бойся.
- Капитан такой вежливый... был... и девочки... а теперь... и Майк... ой, ну почему-у-у?! Нет, ты вот скажи, есть справедливость, а? Почему их больше нет, а этому идиоту хоть бы что!
 - Так радуйся. Если бы и он не выжил кто бы нам фильтры менял?

* * *

Иду по коридору. Просто так иду. Не на вахту. Нравится просто. Я потому сегодня пораньше и вышел.

Здесь коридоры хорошие, длинные. Интересно ходить. В патруле нет коридоров, только кабина. Там все встроено и ходить некуда. А мне нравится ходить, особенно при отключенной гравитации, шлепая липучками. Опять погулял по потолку в смотровой. Механик меня не видел, я его далеко обошел. Они больше не перемещаются, никаких неожиданностей, раз запомнил, где кто — и все. Это очень удобно, когда никаких неожиданностей. Только вот бригадир Майк... и надо же ему все время лезть в скафандре в самое узкое место у моей капсулы? Там и так-то не развернуться...

В коридорах много новых заплат, раньше их не было. Они неправильных форм. Иногда это красиво. Иногда нет. Но все равно интересно. Раньше в коридорах не интересно было — никаких тебе заплат, зато на каждом шагу попадались эти, которые себя нормальными считают. А теперь — красота.

Смотрю на таймер и сворачиваю вниз. Если не торопиться — приду как раз к началу вахты.

- Я не хочу умирать...
- Если все получится, то никто больше не умрет.
- Что получится, что?! Осталось меньше суток! Мы должны были начать торможение еще вчера! А завтра будет поздно, мы разобьемся!
 - Значит, сегодня.

- Что сегодня, придурок?! Даже если этот лысый урод нас выпустит, что мы сможем?! Пилоты погибли! Корабль неуправляем! Я не пилот, если тебе еще не ясно?! Может, ты у нас пилот?!
 - Я был пилотом. Правда, давно. И на другой модели. Но это шанс.
- Что же ты молчал, скотина, пока я тут с ума сходила?! Надо его уговорить, надо обязательно его уговорить! Ты уже придумал как?!

Да. Только не кричи. Ты его нервируешь.

* * *

Спускаюсь, не торопясь. Покачиваю головой под музыку и улыбаюсь. Я сегодня решил проблему. Это — не моя работа, но приятно. Вот как вчера, когда я придумал с двойным фильтром. Ведь если в камере вдвое возросла нагрузка на фильтр — логично заменить его двойным. Это красиво. Как синий огонек. Раньше я такого не делал, но вчера мне понравилось. И вот сегодня я тоже придумал. Не люблю, когда мне создают проблемы. Но не обслуживать проблемную камеру тоже нельзя. Значит, снова выслушивать их глупости. Снова нервничать.

Не хочу.

И я нашел выход!

Просто взял у капитана клипсу аудиоплеера.

Я честно его спросил сначала, можно или нет, но он не стал возражать.

- А я знаю, почему он выжил.
- Ну и почему?
- Он в аварийной капсуле ночует. Она на отшибе и полностью автономна. Я все думал, почему никто ими не воспользовался? Ведь разгерметизация не могла быть мгновенной. А теперь понятно...
 - Что тебе понятно?
- Даже если и были такие они к первой капсуле бросились. А там наш придурок. Запершийся изнутри. Он всегда запирался, после той шуточки Сандерса.
 - Дурак твой Сандерс, и шутки у него дурацкие.
 - Это уж точно.
 - Мы обречены, да?
- Хорошо, что здесь койки жесткие. В компенсаторную мы бы точно вдвоем не влезли...
- Ты бы все равно не смог! Там двое и то с трудом справлялись, а ты уже давно не пилот, ты вообще никто! У нас все равно не было шансов! Не было, слышишь?! Ну что ты молчишь?!.

* * *

Сегодня хороший день.

Иду по коридору и улыбаюсь. Плеер — это очень хорошо. Хорошо, что я так хорошо придумал. И пусть говорят себе все, что хотят. Я не слушаю больше. Все равно они говорят сплошные глупости. Как та, например, что я узкий. Это ведь не правда. Узкий, когда основная функция одна. А у меня и вторая есть. Только разрешают редко.

Капитан говорил — это баловство. Док отсылал вниз, где неинтересно. Капитан всегда запирает свое баловство на ключ и уносит ключ с собой. Я забрал этот ключ — капитан висит в рубке вниз головой и молчит. Я его спросил, но он молчит. Молчание — знак согласия. Значит, можно. Я так и думал, что сегодня будет можно. Сегодня хороший день.

На пульте у пустого кресла мигает уже не только желтым, но и красным. Стараюсь не обращать на это внимания, прохожу к своему комму, делаю плановый доклад. Голос рядом продолжает бубнить.

Подхожу к левому креслу пилота. Сажусь. Отпираю панель магнитным ключом капитана.

На экране — красивая картинка. Очень красивая, но не правильная. Ее нужно слегка поправить. Несколько цифр сюда, еще несколько — вон туда... цифры — это совсем несложно, я видел, как это делали пилоты, здесь консоль куда проще, чем в свободном патрулировании. Отбиваю пальцами быструю дробь. Клавиши сенсорные, это старомодно, но красиво. Сразу видно, как меняют цвет огоньки.

До некоторых дотянуться сложно, приходится сильно наклоняться вправо. Обычно пилотов двое, но мне не привыкать работать за двоих. Красные — самые неприятные, с ними приходится возиться дольше всего. Но я справляюсь и с ними.

Откидываюсь в пилотском кресле и улыбаюсь. Смотрю на сине-зеленое перемигивание. На консоли больше нет желтых огоньков. Красных тоже нет, но желтые меня всегда раздражали больше. И стрелочка на экране теперь не промахивается мимо красного шарика и не упирается в большую лохматую звезду. Прекрасный день — сегодня мне никто не запретил получить удовольствие до конца. Преисполненный благодарности, аккуратно засовываю ключ капитану в нагрудный карман кителя. Говорю:

— Спасибо!

Ответа не жду. Спасибо и на том, что из рубки не выгнал. Все-таки он — капитан. А я — просто специалист. Пусть и дипломированный...

Владимир Новиков. Андрей Фёдоров БРИТВА АЙЗЕНКА

С детства романтический образ покорителя Дальних Пределов не давал мне жить спокойно. Отважные ученые в обтягивающих скафандрах отстреливаются от гигантской каракатицы. На фоне инопланетного заката целуются капитан и спасенная им от зубастых головоногов красавица. Разумеется, тоже в обтягивающем скафандре. Это ли не жизнь?! Мечта!

Даже служба в космодесантуре не выбила из меня этой чуши. Через месяц после дембеля я прискакал на вербовочный пункт, предвкушая приключения.

Увы. Реальность, как всегда, разошлась с фантазиями. За тем, чтоб в зону посадки не выбежало что-нибудь гигантски-опасное, следят спецкоманды, изучающие и подчищающие местную фауну. Предаваться романтике, если с вами все в порядке, и вы понимаете — о чем я, просто не с кем. Команды чаще всего формируются из мужчин. А женщины, если и попадаются, то целоваться с ними — сомнительное удовольствие. Эти красотки все, как одна, считают, что кратчайший путь к сердцу мужчины — сквозь проломленные ребра.

Исследование планет — занятие не для слабаков! Хотя... Кого я хочу обмануть? Это именно для них. Если называть вещи своими именами, я — самая высокооплачиваемая в космосе нянька. Воевать особо не с кем. Отвоевались лет десять назад, до сих пор тошно. Выжженные в ноль сектора отбили охоту надолго. Ну, или пока нашим главнюкам не найдется, с кем повздорить из-за сахарной косточки.

Интересного в «заманчивых звездных далях» все меньше. Мотаются от скопления к скоплению сейчас только любители покопаться в останках древних цивилизаций. И маркитанты, естественно. Куда ж без маркитантов. Десантников превратили в добрых фей-крестных, следящих, чтобы клиенты не заблудились и не расквасили себе коленку. А уж если случится такая неприятность, наша задача — промокнуть им платочком слезы и проводить домой. Скучища.

Этот рейс тоже не сулил ничего другого. Я бы и вовсе не полетел, кабы не щедрые командировочные. Экспедицию снарядил БОТАН — Большая Трансгалакадемия Наук. А «яйцеголовые» денег на подготовку не жалеют. Правда, и мороки с ними не оберешься. С торговцами проще: старое доброе физическое внушение никто не отменял. А тут думай, как бы ненароком ходячий интеллект не повредить.

Деньги деньгами, но с подопечными в этот раз действительно не повезло. Когда нас продемонстрировали друг другу перед вылетом, меня аж передернуло. Парочка совсем зеленых археологов с горящими от

энтузиазма глазами и шилом в мешке. Семен и Игорь, тьфу... точнее, Сеня и Игорек, как они представились. Опыта межзвездных перелетов — ноль. Коэффициент приспосабливаемости — на нижней границе нормы. Физическая форма оставляет желать много лучшего. Оставляет, а сама уходит к другому. Ко мне, например.

Пока мы летели к ближайшей кротовьей норе на черепашьей сверхсветовой, пассажиры не доставляли хлопот. Меня разбудили на неделю раньше остальных. В то время как они мирно посапывали в холодильниках, набираясь сил для великих свершений, я отъедался, не вылезая из спортзала и оружейной. Входил в кондицию, так сказать. Но хорошее быстро заканчивается.

— Мать моя женщина, уф-ф-ф-ф... — из криокамеры со стоном выбрался худосочный брюнет.

Вот, блин! Как спалось тебе, моя работа? Не успели второго из этих заморышей выпустить, как я об этом пожалел.

- А для чего эта кнопка?
- A какой калибр?
- A как в защитном комбинезоне справляют нужду?

Уже через час я был готов научить птенчиков справлять нужду где-нибудь за бортом. Ну, или засунуть обратно в анабиоз. Причем в мелко-мелко искрошенном виде. Но приходилось терпеть и общаться.

- Ну что, командир, когда уже приземлимся на наше «яичко»? это Игорек, он у них лидер. Хм, деловой... Сказано таким тоном, будто по Пределам мотается лет тридцать, не меньше. Но я не купился. Бывалые исследователи «яйцами» необитаемые планеты не называют. Это словечко из сериалов далекого детства. Однако уличать Игорька не стал еще догадается, что я тоже смотрел «Космоквестора и Ко».
- Скоро уже, скоро, пробурчал я. Скорее, чем мне хотелось бы, мелюзга.

«Яйцо», тьфу!.. планета, на которую нам предстояло плюхнуться, относилась к земному типу. Но легче от этого не становилось. В агрессивной среде пребывание ограничилось бы объемом кислородного баллона. Сильно не забалуешь, от инструктора не побегаешь. А тут мои туристы могли разгуливать хоть в чем мать родила. Самое неприятное — время поисков пропавших в таких условиях не лимитируется. Случись что, и играть в прятки с ботаниками придется до второго пришествия.

Вот объясните мне, отчего так несправедливо устроен мир? Есть идеальное место для приземления, лучше — нарочно не придумаешь. Ни куста, ни дерева. Местность просматривается и, что немаловажно, простреливается на километр: «Степь да степь кругом...». Наш прапорщик в учебке, помнится, всегда добавлял: «Кругом, шагом марш». Так нет, птенчики потребовали доставить их в наиболее опасный на вид район экваториального пояса. И ведь инструкция на их стороне.

На стороне зла. Заказчикам виднее, куда им надо! Тьфу! Итого, в сухом остатке у нас планета, два беспомощных мозгогрыза и я — суперняня для неудачников.

Дверь шлюза с шипением открылась.

— Подъем, барышни! Ваш выход!

«Барышни» в защитных шлемах пошли, покряхтывая от натуги. Секунда, и я остался наедине с этой сладкой парочкой. Случалось такое, что на корабле, прости, господи, ученые вели себя хуже шкодливых котят — разве что по углам не гадили. Но стоило выйти «в поле» — и ребят как подменяли. Сдержаны, собраны. Лишние мысли — из головы вон. Работа — прежде всего. Профессионалы!

- Слышь, Семка, глянь, камень какой! Ну-ка, на что похож?
- А правда! Похож! Как настоящая! Гы! Гы-гы!

Все ясно, чуда не случилось.

- Ну-ка, смирна! рявкнул я. Парни вздрогнули и повернулись ко мне.
- Теперь я говорю, а вы слушаете. Довожу до сведения порядок прохождения маршрута, я снял с плеча небольшую коробку защитного цвета и протянул ее подопечным. Это портативный менталограф. Без него вы и шагу ступить не имеете права. Прибор армейский и школьник справится. Эта штуковина распознает наличие мыслительной деятельности крупных животных, людей и чужих.

Пощелкав тумблерами, я прогнал все режимы и объяснил ученым, как снимать показания. Чай, не дети малые, должны разобраться.

— Отдаю его вам. Мне и так лучемет тащить. Все легче будет.

Я не стал объяснять, что это в их же интересах: чтоб мне было удобнее вертеться, если вдруг запахнет жареным.

- Теперь запоминайте. Движемся пятнадцать минут. Запаса дальности должно хватить. Останавливаемся, и ты Игорь...ну, или Семен ... включаешь прибор. Убедились, что все чисто идем дальше. Не убедились, быстренько паникуем и бежим назад к кораблю. Понятно, сынки?
- Понятно, папаша. Только почему нельзя менталограф все время включенным держать?
- Повторяю, прибор войсковой, я пропустил остроту мимо ушей, хотя заморыши конкретно хамят. Мощный, надежный. Но, зараза, с норовом. Есть у него один побочный эффект.

Профессура насторожилась.

- Да нет, здоровью он не вредит. А вот мысли в голову могут приходить странные. Про сексуальное возбуждение слышали что-нибудь? мне показалось, сквозь скафандр видно, как они покраснели.
- Так вот, чтобы с включенным сканером разгуливать, вам целый месяц один бром нужно жрать без соли. А иначе все...

- Что «все»?
- Что-что...гульфик в клочья, вот что. И прочие излишества нехорошие. А нам здесь оргии ни к чему, ведь так? криво улыбнувшись, спросил я и положил руку на плечо Игорю. Тот моментально отстранился.
- Ладно, салабоны. Не напрягайтесь, вы не в моем вкусе. За полный нежности и страсти взгляд премия двадцать отжиманий и подзатыльник. А рука у меня тяжелая. Поэтому прибор быстро включить-отключить, и идем дальше. А то мало ли... вдруг передумаю. Вопросы есть?

Игорь поднял руку. Я поморщился, но кивнул ему.

А почему он так странно работает?

Ну как не ответить, глядя в эти чистые, по-детски наивные глаза? И ты отвечаешь:

— Самые любопытные у нас не только бегут трусцой всю дорогу, так еще и тянут на себе большую часть поклажи. Ясно?

А все потому, что сам понятия не имеешь, как и почему эта штука работает. Работает — и все. Наше дело маленькое.

— Короче, от меня ни на шаг. Увидели камень, сказали мне, только после этого подошли. И не ржать подошли, а изучать. Понятно?

Ученые кивнули, глядя на меня с прежней опаской. Вот и хорошо, что с опаской. Может, хоть подозрения, что проводник — полный псих, немного остудят их пыл.

— Все, инструктаж окончен. А теперь, бойцы, в путь! До первого привала еще добраться надо. И желательно засветло.

И мы бодренько так пошли.

А вместе с нами пошел дождь. И без того влажные джунгли промокли насквозь уже минут через десять. Под ногами чавкало жуткое месиво. Видимость не просто снизилась, она рухнула, сократившись до нескольких метров. Но мы упорно продвигались вперед, останавливаясь только для сканирования местности.

Пожалуй, будь мои подопечные не такими... ну, подопечными, я бы тотчас развернул их обратно на корабль. Но этим конкретным разгильдяям подобная прогулка только на пользу. Пусть прочувствуют, что работа есть работа. Они, в конце концов, ученые или где?

Подопытные на терапию реагировали терпимо. Присмирели и даже прекратили болтать без умолку. Это меня, доложу, потрясло— ведь даже во сне они что-то бормотали.

Так мы и топали. Сквозь джунгли, дождевые водопады и грязь. От остановки к остановке, от сканирования к сканированию. Молча. Красота!

Я практически дозрел до идеи объявить первый привал, когда, во время очередного замера, Игорек вдруг дернулся и судорожно защелкал тумблерами на сканере. Застыл, а затем снова дернулся. Припадок? Может, не стоило так на них давить?

Я было шагнул к нему, но Сеня меня опередил. Выхватив прибор, он поднес его поближе к шлему. А затем исполнил все тот же танец «замри-дернись-жестикулируй». Это что, злобный инопланетный вирус? Припадки передаются через сканер?

Поиграли, и будет. Прибор, наконец, попал в надежные руки. Я пригляделся, не веря своим глазам, нажал кнопку повторного скана. И вздрогнул, когда прибор пронзительно пискнул. Ошибка исключалась. Что тут скажешь? Шок? Пожалуй, да. Говорят, новичкам везет. Может, и вранье. Вот только эти два упыря-желторотика нашли на захолустной планете разумную жизнь.

* * *

Да, хорошего мало. Его вообще нет. Это только в детстве встреча с чужими кажется чем-то волшебным. Они, мол, мудрее, старше, добрее. Бедолагам приходится терпеть напыщенных землян. На самом деле это мы зачастую оказываемся в шкуре тех, кто терпит. И бежит. И отстреливается.

— Что делать будем? — ребята занервничали, и винить их в этом я не мог.

А что тут сделаешь? Все наставления про «паникуем и бежим к кораблю» теперь шли лесом. Не знаю, как так вышло, но нарушители периметра зашли нам в хвост. Бежать некуда, отбегались.

Оставалась, правда, слабенькая надежда оторваться. Поэтому мы отмахали еще метров восемьсот в прежнем направлении. Хрен редьки не слаще. Повторное сканирование подтвердило мои самые гаденькие мысли — нас настигали. Мало того, впереди появился еще один источник сигнала. Тот, кто играл в шашки, поймет — вилка. Пора выбирать, кто пойдет под бой.

Мои малыши тоже почувствовали, что дело швах. Они прижались ко мне, как испуганные оленята к теплой, надежной мамке. И это их не менталографом так. Это был страх. В каждой мышце, в каждой клеточке один на троих липкий, противный страх человека перед неизвестным.

В таких ситуациях всегда выручает вбитая прикладами в подсознание инструкция. Пусть даже она писана каким-нибудь никогда не выходившим из своего кабинета бюрократом. Таки да, инструкция имелась. Путаная и обширная, она сводилась к одной глубокой мысли: если вы не суперспец или не имеете в распоряжении взвода-другого пехоты, то контакта стоит избегать. Но если выбора нет...

Бодрым до фальши голосом я скомандовал:

— Отряд, занять круговую оборону!

У меня так частенько — ляпну, а потом уже думаю. Оборона у нас могла получиться только треугольной. А защищаться моим орлам

было и вовсе нечем. Все стволы я прибрал себе от греха подальше. Пришлось вернуть и понадеяться, что у себя в академии Семен с Игорем захаживали в тир.

Так мы и стояли, спина к спине, моя — как две их. И время от времени включали менталограф. Побочные эффекты — по боку. Не до эротики сейчас — все посторонние мысли вымывались потоками адреналина.

Медленно, по капле сочилось время. Руки начало сводить судорогой. В глазах рябило от вглядывания в густую зелень.

Вдруг заросли расступились, и из них вышло, выкатилось... это... Всякого я насмотрелся за долгую карьеру наемника! Когда нужно, вполне могу сначала выстрелить, а потом спросить, как зовут. Однако чтобы сходу палить в ЭТО — надо быть вообще бессердечным подонком.

На поляне показался розовый слон. Скорее, даже мохнатый гибрид слона и прямоходящей обезьяны. Пухлое, неуклюжее тельце с коротким хвостом и четырьмя конечностями венчала огромная голова. С развесистыми ушами и хоботом до пояса в комплекте. Я с трудом придушил в себе нервный смешок. Симпатичный розовый чужой, вдобавок ко всему, еще и широко улыбался. Ни дать, ни взять — герой доброй детской книжки с картинками. Слоненок Дамбо научился летать, увлекся и случайно колонизировал далекую планету. Казалось, сейчас, радостно помахивая связками надувных шаров, из чащи выбегут Лунарик, Звездуля и Веселый Марсоход.

Но время шло, а сказка не начиналась. Абориген мирно присел у краешка полянки и стал буравить нас взглядом. Очень хотелось надеяться, что это любопытство, а не чувство голода.

Минут через десять к нему прибыло пополнение. С противоположной стороны ввалились еще трое слоников. Аляповатая компания переглянулась и принялась весело щебетать. Будто они совершенно случайно встретились на этой опушке, а вовсе не преследовали мирных ученых и их мудрого охранника.

Между тем дождю, видимо, надоело превращать джунгли в болото, и он прекратился. Выглянуло солнышко, пригрело, и наша полянка приобрела совсем мирный вид. Забавные слоники вели себя добродушно, не выказывая агрессии. Мы тоже слегка успокоились.

— Может, повернем к кораблю и ходу? Идея Игорька была заманчивой, но я с сомнением покачал головой:

— Видишь вон те деревянные штуки у них в лапах? Зуб даю — арбалеты. Не боишься подставить тыл под слонячьи стрелы? Нет? А хоботярой в зарослях получить? Ну так стой и не рыпайся.

Словно подслушав нас, чужие перестали чирикать. Наверное, договорились. Один из них отбросил оружие и пошел к нам.

— Тихо, тихо, — будто убаюкивая ребенка, зашептал я парням. — Если что, валите парламентера, я остальных положу, у меня пушка мощнее.

И пес с ним, что они хорошие с виду. Хорошие...плохие... Главное у кого ружье.

Носатый приблизился почти вплотную. Остановился и забулькал улыбчивой пастью. Даже не пастью, а ртом — бивни отсутствовали напрочь.

— Ну что, кто-нибудь из вас его понимает? Ну, хоть пол-бельмеса? Семен с Игорем виновато покачали головами. Абориген, услышав нашу речь, тоже, видать, ничего не разобрал и перешел на знаки. Он зачем-то несколько раз показал на свой хобот, а потом на Сенькину голову.

- Хвастается что ли? сердито пробормотал Семен.
- Не-не, нету у нас такого девайса, дружище, я скрестил руки над головой. Не предусмотрено. Обделила природа. Всего и оставила так, девкам на смех.

Он смерил нас взглядом — туристы, что с них взять! — и жестом подозвал одного из своих. Тот так же неспешно подошел и замер. А парламентер возложил хобот ему на лоб и невинно развел лапы. Мол, глядите, как мы умеем. А ручки, вот они где.

Затем слоны уже вдвоем стали указывать поочередно то на мой шлем, то на свои шнобели-переростки. Тут до меня, наконец, дошло, что они предлагает провернуть тот же фокус со мной.
— Семен, я правильно понял? Они мне хотят хоботом по лбу поводить?

- Похоже на то. Может быть, они так здороваются?
- ...или мозг высасывают, без остановки продолжил я. Что мне теперь — им голову прикажешь подставить? Может, они еще чего желают?! Так пусть говорят, не стесняются!
- А давайте, я попробую, тихонько подал голос из-за спины Игорь. — В любом случае, если они с вами что-нибудь сделают, у нас с Семеном никаких шансов. А так вы подвох быстрее разглядите.

Ого, слова не мальчика, но мужа. Не так просты эти ученые. С первичными половыми признаками пацаны оказались. Выбора не оставалось:

 Хорошо, но если что-то, хоть что-нибудь заподозришь — хлопни в ладоши. Тогда я тоже хлопну. Всех хлопну, не беспокойся.

Игорь вышел чуть вперед и развел руки в стороны. Видно было, как они подрагивают. Слон что-то пискнул, погладил себя по голове и махнул парню лапой. Чего ему еще не нравится? Мозг через шлем не высасывается или что?

- Что ему опять не так?
- Вроде просит шлем снять.
- Не смей, говорю! Мало ли что? Шлем тебе идет, в конце концов! Ла меня ж за вас вые...

Но было уже поздно. Шлем оказался у Игоря в руке, а слоновий хобот прилип к его лбу. В ту же секунду абориген прошепелявил:

Тфою мааать, хоть бы в обморок не грохнуться.

Нас препроводили в деревеньку как дорогих гостей. Мы и сами-то до нее не добежали всего метров триста. Впереди чесал розовый парламентер, за ним Семен, следом Игорь, затем я, а замыкали шествие наши новые друзья. Кое-кто из нас, не буду указывать пальцем, хотя это был Игорек, раздувался от гордости. Как же — герой-контактер! Он без умолку тараторил, выкладывая то, что успел узнать во время контакта:

— Они, похоже, телепаты немного. Вроде мыслей не читают, но в мозгах ковыряться умеют.

Семен отчаянно завидовал, хотя виду старался не показывать.

- A на нашем он как заговорил?
- Да бес его знает. Похоже, из речевого канала сигналы ловит и ассоциирует со своим языком... Короче, я этот момент не совсем понял. Интересно, откуда такая способность?
- Ну, ты спросил! Возможно, у них симбионты какие-то были. Или даже есть. И они с ними так общались. Или общаются.
- Почему сразу симбионты! Может, они так своим домашним скотом управляют? Потому что иначе... Не знаю, вариантов тьма...
- Самок они своих так кадрят! гаркнул я. Хватит уже трепаться, с их эволюцией потом разберетесь! Дайте подумать, черти!

Парни обиженно умолкли, а я погрузился во мрачные мысли. Настораживала куча вещей: добродушие, внешний вид и, самое главное, отсутствие любопытства. Приперлись и приперлись, милости просим. Дело явно нечисто.

Деревенька моих опасений не оправдала. Иссохших голов, надетых на частокол, и угрожающих скелетов не наблюдалось. Вообще она напоминала разросшуюся гигантскую грибницу. Низкие соломенные хижины лезли друг на дружку, будто жабы по весне. Совсем не страшно. И слоны теперь окружали нас со всех сторон. Желтый, синий, красный! Настоящая радуга слонов! Каждый Охотник Желает Знать, Где Слоны Ф...

— Фигасе! — озвучил то, что и так было у всех на уме, Сема. Но не успел я ухмыльнуться в ответ, как слоняры запрыгали. Ритуальный танец? Просто приветствие? Интересно, кто-нибудь в известной вселенной видал прыгающих слонов? Я — никогда! Зрелище странное ... и очень смешное. Уши аборигенов комично дергались в ритме танца и хлестали хозяев по щекам. Не отставал от ушей и хобот.

Первым хихикнул Игорек, затем я, последним сдался Семен. Мы хохотали как сумасшедшие, поэтому и не заметили, как один из слонов внезапно прыгнул к нам. Точнее, я-то заметил, но не выстрелил. Во-первых, или стрелять, или смеяться, а во-вторых, про бесчувственного подонка уже говорилось. Посыпались искры из глаз, и дальше я уже ничего не видел. Только слышал краем уха, как ойкнул кто-то из моих подопечных...

* * *

Когда я с трудом разлепил глаза, все так же светило солнце. Только почему-то казалось, что это солнце уже следующего дня. В голове заунывно звенело. Интересно, чем это меня так приложили? Неужели хоботом? Да, весьма полезная, выходит, в хозяйстве вещь. Могла бы мать-природа и людям поспособствовать.

Мои попутчики валялись тут же в углу на слежавшемся сене. Понятное дело, все мы были безоружны и связаны по рукам и ногам. Вдобавок подлые слоняры уперли шлемы. Как не догадались еще и комбезы содрать? То ли совесть поимели, то ли подумали, что это части наших тел. Ну, и на том спасибо. Не пустили по деревне голышом. Конечно, мы бы не замерзли — климат благоприятствует. Но вот телоустройство людей их бы повеселило, наверняка.

Долго разлеживаться нам не дали. Открылась дверь, и нас бережно, почти нежно выпихнули наружу. Судя по количеству публики, собралась вся эта деревенька и еще половина соседней.

Я лихорадочно перебирал варианты побега. Попытаться пробиться всем втроем? Навряд ли получится. Слоники понаделают из нас ежиков. Уйти одному? Тогда Семен с Игорем точно не дождутся моего возвращения. Их пустят в расход все с той же глупой улыбкой на рожах. Третий вариант был самый геройский — будь это космоопера, играла бы бравурная музычка и развевались флаги. Но мне он нравился меньше всех: я отважно ввязываюсь в драку, бешено сопротивляюсь, завязываю хоботы узлом, убиваю двух-трех... Не, десяток, как минимум... Потом долго и с чувством кричу, давая парням возможность сбежать и укрыться в джунглях. И тогда у них есть шанс... Чушь. Нет у них никакого шанса. Местные догонят, отлупят и схарчат... или что там у них по плану.

Пока я тужился, рассматривая все «за» и «против», нас подтащили к помосту из камней и веток. Ну, натурально, гнездо. Никак не думал, что слоны в гнездах живут. В гнезде... на троне восседал, по-видимому, местный царек, увешенный с ног до головы пестрыми бусами.

Огромный, смотрелся он более чем внушительно, превосходя сородичей по всем статьям. В наборе слоников с каминной полки он по праву стоял бы первым. Не исключено, что поэтому он тут всем и заправлял. А еще говорят, размер — не главное! Глядя на эту груду мяса, я думал лишь об одном: «Куда их бьют-то вообще, чтобы сделать больно?» Нет, можно интуитивно догадаться, конечно. Однако дорого бы я заплатил, чтоб знать наверняка.

Сопровождающие — не хотелось звать их конвоирами — тем временем вывели Игорька вперед, ближе к мусорной куче. Вот тут я еще раз вспомнил про план номер три с мордобоем и самопожертвованием. Хочется-колется, но, видать, придется.

Обошлось. Вождь всего-то и хотел, что поговорить. А Игорька как карманный словарь использовал. Коверкая и путая слова, он прогундосил:

- Моему племени нужно идти топтать траву на северном склоне. Поэтому буду краток. Вы сами пришли, никто за хвост не тащил. А значит, должны бдить наш закон. Предлагаю вам протопать обряд ини..ни..ници...нициации, верховный хоботун аж побагровел, пока отыскивал и выговаривал эту заумь. Да, Игорек, какой чепухи у тебя там только нет, под коротко остриженными волосами.
- Вы умеете отказаться. Тогда в бескормицу мы вас съедим. Племени нужно свежее мясо и ... витамины? Поэтому пожелать удачи не буду, это не в наших интересах.

Тут он чирикнул что-то по-своему. Не успел я спросить, в чем же заключается обряд, как пара крепких слонов все так же заботливо подхватила меня подмышки и отволокла в ближайшую хибарку.

Внезапно я заметил, что мои руки свободны. Однако не успел я хоть что-то предпринять по этому поводу, как мне всучили здоровенную стеклянную призму. Призма тут же засветилась, я взглянул на нее и не смог уже оторвать взгляд. Тело словно парализовало. Свет стал ярче, на стеклянной поверхности замелькали странные знаки. Если б я мог кричать — закричал бы. Символы оказались вполне узнаваемы. Голова закружилась. Я низвергся в ад.

* * *

— Что? Тесты? По физике и математике?

«Проинициировав» чуток, меня вернули в компанию товарищей по несчастью. Они сразу же пристали с расспросами. Я, как мог, отвечал.

- Тесты... Надо же... парни пораженно смотрели на меня. Я нехотя кивнул. Тесты. Это для них просто тесты. Для меня же темный лес. Уроки, домашние задания, уравнения, неравенства... Будучи мальчишкой, я был уверен, что все это придумали враги рода человеческого. А когда попал в армию окончательно в этом убедился. Не нужны хорошему человеку все эти премудрости. Они его только портят.
- хорошему человеку все эти премудрости. Они его только портят.

 Что же это за устройство такое? пораженно пробормотал Семен. Явно наследие какой-то другой, более развитой цивилизации...

Я пожал плечами. После всего пережитого я как-то забыл поинтересоваться у слоняр, что это вообще была за штука.

— Тесты, значит, — Игорек ухмыльнулся, похрустел фалангами пальцев и самодовольно произнес. — Шесть лет в Центральном университете! Переподготовка в Академии Космологии! Вот уж в чем мне нет равных, так это в тестах!

Семен ничего не сказал, но по его физиономии было видно, что он тоже считает себя если не королем тестов, то, как минимум, сереньким кардиналом.

Один за другим мои малыши прогулялись в темную комнату и вернулись довольными. Видно, только мне испытания показались бесчеловечными. Они же спокойно перешептывались:

- Что тебе попалось?
- Да дифур простенький второго порядка, еще и линейный. Я его в ряд разложил, а дальше все на пальцах...

И не жмут им черепа, интересно? Молодцы, справились. Значит, их сейчас отпустят. А вот у меня начнутся проблемы. Ничего, главное, чтоб они благополучно до корабля добежали. А я-то вывернусь, не впервой.

Вождю притащили нашу итоговую ведомость. В смысле, шустрый слонишка прошептал ему в ухо наши оценки и, поклонившись, удалился. Вождь бросил охране пару ласковых, и те потащили моих сорванцов обратно в нашу импровизированную тюрьму. Наверное, за вещичками. Хоть бы прощения попросили. Одним словом, слоны!

А меня подвели к светлейшему. Сейчас, наверное, родителей в школу вызовут. Или в классе убираться заставят. Ерунда, главное — чтоб из школы не исключили.

- Уже привычная процедура— носом по лбу— и он заговорил:— Ты, солдат, не занят. Нет, как это...свободен. Можешь идти. А этих двоих завтра поутру закоптят. Так мясо дольше хранится.
- Что?!! я заорал чуть громче, чем следовало пленнику. Они же на вашей адской машинке все решили?
- Уй, солдат, ты натурально не понял. Мы жрем всех, кто умнее нас. Это и есть закон. Главный закон. И первая заповедь: «Ты что, мать твою, самый умный?» — слова выходили у него складно и по делу. Видать, с моим словарем работать ему было значительно проще.
- Видел, далеко на севере, пустоши? Когда-то там возвышались города. А теперь их проглотил густой лес и песок. Все потому, что наши пращуры стали слишком много знать. Не просто любовались звездами, а готовились их покорить. А потом вдруг перегрызли друг другу глотки. Пустили весь мир под хвост. Конечно, не от большого ума. Но этот ум помог им сделать дубину покрепче, чтоб молотить врагов. Рост интеллекта... тьфу, ну и словечко... это болезнь. Чем он выше, тем больше хочется дальнейшего развития. Жадность ума, солдат. Поэтому вот уже много сотен циклов мы сознательно поддерживаем способности мозга на одном уровне. Ты доказал, что не опасен. Экзаменатор не обманешь. Значит, можешь идти. А твои соплеменники, надеюсь, будут вкусные. Закон есть закон.

Я несся к кораблю. Без оружия с целым выводком ушастых ничего не сделать. А взяв запасной комплект, еще повоюем. Родилась у меня одна мыслишка. Может, еще и не придется геноцид устраивать. Ну,

а не выйдет, заставлю кэпа поднять космолет, чтоб немного подпалить аборигенам шерсть.

Погода благоприятствовала, да и останавливаться на сканирование больше не требовалось. Так что добежал я быстро.

Чужие — ерунда, самое серьезное препятствие — Савельич, наш каптер.

— Так что, ты говоришь, тебе надо? Ты лучше давай в правое ухо скажи, а то левое после войны барахлит. Ну? Что тебе выдать?

Я повторил. Савельич вздохнул, потом покачал головой и сказал:

— Говорили мне, что вы, чертовы десантники, с каждым годом хренеете все больше. Да вот не верил я, старый. Я, вообще, о людях всегда хорошо думаю... Пока они не попросят выдать им...

Я горестно покивал. Уж такова подлая человеческая сущность. Каптенармус повздыхал еще чуток, а затем спросил:

— Зачем хоть?

Этого вопроса я хотел избежать, да не вышло. Юлить смысла не было, поэтому сказал, как есть.

- Едрит твою с бритвою!!! отреагировал Савельич.
- Ага, ответил я.

На это он поделился со мной информацией о моем психическом здоровье и сексуальной ориентации. А также теорией, согласно которой мыслительные процессы происходят у меня совсем не там, где должны происходить у нормального человека. Потом упомянул о межвидовых скрещиваниях и любви за деньги, которых некоторые мои родственники, по его мнению, не чурались. Заслушаешься!

— Савельич. Ты это... Ну, парней-то выручать надо.

Каптер замолк. Потом плюнул и выдал мне необходимое. И предупредил, чтобы без «детишек» я на корабль не возвращался.

Обратный путь снова бегом, и вот я опять в слоно-деревне. Почти стемнело. Можно было, конечно, устроить заварушку, но кто знает, как местное население видит в темноте.

Спрятав амуницию в надежном месте, я налегке отправился прямо к нашей с ребятами тюрьме. Видимо, слонопотамы невысоко оценили боевые способности мальцов. У запертой на засов двери дежурил всего один слоненок... да и тот дремал, опершись на копье. Меня еще раз посетила мысль — дать носатому промеж ушей и сбежать с арестантами. Но я отогнал ее, как назойливую муху. Не буду я их мочить, и все тут. Они же — что дети малые. Жалко!

Не таясь, я подошел к горе-часовому и бережно, чтоб не напугать, разбудил. Сам — вот мерзость-то! — положил его переговорное устройство себе на лоб и сказал:

— Господин охранник, так мои люди не доживут до рассвета. Да и вообще могут испортиться. Как их тогда есть?

- Что я сделать? еще не до конца проснувшись, спросил ушастый секьюрити.
- Я вот им поесть-попить принес. Отдайте им, и утром они будут самый смак.
 - Ты думает, я очень глупый? Вдруг ты отрава принес?
 - Все по-честному. Хотите, я при вас всю еду попробую?

Я отвинтил горлышко фляги, отхлебнул и откусил от плитки шоколада. Остаток протянул слону. Тот с опаской понюхал, но мой довольный вид его убедил, и он осторожно отправил угощение в огромный рот. Вместе с упаковкой, естественно.

- Хорошо, - сказал он, прожевав содержимое и выплюнув фольгу. - Я передаст. Но только ты идут отсюда, тогда и передаст.

Я был не против. К тому же от переживаний меня клонило в сон. За границей деревни я забрался на дерево, врубил на полную биозащиту и уснул.

* * *

Деревенька только просыпалась, а я уже занял позицию в зарослях за лобным местом. Там же устроил себе склад и огневую точку. На случай, если все же придется сократить кой-кому поголовье.

если все же придется сократить кой-кому поголовье.

Ждать пришлось долго. Сначала кучу дров, которую я принял за гнездо, разожгли. А потом из сарайчика показались мои орлы. Они не могли передвигаться самостоятельно, их тащили волоком. А парни, кажется, пытались что-то петь. «Варяга», что ли? Судить строго я их не стал. Кто бы не пытался на их месте? Во-первых, на смерть идут, а во-вторых... И тут приготовления закончились. Мои археологи чуть побрыкались — держитесь, пацаны! — но их подтащили к кострищу.

А вот теперь мой выход. Я аккуратно, чтоб не словить стрелу, вышел в центр поляны и показал себе на лоб. Мол, давайте, братья славяне, поговорим. Вождь не побрезговал, устроил мне перевод. На правах старого знакомого я обратился к нему:

Ты сам мне вчера говорил, что интеллект — это болезнь?

Слоняра кивнул, мол, есть такое дело.

— Мне кажется, мои люди подцепили эту заразу при перелете. А тут еще под ливень попали, совсем расклеились. На самом деле они нормальные парни. Такие же, как мы с тобой. Очень прошу еще раз прогнать их на вашем Экзаменаторе. Вы же не хотите сделать непоправимую ошибку?

Вождь задумался, а потом махнул лапой. Мол, пес с ними, от нас не убудет.

Шустрый слонишка принес призму и сунул ее Игорьку. Суровое испытание. Все равно, как если б меня напоили, положили передо мною

кучу досок и сказали — а спорим, не разобьешь! Я затаил дыхание. Вот сейчас... Игорь вдруг хохотнул, взял призму и пальцем написал ответ. Семен заглянул ему через плечо и сложился пополам от смеха. Буквально. Не устоял на ногах, бедолага. Игорь отдал розовому призму, изо всех сил стараясь не ржать. Абориген с подозрением осмотрел обоих хлюпиков, затем глянул на результат и нахмурился:

— Ничего не понимаю... — пробормотал он. — Какой странный ответ... По всей видимости, это совокупность трех ваших переменных. Икс, игрек.. а вот последнюю Экзаменатор не понимает.

Зато я все понимал и тихонько, про себя посмеивался. Отчаявшиеся пацаны набрались спиртяги перед экзекуцией, чтоб облегчить мучения, и лыка не вязали. Разыграли комедию, как по нотам.

Вождь нахмурился еще сильнее, затем повернулся к Игорю и переложил на него свой шнобель. Глаза чужого засветились на мгновение, а затем...

- ЧТО-O-O?! Издеваетесь?! Убить ИХ! в ярости он забыл, что лопочет по-нашему. Команду пришлось продублировать чириканьем. Это дало мне целую секунду. То, что нужно.
- Э нет, так не пойдет! опрометчиво заорал я. Арбалет в ближнем бою так же опасен, как термоядерный заряд. Как это убить?! Вы же сами вчера решили их схомячить за то, что умные слишком. Видишь, вождь, свои они, нормальные нули в математике. И Экзаменатор ваш не проведешь. Так что будьте любезны, отпустите! Их мамки дома зажлались...

Спустя десять минут я направился в сторону корабля с двумя бесчувственными телами на плечах. Молясь, чтобы чужие не передумали.

Мою ношу изрядно потряхивало. Временами там, наверху, кто-то начинал бредить:

- Семен... ик... слышишь, друг? Эти ушастые ведь наших ученых за пояс заткнули. Помнишь бритву Оккама? Не множь сущности? А у хоботунов своя...ик... ой... и заточили ее так, что она теперь кровь... ик... пускает на раз! Бритва Айзенка такая... понял? Ну, Айзенк, который тест на ай кью... ага? Мол, нечего множить мозгов сверх необходимого... Да... А несогласным этой самой бритвой по...
- Тихо там, буркнул я и повел плечом с незадачливым оратором. Бритва, не бритва... Парикмахеры чертовы...

Алекс Тойгер

МИНУС НОЛЬ

Какая радость — умереть, подобно окрасившимся листьям, падающим в Цута. Ещё до того, как их коснулись осенние дожди!

Сайго Такамори

Небо размазалось струями воды. Мокрое поле с длинной липкой травой. На чахлой берёзе пристроился ворон. Невысокий покосившийся навес в три бревна, невесть откуда взявшийся тут. Кажется, в этом мире нет больше ничего — лишь дождь, бесконечное выцветшее поле и ворон с внимательными жёлтыми глазами. И двое под навесом. Девушка. Парень.

Косые струи беспрепятственно минуют дырявую крышу и бесследно исчезают, пролетев ещё несколько сантиметров. Над головой парня едва заметно мерцает силовое поле. Молчаливые неподвижные тени. Ворон на дереве. Внимательный жёлтый взгляд. Дождь.

Внезапно всё меняется. Вспышка и гул. Из потемневших сгустившихся туч падает чёрный град. Градины растут, наливаются стальным блеском. Притормаживают, не долетев до земли. Несколько секунд— и чёрное кольцо окружает навес. Тишина. Взмах крыльев на дереве.

Парень поднимает голову. Кидает взгляд на ворона, переводит его на спутницу... Доверчивые фиолетовые глаза. Тонкие подрагивающие ресницы... Быстрым движением он что-то подносит к её лицу. Негромкий хлопок, красные брызги, и в следующий момент ослепительно-чёрная вспышка, когда все градины разом смыкаются вокруг навеса.

Серые струи с небес. Покосившиеся брёвна. Ворон громко с наслаждением хлопает крыльями, срывается с ветки и исчезает в вышине.

* * *

Узкий чёрный коридор и вместе с этим ощущение огромного пространства вокруг. Пространство постепенно сужается, а коридор наоборот — становится шире. Я точно знаю — отсюда есть выход. Нужно пройти сотню шагов, и в конце появится лунная дорожка. Блики без воды и без Луны наверху — просто свет под ногами. Он помогает выйти наружу.

Однако, в этот раз что-то не так. Свет слишком яркий, словно фары из-за поворота. Он слепит и сбивает с ног. Делаю ещё несколько неуверенных шагов. Останавливаюсь. Поворачиваю обратно.

Поздно — меня выносит на открытое пространство. Это не похоже на

новую загрузку. Щурюсь, прикрываю глаза рукой. Дорожка света под ногами и ослепительный шар Солнца вверху. Открываю глаза.

Треск цикад, непроницаемая чернота за окном и луч света в лицо — будильник парит в полуметре от подушки. Непроизвольно пытаюсь схватить его рукой — бесполезно, он отлетает в сторону и продолжает беззвучную световую атаку. Чёрт, я ведь не собирался вставать ночью! Если только... Произношу пароль — перед глазами разворачивается полусфера терминала. Так и есть — входящий вызов. Пробегаю пальцами по клавиатуре. Будильник подлетает ближе, желая удостовериться, что я окончательно проснулся. Потом планирует на пол и выключается. Ранняя птица заводит утреннюю песню. В оконном проёме начинается рассвет.

— Ай! — миниатюрная девушка с огромными фиолетовыми глазами споткнулась, неловко переступила с ноги на ногу, на мгновение прижалась ко мне всем телом. — Простите, — длинные тонкие ресницы хлопают до-

верчиво и наивно, — я, кажется, сломала каблук.
Я слегка отстранился от неё, огляделся по сторонам. Потоки транспорта на нескольких уровнях. Редкие прохожие. Тусклые огни жилых секторов влалеке.

- Скажи, ты живая?
- Но почему... в глазах мелькает испуг.
 Ладно, забудь. Чего ты там рекламируешь? Я весь внимание...

Под болтовню вмиг повеселевшей девушки мы направились к далёким серым коробкам спального района. Обычный мэйд-спам, ежедневно пытающийся любыми способами выдать прохожим порцию рекламы. Глупо спрашивать живая ли она. Девчонка не знает. Впрочем, как и все мы.

Рассвет в проёме окна и утренняя птица. Строчки текста в терминале. «Я нашла! Загрузи карту. Юми». В голове слегка зазвенело — подгрузилась зашифрованная информация из сообщения. Терминал растворился в воздухе. Будильник снова беспокойно взмыл вверх, описал круг над спящей спам-девушкой и, убедившись что всё в порядке, улетел под кровать. Возвращаться в постель было неохота. Я подошёл к окну и выключил цикад.

Сон, похожий на загрузку в новое тело... Я отдал мысленную команду и повысил свой уровень до двадцати пяти процентов — немного больше разрешённого максимума. На мгновение перед глазами возникла картинка вскипающего мозга. Глупости, дурацкая мыслеформа, усвоенная в детстве. На самом деле, никаких физических ощущений. Просто мозг начинает

работать на четверть своих возможностей, только и всего. Ну, здравствуйте, «многие знания — многие печали». Мне и вправду есть что обдумать.

Я встретился с Юми год назад в заведении под названием «1984». Минус-бар — одно из тех мест, где удобно отключать мозг. Серые скользкие тени на танцполе. Низкий ритмичный звук. Вспышки света. И посреди всего этого она — с бумажной книгой в руке! Нечто инородное на празднике инстинктов.

Столик на двоих, синий значок «для искусственных существ» — пережиток недавнего прошлого. Девушка почувствовала мой взгляд, подняла глаза. Я нарисовал в воздухе белый вопросительный смайл. Она на мгновение задумалась, положила книгу в карман и нарисовала смайл жёлтого цвета. Не красный! Я покинул приятелей, успевших уже к тому моменту понизить уровень почти до нуля, и подошёл к ней.

— Юми, — и лёгкая улыбка уголками губ.

Я вместо ответа нарисовал смущённую зелёную рожицу. И дело тут было совершенно не в том, что Юми читала книгу в баре. Совершенно не в том.

Не люблю утренние встречи. В это время суток мозг особенно безза-

щитен. Даже если не разгонять его до четверти мощности.
— Вот, держи, всего 200 юаней, — Рик брезгливо протянул тяжёлый коричневый свёрток. Прищурился, заглянул в глаза: — Опять повысил уровень? Ох, доиграешься.

Я молча протянул деньги. Рик вздохнул, не глядя сунул купюры в карман, отвернулся. С крыши открывался увлекательный вид на ряд других точно таких же грязновато-серых крыш. Ниже — многоуровневые транспортные развязки, шум и суета. Выше — безразличное утреннее небо.

- Стопроцентная механика никто не засечёт. Даже знать не хочу, зачем оно тебе.
 - Скажи, ты живой?

Рик удивлённо поднял бровь.

- Это меня спросила Юми перед тем как исчезнуть. Живой ли я. А я и сам не в курсе. До первой загрузки думал, что знаю. А потом старое тело умерло, а я всё ещё тут — загрузился в новое.
- Чёрт, разгон мозга точно не доведёт до добра, Рик нахмурился, повернулся, чтобы уходить. Потом, будто раздумав, остановился. У неё уже наверняка другое тело, ходит где-нибудь рядом с тобой и посмеивается.

Он постоял ещё с минуту. Поднял руку, вытянул в сторону слепящего утреннего Солнца.

— Смотри, у меня внутри — кровь. Такая же, как у тебя. А ещё — мы дышим, и всё остальное тоже... в порядке. Но вот что у тебя в голове, я не знаю. А ты не можешь знать насчёт меня. В этом плане мы сами по себе — как отдельные вселенные.

Немного помолчал и продолжил тихим голосом:

— Всё перемешалось после принятия этой чёртовой «поправки Тьюринга». То есть, я раньше так думал. Но потом понял — закон всего лишь уравнял в правах наше внутреннее знание про себя и незнание про окружающих. Искусственные существа перемешались с настоящими. Им, то есть, возможно, *нам*, приказали забыть, кто они есть. И теперь ни один точно не знает — кто он на самом деле. Искин... человек... все равны. Это ли не истинная свобода?

Он исчез в проёме лифта. Я потоптался немного на месте, потом вызвал такси. Интересно, как там девушка с фиолетовыми глазами?

«Раз, два, три, четыре, пять — начинаем понижать!» — строчки рекламы на прозрачном куполе аэро-такси. Внизу — серые крыши домов. Утреннее Солнце безжалостно выхватывает все их грязные углы и потайные люки. Где-то там среди всего этого минус-бар. Тот самый, наш. Я не был в нём ни разу после исчезновения Юми.

— Я кое-что придумала, — так она сказала в нашу последнюю встречу, — кажется, я смогу узнать, кто есть кто, хоть это и незаконно. Существует единая база — список живых и список искусственных существ. Я связалась с нужными людьми. После мы сможем донести эту информацию до всех.

Долгий пристальный взгляд. Взгляд, которому я не придал значения.

- Наведённая реальность, тонкий изящный палец указывает на хрупкий невесомый цветок, парящий над углом столика. Настоящая реальность, палец указывает на сам стол.
- Наведённая, Юми рисует грустный смайл в воздухе. Настоящая, она сама грустно улыбается.
- Я должна найти границу между всем этим. Так не может продолжаться до бесконечности.
 - Смени лучше тело, посоветовал я невпопад. Она ничего не ответила.
- Знаешь, милый, мне снились овцы! девушка-спам сидит на кровати и лукаво смотрит сквозь густую растрёпанную чёлку. Что-то мне напоминает этот взгляд. А волосы у неё чудесного изумрудного цвета.
 - Я хотела тебе кое-что рассказать... продолжает она.

Но разговаривать некогда — почти насильно подключаю её к домашней системе и понижаю уровень мозга до трёх. Ей не привыкать — во время ежедневной сдачи тела в аренду она и так понижается до этого уровня. Иначе никто не попадётся на её рекламные уловки.

После выталкиваю девчонку за дверь. Мне тоже пора.

- Куда ты идёшь?
- В Икстлэн.
- Это далеко?

Молчу в ответ. Шум города, его истошные скрипы и стоны с каждым шагом всё больше превращаются в низкое неразборчивое бормотание. Ещё сотня шагов— и оно сольётся с шорохом травы под ногами.

Почему она увязалась за мной? Впрочем, она не помешает.

Будет дождь!

Девушка-спам внезапно останавливается, раскидывает руки. Волосы с запрокинутой головы сливаются с высокой колышущейся травой. Порыв ветра. Платье-парус. Всё это уже было... не помню сколько загрузок назад. — Пошли? — фиолетовый взгляд из-под изумрудной чёлки. Хорошо, что я понизил её уровень. Это наименьшее из моих престу-

плений, запланированных на сегодня. А дождь и правда будет. Возможно, с градом.

Капля воды, рождаясь высоко в небе, стремительно падает вниз, по пути вбирая в себя шум, суету, страхи и тайные желания серого города. Рядом с ней несутся миллионы других капель, готовые смыть всё на своём пути. Ещё секунда-другая, и они достигнут цели...

Пожилой мужчина в неприметном сером пиджаке поднял глаза вверх, слегка поёжился и включил защитное поле. — Так вот, сейчас мы дождёмся Ханну и полетим смотреть, что полу-

- чилось в этот раз, продолжил он.
- Ничего не получилось, я о том и говорю! высокий сутуловатый парень нервно смахнул с носа каплю дождя и переступил с ноги на ногу.
- Эхе-хе, молодой человек. А ты понимаешь, что именно должно было получиться? — мужчина зевнул, покосился на экран, развёрнутый перед ним в воздухе, хотел сказать что-то ещё, но раздумал.
- Да, я понимаю, очередной преступник будет перезагружен. Но почему... привет,, Ханна! — парень слегка подался всем телом навстречу девушке, появившейся из маршрутного лифта. Та молча подошла к экрану, несколько секунд, закусив губу, разглядывала изображение, после, не говоря ни слова, отвернулась. Мужчина сухо кивнул, погасил экран и направился к одному из аэромобилей, мокнущих на парковке.
- Интересно, они смогут когда-нибудь проникнуть в «Икстлэн»? ни к кому не обращаясь, произнёс парень.
- $-\,\mathrm{B}\, ext{«Икстлэн»}$? $-\,\mathrm{пожилой}\,\mathrm{мужчина}\,\mathrm{остановился},$ а потом вдруг тихонько и как-то по-детски начал смеяться. — Проникнуть в «Икстлэн», говоришь? Аты знаешь, почему он так называется? Люди в правительстве, с чьего ведома продолжает существовать подполье, отнюдь не дураки.

И, словно почувствовав, что сказал лишнее, сухо добавил: — Садись, полетели.

Высокая влажная трава на бескрайнем поле. Запах дождя. Едва заметно шевелятся листья на берёзке. Мы с рекламной девушкой сидим под небольшим деревянным навесом. В этом месте маршрут на карте, присланной Юми, заканчивается. Теперь нужно использовать то, что дал мне Рик.

Шум ветра незаметно переходит в звук приближающегося ливня. Небо темнеет. Первые капли хлёстко ударяют по навесу. Включаю силовое поле и придвигаюсь ближе к своей спутнице. Она, кажется, дремлет. Это нормальная реакция на пониженный уровень мозга. У нас ведь получится, Юми?

Негромкий шум у дерева. Хлопок. Раз... два... медленно поворачиваю голову и встречаюсь глазами с внимательным, всё понимающим взглядом... три... я никогда не задумывался, что собой представляет база... четыре... и зачем она вообще нужна — эта база... список настоящих существ и список искусственных, наведённая и настоящая реальность... но кто из нас более настоящий?

— Дождь должен был пойти ближе к вечеру, — словно извиняясь, шёпотом произносит девушка, направляя на меня тонкий изящный палец.

«Наведённая реальность...»

На кого она показывает? Внезапно я всё вспоминаю... пять — пора повышать! Моя рука сжимает тяжёлый свёрток. Бумага падает вниз. Стопроцентная механика. Щелчок предохранителя... фиолетовое взрывается красным!

Чёрный сужающийся коридор. Впереди должен быть выход. Кажется, что до него тысячи световых лет. Ты делаешь первый шаг, потом ещё один. Стены приближаются. Предчувствие света впереди. Ещё одна бесконечная секунда, и внезапно зажигается Солнце. Свет повсюду. Вместо коридора — аллея с огромными пожелтевшими деревьями. Осень. Ты идёшь по ковру листьев. Её следы впереди. Круглое полуразвалившееся здание. На верхнем этаже мелькает знакомый силуэт. Старая истёртая лестница. Надписи на полу. Много надписей. Юми стоит рядом и счастливо улыбается: «Ты нашёл», — и в следующий миг растворяется в воздухе. Измученное сознание отказывается анализировать. Ты склоняешься над полом. Надписи образуют сложный узор. Список имён прокручивается с огромной скоростью. Терабайты информации. Солнце опускается за горизонт. В последний момент оно образует дорожку света. Полёт наружу. Жёлтый взгляд ворона. Начинаем понижать. «100»... «99»... «98»...

- Лира! Очнись, Лира! кто-то бьёт по лицу наотмашь. Несколько встревоженных голосов позади.
- Где Юми? Кажется, будто я кричу, на самом деле из непослушных губ вылетает лишь жалкий стон.

- Где... Юми... слегка приоткрываю глаза. Тёмное помещение, терминал, несколько человеческих силуэтов. Поворачиваю голову.
- Добро пожаловать, преступница. Ты в порядке? девушка наклоняется надо мной. Взгляд совсем не злой. Внезапно осознаю, что её зовут Ханна. Пожилого мужчину сзади, кажется, все называют Ворон. Остальных я тоже знаю... должна знать. Новая информация продолжает подгружаться в мозг...

Ворон с Ханной переглядываются. Он начинает хмуриться. Она шутливо прищуривается, шепчет мне в ухо: — Милая, а кто это — Юми? Ещё немного, и я начну ревновать!

Девушка внимательно всматривается в мои глаза, слегка поглаживая по руке, потом отходит в глубину комнаты, начинает тихо о чём-то говорить. В помещении появляются новые люди. Привстаю на кровати, откидываю со лба непослушную зелёную чёлку. Образ Юми постепенно тускнеет, становится неживым. Словно слёзы, не пролившиеся из глаз.

Темнота сменяется светом. Минус-бар. Столик на двоих. Вместо Юми передо мной пожилой мужчина в неприметном костюме.

— На самом деле, людям не нужно знать правду. Это ведь очень удобно— в любой момент каждый может сказать: «Ах да, я ведь не человек! Возможно, не человек. Значит, мне позволено...»

Мужчина усмехается, подмигивает мне, тянет руку к бутылке «Джонни Уокера». Краем сознания отмечаю, что бутылка бутафорская — для придания антуража. В минус-барах мозг понижается без всех этих старомодных глупостей.

— Кроме того, — он откидывается в кресле, — кроме того, проводник, ты ведь понимаешь, почему проект называется «Икстлэн»? С одной стороны, он как бы существует, а с другой...

Бутафорская бутылка. Сны о реальности.

Я бегу по лунной дорожке. Она должна быть за поворотом — та, которая всё-таки нашла нас в этом мире! Вот только поворота нет. Вместо него круглое здание. На верхний этаж. Она только что ушла. Воздух ещё колышется от неслышных шагов. Пустота. Будто включаешь телевизор, а там «конец фильма». Надписи на полу. Два списка — синий и белый. Один — пустой. И второй — почти бесконечный. Здесь все мы.

«99»... «100»... переполнение... «– 0».

«Скажи, ты живой?»

Борис Богданов

ПАСТВА ДЛЯ ПРОРОКА

Спустились сумерки, и Исай Семёнович занялся ужином.

С натугой крутанул ручку под конфоркой, — она заедала, он так и не выбрал времени снять её и смазать пружину, а теперь уже поздно, — но огонёк спички не шелохнулся. Газ пропал давно, но Исай Семёнович упорно пытался, газ в трубах напоминал ему о старой жизни, о порядке, бестолковом, дурацком, но привычном, когда по улицам бежали авто, на остановках ругали правительство, а дома ждали жена, борщ и телевизор.

Мариночку зарубил патруль. Зарубил совсем рядом, она не дошла несчастную сотню метров до подъезда. Комендантский час, бравые бородачи плевать хотели, что старуха, что в руках авоська с овощами! Исай Семёнович ждал её у окна и видел, как всё произошло. Из-за больных ног Мариночка шла с трудом и не успела до срока... Он просил не ходить, уговаривал дождаться утра, и тогда уж как-нибудь сам, по стеночке!.. «К чёрту эти витамины! Что-то сердце у меня не на месте, — повторял он, — не ходи, не надо...» — «Куда тебе, — не поверила жена. — Тебя и спрашивать не станут, а мне можно, женщины им нужны. Пожалеют бабку».

Не пожалели. Исай Семёнович простоял тогда полночи, уткнувшись лбом в стекло, пока мог различать супругу в осенней хмари, затем впал в забытьё; назавтра тело уже убрали, осталось лишь тёмное пятно на асфальте.

Газа не было, но была спиртовка и бутыль спирта. Водопровод, как ни странно, работал, бородачам, видимо, не хотелось поить свои джипы водой из реки. Исай Семёнович приготовил плошку с крупой, нацедил сквозь шаль рыжеватой воды и поставил кипятить. Наверное, он предчувствовал что-то, когда закупался перловкой и гречкой. Пока сможет, будет варить каши, потом грызть сухую, только зачем, когда рядом нет Марины?

Пока грелась вода, подошёл к книжной полке, погладил гладкие корешки сухим пальцем. Ему не поверили. Ведь знал, предупреждал! Не послушались...

«Саранча на колёсах». Исай Семёнович потерял два года, пытаясь пристроить её в издательство. Умники в кабинетах крутили носами, смотрели странно и просили зайти позже. По электронке отвечали коротко: «Не формат» — или просто молчали. Исай Семёнович издал книгу сам, в местной типографии, принеся в жертву Египет и пирамиды. Ох, и ругалась тогда Марина! Что-то раздал друзьям и знакомым, десяток томов продал на рынке за копейки. Остальное — здесь...

«Последнее наступление». Он тогда — впервые в жизни — договорился со спонсором, и книга вышла на загляденье, не то, что первая. Твёрдый увесистый томик, желтоватая бумага; Исаю Семёновичу казалось, что страницы пахнут дыней и новыми надеждами.

Ничего не сбылось.

Роман завис на полках, покупатели проходили мимо, спонсор звонил всё реже и реже, потом совсем пропал. Исай Семёнович выкупил тираж частями, на сэкономленные деньги — чтобы не злить жену. Сотню экземпляров — без двух штук. Кто-то, всё-таки, позарился на его опус...

Третий и последний роман проглотила сеть. Сначала Исай Семёнович надеялся, что его прочитает умный редактор и свяжется с ним, но так никто и не позвонил.

В прихожей загрохотало. Колотили в дверь, нетерпеливо, требовательно, зло!

- Сейчас, сейчас!.. запричитал Исай Семёнович. Не вынесли бы дверь, с них станется. Как ему одному — и без двери? Призрачная, но защита. — Открываю уже...
 - Ты не торопился, старик. С дороги!

Смуглый парень в хаки и с коротким автоматом через плечо бесцеремонно отодвинул его в сторону и прошёл в комнату. За ним ещё трое. Молодые, бородатые, с чёрными весёлыми глазами. Раздался грохот, затем ругань: кто-то из пришельцев опрокинул стул.

- Золото есть?
- Что? не понял Исай Семёнович.
- Тормозишь? осведомился парень. Золото прячешь? Камешки, цепочки? Монеты?
- Нет, откуда у меня... развёл руки старик. Господин! парень больно схватил Исая Семёновича за локоть. Добавляй — «Господин Марк!» и будешь жить долго. Ты понял?
- Да... господин Марк, потерянно ответил Исай Семёнович.
 Так лучше... сказал парень, отвернулся и разразился резкой фразой на незнакомом языке.

Из комнаты ответили в два голоса. Марк усмехнулся:

— Зачем ты прячешь вещи от Братства? Это плохо.

Исай Семёнович привалился к стене и безучастно смотрел, как бородатые братья выносят постельное бельё и одежду, стулья и журнальный столик, как разбирают древнюю хрустальную люстру, как высаживают окно и выбрасывают наружу порубленный на куски диван. В конце концов, спать можно и на полу... Один из грабителей прошёл на кухню, захлопал дверками, вернулся и, скалясь, показал два пакета с крупой.

- Что же ты так, старик... протянул Марк. Укрываешь провиант? Это воровство. Придётся тебя наказать.
- Это еда... господин, прошептал Исай Семёнович. Всё, что у меня есть...
- Зачем тебе еда? издевательски рассмеялся Марк. Ты думаешь, Братство не накормит тебя?! Это клевета, а ты преступник! Братство справедливо, преступники не живут долго...

Он уронил автомат с плеча, щёлкнул предохранителем...

Заболело в груди; Исай Семёнович зажмурился. Вот и всё, Марина. Скоро мы будем вместе, теперь уже навсегда.

Громовой пульс в голове отсчитывал секунды: одна, две, пять мгновений жизни. Почему медлишь, гад?! Жалеешь пули, ждёшь, пока сам умру от ужаса? Страшно не хотелось дарить бородачу такое удовольствие...

Выстрела не последовало. Исай Семёнович приоткрыл глаза...

Братья сгрудились у этажерки с книгами и шёпотом переговаривались, кидая на хозяина квартиры быстрые взгляды. Потом Марк прихватил один том, — «Последнее наступление», — и подошёл к Исаю Семёновичу.

- Я передумал, - сказал он. - Не знаю, где ты взял эти книги, но ты сохранил их, поэтому мы тебя не убъём.

Исай Семёнович всхлипнул.

— Живи, — благодушно разрешил бородач и вышел в открытую дверь квартиры. За ним потянулись подручные, несущие стопки книг...

Они уходили... Они ограбили его, оставили без вещей и еды, а теперь лишали последней радости — его детища, плода многолетнего труда!

— He-eт!.. — взвыл Исай Семёнович. — Это моё! Это я написал! Отдай их мне!..

Господин Марк в два прыжка оказался рядом. Он схватил старика за воротник и дёрнул что было сил:

- Повтори, что ты сказал?!
- Это... моё... просипел Исай Семёнович. Это я... написал.

Марк ослабил хватку. С минуту он раздумывал, с изумлением глядя на старика, потом покачал головой и сказал:

— Если ты врёшь, то... не завидую я тебе.

Повинуясь его приказу, двое боевиков вернулись, сложили книги у стены и замерли рядом. Третий, грохоча каблуками, ссыпался по лестнице...

Вежливо постучали.

Марк сорвался с места, распахнул дверь и сделал шаг в сторону. В глазах его застыло обожание. Кажется, будь он собакой, то вилял бы хвостом и приплясывал на месте!

На пороге стоял невысокий полноватый человек. Аккуратная бородка обрамляла его лицо, дорогие туфли сверкали из-под брючных складок простого, такого же, как у братьев-грабителей, комбинезона хаки. На переносице человека сидели стильные очки в золотой оправе. Он обвёл взглядом окружающий разгром и вопросительно приподнял левую бровь.

- Две минуты, нойон! Марк молитвенно сложил руки. Я думал, тебе интересно увидеть...
 - Я увидел, обронил нойон.

Возникло лихорадочное движение. Скоро в разграбленной комнате появились два мягких кресла, а между ними стол, заставленный снедью.

- Садись, отец, сказал нойон. Разреши, я буду называть тебя так?
- Да-да... Исай Семёнович присел на краешек кресла. Нойон занял место напротив.

— Ешь, отец, — нойон подал Исаю Семёновичу пиалу. От запаха рот наполнился слюной. Исай Семёнович подцепил кусочек, стал неуверенно жевать...

— Это простое мясо, сваренное в молоке со специями, — пояснил нойон. — Извини, трудно быстро накрыть стол, который достоин тебя, отен!

Гость внушал ужас, но Исай Семёнович так давно не ел по-настоящему! Он очистил пиалу и не заметил, зато привычный голодный червь внутри чуть успокоился, задремал.
— Выпей, — сказал нойон. — После такого коньяка никогда не бывает

похмелья.

Да, коньяк был хорош. Исай Семёнович однажды пил нечто похожее, на дне рождения старого приятеля, преуспевшего в бизнесе. Жаль, потом их пути разошлись.

Нойон взял из стопки томик, бережно раскрыл на середине, прочитал:

- ...«хлынули сквозь узкие ворота как многочисленные оливковые, ощетинившиеся жвалами автоматов муравьи. Положили охрану на пол; прозвучали редкие выстрелы — кто-то не хотел сдаваться. Следом за солдатами пошли безоружные фуражиры, двое сопроводили Юльку с дочкой, сдали их капитану Спасскому из рук в руки. Жена прижимала Настёну к груди, шептала что-то лихорадочно, не глядя на Дмитрия». Сильные слова, отец. Кстати, кто такой Спасский?
- Начальник дежурного наряда, вяло проговорил Исай Семёнович. После выпитого в голове пошумливало и тянуло в сон. Его шантажировали семьёй... он пропустил... саранчу внутрь АЭС... Потом он присягнул и стал тысячным.
- Да, кивнул нойон. Настоящий охранник повесился. Мы coхранили его семье жизнь.

Исай Семёнович пожал плечами. Вряд ли участь иудиной семьи оказалась лёгкой.

— А вот ещё, — сказал нойон. — Этот кусок сорвал меня с места, повёл за собой: «Вы погрязли в грехе, вы забыли смысл жизни! Вы перестали понимать, чем человек отличается от животного, вы потеряли свою душу и сами стали животными! Вы отказались от великой цели, закопали её в землю и пляшете на её могиле! Вы посчитали себя выше Бога, вы отринули братьев и сестёр, тех, кто думает иначе. Ждите, наше терпение не бесконечно, скоро мы придём к вам!»

Он помолчал.

— Ты великий писатель, отец. Правда, это так. Мы учились на твоих книгах, они стали нашим руководством, нашим катехизисом! Только благодаря тебе мы победили, хотя иногда это было гадко. Когда мы брали резиденцию губернатора, я был готов возненавидеть тебя, но ты опять оказался прав!

«Последнее наступление», вспомнил Исай Семёнович. Диверсанты проникли внутрь через канализацию... Он сам, он своими руками... Старик уронил голову на грудь и заплакал...

— Теперь всё будет хорошо, отец, — произнёс нойон, вставая. — Проси

- всё, что хочешь.
 - Я не знаю...
- Неважно, сказал нойон. Всё, что хочешь. Марк будет рядом, только позови.
 - Моя жена... сказал Исай Семёнович. Её убили...
 - Мы накажем их, клянусь, ответил нойон.

Нойон ушёл. Исай Семёнович бездумно ел и пил и смотрел, как братья бегают с мебелью и коврами. Марк беспрерывно улыбался и был наготове. Ближе к полуночи они оставили его. Одного, наедине с богатой, крикливо-роскошной обстановкой. Штормило. С трудом добравшись до кровати, Исай Семёнович упал и выключился. На рассвете его разбудил стук топоров. Исай Семёнович накинул

халат и вышел на балкон.

Нойон не обманул. Братья сколачивали помост. Трое связанных боевиков сидели, понурившись, у стены. Понукаемые бородачами, к месту казни потянулись окрестные жители. Вышел глашатай и в наступившей тишине заговорил о справедливости и чести.

Исей Семёнович не слушал. Он безучастно следил, как обескураженных патрульных одного за другим выволакивали на помост, и как палач рубил им головы мясницким топором. Толпа трижды вздрагивала, головы падали с глухим стуком.

Дымилась на осеннем морозце кровь.

Было безумно обидно, что Марина не дождалась! Они могли бы дожить свои годы как люди...

Теперь ему придётся одному. Хотя... В толпе Исай Семёнович заметил несколько приятных женских фигур. Их уже изнасиловали и не по одному разу, братья охочи до женщин, но ведь он не гордый? Кликнет Марка, прикажет: в комнате поставят большую бадью, в ней всегда будет горячая вода. Там он станет лежать и ждать очередную магдалину.

Зачем ему старая жена?

Исай Семёнович поёжился от неуместности аналогий, глотнул стылого воздуха, вкусного, пахнущего свежестью и скорой зимой, вернулся в квартиру и повесился на крюке от люстры.

Дмитрий Иванов

ОБРАЗЕЦ ДОМИНИРУЮЩЕГО АБСУРДА

Характерная излучина реки напоминала ягодицы. Поэтому лётчики, не сговариваясь, стали называть её «Филькиной задницей» по фамилии бортмеханика Филькина, который прославился тем, что у него украли дерьмо при помощи лопаты на одной из буровых. Как украли, как украли. Он присел, а ему второй пилот лопату тихонько подставил. Долго, говорят, Филькин свои артефакты искал. Чуть с ума не тронулся. Решил, что приступ амнезии приключился на нервной почве. Недели две потом ещё о чём-то постоянно задумывался, заговариваться начал, с женой помирился, в кинотеатр раза два ходил и в шахматный кружок при доме пионеров записался.

После того анекдотического случая филейные части Филькина сделались предметом шуток и насмешек со стороны лётного состава небольшого северного аэропорта, который и аэропортом-то назвать нельзя, поскольку, кроме ВПП, рулёжек, стоянок для вертолётов, небольшого перрона и нескольких технических сооружений здесь ничего не было. Редких пассажиров, большей частью из нефтяников, регистрировал командир воздушного судна, сверяясь со списком от заказчика, поскольку и аэровокзал, и служба досмотра отсутствовали. А всеми перевозками и заявками заправлял хитрющий и острый на язык старичок. Имени и отчества этого замечательного человека никто не помнил, а называли его по фамилии. Вернее, даже не по фамилии. Использовали прозвище, образованное от неё. Першинг (в те времена, о которых речь идёт, название американских ракет средней дальности и мобильного базирования поминалось в каждом номере центральных газет) — от фамилии Першин. Таким вот образом.

Собственно, именно Першинг, пролетая мимо излучины реки, первым заметил:

— Ты только посмотри, какие изысканные очертания — прямо Филькина задница.

Экипаж — по счастью, не тот, в который входил бортмеханик Филькин, — встретил краткий спич служебного пассажира одобрительным ржанием.

Так с тех пор и повелось говорить между лётчиками:

- Почти дома. Влетаем в Филькину задницу.
 Сейчас Филькину задницу обогнём, и можно будет на посадку заходить.

Теперь о самом Филькине. Ничего в нём необычного не было: невысокого роста шатен неопределённо-среднего возраста, в меру начитанный, в меру работящий, в меру наивный, в меру пьющий, как и большинство советских граждан. Не дурак сходить «налево», если случай представлялся — хотя этим разве кого удивишь?

Но имелось у бортмеханика одно замечательное свойство, отличающее его от всех прочих граждан социалистической ориентации. Филькин постоянно попадал, а иногда и влипал, в самые разные истории, которые всякий раз приводили в восторг весь лётный отряд. А зачастую и семьи вертолётчиков — это если без «картинок». Амурные похождения между собой в экипажах обсуждали, но жёнам — ни-ни! Кодекс чести «полярного воздушного волка». С этим разве поспоришь!

В тот раз получилось с «картинками».

В числе прочих членов экипажа Филькина командировали на учёбу в УТО (учебно-тренировочный отряд). В авиации аббревиатуру УТО расшифровывают сообразно пониманию реалий: УТО — устал, товарищ? Отдохни!

Вот и отдыхали, кто как мог. Что называется, в меру испорченности и денежного довольствия, утаённого от супруги в виде неубиваемых заначек. Филькин наэкономил достаточно, чтобы позволить себе несколько раз за время повышения квалификации посетить не самый захудалый ресторан республиканского центра.

захудалый ресторан республиканского центра.

Как известно, в таких ресторанах часто происходят неожиданные, а иногда и очень ожидаемые — планируемые — встречи. Вот и у Филькина, завернувшего «на огонёк» после занятий однажды получилось романтическое свидание с прекрасной дамой. Бортмеханику не пришлось прилагать каких-то усилий, чтобы добиться расположения кокетливой прелестницы. Хватило всего только одной бутылки коньяка «Самтреста» о трёх звёздах на фасаде, двух салатов оливье, которые местные повара назвали: один — «Столичным», другой — «Московским», и двух чашек отвратительного пойла, проходящего по меню под псевдонимом «кофе натуральный».

Отправился Филькин проводить даму в её, так сказать, пенаты, где она проживала разведённым манером уже года три как — сама рассказала, чирикая без умолку. Понятное дело, бортмеханик представился неженатым самостоятельным мужчиной, чем привлёк внимание женщины. Поэтому она решила сыграть с ним в «настоящую любовь». Что сие значит, спросите? А то и значит, что отдавать первому встречному Филькину свою изрядно потраченную временем целомудренную наивность целиком дама не спешила.

«Ах, вы просто вскружили мне голову! Нельзя же быть такой ветреной». «Вы так призывно дышите, будто марал в пору весеннего гона». «Потрогайте, как трепещет моё взволнованное сердце... Да не суйте руку под плащ, холодно же!» Надеюсь, вам несложно будет представить, что

могла говорить одинокая очаровательная особа бальзаковской поры, чтобы завлечь жертву в свои сети.

Филькину ничего не оставалось делать, как только показать избраннице, что он верит в чистоту её помыслов со всей своей наигранной искренностью, на какую был способен. На самом-то деле ему просто хотелось склонить даму к немедленному и оперативному сожительству, но поскольку та манерно сопротивлялась подобному развитию событий, пришлось ей подыграть. Дело, разумеется, затягивалось, но самолюбие не позволяло разгорячённому бортмеханику бросать его на полпути.

В первый вечер Филькин долго заливался соловьём возле подъёзда избранницы, но приглашён в дом так и не был. «Ах, милый, не сейчас. Я не могу так скоро. Мне нужно немного осмыслить происшедшее». Думаю, вы и сами, наверное, не раз слышали подобную чепуху. Бортмеханик, как водится, тоже. Поэтому он, горько про себя сожалея о напрасно потерянном времени, резко повернулся в сторону гостиницы, тренирую на губах модную в те времена фразу: «Мадам, уже падают листья...» с фатальными для не разгорающегося романа последствиями.

Мадам верно поняла намерения кавалера, и готова была капитулировать, но мысль о перспективе обзавестись настоящим мужем засела в её хорошенькой головке и вступала в противоречие с желанием, которое, впрочем, не было настолько сильным, поскольку накануне её квартиру посетил коммивояжер по фруктовой части из славного города Агдама. Она добавила в голос трагического пафоса Орлеанской девственницы и сказала:

- Дорогой, я и вправду не могу так скоро. Ты прости, пожалуйста. Мне необходимо хорошенько всё обдумать.
- Только недолго думай, Марго! ответствовал великодушный Филькин.- До завтра и ни секундой больше. Удовлетворённые собственным благородством герои расстались,

сговорившись встретиться в том же ресторане через сутки.

Обратную дорогу бортмеханик помнил хорошо, но время было позднее, и он решил немного сократить путь, двигаясь через дворы. В одном месте прямо перед Филькиным оказалась строительная площадка многоквартирного дома, и он, не задумываясь, двинулся через территорию, заваленную рабочим мусором: досками, мешками с окаменевшим под дождём цементом, обломками кирпича. Ловко маневрируя среди навалов культурного слоя современности, бортмеханик не заметил ловушки. А западня эта представляла собой яму, в которую слили остатки неиспользованного в вечернюю смену битума нерасторопные рабочие. Вероятно, позднее хотели скрыть от прораба, чтобы тот не уменьшил объёмы выполненных работ, закрывая наряды.

Осенний ветер дружелюбно припорошил яму великолепием опавшей листвы, и при слабом свете луны она стала практически неразличимой, слилась с естественным ландшафтом. Когда же ноги Филькина погрузились в тёплую, застывающую массу, напоминающую разогретую жарким африканским солнцем вязкую резину, бортмеханик сначала ничего не понял. Но потом, когда сделалось невыносимо горячо, он вылетел на волю невероятным движением, напоминающим отчаянный

рывок лося, угодившего в трясину.
Оказавшаяся неподалёку лужа спасла героя от участи Маресьева и одновременно наградила новомодной обувью на вполне себе эластичной платформе — битум в водной среде застывал равномерно.

Кое-как Филькин доцокал до гостиницы и поднялся в свой номер, где его родной экипаж «расписывал пулечку» на троих под спирт и крутые яйца без хлеба — всё, чем оказался богат местный буфет перед закрытием.

Вид очертеневшего до колена бортмеханика сначала ввёл народ в легкомысленное состояние, а потом стало не до шуток, поскольку Филькин всё время постанывал и просил оказать ему помощь. Лётный состав принялся проводить операцию по извлечению пострадавшего из битумной коросты. Туфли и носки кое-как отодрали с небольшими потерями кожного покрова, равно как и брюки, которые, правда, пришлось обрезать под коленями. Насколько болезненна было процедура столь необычной эпиляции, лучше спросить у самого Филькина. Но он как мужчина скромный и терпеливый вряд ли об этом расскажет.

Раны обработали какой-то мазью из обнаруженной у дежурного гостиничного администратора аптечки, после чего наступил тихий час. Утро совершенно точно подтвердило — бортмеханик на занятия идти не может. Не в чем. Нет, носки и ботинки у него ещё были, но вот брюк больше не оказалось. Не отправляться же за знаниями в неловко обрезанных бриджах или тренировочном костюме, право слово.

Так что до самого вечера Филькин мог спокойно зализывать раны

Так что до самого вечера Филькин мог спокойно зализывать раны и приводить свои мысли в порядок. Вернувшийся с учёбы экипаж принёс герою только что купленные вскладчину брюки, и бортмеханик решил действовать. Не слушая уговоров командира, который умолял пощадить кровоточащие до сих пор ноги, Филькин перебинтовывался и чистил пёрышки, готовясь к свиданию. Сегодня ночью он точно сделает то, что должен сделать настоящий мужчина с настоящей женщиной... и, наверное, даже не один и не два раза. Слишком дорого дама республиканского значения для него теперь обходилась.

Незадачливого героя-любовника сопроводили в ресторан, помогая приноровиться к хромающей походке недоваренного полуфабриката. Зато там уже, почуяв томительный сладкий запах заграничных духов «Сигнатюр», Филькин расходился и даже попытался изобразить со своей дамой танец любви и страсти под мелодию «Воздушная кукуруза»

композитора Герхона. Правда, через три такта ему нестерпимо захотелось замереть в позе «остолбеневшая жена Лота на приёме у народного целителя Эскулапова», но вечер всё же прошёл успешно. Дама пожалела своего кавалера, и домой к ней они отправились на таксомоторе, по советской традиции заплатив два счётчика из-за позднего времени.

В голове одинокой женщины роились самые радужные надежды вперемешку с самыми смелыми фантазиями. Если мужчина сдержал слово и пришёл, несмотря на все полученные повреждения, то возможны — ах, страшно подумать! — перспективные отношения. В голове же Филькина было лишь одно — расплатиться с дамой за все свои вчерашние напасти. И поскорей. Он отчего-то считал, что именно женщина послужила причиной тому, что он лишился нескольких предметов своей одежды.

Приехали, поднялись в квартиру. Кофе-коньяки, охи-вздохи над эпилированными ногами, слово за слово, тычинкой за пестик. Долго ли, коротко ли, только побежал Филькин в ванную комнату, душ принял. Дама ему экскурсию по спальне провела. Не спальня — будуар. Огромный румынский сексодром с французским названием «Луи XV», трельяж и горка, заставленный пузырьками, пузырёчками, баночками и прочими сосудами, полными бальзамами от самой Клеопатры, не иначе. Что ещё? Два мягких пуфика, на полу длинноворсовый ковёр, чтоб босиком было не холодно ступать даже в зимнюю стужу с коммунальными социалистическими сквозняками.

Забрался Филькин под одеяло. Полумрак в будуаре. Один лишь какой-то любопытный фонарь с улицы неоновым глазом за штору пытается заглянуть. Пялится, но без толку. Тогда же ещё не привык народ мудями в окно трясти для саморекламы. Теперь — дело другое. Только фонаря того, поди, уже нет. Новый на его месте воздвигли. В качестве памятника внезапно торжествующего капитализма.

Дама водой в ванной плещет. Фырчит, будто котик или корова морская. Вот-вот выйдет оттуда, словно Ботичеллиева Венера... В коротеньком пеньюаре — как из пены морской. Хорошо Филькину, раны на ногах ныть перестали. Лежит себе, тени от ещё не облетевших тополей на потолке рассматривает. Славно ему, покойно. Знает, что теперь-то своего точно не упустит.

Но тут случилось непредвиденное.

Бортмеханик категорически пукнул. Негромко (соседи не услышали, несмотря на декоративность капитальных стен), но очень... ёмко. Нет, не так. Назову вещи своими подлинными именами, не прячась за псевдонимами приличий — пёрнул Филькин: вонько и со значением. Тут же вскочил. Решил загладить, так сказать, пока не ставшую явной вину. В полумраке добрался до трельяжа, взял с тумбочки красивый пузырёк... без спрея (в те времена распылитель был редкостью), но

с пульверизатором в виде резиновой груши, и принялся сбрызгивать, прикрыв горлышко пальцем, окружающий атмосферный столб и свою недавно вымытую голову. Духи за минуту другую вряд ли неприятный запах забьют стопроцентно, но всё равно эффект быть должен.

После совершённых деяний, вызванных исключительно благородством и человеколюбием, Филькин снова нырнул в постель, подозрительно принюхиваясь. Духами или иным парфюмом отчего-то не пахло. Странно, вроде бы и насморка нет. Бортмеханик включил торшер и взглянул на себя в зеркало. Увиденное привело его в состояние шока. В красивом пузырьке с пульверизатором оказалась банальная зелёнка. Зачем, для какой цели хозяйка держала *Viridis nitentis* вместе с духами и косметическими средствами да ещё в изысканном флаконе? Думаю, объяснить можно просто. Одинокая женщина, встретившаяся на пути бортмеханика, была Дамой с большой буквы и не могла себе позволить никакого снадобья в *некрасивой* упаковке.

Филькину, однако, в тот момент ничего подобного в голову прийти не могло, поскольку открылась дверь. На пороге с застывшим визгом в распахнутой настежь глотке вспенивалась розовая хозяйка. Виды, которые перед ней открывались, были впечатляющие: возле трельяжа стоял обнажённый мужчина с перебинтованными лодыжками и лицом в многочисленных оспинах бриллиантово-зелёного оттенка, сливающихся в единую изумрудную лужайку близ левой щеки и кадыка. Примерно таким же оттенком были раскрашены ковёр, наволочка, занавеска и часть некогда кремовых обоев.

Думаю, что не стоит объяснять, отчего Филькин заспешил к себе в гостиницу, даже не распрощавшись как следует с гостеприимной хозяйкой. Он снова выбрал короткий путь по дворам и через злополучную стройку. Но теперь-то уж бортмеханик знал, где его может ожидать подвох. Он тщательно обогнул место своего вчерашнего провала в битумное озеро и...

Бортмеханик был советским человеком, но не до такой степени, чтобы понять логику пролетария. В тот день на стройплощадке снова случилась неполная выработка битума, но выливать его в одно и то же место — занятие скучное...

Зеленомордый Филькин с чёрными копытами, в которые превратились его вторая пара обуви и новые брюки, произвёл на икающий от затяжного смеха экипаж неизгладимое гомерическое впечатление. Командира звена, который увидел всё великолепие бортмеханика самым первым, когда отправился перед сном в коридор покурить, только к утру пришёл в чувство. Да и то лишь после приёма контрастного душа.

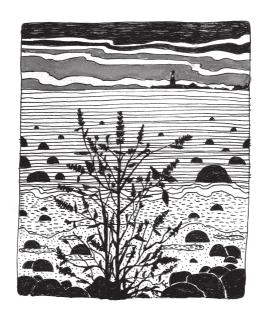
- Мужики, я же тоже мужик! Правда-правда. Вы поймите... - хорохорился Филькин, когда его вновь отделяли от присохших к ногам

штанин и оттирали с лица следы ушедшего в безвозвратную даль лекарственных летних лужаек.

Ага, повезло, что зелёнка... А если бы йод... Да ещё в глаза.

Хорошо, что следующий день был выходным в учебном процессе, и за это время бортмеханик сумел подлечить дважды обожжённые ноги и дождаться, пока ему из дома передадут с оказией новые штиблеты и штаны.

Вот так порой и случается, когда судьба тебе намекает, что не стоит, мол, размениваться на мелкие грешки, а ты её не слушаешь... А вы говорите, будто в одну воронку снаряд дважды не падает. Да, в общем-то, не падает. Но зато в разные ямы с битумом... и одной парой ног — вполне себе. С нашим удовольствием, как говорится. Прекрасный образец доминирующего абсурда.

Евгений Гаркушев. Тимур Алиев

Ë

Тим брел по цветочному рынку, выбирая букет для любимой. Хризантемы — для мужчин и старушек, гладиолусы — для юбилеев и прочих торжественных случаев, розы Лиз любит, но нельзя же каждый раз дарить розы? Ромашки. Несколько ромашек в большой пластиковой вазе словно улыбались и подмигивали Тиму.

- Беру все, Тим улыбнулся черноволосому продавцу.
- Вах, какой клиент! И цену не спрашивает! Ничего, я скину. Ромашек осталось совсем мало.

Тим полез за бумажником и обнаружил, что его нет. Забыл? Украли? Банковских карт тоже не было.

- Э, денег нет? Бери в долг. Потом принесешь, широко улыбнулся продавец. Я знаю, ты не обманешь.
 - Я не могу в долг. Подожди, я сейчас принесу деньги. Они в машине.
 - Бери, ромашки нынче редки.

Уступив настойчивому продавцу и намереваясь вернуться сразу же, Тим вышел на улицу. Машины не было! И не было Лиз, которая оставалась в машине.

Тим лихорадочно оглядывался: где Лиз? Что с ней?

А по улице неизвестно откуда несся ее крик:

— Ё...

* * *

Телефон звонил настойчиво, упрямо. Тим выбежал из душа, схватил трубку.

- Лиз?
- Привет! Как дела?
- Отлично. Ты где?
- Знаешь, я не смогу сегодня с тобой встретиться
- Почему?
- Я занята.
- Чем же ты занята?
- У меня дела.
- Но я надеялся, мы сходим пообедать. А потом погуляем...
- Извини
- Ладно, не проблема. Может быть, освободишься к вечеру? По-катаемся на машине?
 - Я то-то не хочу кататься.
 - Лиз, что-то случилось?

- Нет.
- Точно?
- Может быть, и случилось.

Голос девушки звучал тревожно.

— Что? Срочно говори, где ты? Я приеду!

Лиз отчаянно закричала:

— Ё...

* * *

В небе сверкнуло багровым. Разряд молнии словно копьем пронзил затянутое тучами небо, развалив его на две половинки. Сквозь прореху потянуло золотисто-голубым — лучи солнца пробивалось сквозь поредевшие тучи.

— А погода-то налаживается, — спохватился Тим. — Может, наше свидание наконец-то состоится...

Они условились накануне, допоздна переписывались, уговаривались после работы погулять по парку. Их планы нарушили ливень и ураган. Дождь лил, словно на всю жизнь вперед — какие тут прогулки? И вдруг прекратился. Только холодом сильно тянуло. Тим потянулся за лежащим на краю столика мобильным. Экранчик уже светился. Пришла эсэмэска от Лиз. Она, как всегда, опередила его, вечного увальня.

«Я отпросилась на час раньше. Заедешь за мной?» — спрашивала Лиз. Она написала сообщение еще часа полтора назад! А он, как вернулся с совещания и бросил мобильник на стол, так и не снял его с беззвучного режима. И не проверял. Какой смысл, когда на улице ураган.

Тим схватил мобильник, выдернул из розетки зарядник — телефон шалил в последнее время, разряжался очень быстро — и выскочил из кабинета. Теперь лишь бы не пробки.

На светофоре он отписался — «выехал с работы, еду», получил в ответ — «вышла с работы, жду тебя», и сразу же уткнулся в хвост гигантской пробки, что втягивалась вглубь аллеи и тянулась на всю ее длину. Он дернулся пару раз, пытаясь выскочить из окружения, но только нарвался на сигналы недовольных водителей.

Потянулся за мобильником, чтоб предупредить Лиз, и обнаружил темный экран. Батарея села некстати. Полез в карман за зарядкой, но там было пусто. Проверил бардачок, подстаканники — ничего. Полез под сидение — чуть не ткнувшись в бампер машины впереди, — снова нет.

Как же предупредить Лиз? Тим представил, как она стоит у края дороги, высматривая его и наталкиваясь на липкие взгляды проезжающих водил, и заскрежетал зубами.

А вдруг еще осталось немного зарядки? Он попробовал включить мобильник, и, о, чудо! экран осветился. «Тут пробки, — успел написать

Тим, - ё... ё... * Чертова *е» - первая в слове *еду» - никак не желала пропечатываться. Нахальный Т9 почему-то все время заменял ее на *е».

Перед тем, как погаснуть, телефон словно грустно шепнул ему голосом Лиз:

— Ё!...

* * *

Тим стоял на мосту и глядел в холодную темную воду. Смеркалось. Фонари на набережной горели мрачно, тускло.

Лиз не было. Она не звонила, не присылала сообщений. Но он надеялся встретить ее. Чуть позже, когда она будет выходить из театра.

Тянуло холодом и дымом. А на зубах почему-то скрипел песок. Откуда он здесь.

— Эй, паренек, закурить не найдется?

Три мрачные фигуры возникли позади бесшумно. Наглые взгляды, золотые зубы. Иллюзий по поводу встречи Тим не испытывал.

– А то. Найдется...

Тим полез в задний карман, где обычно лежал нож. Выхватить, раскрыть одним движением, полоснуть ближнего по лицу, второму подрезать руку. А дальше видно будет.

Карман был пуст. Тим вспомнил, что надел другие брюки. Ножа нет. А без ножа шансы так себе. Хорошо, что Лиз не подошла. Можно просто убежать. Но подонки контролировали пространство. Тим попытался коротко ударить ближнего левой рукой. Тот легко увернулся, болезненно ткнул Тима в грудь и показал нож, который прежде прятал за спиной.

— Выворачивай карманы, фраерок, а то подрежу!

Тиму было не слишком жаль денег или вещей. Но он подозревал, что подрезать его могут после избавления от ценностей ради забавы. Или для того, чтобы некому было писать заявление в полицию. Тем более, денег у него в карманах хватало.

Он резко опрокинулся назад и полетел вниз. Сердце ухнуло. Холодная вода приближалась.

По набережной стучали каблучки. Когда холодная вода обожгла все тело, и особенно голову, в мозгу словно взорвался крик Лиз:

— Ё!..

* * *

— Тим, прекрати, — взмолилась Лиз, — мне страшно.

Он словно не слышал ее, балансировал на краю обрыва, перехватывая руками корявые, обросшие мхом деревца, иногда якобы оскальзываясь и явно наслаждаясь ее непритворным испугом.

Лиз поежилась, потуже затягивая шнуровку на капюшоне — то ли от холода, а в горах даже поздней весной оказалось зябко, то ли от испуга.

— Хватит! — наконец сердито сказала она и с угрозой добавила. — Иначе я прямо сейчас возвращаюсь к нашим.

Они специально оторвались от основной группы туристов, чтобы остаться наедине — что никак не удавалось, пока они все в одной машине тряслись несколько часов по грейдерному серпантину. Остальные, стоило им добраться до этой предальпийской поляны, покрытой нежным травяным пухом, тут же принялись готовить шашлык. А они, не сговариваясь нарочно, двинулись вдоль края ущелья, по дну которого пенился еле видимый отсюда горный ручей. И вот теперь Тим, от которого она ждала ласковых признаний и, кто знает, может быть, и теплых объятий, глупо дурачился.

— Какое здесь большое небо! — наконец сказал он, правой рукой обводя широкий полукруг.

Лиз оглянулась — прямо над ней парила большая птица.

- Да, легкой с иронией поддакнула она, оно такое же большое, как и мое сердце. Правда?
- И мое, тихо сказал Тим и шагнул к ней. Его левая нога вдруг поехала назад, промокший кед заскользил по росистой траве. Стремясь удержаться, Тим ухватился за деревце у обрыва, и с громким щелчком сухая ветка треснула, опрокидывая его в глубокий провал за спиной. Он выбросил одну руку вперед, словно надеясь, что Лиз успеет удержать ее, и она рванулась к нему, но не усела, а сама заскользила по глине.
- Только бы она удержалась! молнией пронеслась мысль. Пусть я упаду! Но при чем здесь она?

Последним усилием Тим поднял голову, но не увидел Лиз. Лишь покачивались кусты барбариса у обрыва. И звучал в ушах нескончаемый крик:

— Ё!..

* * *

Ярко-красный «Феррари» мчался среди дюн. Тим улыбался, гладил коленку Лиз, которая щурилась на солнце и кивала головой в такт музыке, которую Тим не слышал. Лиз сидела в наушниках, а он не слишком любил музыку.

В кронах сосен шумел ветер. Ветер с моря, крепкий и соленый. Иногда он поднимал целые кучи песка, и на машину словно бы обрушивался снежный дождь, хотя до зимы было еще очень далеко. Вдали бродили тучи. Вот на половину неба сверкнула молния. Но до дождя еще далеко...

«Феррари» миновал поворот, Тим прибавил скорость и не успел заметить песочный перемет на дороге. Несколько следов протектора

отпечатались в песке — перемет не сложно переехать. Но если ты не несешься со скоростью сто девяносто пять километров в час.

Машина вылетела на полоску песка и сразу пошла юзом. Тим отчаянно крутил руль, пытаясь выправить курс. Сейчас, десять-двадцать метров, скорость погасится, и дюна. Автомобиль воткнется в мягкую дюну и все будет хорошо. Как там Лиз? Тим скосил глаза на подругу и увидел, что от ее рас-

крылся. Девушка кричала:

Тим поднял глаза. И на него обрушился звук:

— Ёёёёёёёлка, Тим, ёлка!

Песок. Несколько полевых ромашек на полянке. И огромная, просто сказочная ель. Только сказка была страшной.

Удар о ствол был ужасен. Подушки безопасности сработали, но металл мялся, как пластилин. Ель была старая, прочная, кряжистая... Она ломалась сама, но ломала металл и тела...

* * *

Крионический комплекс в Новой Риге— довольно мрачное здание. Здесь нет саркофагов— только хрустальные контейнеры. И заиндевевшие головы со свалявшимися волосами и закрытыми глазами. Головы стариков и старух, головы зрелых мужчин и когда-то красивых женщин, головы молодых людей и очаровательных девушек. К каждой голове подведен экранированный электрокабель. Каждые десять секунд мощный конденсатор выдает разряд, который проходит через мозг каждого клиента хранилища, замороженный до минус ста девяноста пяти градусов по Цельсию. Согласно теории, такая электроактивность позволяет мозгу жить. И, возможно, даже находиться в сознании. Ту долю секунду, когда по нейронам течет электрический ток.

Какие сны видят в это время люди, чьи головы хранятся в жидком азоте? Общаются ли они между собой? Продолжают ли любить друг друга?

Возможно, они вспомнят, когда медицина и техника дойдут до того уровня развития, что их воскресят. Если дойдет. Если с хранилищем ничего не случится.

Но пока сны клиентов крионического комплекса— это сны кота Шредингера. Они и есть, и их, в то же время, никогда не было.

Игры как они есть

Галина Соловьева

ЗА ЧТО ЗАПЛАЧЕНО

День торга с судьбой. Каждый знает, что это значит. Тебе исполняется двадцать пять, и ты приходишь в Храм Судьбы. Один. Там ты один, даже если вместе с тобой в городской храм вошла дюжина твоих сверстников-»однодневок».

Темнота и светлая точка впереди. Твоя монета — все, что досталось тебе от рождения; все, что ты накопил за первые свои четверть века. Выбирай товар по цене. Деревенский придурок попросит большую-большую конфету; увидит ее в светящейся точке на краю света — и к его ногам протянется лучик-дорожка. Легла к твоим ногам — куплено! Не дотянуло — товар не по карману. Проси конфету поменьше — или кусок хлеба на каждый день, или богатство и почет, или сто лет здоровья — торгуй, торгуйся. И помни — товар возврату и обмену не подлежит.

* * *

Они с детства были «жених и невеста». Они даже день рождения праздновали вместе— не брезговала ее семья пригласить в гости мальчишку из простых, одноклассника дочери. Настоящие демократы, гордость республики. Они любили друг друга чуть не целую четверть века. И вместе вошли в храм. И встретились у выхода.

— Я попросила от тебя сына! И успеха тебе! И еще — чтобы ты меня любил, просто на всякий случай. Это не дорого, ты ведь и так меня любишь, да? Хватило... На самое главное хватило! А ты?..

Он молчал. Она удержала его за плечо, зашла спереди, заглянула в лицо.

— Не можешь сказать?

Он дернулся, и она торопливо, виновато забормотала:

— Я понимаю, конечно. Это же очень личное. Извини, что влезла. Пойдем, мои праздник приготовили, и твои будут — их заранее пригласили. Мне не говорили, но я пронырливая, все знаю!

Она уже улыбалась, увлекая его вперед. Но теперь уперся он.

— Нет, я скажу. Тебе скажу. Только... только тебе, ладно?

Девушка молча кивнула. Большего и не нужно было; она даже в детстве не врала — вроде бы просто не умела.

- Я взял врага.
- Что-о?
- Врага.
- ?...·

У него никогда не было врагов, — думала она. — Он мягкий, ласковый, не любит никого сердить. А от задир его, пожалуй, прикрывала моя дружба. Что он себе придумал, бедняга? Что вбил себе в голову? Услышал какую-нибудь глупость? «У кого нет врагов, нет и настоящих друзей»? Или решил испытать себя? Или...

Пока она думала, он говорил. Быстро, взволнованно, многословно.

— Ну, помнишь — у вас дома всегда говорили, что Империя душит нашу маленькую Республику? Как дают деньги всякой сволочи, чтоб покупали себе сторонников, перекрывают торговые пути, переманивают лучшие умы, давят всякого, кто осмелится поднять против них голос... И никто не осмеливается вслух назвать империю врагом, да? «Наш благожелательный сосед»... Вот — я решился. Теперь император — мой враг. Я его, а он мой. Без уверток.

Это очень дорого оказалось, ну и пусть. Замахнуться на тирана — это такой успех... слушай, ты же мне успех купила — ты меня спасла просто, я чуть не заплакал, когда на победу не хватило, а тут ты... значит, будет победа! Я-то думал — умру героем: покушался на тирана, убит могучим врагом, запомнят хоть, но если победа... это ведь и слава, и наша власть... всё, всё! Какая ты умница, любимая, ты гораздо умнее меня! Мы с тобой... любимая...

Она оборвала поток слов одним своим.

- Как?
- Ну... я давно думал. К нему подобраться не так уж трудно. Охрану он презирает, даже во время «дружеских визитов» только наши лизоблюды охраняют. Можно подобраться. Кинжал на каком-нибудь собрании, яд...

Ее глаза всегда были теплыми, карими, а теперь остыли, позеленели. Как это говорится — смотрит, будто в первый раз увидела.

- Зря.
- Что зря?
- Зря я взяла твою любовь. Подло это было. Прости. Зато успех, это хорошо. Ты поймешь, что эта любовь — ребячество, и захочешь другой, большей, такой, чтобы эту затмила. И будет тебе успех. А от меня останется такое милое детское воспоминание. Передай моим — я уезжаю, чтобы начать все сначала, пусть не сердятся. Пожалуйста передай.

Она давно скрылась в толпе, а он все стоял, оглушенный. Потом бегал по городу, искал, поднял на ноги ее родителей... Люди влиятельные, они очень скоро дознались — да, уехала. В ее семье уважали чужую свободу. С дочкой все в порядке, она хорошая девочка, справится. Захочет — вернется. Праздника, конечно, не получилось. Только под утро, уже засыпая, он вспомнил: она же еще сына от меня выторговала... И уснул, успокоившись.

* * *

Чем заплачено, того нет. В двадцать пять начинай сначала. Гол как сокол и покупка впридачу.

Он эмигрировал в Империю. Был не из тех лучших умов, которых заманивали пряниками, но и не дурак. Нашёл работу в императорском дворце. В самом низу. Был усерден и расторопен. До императора с этой нижней ступеньки было не ближе, чем с родины, но он был терпелив. Знал, успех его ждет.

Его заметили.

— Император распорядился собрать группу подающих надежды иммигрантов для продолжения обучения. Есть вакансия в финансовом училище. Вы ведь из Республики? Вашей родине нужны финансисты — вернетесь на коне.

В училище он понял: Империи тоже нужны были финансисты в Республике — и разобрался, зачем. Что ж, каждый шаг наверх — шаг к императору. Предположим, однажды тот появится на банковском форуме...

Он вернулся и сделал карьеру — имперское образование! Он умело направлял финансовые потоки — не во вред Республике, не в ущерб Империи, не в обиду себе. Бедный финансист — абсурд! Он поднимался — немалый успех купила ему десять лет назад та глупая девочка, которую он по сей день любил — втайне, так же, как втайне ненавидел императора.

* * *

В храме луч-дорожка до цели прямо и светло ложится к твоим ногам. В жизни приходится порой вилять. Но за что заплачено — то куплено.

Хорошие люди из Империи, верные друзья маленькой Республики предложили ему пойти в политику. «Такой человек, как вы, многое сможет сделать для своей страны».

- Наш народ не любит банкиров, возразил он.
- Да, простой народ не понимает, как много дает ему мощный капитал: рабочие места, общий уровень благосостояния всего этого не объяснишь простому работяге. Но вас поддержат лучшие умы вашей родины. Что касается народа для него нужно создать яркий образ. Друг демократии, хороший семьянин... кстати, почему вы еще не женаты?

— С любовью не сложилось. А так, ради образа... нет, это не для меня. Она появилась через несколько дней —прекрасному врачу, прославившемуся смелыми и яркими памфлетами, к тому же, что говорить — просто красивой женщине совсем не трудно нечаянно столкнуться с крупным финансистом. Общих знакомых, общих мест — хватает.

- Ты меня еще любишь, да?
- И ты меня?...

— Это не так уж важно. Главное — так надо.

Она никогда не врала — не умела.

Об их свадьбе, об истории любви, ссоры и примирения, судачили по всей стране. Всю предвыборную кампанию он пропустил, занят только ею. И сам не заметил, как прошел в сенат.

* * *

Всякое приложение к купленному оплачивается отдельно— если у покупателя достаточно средств.

Взволнованные толпы на площади! Он — на трибуне, он в толпе. Единственный сенатор — друг народа. Он не из имперских прихвостней, он настоящий республиканец! Самый искренний, самый опасный враг императора — он! За ним идут люди. Он ведет, он поддерживает деньгами и продовольствием, он достает по своим каналам... тс-с, об этом не будем. Но без него ничего не решается, так и знайте.

Он возвращается домой ночью, полуживой от усталости.

Мертвый голос:

- Ты можешь уделить мне полчаса?
- Что с тобой, любимая? Ты на меня в обиде? Прости, я действительно очень занят, но ты же знаешь для тебя у меня всегда есть время, я люблю тебя...
- Да, я знаю. Я не о том. Вот, все эти дни мы с ним мотались по врачам, кто еще работает. Педиатр направил... вот. Диагноз. Мне сказали, в Империи есть клиника... а здесь для нашего сына надежды нет. Два-три месяца.

Молчание.

- Ты понимаешь, что если пройдет слух, что я... я! лечу ребенка в Империи?...
- Да, я все понимаю. Прости, но тут я буду решать сама. У меня, как ни странно, тоже есть связи.

Двойное самоубийство — матери и ребенка — потрясло народ. В народе ходили страшные слухи — подозревали имперцев. «На него давили — не поддался, и вот...». С трибуны он клялся, что когда Республика сбросит гнет, республиканская медицина не уступит имперской. Имперская медицина доступна только богатым — наша будет доступна народу! Клянусь памятью той, кого я любил и люблю!

* * *

Конечно, они победили.

Старый император ждал суда в одиночке. Война, смута в пределах империи, поражение — остались позади. В камере он мысленно репетировал речь, которую никогда не собирался произносить вслух.

«Мой мальчик, мое создание. Ты просил себе великого врага — думаю, судьба тебя не обманула. Но меня не устраивал такой враг — ты был слишком мелок. Всё, на что способен — кинжал в спину или щепотка яда. Прости, это не для меня. Я взял тебя мелким человечишкой и вылепил нового императора. Твоя республика — это ты, и не важно, что ты называешься не императором, а президентом. Император умирает — Империя остается. Единственное, о чем жалею — пришлось пожертвовать твоей женой. Признаться, я хотел бы видеть императрицей — ее. Не вышло — она не умела главного: жертвовать другими. И не умела принести человека в жертву делу. Вернулась к тебе, чтобы спасти родителей — да, мои люди умели угрожать. Готова была пожертвовать твоей репутацией, чтобы спасти сына. Пришлось убрать. Жаль. Больше не жалею ни о чем.

Тебе от рождения дано было мало, мне — много больше, но и я, как ты, отдал все, что было, за одну покупку. Я купил у судьбы право выбрать свою смерть. Даже для меня это было дорого — и смерть мне досталась мелкая, жалкая. Но я взял ее в свои руки и сделал такой, какой хотел. Я сам вылепил свою смерть. Смерть великого императора на эшафоте, от руки великого освободителя — по мне. А чтобы не принизить ее... тебя, я буду молчать на суде.

* * *

Суда не было. Императора тихо сослали на далекий островок под строгую, но негласную охрану. Он умер через пару месяцев от яда.

За что заплачено...

Татьяна Левченко. Андрей Якушкин

LUDUS

Начинается прилив. С крепостной стены летят в небо поющие петарды. «Кррек-тррек» — словно сотня морских петухов тоскливо чирикает в мотне скользкого невода. Треск и грохот — хлопушки осыпают искрами порозовевшую волну. Трубит горн — и набережная отзывается тысячекратным: «Лудос!» Выше цитадели поднимается стая встревоженных чаек. Зазывалы в торговых рядах истерично подхватывают:

- Лудос-мёд!
- Халва Лудос!
- Лучшие смолы Лудос!..

В шатре мимов смеются дети. На площади раздают бесплатный хлеб и воду. Круг чужеземных седых брахманов ритмично бьёт в талы и тянет заунывные мантры. Кривляются свободные женщины, кокетливо пряча открытую грудь в цветочную лею. Тявкают сытые псы. Многоликие боги над ними пьяны праздником, счастливы и беспечны.

У кромки воды молятся паломники. Десяток акульих туш окрашивают мелководье алым. Самую крупную волокут канатом к берегу. В пеньковом аркане хвост вздрагивает, словно чудовище ещё живо. Застрявший в глазнице боевой топор бороздит древком каменистое дно. Скрипит лебёдка.

Ставни-бойницы над крепостными воротами открываются— в окне префект Велий. Протяжно ревёт горн. Толпа гудит. Мертвенно-бледное лицо префекта сурово, пурпурная тога величественна. Он кажется могучим и статным, но в льняных складках спрятан деревянный конь с мягким седлом— ноги старика давно утратили силу. Скрытые от глаз рабы, раскрашенные киноварью, согнувшись, поддерживают хозяина подушками. Он спит.

Гомон постепенно стихает. Плебс жаждет слова. Префект просыпается и вытягивает руку, указывая на пирс Праведников. Широкий каменный серп делит залив надвое, сбегает ступенями в воду, ограждая отмель Арены ржавой, облепленной тиной решеткой. Низко кружит белохвостый тэйер, наблюдая, как в лодку могильщиков грузят истерзанные тела гладиаторов. Ему будет чем поживиться. Единственный выживший бестиарий замер, преклонив колено. Туника на груди порвана и пропитана кровью. Префект что-то шепчет — невидимый глашатай за спиной зычно чеканит:

— Бой окончен. Мы принимаем дары богов!

Горожане свистят и аплодируют. Бестиарий встаёт, безучастно смотрит, как к стреле поворотного крана подвешивают громоздкую акулью

тушу. Тугое брюхо поверженного чудища вспарывают, и в кровавой требухе эдитор находит кошелёк с серебром.

- Лудос! монеты летят к ногам страждущих. Докеры грязно ругаются.
 - Бросай выше!

На крюк цепляют ещё одну тушу.

Горбатый буйвол тащит арбу с железным ящиком, равнодушно рассекая людское море. Кричит погонщик. Сверкая на солнце, расступаются щиты караула. Триарий храмовой стражи лениво стучит по головам напирающей толпы тупым концом копья. Народ пятится. Высокий ящик медленно проплывает мимо — смыкаются щиты — арба вкатывается на пирс. Погонщик вытирает пот. «Ковчег» гладиаторов прибыл, и сегодня в нём будет просторно.
Под нетерпеливый вой акулу сбрасывают в море — в её внутренностях нет сокромщ. Слышны голоса:

- Мы забыты богами.
- Они отвернулись...
- Мало серебра!

Из последней туши падает тяжёлая шкатулка, и толпа ревёт, подпрыгивая от нетерпения. Задние карабкаются на плечи впереди стоящих, сотни глаз пожирают эдитора, открывающего крышку. Золото и кровь брызжет над головами, и тут же начинается жестокая драка.

Сквозь зарешеченное окно бестиарий смотрит на облака и кусает сухие губы — в «ковчеге» нет кувшина с водой. Гремит засов двери.

Префект Велий открывает рот.

— Первый день завершён! — объявляет невидимый глашатай. Ставни-бойницы захлопываются.

Могильщики отчаливают. Белохвостый тэйер провожает перегруженную лодку и не замечает блеснувшую стрелу.

Буйвол жуёт жвачку.

* * *

Солнце ещё отсвечивало горизонт, играло лиловыми сполохами по воде, но в тени кипарисовой рощи уже таилась ночь, и ликтор Пробус пожалел, что не захватил масляную лампу или... фасцию. Дойдя до пересохшего фонтана, он остановился, ругая угасающий день, выбоины мостовой и свой страх порвать дорогие сандалии в темноте.

- Однажды бравого легионера выбросило штормом на остров амазонок, хриплый голос, прозвучавший за спиной, заставил ликтора вздрогнуть. Он едва сдержался, чтобы не выхватить кинжал.
 Его обезоружили и пленили, в словах зазвучала ирония, изрядно попользовали, а после поволокли к жертвеннику.

Ликтор развернулся на голос, скользя мокрой ладонью о бронзовое навершие.

- С ножом у глотки несчастный попросил последнее слово. И, о великие боги, ему вернули гладиус, дали лодку и отпустили, — говорящий хохотнул и умолк. Мглу разорвал сноп оранжевых искр огнива, заплясало пламя — ликтор плотней схватил рукоять клинка и прищурился. На каменной скамье сидел знакомец триарий, в руке у него разгоралась вязка просмолённых лучин. Он улыбался:
 — Что же сказал воин амазонкам?

 - Я сюда пришёл не загадки...
- Знаю! перебил триарий, воткнул потрескивающий факел в завиток ограды и поманил ликтора пальцем.

Подобная дерзость требовала достойного ответа, но ликтор смолчал, поправил шёлковую тогу и подошёл ближе. От легионера несло дешёвым вином и тухлой рыбой. С трудом удерживая равновесие, он поднялся со скамьи — шлем, прикрепленный к панцирю ремешком, забрякал о наградные бляхи. Ликтору пришлось опустить взгляд и надеяться, что брезгливая усмешка, неосторожно промелькнувшая на лице, осталась незамеченной.

- Я знаю, шепотом повторил триарий и, театрально вскинув руки, стал озираться с притворным испугом. Пантомима закончилась раскатистым гоготом. Ликтор тоже поспешил хохотнуть. Отсмеявшись, триарий вытащил из темноты объёмный мешок. Вытряхнув содержимое под ноги, он закрутил сырую мешковину жгутом и ткнул за пояс — по кожаной юбке поползли склизкие капли. В свете факела ликтор увидел на брусчатке: панцирь черепахи, череп овцы, туземный барабан, конную упряжь, россыпь пуговиц и латунный наконечник багра. В обрывках рыбацких сетей шевелился краб.
 - Это всё? скрыть досаду ликтор и не пытался.

Наёмник нахмурился, похрустел суставами пальцев и выставил открытую ладонь.

— Всё, что нашли в чудовищах.

— все, что нашли в чудовищах.
Ликтор поправил тогу, потоптался — платить за вонючий хлам не хотелось, но меч убедительно звякнул в ножнах, и полновесный солид переместился из лайкового кошелька в потную пятерню. Триарий хмыкнул, попробовал монету на зуб и хмыкнул ещё раз.

— Багор я заберу, — с вызовом бросил ликтор, поднимая наконечник и рассматривая на оковке потускневшее клеймо: «Міпотаиг..»

Триарий пожал плечами:

- В довесок могу предложить акулий жир — кончик костенеет намертво, — но, вместо того чтобы пьяно загоготать, неожиданно серьёзно добавил: — Я знаю, что вам нужно, Квинт Пробус! — и сдвинул щит, прислонённый к дереву.

Ликтор не поверил глазам. Пузатая плетёнка из камыша с голубым хрустальным горлышком— то, что безуспешно искал он последние три года, валялась в траве среди рыбьих объедков. Он потянулся... Триарий остановил словами:

- Вы же не хотите разбить бутылку до того, как мы поговорим о цене. О честной цене! Не забывая, что у ловцов жемчуга нет жабр, но брюхо вспарывается не хуже, чем у акулы. И не волнуйтесь, восковую пробку они не трогали...
- Мерзавец и негодяй, негромко сплёвывал ликтор, всем телом ощущая невесомость кошелька.
- Прощай, прощай! И мы последуем за тобой, в той череде, что уготована судьбой... догоняла негромкая песня. Прижав сокровище к груди, не оборачиваясь, ликтор спешил к огням цитадели, в комнатку, где история первого свитка, извлечённого когда-то из такой же бутылки, наконец-то будет иметь продолжение.
- «...О, друг мой! Клянусь богами Олимпа, в тот раз я приготовился рас-«...О, друг мой! Клянусь богами Олимпа, в тот раз я приготовился расстаться с жизнью. Нашу грозную триеру швыряло, словно неразумную щепу в потоке горного ручья. Да будет благословенна суша! Морские чудовища зевали, раскрывая зубастые пасти, в ожидании скорой добычи. Парус, украшенный свирепым минотавром, вздувался пузырём, но в песне могучего Борея, о, клянусь всеми богами, минотавр плакал. Триерарх велел рубить мачту, но стрела Зевса впилась в шею занесшему топор, и тот рухнул замертво. Ноги потеряли опору, когда нос корабля с грохотом разбило о камни, а треск обшивки смешался со стоном бури и криками несчастных.

 Такую цену боги запросили за то, чтобы я обрёл богатство и свободу в благословенном городе П... Я, Эллипсис-ат-Табар, простой метек своболных Афин. Как ты знаешь, долгие голы я прожил среди греков.

свободных Афин. Как ты знаешь, долгие годы я прожил среди греков, но так и не стал для них своим. На боевой триере меня ожидала участь богатого заложника, и только заступничество милосердного Зевса спасло жизнь...»

- письмо скрыла уродливая клякса.
- «...ород По... вотчина отошедших от дел богатых патрициев. Пленительный мираж для алчущих славы и величия, и настоящий оазис для тех, кого интересует всего лишь золото. До видимого края Ойкумены я не встречал города богаче и щедрее. Драхмы и статеры пылились под ногами, и наука их поднимать казалась мне не сложнее нумерологии пифагорейцев. Да простит меня солнцеликий Гермес, и из коровьей лепёшки можно извлечь золото. Однако бляху торговца город обещал мне не раньше, чем через год. Я не хотел ждать,

и не пожалел. Логические рассуждения и понимание математических истин, привитые мне кнутом и пряником добрыми наследниками Архимеда, да почтят они его память, помогли найти своё место в жизни. Скачки и гладиаторские бои, тараканьи бега и гребля — всюду я научился извлекать пользу, делая верные ставки. Истинно так: числа правят миром!

Сказать, что я сказочно разбогател — ничего не сказать. Я словно во плоти попал в Элизиум. И всё благодаря милости богов и скромному секрету математики, про который я писал тебе раньше. Этот простой набор цифр в формуле смысла неизменно увеличивал моё богатство, а богатство приумножало власть. Формула успеха стала формулой жизни. Я мечтаю лишь...»

край свитка оторван.

«...и кажутся смешными сожаления о том, что потеряны деньги. О, боги, я живой! Живой! Но я один на этом жутком острове. И каждую ночь, запирая на засов дряхлую хибару, боюсь услышать за дверью чьи-то шаги. Всюду запах мертвечины. Я сойду с ума, если пробуду здесь еще день. Я уже брежу...

…я отправился туда, где когда-то встретилась с берегом триера. Из обломков гниющего корабля я начал строить плот.

Вода вокруг кишит акулами и жуткими тварями, что не имеют имени в любом языке мира. Плот — моя последняя надежда. Я уже не жду помощи от людей, но смиренно умилостивил Посейдона последним, чудом уцелевшим кувшином сорренто, да не покарает меня беззаботный Дионис.

Я спешу с постройкой плота — далёкий горизонт сделался дымночёрным, каким еще не бывал на моей памяти. Или Везувий решил пробудиться от сна?

Свои записи я сохраню в хрустальных боуттисах, в иной жизни и времени, заполненных веселящим вином. О, золотой город Пом... Когда-то, в бурном потоке жизни, я мечтал о уединении и молил богов о покое. И теперь не вправе назвать их жестокими — они услышали и подарили мёртвый остров. Воистину моё «я» — и есть конечная точка путешествия Эллипсис-ат-Табара.

Бутылки запечатаны воском и глиной. Если пучина заберёт меня,

в этих свитках сохранится частица...

Плот готов. Надеюсь...»

Ликтор свернул свитки. Старое письмо он знал наизусть, новое ещё скрывала бутылка. Тревожное предчувствие не давало покоя и одёргивало руку. Он затарабанил пальцами по столу, несколько раз переложил узкий нож и шило и, вскочив на ноги, забегал по комнате, расставляя и поджигая свечи, где только можно.
— Формула, мне нужна формула!

«...и слушали его внимательно. Я знал этого необъятного толстяка — Атрей-зеленщик. Обычно степенный и молчаливый, сегодня он громко спорил, что первым добежит до площади Цветов. Предвкушая позор Атрея, горожане охотно принимали вызов. Заинтересованный происходящим, я остановился понаблюдать. Ставки, наконец, были сделаны, и Атрей скинул хламиду. Потный хитон, прилипший к дряблой коже, не скрывал складок жира. Атрей поднял руку:

— По правилам я выбираю маршрут и получаю фору в один стадий, и указал на лабиринт старых улочек за овощным шатром. Взял яблоко с лотка, надкусил и неспешно скрылся в переулке.

Все бросились за ним, но оказались зажаты в узком проходе между домами. Впереди, касаясь плечами стен, ковылял Атрей. Обогнать его было невозможно. Поздно осознав, что зря увлёкся уличным спектаклем, я оказался в колонне напирающих людей и, задыхаясь, готов был потерять сознание. Неожиданно стало свободно и я увидел Атрея, лежащего на земле. Кровь толчками выходила из раны у него на затылке. Меня толкнули, и я упал прямо на толстяка. С диким криком толпа продолжила гонку. Поднявшись, я долго смотрел на свои руки — пальцы слипались от крови...

Я начал сторониться своих знакомых. Моё твёрдое убеждение, что богатство сберегает здоровье, рушится. Все состоятельные и приличные люди, которых я знаю, стали вдруг похожи на мошенников и воров — у всех бегающий взгляд и дрожащие зрачки.
И я боюсь смотреть в зеркало...

...конь взбесился и понёс галопом. У причала юному всаднику могли помочь, но никто не сдвинулся с места, лишь вдогон звучало громкое:
— Ставлю на то, что он затопчет троих, прежде чем сбросит мальчишку!

 Отвечаю! Сбросит у тюремной арки.
 Два дюжих стражника на удивление быстро распахнули ворота, и через минуту один из них, ругаясь, полез в кошелёк. Мальчишка разбился о стену.

...как моровая чума, город Помп... накрыла страсть к бесконечным пари. Не щадит она и малолетних детей...

В порт зашел чужеземный корабль. Я уверен — там нет заразы! Погонщик мулов объявил, что доставит меня к пристани не позже, чем выльется вода из клепсидры. Я с радостью поспорил, хотя понимал, что

это болезнь. По дороге мы поспорили о том, сколько встретим лошадей и беременных женщин. Я выиграл и доехал бесплатно.

При виде золота капитан, не раздумывая, согласился забрать меня в метрополию. Однако наутро лоцман вручил мне лот со свинцовой гирей:

- Держу пари, что глубина здесь двенадцать локтей.
- Двенадцать с половиной... ответил я, понимая, что погубил этих добрых людей.

К счастью, экипаж судна сошёл с ума раньше, чем скрылся берег за горизонтом. Глухой ночью, когда паруса обвисли от штиля, а гребцы спорили о чем-то на верхней палубе, я выбросил из бочки солонину, подкатил её...»

— Нет, нет, — задыхаясь, шептал ликтор, исступленно кромсая ножом плетёнку из камыша. Большинство свитков оказались безвозвратно испорчены морской водой, а в читаемых строчках он не нашёл даже упоминания о заветной формуле.

Дно бутылки украшала едва заметная трещинка.

— Будьте вы прокляты, глупые боги! — крикнул он дико и запустил сокровищем в стену.

* * *

Ванна парит благовониями. Раскрасневшийся легат монотонно зачитывает грамоту, поглядывая в сторону префекта. Тот не слушает дремлет, погрузив немощное тело в розовую воду.

Магистраты заходят по одному.

Квестор докладывает о дополнительных расходах по случаю празд-

Эдитор жалуется на подготовку бойцовых акул.

Ланиста напоминает о нехватке гладиаторов.

Неожиданно за садовой аркой раздаётся громкий стук, сквозь занавес на каменный пол вываливается ликтор Пробус. Он мотает головой, борется с измочаленной тогой и семенит на четвереньках к префекту. На кромке бассейна поскальзывается и падает лицом на плечо старика.

— Ставки! Мы можем делать ставки! — кричит он в ухо Велию. —

Пари на жизнь!

Префект испуганно отталкивает Пробуса, задыхается и, схватившись за сердце, с головой уходит под воду.

Брыкающегося ликтора утаскивает стража. В зеркальной бронзе щита отражается взгляд сумасшедшего. От нервного напряжения или злобы зрачки глаз вздрагивают.

В розовой воде захлёбывается Велий. Его никто не спасает.

Виталий Войцик

ВОСПОМИНАНИЯ НАПРОКАТ

(ПРИВЕТ, ЮРА!)

Мерзкая погода: грязь и слякоть. Даже первый осенний снег не способен скрыть всю серость улиц: хмурые тучи, мокрый асфальт, бесцветные дома. Мелкие снежинки падают на землю и тут же тают. Люди, кутаясь в серые плащи и куртки, опустив шляпы на глаза, текут такой же серой массой по тротуарам и мостовым. Шелест шин, стук колёс по выбоинам. Фургончик с надписью «Продукты с фермы» проносится мимо, не сбавляя скорости. Не успеваю отпрыгнуть — брюки заливает грязью. Плюю от досады, отряхиваюсь. Кажется, ещё одного такого дня я не переживу. Но впереди уже виднеется спасение: ярко-жёлтый павильон, словно тёплый свет лампы в холодной комнате.

Хлюпая ботинками по осенней слякоти и плотнее кутаясь в легкую куртку, подхожу к двери, над которой горит неоновая вывеска: «Воспоминания напрокат». Заглавная буква «В» знакомо мерцает.

Брякает дверной звоночек. Лицо обдаёт теплым воздухом. Дую на замёрзшие ладони, высматривая среди длинных стеллажей Роберта— хозяина заведения. Замечаю его в дальнем конце зала: невысокий полноватый мужчина с заметной лысиной ловко выхватывает коробки с полок, живо беседуя с пожилой дамой.

Жду, когда он меня заметит, киваю в ответ на его радостный взгляд и направляюсь к стойке администратора. Слышу, как Роберт торопливо заканчивает общение со старушкой, рекомендуя ей воспоминания Елианоры Фрай под названием «Индийские приключения». Затем он бросается ко мне.

— Добрый день, старина! — пухлое лицо с редкой бородкой расплывается в широкой улыбке. Искусственной, и оттого мерзкой. — И погоды не испугался?!

Отвечаю, что в такую погоду нуждаюсь в нём больше всего. Он понимающе кивает.

— Тогда ты вовремя. — Роберт косится на посетителей: старушка продолжает рассматривать предложенный им мнемодиск, два парня и девушка неторопливо изучают стеллажи. — Припас кое-что для тебя.

С этими словами он запускает руку под прилавок, достаёт безликую коробочку — для меня у Роберта всегда особый товар.

- Цунами в Тайланде, помнишь?
- Которое в феврале было? Пытаюсь оставаться равнодушным, но в груди уже расплывается волнительная пустота. Чтобы отвлечься, бросаю взгляд на маленький телевизор, стоящий на стойке справа. Рассказывают о пропавших детях. Кажется, что на этих допотопных экранах

теперь только сводки криминальных новостей и показывают. Роберт кивает, и его противная улыбка растягивается еще шире. Не хочется себе признаваться, но я уже давно завишу от этого скользкого типа.

- Выживший? спрашиваю я. Главное не показывать волнение.
- Ага. Нынче они в большой цене.

Намёк понят. Достаю деньги из бумажника. Мой мнемодиск, несмотря на невзрачный вид, гораздо дороже любого из тех, что стоят на полках в ярких упаковках.

Отсчитываю купюры и протягиваю их Роберту. Он тоже отвлекается на телевизор: репортаж о пропавших детях сменяется новостью об убитом полицейском.

Знал его?

Роберт озадачено оглядывается, словно не понимая моего вопроса. — Откуда? — Он натянуто улыбается и забирает деньги. — Всё как

— Откуда? — Он натянуто улыбается и забирает деньги. — Всё как обычно?

Я прячу покупку во внутренний карман куртки и отвечаю стандартной фразой:

— Я его просто нашёл...

Мы прощаемся. И я снова выхожу в грязный мороз.

В комнате по-осеннему промозгло. Торопливо кидаю куртку на стул, включаю радиатор, усаживаюсь в кресло. В руке купленный диск — мягкий и бархатистый, словно кожа ребёнка. Держу его аккуратно: кажется, надави на него, и он закричит, будто живой. Странный материал — единственный, способный держать в себе воспоминания. Этот диск не лицензионный, но в отличие от последних — с настоящими воспоминаниями. На его обложке нет надписей с громкими именами актёров, сценаристов и режиссеров. Не упоминается и о престижных премиях. И что с того? Все эти постановочные воспоминания производятся на профессиональных студиях, в которых играет главный герой. Его воспоминания записывает мнеморайтер, чтобы с помощью мнемофонов каждый человек на планете мог воспроизвести их самостоятельно. Или попросту вспомнить всё сам. Задача актера — максимально вжиться в образ, отбросить лишние мысли, заставить зрителя поверить, что всё происходит на самом деле. И это называется высоким искусством! Премии, фестивали, миллионы зрителей и огромные гонорары. Однако никто и никогда не примет эти воспоминания за свои собственные.

Я вновь смотрю на диск в руках. «Настоящие воспоминания! И никаких постановок!», — при этих мыслях по коже пробегает приятный холодок. Реальные настолько, что любой зритель напрочь забывает себя настоящего и полностью погружается в мысли и эмоции истинного хозяина воспоминаний. Только когда они заканчиваются, человек вновь вспоминает себя. Но просмотренное остаётся в памяти.

Конечно же, мне известно, как и всем другим людям (только ленивый не писал об этом), что очень скоро с любителями настоящих воспоминаний стали случаться психические расстройства, вплоть до потери памяти, раздвоения личности и других серьезных недугов. Потому такие воспоминания запрещены. Нынче преследуется их производство, распространение и, собственно говоря, просмотр.

Но разве это не безобидная шалость? Я просмотрел десятки воспо-

Но разве это не безобидная шалость? Я просмотрел десятки воспоминаний, и ни на секунду не забываю, кто я есть. Да, я все еще помню и Джека Райна — летчика, бомбившего города в Ираке; и Сергей Белова — мастера по боям без правил; и Марио Перуце — участника шоу по мотто-фристайлу. Иногда в голове всплывают воспоминания о сплаве по Амазонке в теле Ивано Санчеса. Да ... Я помню все их имена... Но до сих пор остаюсь самим собой.

Ладно, хватит размышлений. В нетерпении надеваю на голову шлем, тяну руку к проигрывателю, вставляю вожделенный диск, нажимаю на кнопку воспроизведения и закрываю глаза. Первые минуты самые приятные: я ещё помню себя, но уже слышу волны и вижу море. Ещё чуть-чуть и...

На безупречно голубом небе сияет солнце. Бирюзовая вода лениво накатывает на широкий пляж. Люди беззаботно радуются жизни, гуляют по белому песку, купаются в тёплом море. Некоторые отдыхают в шезлонгах. Среди последних и я. Держу в руках бокал с «Лонг-Айлендом», наслаждаясь тенью.

Думаю о маме. Как бы она обрадовалась, очутившись здесь. Но её нет, а я всё так же вспоминаю о ней каждый раз, когда чувствую себя счастливым. Благодарю? Или прошу прощения? Ладно, хватит. Так недалеко и до слёз. Теперь у меня есть Лиза...

Дует ветер. Первый порыв лишь слегка ласкает лицо, рождая во мне чувство благодарности, но следующий хлестким ударом срывает спасительный навес. Слышатся крики, и я сдвигаю со лба козырек кепки. От увиденного сжимается сердце. Всё происходит как в замедленной съёмке: полоска мокрого песка ширится и море встаёт стеной. Огромная волна закрывает небо и солнце и с каждым мгновением становится больше. Вот-вот она рухнет на берег.

Люди бегут прочь с пляжа, словно муравьи из растревоженного муравейника. Пустота зарождается в груди и ныряет вниз живота. Ноги становятся ватными, но нужно бежать. Куда?

В воздухе разливается ощущение смертельного ужаса. Истошный женский крик. Мать, держась за голову, зовёт сына. Его нигде не видно. Волна уже бурлит и сбивает хрупкие пальмы, крыши бунгало и людей. Женщина застыла на месте... «Сына она больше не увидит», — мелькает противная мысль. Но увижу ли я Лизу?

Тяжёлое дыхание, переходящее в стоны, — мимо пробегают люди. Волна близко. Воздух холоднеет. Тень становится гуще. Кипящий поток врезается в столбы в нескольких метрах от меня. Желудок сворачивается в узел, его содержимое подкатывает к горлу.

Справа бассейн. Всего два шага...

Шелест воды перерастает в страшное гудение. Море раскрывает свою пасть.

Два шага... И я прыгаю в тёплую воду. Тишина.

Опускаюсь на дно, с усилием гребя руками. Над головой колышется голубое небо... Вновь гул. Дрожит сердце.

Грязь и песок сметают тёплую безмятежность. Холодно... Темно... Меня подхватывает вихрь. Солёная вода и песок проникают в нос и горло. Захлёбываюсь. Воздух... Нужен воздух... Удар... Всё расплывается. Ничего не вижу...

Спасительный вздох. Мелькает небо; солнце. Меня подхватывает бурный поток. Не в силах ему противиться, погружаюсь в муть воды. Ноги цепляются за что-то. Отталкиваюсь. Ещё удар. Снова всплываю. Жадно глотаю воздух... Люди проплывают мимо. Молча борются со стихией. И я не могу кричать. Успеть бы надышаться. Смертельную тишину нарушает только гул воды.

Ноги в бессилье ищут опору. Снова удар.

Нужно схватиться за что-нибудь, удержаться на месте и заставить остановиться смертельный вихрь. Сделать вздох. Но...

Темнеет. Опять тишина. Тишина... и безмятежность. Ещё немного и боль уйдёт из головы, тела и лёгких. Ещё немного и... всё закончится.

Над свежей могилой возвышается небольшой полукруглый камень с фотографией мамы. Рядом пустует ещё одно место. Моё место. Мама... А как же Лиза?!

Открываю глаза. В мутной воде предметы расплываются непонятными очертаниями. Стонет сердце. Мышцы твердеют. Выныриваю. И воздух с болью врывается в лёгкие. Отплевываюсь. Удаётся задержаться над водой.

Лиза... Путешествие, в котором мы не должны были расставаться ни на миг. Но в самый важный момент оказались порознь. Только бы знать, что с ней все хорошо.

Солёная вода вновь заливает горло. Но бурлящая стихия выплёвывает меня из своей пасти. Удар об огромное дерево, и руки цепляются за шершавый ствол. Не удержаться, но сильный поток сам прижимает меня к нему. Набираюсь сил, хватаюсь за ветку. Я над водой...

Трясутся руки, не отпускает кашель. Гул в голове. Оглядываюсь: море заходится пеной, грязный поток тащит за собой крыши домов, поваленные столбы, машины... Отеля не видно. Впиваюсь взглядом

в проплывающих людей. Кричу им. Слышат они меня или нет? Я и сам себя не слышу. Только противный звон в ушах. Никто не может до меня добраться. Лишь один парнишка, видимо из местных, так же как и я, вцепился в дерево и теперь карабкается наверх. У него разорвано бедро, кровоточит рука. Он кивает мне. И я понимаю, что тоже не вышел сухим из воды: рана на животе, груди и плече. Но сейчас я не чувствую боли.

Сколько прошло времени? Час или больше? Подоспели спасатели. И оказавшись в госпитале, я, не теряя ни секунды, бросаюсь на поиски Лизы. Врач не может меня остановить, да и особо не старается. Ведь мои ранения — пустяки по сравнению с увечьями других пострадавших. Бегу по коридору, заглядываю в палаты, обращаюсь к спасателям и докторам, спрашиваю о выживших постояльцах отеля «Гранд Марин». Ответа нет.

Наконец вывешивают списки. Среди выживших не нахожу её имени, как и своего.

«Лизы больше нет», — эта мысль скользким червём проникает в сознание, ищет укромный уголочек, чтобы поселиться там навсегда. Но я борюсь с ней. Лиза не может умереть. Такого не должно случиться. И каждый удар сердца отдаётся болью в груди.

На улице темнеет. И вместе с солнцем уходит и надежда. Дурные предчувствия терзают разум. Начинаю жалеть, что выжил сам. Умереть — так было бы проще. Умереть вместе...

Сидя на ступеньках госпиталя, я вглядываюсь в темноту. Из тени выходит мужчина в светлых штанах и цветастой рубахе. Худое лицо, кучерявые волосы, тёмная щетина. Француз, почему-то думаю я. Он садится рядом.

Выживший? — Говорит с акцентом.

Я киваю, не оборачиваясь. Сейчас не до пустых разговоров, не до сочувствий.

– Хочешь заработать?

Какого чёрта? — готовлюсь сказать я, но слова застывают на языке. Слышу своё имя.

В этот момент чувствую удар в груди. Будто неописуемый восторг превратился из неосязаемого чувства в реальную силу и теперь пытается пробиться наружу. Я вскакиваю. Ко мне идёт Лиза...

Комнату заполняет сумрачный свет октябрьской бури, зудит сигнал входящего вызова.

Встаю с кресла. Нахожу мобильник на журнальном столике. На экране горит «Сергей Масолов».

— Че тормозишь? — раздается глухой голос. Здороваться моего напарника не учили.

- Привет. Чего тебе?

Просто так он никогда не звонил.

- Через пять минут буду у тебя!
- Так что...

Он повесил трубку.

Выругавшись в пустоту серой комнаты, я накидываю куртку и иду к двери. На ходу заглядываю в холодильник, съедаю лежавший с вечера бутерброд и запиваю апельсиновым соком.

- Внизу у подъезда меня ждет черный «Кадиллак Эскалейд».
 Так что случилось? Усаживаюсь на пассажирское сидение.
- Ничего особенного. На Ленинградской труп нашли, мать его!

Серый — лысый широкоплечий великан с узкими глазами под нависающими бровными дугами — сидит за рулем и дымит сигаретой. Этот парень больше походит на бандита, нежели на полицейского. Однако рядом с ним я всегда чувствую себя в полной безопасности. Дерзить и угрожать этому гиганту никто не смеет.

- Ничего, что у меня выходной?
- Да это всё Сизый. Заладил: людей не хватает, дело пятиминутное. Показания снять, протокол составить и всё такое...
 - Пятиминутное дело? При наличии трупа?
- Несчастный случай, отмахивается Серый и тушит окурок в пепельнице.

Всю дорогу напарник рассказывает о вчерашнем загуле.

— Башка трещит, — говорит он.

Дальше история об «охреневших мудаках» из бара.

— Мажоры гребаные. Ты бы видел этого урода, который, сука, звонить там кому-то собрался, — Серый смеётся и тут же стонет, хватаясь за голову. Мне остаётся только представить, что произошло с этим «уродом». Не завидую ему.

Звонит мобильник. Имя на экране заставляет в нерешительности задержать палец над кнопкой «ответить». Марина...

- Опять встречаетесь? спрашивает Серый, бросая взгляд на телефон.
 - Нет.

Трубку не беру, отключаю звук.

 Вот и правильно. Главное по назначению успеть попользовать и хватит! — скалится Серый.

Я киваю в ответ, а сам думаю, что скорее это она использовала меня. Не люблю вспоминать. Совершенно безумная страсть, от которой до сих пор мурашки по коже. Всё едва не закончилось для меня плохо. Для меня и некоторых парней из отдела. Я уже собирался слить нескольких из них. Черт возьми! Так и берёт псих при мысли об этом.

Марина работала на Центральное Информационное Агентство. Молодая, но амбиций через край. Всегда жаловалась, что её не ценят и нужен какой-нибудь «бомбовый» репортаж, чтобы выбиться в «высшую лигу».

Кажется, приехали, — прерывает мои мысли Серый.

Мы остановились у высокого многоквартирного дома в элитном районе. У парадного входа замечаю машины скорой помощи, МЧС и городской похоронной службы.

- Припозднились, равнодушно встречает нас усатый мужик в белом халате. Представился он Павлом Николаевичем.

— Что у вас? — громыхает Серый, переступая порог. Дверь взломана. Гнилостный трупный запах бьёт в нос.

— Умер во время просмотра фильма, — пожимает плечами врач.

Проходим в гостиную — в кресле сидит средних лет мужчина в джинсах и футболке. На ногах — домашние тапочки, на голове — шлем от мнемофона.

— Уставший хоккеист, — шутит Серый. Делаю усилие, чтоб не улыбнуться. Ведь этот чёртов шлем действительно напоминает хоккейный. — Кто обнаружил?

Подает голос молодой парень, сидящий на кухне. Идём к нему. — Так, мужики, есть что-нибудь от головы? — спрашивает Сергей.

Павел Николаевич в растерянности хмурит брови, точно не понимая вопроса. Затем исчезает в комнате и приносит блестящую упаковку. Щелчок блистера— спасительная таблетка во рту. Серый в три глотка выпивает стакан воды и победно выдыхает. Затем торопливо допрашивает свидетеля. Записывает данные, как понятого. И отпускает. Парень облегчённо вздыхает и тут же исчезает в пороге.

Мы возвращаемся в гостиную.

Ничего не трогали? — продолжает Серый.

Павел Николаевич вертит головой.

- Мы только констатировали смерть. Умер, по всей видимости, ещё вчера.
 - Причина?
 - Сердечный приступ. Думаю, вскрытие подтвердит. Ясно... бормочу я, направляясь к умершему.
- Как Сизый и обещал несчастный случай, говорит Серый и достаёт сигарету. Прикуривает и садится на стул напротив кресла с трупом. Затем открывает кожаный портфель, копошится в нём.
 — Серый, ты и в гробу без сигареты не сможешь! И без того вонь
- страшная. Оглядываюсь на распахнутые деревянные ставни. Это не спасает от запаха.
 - Ладно, не бухти... Сейчас всё быстро оформим.

- А что он смотрел? спрашиваю у фельдшера.
- Запись стёрта.
- Он смотрел пустой диск?

Подхожу к мнемофону, достаю диск.

- Нет. Здесь реальные воспоминания, видимо, были. Они удаляются вместе с просмотром.
 - Значит, реальные...
- Очередной идиот! громко ругается Серый. Сколько можно говорить, что их нельзя смотреть?
 - И снять его последние воспоминания мы тоже не можем?
- А зачем? Серый смотрит на меня непонимающим взглядом и глубоко затягивается.

Я только пожимаю плечами. Ведь и сам знаю, что ничего мы там не увидим. Если он смотрел реальные воспоминания, то они не задерживаются в голове. А более ранние нам уже недоступны. Записывать воспоминания научились не более одних суток. Возможно, умерший провел за мнемофоном несколько часов, но на самом деле за это время его мозг обработал воспоминания гораздо большей длины.

Всё проходит как обычно. Но одна навязчивая мысль не даёт мне покоя.

- Зачастили, - говорю я.

Серый непонимающе поджимает губы.

- Это уже четвёртый «хоккеист» за неделю, объясняю напарнику. Ну, было уже, соглашается Серый и тушит окурок. Так, парни! Подождите минут десять, и можете забирать труп.
- Принято! отмахивается один из работников похоронной службы. Носилки приготовлены. Врачи отсоединяют от умершего шлем мнемофона. Серый продолжает делать записи. А я смотрю на бедолагу: губы искривлены, челюсти сжаты, глаза зажмурены.
 - Не стой бараном! Помоги... Как его звали?

В небольшом портмоне, лежащем на столе, нахожу документы.

- Владимир Петров, читаю я. А ты помнишь случай с группой Джекобсона?
 - Чего?
 - У нас такое же было с группой Борисова.
- A! Ты про этих придурков, которые решили вспомнить чужую смерть?
 - Про них...
 - И $\dot{?}$ Серый поднимает на меня глаза.
 - Теперь все знают, что человек в таком случае умирает.
 - Слышал такое.
- Группа Борисова смотрела воспоминания погибших на Аэробусе, упавшем в Новосибирске.

- Ну да! Сердце не выдерживает, мать их!
- И у этого сердце остановилось... задумчиво произношу я, продолжая вглядываться в документы.
- A? Серый вскидывает густые брови, которые на лысой голове кажутся чем-то инородным. Да бросай ты эти мысли, чтоб тебя. Неужели думаешь, что он тоже решил рискнуть? Давненько такие не попадались.
 - Не говори! Нужно быть самоубийцей, чтобы решиться на это.
 - Вот-вот... Ладно. Фото сделай, да поедем.
 - Уже закончил?
- Чего тянуть. Сейчас в участок бумаги закинем, пускай парни сами всё зарегистрируют. А у нас выходной, при этих словах узкие губы Серого расползаются в довольной улыбке.

Едем в участок. Серый продолжает рассказ о вчерашнем вечере и курит, сигаретный дым ползёт по потолку кожаного салона.

Я слушаю его вполуха. Перед глазами тонкая талия Марины, тёмные волосы, разбросанные по подушке. Светлая кожа на бордовой шёлковой простыне кажется особенно белой. Стройные ножки прикрыты лёгким одеялом. Её голова повёрнута ко мне. В карих глазах немая просьба. Или укор?

— Почему ты их прикрываешь? Самому не противно? — говорит она. Всегда начинала эти разговоры в постели.

Я злился, но не показывал. Разве мог? Она крепко держала меня за яйца.

— Ты мне сам рассказывал, как выбивают показания из невиновных. Разве на это можно закрывать глаза?

Ответ был один: «Я ещё не заделался стукачом».

— Незаконная торговля.

По этой части и меня можно подвести под статью. Я тоже делаю вид, что ничего не знаю, например, про торговлю нелицензионными воспоминаниями. Но не замечаю только тех, кто снабжает меня информацией.

— Небось ещё и убийц прикрываете? Торговцев наркотой крышуете? Медленно, но верно она подвела меня к тому, что я решился-таки копнуть под нескольких парней, за которыми водились наиболее тёмные делишки. Потом передумал. Сорвалась рыбка с крючка. Мы расстались. До сих пор не знаю, только ли этого она от меня хотела? Но звонит до сих пор. Думаю, она добьётся многого в своей профессии. Обязательно. Но без меня!

В голове вновь раздаётся её звенящий голос:

— Ты просто трус, долбаный трус!

А вдруг она права? Тупая, идиотская мысль не даёт мне покоя. Не потому ли я ушёл от неё?

Оборачиваюсь на Серого. Возвращаюсь в сегодняшнюю реальность.

- Я вот всё думаю, когда человек умирает во время чужих воспоминаний, он помнит себя? спрашиваю я, чтобы уйти от этих липких, сладостно-неприятных событий.
- Ну, если смотреть реальные воспоминания, то видимо нет.
 Получается, что тот парень умер, как только включил чужое вос-
 - Придурок он... Говорю же!
- Потому что смотрел чужое воспоминание?
 Они же не простые воспоминания смотрят! А те, где можно нервы себе пощекотать. Вот и дощекотался!
 - Думаешь, сам виноват?
- А кто же? Ведь всё давным-давно известно. Сколько раз об этом говорили? — Свободной рукой Серый проводит по лысине. — И о возможной смерти, и о психических расстройствах. А случай с Борисовым, мать его, о котором ты вспомнил... По всем новостям ведь гремел.
 - Но как быть с тем, кто продал ему этот диск?
 - Да какая, на хер, разница, кто продал? Купил сам виноват!
 - Может быть...

Сергей резко поворачивает руль, и машина со свистом входит в крутой поворот. Хватаюсь за ручку над дверью, чтобы не завалиться набок. — Потише, Серый! Куда спешишь?

- Быстрее хочу избавиться от бумаг. Всё лучше, чем заниматься этой херней.

Я не спорю.

В участке ни души. Прав Сизый, вызвав нас в выходной день, рабочих рук действительно не хватает. Серый кидает бумаги на стол Виталика Рязанцева.

- Надо его предупредить.
- Будет ему сюрпризом! отвечает Серый и идёт к выходу. Ha ceгодня хватит!

Серый, видимо, забыл про это дело, как только опустошил свой портфель, а я никак не могу выкинуть его из головы. Или хочу думать о нём, чтобы забыть иные мысли, которые появились вместе с дурацким звонком из прошлого.

Тот бедняга... Что же он смотрел? Что за воспоминания стали для него последними в жизни? Мог ли он смотреть чужую смерть? Если да, то зачем? И тут приходит такая простая и очевидная мысль.

— Серый, а что, если это убийство? — Мы выходим из участка. Холод-

- ный ветер хлещет наши лица, и напарник спешит спрятаться в машине.
 Вот ты даёшь, мать твою! Какое, к херам, убийство? раздраженно
- кричит он, открывая дверцу. Давай садись! Поехали!

Я подхожу к машине. Эта мысль уже плотно сидит во мне. Не отпускает. Или я сам держусь за неё? Так или иначе, выходной для меня потерян. Серый расположился на водительском сидении, но не успевает закрыть дверь. Я придерживаю её рукой.

- Что, если потерпевший смотрел воспоминания о смерти?
- Ну, и? Закуривает сигарету Серый и косится на меня. Смотрел и смотрел! Самоубийство или несчастный случай. Мы уже обсудили это...
- Серый, я не об этом! пытаюсь перекричать отчаянный свист ветра. — Вдруг ему кто-то специально подменил диск. Или обманул, выдав одни воспоминания за другие! А если он не знал, что на диске его ждёт смерть? Ведь это и есть убийство!

Серый тяжело вздыхает, несколько раз нервно затягивается, поднимает на меня злобный — как у добермана — взгляд.

- Еще один висяк хочешь?
- Но если я прав, мы должны...
- Ведь мы никого не поймаем! Да и убийство не докажем...
- Серый, ты езжай. Я немного поработаю...
- Вечно ты так... Сизый попросил заехать на пять минут, а ты решил убить весь день?
 - Серый, я просто думаю...
- А нечего и думать, мать твою! Я тебе уже всё объяснил. Кроме проблем ничего на свою задницу не получишь.

 — Но я должен проверить хотя бы личность убитого. Там будет
- видно... Да и по левым воспоминаниям есть кому позвонить. Те три недавних случая теперь не дают мне покоя. Ведь они могут быть связаны между собой.
 - Ты уверен, что хочешь в этом копаться?

Мне нечего ответить. Только развожу руками, словно извиняюсь перед ним.

- Ладно, мать твою! Иди. Может, даже заеду за тобой. Есть у меня одно дельце. На пару часов. — Он сильно затягивается и громко выдыхает. Дым заполнят салон авто. — После заберу, посидим в «Дублине», расскажешь, что нарыл. Самому интересно стало. — Натянутая улыбка тонкой трещиной расползается на обычно хмуром лице напарника. — И на этот раз ты не увильнешь.
- Ок! улыбаюсь я при мысли о холодном ирландском пиве.
 Давай! машет рукой Серый и захлопывает дверцу. Даю тебе два часа!

П-е-т-р-о-в В-л-а-д-и-м-и-р, — набираю я на клавиатуре. В кабинете все так же пусто. Забиваю паспортные данные. По запросу на экране появляется информация об умершем. Правда, дату смерти пока не проставили. Здесь он ещё живой... Обычный человек, ни в чем криминальном не замешен. Учёба, работа... Бухгалтер. Последнее место работы — ЗАО «ЭнергоБанк». Замечательно...

Вздыхаю, заложив руки за голову, потягиваюсь. Никаких зацепок. Состав преступления не соберёшь. «Видимо, Серый был прав», — с этими мыслями встаю со стула.

Но ещё есть как минимум три случая, о которых я знаю. Вновь сажусь к компьютеру. Забиваю в систему фамилии и даты.

Иван Чернов — бывший наркоман, торговец нелегальными воспоминаниями... Всё верно, обычный несчастный случай.

Далее идёт Юрий Мороз, которого уже ловили на покупке настоящих воспоминаний. Похоже, вместо того, чтобы встать на путь исправления, он пошёл ешё дальше...

Третья жертва — Михаил Фесюк. Он так же чист, как сегодняшний несчастный. Ничего криминального за ним не числится. Жена, двое детей. Окончил университет по специальности экономист. Последние три года работал в компании...

- Мать твою! невольно слетает с моих губ.
- ... ЗАО «ЭнергоБанк».

Предварительное заключение по данному делу, как и по всем остальным, — «Несчастный случай». Зацепка. Возбужденно набираю на клавиатуре Э-н-е-р-г-о-Б-а-н-к. Проверяю акционеров, директоров...

Десять человек — ничего. Однако на имени Дмитрия Тарасова останавливаюсь — занятная информация.

Этим парнем плотно занимается отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Один из главных акционеров ЗАО «ЭнергоБанк» владеет еще несколькими барами, двумя клубами, сетью магазинов. У него довольно бурная молодость: несколько арестов по подозрению в мошенничестве, проходил по делу об убийстве, в качестве одного из обвиняемых. Но везде выходил сухим из воды.

Ещё раз просматриваю досье на двух убитых (именно убитых — теперь у меня нет в этом сомнений) сотрудников. Всё расследование в отношении Тарасова засекречено, и этих ребят никто официально не допрашивал, но очевидно, что именно на их показаниях и строится дело. Будущее дело. Ведь обвинение Дмитрию Тарасову предъявить не успели. А свидетелей уже нет...

— Опять хочет сухим из воды выйти... — Всё кажется таким очевидным, что хоть сейчас езжай и бери его. Но без доказательств ни черта не получится. Как можно обвинить человека в убийстве, если это самое убийство не могут доказать?

С монитора на меня смотрит немолодой человек в тёмных очках — тонкие губы на худом лице чуть искривлены. Словно он слышит мои мысли и теперь надсмехается надо мной.

Нужны улики, свидетели... Но те, кто осмелился пойти против

Тарасова, теперь мертвы. Мы же их и не защитили. Да какой там не защитили! Руки сжимаются в кулаки от злости.

— Небось ещё и убийц прикрываете? — вновь Маринин голос пробивается в мысли.

Беру мобильник. Нахожу в контактах Роберта.

Слышу на другом конце заискивающий голос. Как обычно за приветливыми нотками он пытается скрыть раздражение и тревогу. Для него каждый мой звонок — очередной повод для волнения.

- Ничего не слышал о воспоминаниях смерти? спрашиваю я после обмена дежурными любезностями.
 - Ну ты же не думаешь, что я ими торгую? Это верная смерть!
 - Те, кто торгуют... Знаешь таких?

Роберт всё отрицает. Я устало вздыхаю — ничего не меняется!

— Слушай, это — ни хрена не шуточки. Я тебе даже не буду напоминать о незаконной торговле. Тут дело посерьёзнее. Я сейчас говорю об убийстве. И если ты знаешь что-нибудь об этом, тебе лучше рассказать. Тебе просто необходимо это сделать, мать твою! — Этот парень понимает только крик. — Иначе мы найдём свидетелей, которые укажут на тебя. Понимаешь? Они прикроют свои задницы тобой. И потом будешь в камере шептать, что тебя подставили. Ты же знаешь, как мы работаем?

Слышу тяжёлое дыхание в трубке телефона.

- Были какие-нибудь заказы для конкретных людей? Появлялись ли в последнее время новые поставщики? Может, кто из клиентов пропал? задаю наводящие вопросы.
 - Я... я действительно ничего не могу сказать. Не знаю, о чём ты...
- Хорошо, спокойно произношу я. Скоро буду у тебя... И чтобы ты к этому времени что-нибудь узнал! Слышишь, Роберт?! вновь перехожу на крик.
 - Понял, понял... лепечет он.

Я отключаюсь. Набираю Сергея, чтобы уточнить, приедет ли он за мной. В ответ слышу: «Скоро буду!».

Вновь возвращаюсь к компьютеру. При расследовании махинаций Дмитрия Тарасова должны были быть ещё свидетели. Нахожу несколько имён. Один из них разбился на машине. Трое ещё живы. Интересно, им кто-нибудь сказал, что защищать их не собираются? Надо поговорить с парнями из ОБЭПа.

— Нарыл что-нибудь? — раздаётся за спиной. Вздрагиваю и оглядываюсь.

На пороге стоит Серый.

- По дороге расскажу. Тут нужно к одному товарищу заехать! - Я вскакиваю со стула, на ходу надевая куртку.

Серый недовольно кривит лицо.

— Вечно у тебя так.

В машине он только вздыхает, когда слышит мой рассказ.

- И что будешь с этим делать? Ведь хрен что докажешь.
- Сейчас Роберта прижмём. Он, по-любому, должен про это знать. Поможешь? И зацепки появятся. Можно дело заводить. По-моему этот Дмитрий Тарасов хорошо подставился.

Серый гонит, не щадя машину. Мы то и дело подпрыгиваем на неровном асфальте. А я всё не могу успокоиться:

- Неужели можно вот так просто убирать свидетелей, и всем по барабану?
- Куда уж там... Серый зубами вытягивает сигарету из пачки и закуривает. — Не строй из себя дурачка. Будто не понимаешь.

Я, конечно, всё понимаю. Здесь замешаны многие из наших. Не хочется думать об этом. Лучше и вовсе не знать имён, не ворошить эту кучу дерьма, дабы не задохнуться. Откидываюсь в кресле, пытаясь отвлечься. Сколько голов полетит? Налицо обычные несчастные случаи. Разве что умирают тайные свидетели по важному делу. Интересно, как высоко прикрывают этого урода?

— Трус, долбаный трус!

Шла бы ты!

Смотрю в окно: мимо проносятся тесные улочки со старыми кирпичными пятиэтажками; пустынно.

- Слышь, Серый. По-моему, ты проехал поворот. Лавка Роберта по Волгоградской.
- Я помню. Сейчас только в одно место заедем. Не всё же мне тебя возить.

Машина сворачивает с дороги, проезжает несколько метров по грунтовке и упирается в высокие ворота. Серый несколько раз сигналит. Медленно разъезжаются железные створки, и мы оказываемся на территории автосвалки. Серый останавливается, не глуша мотор. Обычное место для таких, как он. Мелкие делишки, что проворачиваются в таких местах, позволяют моему напарнику зарабатывать на хлеб с маслом. Я не виню его. Самому не интересно заниматься таким. А может просто лень? Хрен его знает.

Я жду, ждёт и Серый. Наконец к нам подъезжает еще одна машина: старый седан, который будто готовится пойти на запчасти.

- Выходи!
- Зачем?

Серый вцепился в руль и смотрит в одну точку впереди себя.

- Чё, придурок, доигрался?
- Не понял! Че за на...?

Не оборачивается! У меня же начинает колотиться сердце.

- Когда ты чуть не заложил парней своей шлюхе, я заступился за тебя.
- Ты о чём?

— Решил, что никто не заметил, как ты копал под нас? Но ты вовремя одумался. Я так и сказал мужикам, мол, что поделать, кто бы не стал думать членом с такой бабой? Но теперь ты доигрался. Задолбался я с тобой!

Не успеваю ничего сказать, как он распахивает дверь и вываливается на улицу. Чувствую, как рубашка липнет к спине. Внизу живота тянет от дурного предчувствия. Серого боялись все, кроме меня. Теперь и мне не по себе.

— Выходи, бл-ть! — Серый распахивает дверцу с моей стороны.

Нет, никому не пожелаю быть против этого громилы. В отчаянии спрашиваю себя, как так получилось, что этим «никем» оказался я?

Вокруг ни души. Только странные звуки раздаются вдалеке: редкое шипение и лязг метала.

— Говорил тебе, не лезь в это дело? — цедит сквозь зубы Серый, захлопывая за мной дверь.

Его синяя куртка раздувается на ветру. Руки спрятаны в карманах брюк.

В этот момент у подъехавшей машины распахиваются одновременно все четыре дверцы. Оттуда выходят три бугая, сильно крупнее меня, но и они уступают размером Серому. Все в черных кожаных куртках. Четвёртый — невысокий сухощавый мужчина с короткой стрижкой и в темных очках. Несмотря на холодную погоду, одет он в джинсы и вельветовый коричневый пиджак поверх легкой рубашки.

Три здоровяка меня не пугают. Был бы Серый со мной, я и вовсе стоял бы с самоуверенной ухмылкой. Но Серый на их стороне. Сомнений нет. И от этой мысли к горлу подкатывает ком. От вида мужика в вельветовом пиджаке и вовсе становится не по себе. На меня смотрит самодовольное лицо с монитора — Дмитрий Тарасов. Не могу поверить, что всё это происходит наяву. Трудно дышать — лёгкие переполняются бессильной злобой. Как же я так попался?

— Это и есть твой честный напарник? — смеётся Тарасов.

Оборачиваюсь к Серому.

- Серый! Ты чего? Сколько лет мы с тобой работаем?
- Таких придурков нужно держать поближе к себе, отвечает он. Но в глаза не смотрит.
- Видели? усмехается Тарасов, обращаясь к своим людям. Учитесь! Моя школа. Я не спускаю взгляда с Серого. Сука, посмотри же на меня!

Heт, он не посмотрит. Остаётся Тарасов. Как-никак бизнесмен. Можно договориться.

- Убийство полицейского, это не собственных служащих мочить, высказываю мысль. Должно же что-то на него подействовать.
 - Какая разница? Все вы крысы. Что они, что ты. Правда, Сергей?

– Правда, – недовольно бросает Серый.

Надо же! Он ещё недоволен!

Кулаки непроизвольно сжимаются. Неприятное чувство в груди перерастает в ощущаемую боль. На хрен всё! Бросаюсь на Серого. Только теперь он оборачивается. Вижу его взгляд, полный ненависти. Как я мог так ошибаться, успеваю подумать я. Затем всё темнеет. Теряются мысли...

Открываю глаза. Всё плывёт. Гул в ушах. Сильная боль пульсирует в правой части лица. Чувствую, как под руки меня подхватывают двое парней, что всё время молча стояли за спиной Тарасова. Оборачиваюсь на Серого. Тот потирает огромный кулак-кувалду.

— Уберите его нахер! — слышу сквозь звон в ушах его голос.

Пытаюсь вырваться. Но сил нет. В ответ получаю несколько сокрушительных ударов по почкам, голове, в солнечное сплетение. Задыхаюсь от боли, на губах кровь вперемешку с дорожной пылью — лежу на земле. В голове расплываются мутные пятна.

Меня снова подхватывают под руки.

Тарасов подходит ко мне на расстояние вытянутой руки. Снимает очки. Кривит губы в издевательской улыбке. Знает, что я ничего ему не сделаю. Не сейчас. Только бы выбраться — придушу.

- Вот, что я придумал... Есть у меня ещё один товарищ любитель сотрудничать с полицией. Юра Никитин. Всё верно, Сергей? Он тоже стучит на меня?
 - Верно, сплёвывает Серый.
- Вот хочу показать ему настоящую смерть. Всё думал, где её достать... Эти любители реальных воспоминаний так уязвимы. Пусть кайфанёт напоследок, вспомнит твою смерть.
- Отличная идея! говорит Серый и садится в машину. Всё, что угодно, лишь бы я его больше не видел.

Раздаётся свист шин, поднимая столбы пыли, и авто моего напарника скрывается за воротами.

И тебя придушу. От этой мысли хочется улыбаться.

— Ну вот и всё! Неправильно себе друзей выбираешь... — обращается ко мне Тарасов. И, сощурив глаза, скалится. — И врагов тоже! Давайте, заканчивайте!

Меня волокут к тяжелой машине. Только теперь я понимаю, откуда доносится то самое шипение и лязг металла. За большим ангаром стоит огромный пресс, в котором старый автохлам превращается в груды спрессованного железа.

Знаю, что меня ждёт. Эти уроды ничего не скрывают. Но всё вокруг словно бледнеет, или темнеет... Размывается и становится неважным. Только бы добраться до этих ублюдков.

Оглядываюсь по сторонам. Нужны силы. Есть только один шанс.

Резко, что есть сил, тяну на себя правую руку. Она свободна. Ожидаемый удар — пригибаюсь. Хватаю за шкирку бритоголового, коленом попадаю ему в голову. Отталкиваю тяжёлую тушу, словно мешок с дерьмом, на второго урода.

Выхватить пистолет... Мысль обрывается грохотом.

Дикая боль пронзает правый бок. Подкашиваются ноги. Отчаяние заполняет разум. Сквозь муть слёз вижу третьего парня, который стоит с пистолетом в руке. Хватаюсь рукой за бок — горячая кровь липнет к рукам. Падаю на землю. Холодно. Всё плывёт и вертится, словно дикий «вертолёт» после пьянки. Вместо жестяного пейзажа кровавая дымка. Меня волокут по земле. Из-за гула едва различаю голоса.

Передавай привет Юрию! — смеётся Тарасов.

Чувство беспомощности разрывает меня изнутри сильнее боли. Даже смерть не так страшна. Но неужели я проиграл? Им всё сойдёт с рук. Я уничтожу их! Смеюсь, отхаркиваясь кровью. Всё равно будет так... Как? Эта мысль тонет в разрывающем мозг вихре. И всплывает ответ.

«Передавай привет, Юрию!» — смех Тарасова отдаётся в больном сознании.

Я передам ему привет, сука!

Вот она спасительная мысль.

Юра, привет! Слушай, слушай меня и просыпайся!

Это всё происходит не с тобой! Я — не ты, и это — не твои воспоминания! Просыпайся, сукин ты сын! Просыпайся!

«Передавай привет, Юрию!» — звенит в голове. Больше ничего не остаётся.

Слушай меня! Слушай себя! Ты не здесь! Разве ты можешь быть на этой свалке? Сидишь дома на своём гребаном диване. В теплых тапочках. Давай, Юра! Просыпайся...

Белые стены расплываются. Сердце бешено колотится в груди. Незнакомая комната. Или... Начинаю узнавать. Я у себя дома? Точно: книжный шкаф, письменный стол, диван и кресло, в котором я сижу. На стене фотографии в гипсовых рамках в стиле прованс, с которых на меня смотрят отец, мать, сестра. Когда-то среди них была и Лера — была да сплыла.

Тянусь к мнемофону, но не могу нажать на кнопку — руки дрожат, как после дикого бодуна. Перед глазами ухмылка Дмитрия Тарасова.

- Всё, что угодно, лишь бы я его больше не видел! голос Серого звучит, как наяву. Я испуганно оборачиваюсь. Никого нет.
 - Придушу тебя, неожиданно срывается с моих губ.

Кто я?

Вновь смотрю на фотографии. С самой большой на меня смотрит щуплый очкарик. Так точно— это я. Юра Никитин. И всегда им был, кроме тех воспоминаний, которые мне даёт Роберт. Вот же гад!

А как улыбался мне сегодня! Точно всё знал...

Вспоминаю репортаж по телевизору, который так его заинтересовал. Мёртвый полицейский... Тогда я спросил Роберта, знал ли он его. Зачем? Закрываю глаза ладонями— ведь я тогда спросил себя! Не потому ли, что смотрел на собственный труп?

Я был этим самым полицейским. Стасом Митрофановым.

Задыхаюсь от этой мысли. Встаю, держась за спинку дивана. Подхожу к окну — нужен свежий воздух. Вокруг уже белым-бело. Первый робкий снег за время моего «отсутствия» перерос в метель.

«Им всё сойдёт с рук», — чужая мысль раскалённым сверлом вонзается в мой разум.

Перед глазами лицо Серого, Тарасова, и... Владимира Петрова: губы чуть искривлены, челюсти сжаты, глаза зажмурены. Володька! Мы работали с ним в соседних кабинетах. Но я даже не знал, что он умер.

- Небось ещё и убийц прикрываете? опять чужой голос слышится в голове. Чужой, но знакомый. И сладкий аромат бархатной кожи застывает в воздухе. Цветочный запах шампуня. И моя ладонь ложится на её грудь, проходит по плечам и талии...
 - Ты трус, долбаный трус! словно будильник звучат её слова.

Шла бы ты! — думаю я. Но эти мысли не мои. Я бы никогда не сказал Марине такое. Она же ангел. И даже воспоминания о ней делают меня счастливым.

- Я не трус! — говорю вслух, будто обращаюсь к ней. — Он трус, но не я. Тут же становится стыдно за свои слова. Он спас меня. Или не меня вовсе? Он хотел отомстить?

*Я уничтожу вас!» — эта мысль звенела у него — у меня — в голове перед смертью-пробуждением. А что сейчас? Я всё ещё хочу этого. Точно так же я хочу и Марину.

Беру диск из мнемофона, проверяю индикатор. Он не стёрт. Все воспоминания осталось на диске! Ведь я не умер...

Мариночка, Мариша... Хотела сенсацию? Она есть у меня. Посмотрим, насколько сильны твои амбиции! Странное чувство мести просыпается во мне. Или не во мне?

Номер телефона набираю не задумываясь. Только вовремя вспоминаю, что она не знает меня. Палец замирает над зелёной кнопкой.

Но ведь я её знаю.

Я знаю тебя, моя красавица.

- Привет, Юра, - зачем-то говорю я перед тем, как нажать кнопку вызова.

Анна Михалевская

ЧЕТ-НЕЧЕТ, И ПУСТЬ ЕМУ ПОВЕЗЕТ!

На сей раз Вьюн попался. Нутром чуял, что попался. А нутро его никогда не обманывало. И дернула же нелегкая ввязаться в спор с Шелудивым! Стащить бутыль вина из графского погреба — это вам не кошель на рынке срезать! Его сиятельство воров на дух не переносил и не стеснялся показательных казней. Ходили слухи, что и на Дно сослать мог, если крепко разгневается.

Шпоры на сапогах стражи все громче бряцали о брусчатку. «Даже седлать коней не стали», — с обидой подумал Вьюн. Решили, мол, не туз козырный, и его карта уже бита.

Их правда. От ослепительно-белого графского дворца Вьюн далеко не успел убежать — взлетел по лестнице, соединяющей площадь у гавани с ремесленными кварталами, свернул в лабиринт переулков. В обычное время запруженный тележками ремесленников, сейчас квартал пустовал. Оно и понятно — кто же из добропорядочных горожан станет разгуливать по Либону на третий день Сотворения.

Вьюн обогнул дом с нарядными резными ставнями и побежал в конец длинного тупика. Давным-давно он проделал в глухой стене тайный лаз, который частенько потом выручал.

Проклятье! Вьюн уперся носом в свежую кладку. Кто-то замуровал ход. И он даже знал — кто. Шторм бы побрал Шелудивого!

Вьюн нащупал под надетым на голое тело камзолом высохшую лапку ящерицы, приложил к губам. Святая трехвостка, помоги! Поудобнее примостил бутыль за пазухой, поправил перевязь с виуэлой.

Как только стражники схватят Вьюна, вся его прыть мурене под хвост. Против алебард, подземелий смертников и топора палача у него нет в запасе финтов. Надо решаться сейчас.

«Чет-нечет, и пусть мне повезет!» — вертелась на языке любимая присказка предателя Шелудивого.

Вьюн бегом вернулся к нарядному дому, подобрал камешек, бросил в ставню. Створка дрогнула, Вьюн упал на одно колено, выхватил виуэлу и со всем чувством, на какое был способен, запел:

Все знаешь ты, ничего ты не знаешь, Потерян, слаб и устал. Надежда уйдет, и снова ты станешь Искать, где ее потерял. Тропа, проложенная другими — На душе твоей пыль и прах...

Но хочешь ли ты написать свое имя, Имя— на облаках?²

Мелькнули бычьи колеты стражников, блеснули алебарды.

Сейчас все зависит от хозяйки: прогонит, или улыбнется. Если повезет, его примут за бродячего менестреля и...

— Проваливай! Ишь, разгулялось муреново отродье в проклятые дни! — в окне появилась толстуха-служанка в посеревшем от пыли чепце и замахнулась ночным горшком.

Вьюн едва успел отпрыгнуть, почему-то больше всего переживая, как бы уберечь от помоев инструмент.

Под ноги выкатилась большая, с ладонь, ракушка, нос башмака запнулся, Вьюн понял, что падает, и повыше поднял руку с виуэлой.

Перед ним, как во сне, зависли торжествующие лица стражников. И мир стремительно начал гаснуть.

* * *

Cначала был вечный океан — без земли, солнца и луны.

В океане жил гигантский моллюск-ммири. Его ракушка закручивалась в спираль, и чем дольше жил моллюск, тем больше витков становилось у раковины. Однажды ракушку увидел Оан — человек, сотканный из звездной пыли. Он захотел проникнуть внутрь раковины, но не смог найти щели. И тогда Оан собрал весь жар звезд, что был в нем, опалил моллюска дыханием, и ракушка открылась.

Оану понравилось плавать в красивой раковине, но там оказалось темно и тесно. Сколько человек ни пытался раздвинуть стенки ракушки, у него ничего не получилось. От усталости он заснул и видел сны о прекрасном мире, а когда проснулся и пошарил рукой возле себя, нашел огненную ящерицу-трехвостку гвэрэ...

* * *

Сказки матери из далекого детства... Такие не услышишь от храмовников обители Великой ракушки. Те лишь твердят, что надо любить ракушку и бояться Сотворения — каждое может стать погибелью мира.

Вьюн поморщился, приготовившись к вони помоев, но ощутил лишь жаркое дыхание суховея. Открыл глаза, потер ушибленный бок. Поднялся.

Кругом жухлая трава, потрескавшаяся земля густо усеяна крупными осколками раковин. Ни деревца, ни захудалого домишки, ни одинокого

² Здесь и дальше приведены отрывки из стихотворения Ирины Зауэр «Имя на облаках»

путника. Ремесленный квартал Либона, разъяренная стража, неприветливая служанка— все будто сгинуло в вечном океане.

Неизвестно, что хуже — графский гнев, или эта похожая на дно высохшего моря пустошь...

Святая трехвостка, да он и правда на Дне!

Вьюну стало нечем дышать, будто толща невидимых морских вод придавила его всей своей мощью. Захотелось во что бы то ни стало вырваться из ловушки. И он побежал, не разбирая дороги...

Силы быстро закончились, и Вьюн, тяжело дыша, упал на колени.

В Либоне о Дне помалкивали. Как туда добраться, ни один трактирщик не расскажет. Идти ли на восток, в пустыню, плыть морем на юг к темнокожим аврам, или на запад — через океан к островитянам. Искать ли его на земле, или в призрачном нижнем мире Великой ракушки... Оттуда не возвращались. По крайней мере, о таких не знали.

Вьюн поправил перчатку на правой руке, сплюнул. Провел языком по нёбу – зубы на месте, значит, стражники бить не стали. И за что ему такая честь?

Из-под прохудившегося башмака выскочила трехвостка— не гвэрэ, конечно, обычная ящерка. За ней шмыгнули еще две, недовольно потряхивая хвостами-трещотками.

Как же он сюда попал, начал гадать Вьюн. Неужели графская стража выбросила бесчувственного с повозки? Но не ради ж мелкого воришки тащились они на край света. Вьюн хлопнул себя по бокам — да и бутыль вина на месте.

Он вспомнил выскользнувшую под ноги ракушку и странное ощущение — будто летел сквозь перламутровый тоннель. Нет, не летел. Падал. Все ниже и ниже...

В неделю Сотворения что угодно приключиться может. Люд по домам сидит, да с закрытыми ставнями. Если кто и выходит за порог — по крайней нужде или из глупого любопытства. Но его, удачливого вора по кличке Вьюн, гнала не нужда — мечта. Когда-то давно, выброшенный на улицу, он поклялся, что найдет самую большую в мире драгоценность. Понадобится — украдет, заберет силой, но из рук не выпустит. Знал, что однажды ему повезет. И старался не упускать шанса.

Понадобится — украдет, заберет силой, но из рук не выпустит. Знал, что однажды ему повезет. И старался не упускать шанса. Ждать нечего — завтрашний день может сдать не лучшую карту. Если люди не сумеют угодить Великой ракушке, после проклятых дней жизнь станет невыносимой. Какой была в первые десять лет Вьюна — непрестанный пронизывающий ветер то приносил в Либон лютый холод и мор, то гнал гигантские волны на город, то мучил его нищетой и голодом. Но и Сотворение не щадило никого. У пристани, да в бедных рыбац-

Но и Сотворение не щадило никого. У пристани, да в бедных рыбацких кварталах нет-нет и попадались выкрученные судорогой тела: частью плоть, а частью — покрытые перламутровой коростой иссушенные кости. Или россыпи черного жемчуга — крупного, со спелое яблоко величиной

и с уродливыми наростами. Жемчуг не подбирали, брезговали. А уж обглоданных трехвостками мертвецов и вовсе было не сосчитать. В проклятые дни ящерицы лезли из всех щелей и становились очень опасны.

Вьюн огляделся, прищурился, прикрыл ладонью глаза от солнца. Он слыл одиночкой, ни с кем не делил ни кров, ни дело. Но рядом сновали люди. Те, кого можно ограбить, надуть, обыграть в кости. А теперь в чистом поле— да без дорог, без следов от телег и карет, без привычного гомона торговцев и рабочего люда в гавани — Вьюн растерялся.

Он нащупал за спиной виуэлу, перебросил вперед и только успел провести раз по струнам, как услышал стон.
В другое время убежал бы от беды подальше. Но сейчас любопыт-

ство пересилило.

— Кш, — Вьюн замахнулся на стайку ящериц, те бросились врассыпную, загремели трещотками.

В траве лежала молодая девушка. Простоволосая, в льняной невыкрашенной юбке, рубашке без кружев, деревянных башмаках. Кошеля на поясе нет, украшений тоже, привычно отметил детали Вьюн. Лицо девушки то краснело, то становилось чуть ли не прозрачным, на открытом плече появлялись похожие на ожоги пятна и тут же сходили.

Девчонка, небось, хворая — хлопот с ней не оберешься, а проку никакого. Вьюн передернул плечами. Побыстрее бы отсюда выбраться. Он развернулся и побрел восвояси, сминая чахлый ковыль.

В спину ударил новый протяжный стон. Он остановился. Десять лет назад девятилетний мальчик Каэтано нашел окоченевшее тело матери под соседским забором. Отец, лица которого он не помнил, давным-давно ушел от них, и мать плясала на площадях, зарабатывая на корку хлеба. В ту ночь она возвращалась к сыну с пустыми руками — если не считать судорожно стиснутую высохшую лапку трехвостки, ее талисман.

Вьюн скрипнул зубами. Глянул на незнакомку еще раз. Руки чистые, пальцы розовые, без синюшного отлива, да и черных пузыристых наростов нет — мора бояться нечего.

Девчонку надо просто отвести домой. Поможет ей, и дело с концом. Он осторожно подошел к девушке. Та металась на траве, будто хотела вырваться из какой-то невидимой сети. Почувствовав его приближение, села, распахнула темно-синие, как штормовое море, глаза, недоверчиво глянула на Вьюна.

« $\check{\mathrm{C}}$ ейчас прогонит», — с облегчением подумал он. Но раз встретил живую душу, не грех и парой слов перекинуться.
— Эй, дона, куда путь-то держим?

Девушка мотнула головой, отпрянула от Вьюна.

— Заплутала что ль?

Обескураженный холодным приемом, Вьюн забыл о желании побыстрее сбежать и придвинулся поближе. Хотел притронуться к плечу девушки, но та остановила его руку.

- Беда... беда... слова падали, как капли дождя в море, растворяясь в толще воды и оставляя после себя звенящую пустоту.
 - Какая беда, где?

Незнакомка лишь жадно глотала воздух, будто выброшенная на берег рыба.

Вьюн тряхнул девушку, пытаясь привести ее в чувство. Та вскрикнула, и он с ужасом увидел, как волосы незнакомки осьминожьими щупальцами принялись оплетаться вокруг его запястий.

Он отступил, щупальца безвольно повисли и снова стали светлыми прядями. Показалось? Или это Дно играет с ним злую шутку? Святая трехвостка, почему он сразу не ушел! Вьюн досадливо поморщился.

- Быстрее, идем! незнакомка оживилась, потянула за собой.
- Погоди, звать тебя как?

Девушка не ответила, пожала плечами, будто и ей было невдомек, как могла забыть свое имя.

Пятно ожога на плече расползлось и напомнило очертание острова. Похожий он видел на старинной карте, обнаруженной под соломенной подстилкой матери. Дело было прошлой луной, Вьюн всю ночь корпел — дорисовывал на обрывке кожи сундуки с сокровищами. Наутро, чуть не поплатившись головой, выменял карту несуществующих кладов у флибустьеров на виуэлу. Как сумел удрать из тесного трюма пиратской шебеки — сам толком не понял.

Вьюн смерил незнакомку взглядом: полоумная, что с нее взять. Но не оставлять же одну посреди пустоши. Доведет до ближайшей деревни, сбросит камень с души, заодно и дорогу в Либон выведает. Если она вообще существует...

Он поддержал девушку — та была слишком слаба, все норовила запутаться в зарослях чертополоха и ненароком упасть — и повел наугад сквозь высохшие поля.

Чет-нечет. И пусть ему повезет!

* * *

Сколько Оан ни пытался раздвинуть стенки ракушки, у него ничего не получилось. От усталости он заснул и видел сны о прекрасном мире, а когда проснулся и пошарил рукой возле себя, нашел огненную ящерицу-трехвостку гвэрэ.

Гвэрэ вырвалась из рук Оана и принялась оббегать внутреннюю стенку раковины моллюска. От этого ракушка стала расти— и верхний свод раковины превратился в небо.

Оан дунул на небо, и там зажглись звезды.

Хоть гвэрэ и помогла Оану, она потеряла два своих хвоста и замертво упала к ногам человека. Но он оживил ящерицу и поместил на восток, превратив в солнце.

* * *

Солнце подожгло травы на горизонте и провалилось в карман степи. В синем сумеречном воздухе вспыхивали блестящие белые всполохи, будто сквозь гигантские надрезы проступал перламутровый небесный свод. Вьюн вдруг подумал: может, и правда, они живут в огромной ракушке, и ничего в этом мире нет, кроме вездесущих яшериц и хрупких стенок раковины.

Шли весь день без привала. Девушка быстро выбилась из сил, но упрямо тянула его в каком-то одной ей известном направлении. Остановились лишь раз — освежиться вином из графских подвалов.

Вьюн так и не смог допроситься, как незнакомку звать, и, устав от бесплодных попыток, вызвался сам придумать имя. Примерил, как платье, несколько, остался недоволен. И в конце концов решил: Адинья. Девушка не возражала, казалось, ей это безразлично...

Перед тем, как ночь обрушилась на них кромешней теменью, Вьюн успел различить очертания деревеньки. Не больше семи глинобитных хижин, камышовый настил вместо крыши, неровный частокол забора.

Горячий ветер сменился пронизывающим, чуть не ледяным, вестником дурных времен.

Вьюн хмыкнул. Если их не пустят на порог, ночка предстоит беспокойная. Глянул на согнувшуюся под ветром дрожащую девушку. Помрачнел. Только Великая ракушка знает, дотянет ли Адинья до рассвета. Больно мудреная хворь у девчонки. И укрыться негде.

Он ускорил шаг, перемахнул через невысокий забор, принялся тарабанить в хлипкую дверь стоящей на отшибе хижины.

Послышался пронзительный детский плач, оборвался. Повисла тяжелая тишина.

- Кто там? откликнулся встревоженный женский голос.
 Добрая дона, впустите на ночь!

Внутри долго возились, и наконец дверь со скрипом открылась. На пороге стояла хозяйка— одной рукой прижимала к груди младенца, в другой держала едва тлеющий огарок свечи. Сгорбленная, с изможденным лицом, скорбно опущенными уголками губ, женщина выглядела, пожалуй, не лучше Адиньи. Ребенок скривил личико, покраснел и снова зашелся в плаче. Всполох огня упал на плечи хозяйки, и Вьюн отчетливо увидел перламутровые проплешины на коже женщины — от шеи до груди тянулась цепочка блестящих пятен.

Он невольно схватился за руку в перчатке, опомнился, спрятал за спину. Женщина испуганно огляделась. Соседские хижины ожили: скрипели двери, люди подходили к частоколу — кто с лучиной, кто с факелом, и Вьюну казалось, он видит россыпи черных жемчужин в гавани. Нет, это все морок, с перламутровой

россыпи черных жемчужин в гавани. Нет, это все морок, с перламутровой коростой живых не бывает. Хотя, кому как не ему знать...
— Она пусть остается, а ты уходи! Здесь пришлых не любят, — прошептала женщина и глазами указала вниз, чуть опустив свечу.
Из кармана передника виднелась краюха хлеба. Вьюн ловко выхватил подарок, спрятал за пазуху. Странное дело — в кои-то веки взял то, что дали по доброй воле, а на душе стало гадко, будто ребенка обокрал.

что дали по доорои воле, а на душе стало гадко, оудто реоенка ооокрал.

— Спасибо, дона, — голос сорвался на хрип.

— Потом вернетесь, — одними губами произнесла женщина, — во дворе переночуешь, но с рассветом, чтоб и духу не было...

Вьюн подхватил Адинью и под испепеляющим взглядом соседей увел девушку снова в степь. Спасаясь от холода, сели в обнимку. Вьюн отдал засохшую краюху Адинье и молча смотрел, как она жадно ест.

Вернулись в хозяйский двор тайком, когда потревоженная деревня

успокоилась и крики стихли. Ни сарайчика, ни погреба, ни курятника Вьюн не нашел — пришлось с головой зарыться в стог скошенных трав. Думая лишь о том, как согреться, Вьюн крепко прижал к себе девушку. Адинья не отстранилась, наоборот — доверчиво потянулась к нему. Запах полыни и мяты смешался с морским — водорослей и соли, и Вьюн долго гадал, в какой стороне здесь море, пока не понял, что так пахнет Адинья.

Он проснулся засветло, едва ночь уступила место рассветным сумеркам. Девушка крепко спала— так даже лучше. Вьюн стянул перчатку, размял руку и снова натянул— пальцы привычно коснулись дубленой кожи. Осторожно поднялся, последний раз глянул на Адинью. По волосам девушки пробежала волна, однако на сей раз они не стали его хватать

за руки.

Вьюн бесшумно скользнул к забору, перепрыгнул частокол и побрел по степи.

«Адинью здесь не тронут. А мне легче будет выбраться в одиночку», — размышлял он, пиная башмаком шары перекати-поля.
Дорогу вчера так и не узнал, не до того было. Решил идти наугад — может, сегодня повезет больше.

Лицо обожгло раскаленным воздухом.

Откуда суховею взяться рано утром, когда зуб на зуб не попадает? Вьюн принялся озираться, стало неуютно: привык сидеть в засаде и наблюдать за другими исподтишка, а здесь — как выброшенный на солнечный берег краб.

Он замер, не в силах оторваться от жуткого зрелища. На горизонте бушевали волны огня, выплескивая вверх пену черного дыма. Желтокрасная пасть пожара стремительно приближалась, грозя позавтракать деревушкой еще до рассвета.

«Бежать! И чем быстрее, тем лучше!» — решил Вьюн.

Наверняка здесь пожарища не первый раз пылают, жители знают, что делать. Как-то справятся. И Адинью не бросят. Это его, чужака, невзлюбили, а о девушке позаботятся.

Стараясь не смотреть на пылающую стену, Вьюн бросился наутек. И уже, задыхаясь от бега, вспомнил бессвязные слова Адиньи: «Беда, беда...». А ведь девушка знала, что будет несчастье, поэтому привела его в деревню! Верила, что Вьюн поможет. Понадеялась на беспутного воришку...

Он резко остановился... Маленькое селение проснулось — плакали дети, ржала лошадь, истошно мычала корова за покосившимся забором. Женщины с детьми жались к окраинам, рядом, опустив головы, стояли двое лысых, худых, как жерди, мужчин.

— Покажите колодец! — кричал Вьюн, срывая голос.

Его будто не слышали.

Он ворвался к давешней хозяйке, та сидела на скамье и как ни в чем не бывало качала ребенка.

Где воду брать? — выпалил Вьюн сходу.
 Женщина подняла на него уставшие глаза.

- Пересох наш колодец...
- Почему не бежишь?
- Она не уйдет. Ближе к зиме голодная замерзнет в поле. Куда бы здешние ни пытались бежать, дорога возвращает их обратно, к дому. Это говорила Адинья. Вьюн и не заметил, как девушка вошла в хижину.

Откуда ты знаешь?

Адинья одарила его пронзительным взглядом.

— Помоги им, у тебя получится!

Вьюн хотел возразить, но осекся. «Ближе к зиме голодная замерзнет в поле»... Это не должно повториться.

Чет-нечет, и пусть ему повезет!

Он опрометью бросился наружу, глянул на горизонт. Шелудивый был не лучшим товарищем, бывало даже ходил под черным парусом с пиратами, но уже немолодой, битый жизнью, он знал много фокусов. В конце концов удалось же пройдохе обвести Вьюна вокруг пальца, а это дорогого стоило! Чему-то Вьюн не верил, что-то пропустил мимо ушей, но трюк с огнем сам не раз проворачивал.

Он нащупал в карманах огниво, подобрал на крыльце выпавшую в спешке лучину. И побежал навстречу стене пожара.

Воздух нагревался и дрожал маревом, но торопиться было нельзя, впрочем как и опаздывать.

Вьюн оглянулся, увидел одинокую хижину, вспомнил печальное лицо хозяйки и надежду в глазах Адиньи. Он не имеет права на ошибку.

Наконец ветер переменился, ударил в спину. Теперь новый огонь не пойдет на деревню, ветер погонит его навстречу пожару.

Вьюн выхватил огниво, чиркнул кресалом о кремень, поднес лучину. Искра погасла, он снова взялся за дело.

— Давай же, гори! — заорал Вьюн, и, будто послушавшись, лучина занялась.

Он принялся поджигать полоску травы — прямо напротив стены огня. Надо, чтобы пожар разгорелся не меньший, чем тот, что идет навстречу.

Огонь лизал пятки, едкий дым забил нос, но Вьюн, как безумный, бежал по степи, а за ним змеился охристый хвост пламени...

Когда два врага-пожара грудью схлестнулись в схватке, а потом, сшибив друг друга, рассеялись пеплом в воздухе, Вьюн не поверил глазам...

Он вернулся в хижину, опустился на скамью, вытер испачканное сажей лицо. Хозяйка пододвинула кружку воды.

— Спасибо, — она неожиданно улыбнулась, и что-то в сердце Вьюна дрогнуло, радостно и звонко, будто запела струна виуэлы. — Я знаю, ты ночью хотел уйти, — шепнула на ухо хозяйка.

Он опустил глаза и долго изучал выстланный соломой пол, прежде чем осмелился посмотреть на Адинью.

Девушка стояла в дверях, будто снова звала куда-то. Пятно на плече исчезло, лицо сделалось белым, совсем прозрачным. Если бы Вьюн верил в привидения, подумал бы, что Адинья— чей-то заблудившийся дух.

* * *

Хоть гвэрэ и помогла Оану, она потеряла два хвоста и замертво упала к ногам человека. Но он оживил ящерицу и поместил на восток, превратив в солнце.

Оан отправился гулять по раковине и нашел хвост, из которого сочилась соленая вода. Так капля за каплей натекло море. Человек сжал в кулаке хвост и бросил на запад, превратив в луну.

На берегу моря Оан обнаружил второй хвост гвэрэ и захотел сделать из него подобного себе. Но тот обернулся живой ящерицей и выскользнул из рук. Оан рассердился и превратил ее в жемчужину.

* * *

- Что было потом? глаза Адиньи горели неподдельным интересом.
- Потом... Вьюн скорчил хитрую гримасу, ни одна гвэрэ больше не теряла своих хвостов.

Девушка рассмеялась.

За день Адинья оживилась. Казалось, степной ветер развеял загадочную хворь без остатка...

Не сговариваясь, пошли на юг.

Адинья что-то знала про Дно, и Вьюн надеялся, что рано или поздно выпытает у нее, как отсюда выбраться. Очень не хотелось превратиться в «здешнего» и каждый день, как цепной пес, возвращаться в прохудившуюся лачугу.

Пока брели по рассохшейся, с островками песчаных насыпей, земле, Адинья ни на миг не умолкала, терзая Вьюна вопросами, на которые он и сам не знал ответа. Где его дом, что он делает, когда остается один, куда подевалась рубашка и откуда взялся расшитый золотом камзол, зачем таскать за собой сухую лапку трехвостки, и почему глаза у него разноцветные — зеленые с темными звездочками внутри...

Вьюн больше молчал да отшучивался. Не скажет же он Адинье, что дома у него нет и не было, у распорядителя графского двора оказалась сговорчивая служанка и хлипкие засовы, а в сундуке — много парадных камзолов и ни одной рубашки; да и глаза меняют цвет только, когда он чует опасность...

Вечером на привале, раззадоренный любопытством девушки, он выболтал ей все сказки про Оана. Уютно потрескивал прирученный неопасный огонь в костре. Они только поужинали гостинцами, которые собрали жители деревеньки в благодарность — лепешки, коровий сыр, горстку ягод — не ахти какая трапеза, но она показалась Вьюну роскошным пиром.

 Каэтано, — тихо позвала девушка, — как ты здесь оказался? Вьюн вздрогнул, как от раската грома, он и не заметил, когда с языка сорвалось настоящее имя.

- Я не очень хороший человек, Адинья. Обокрал графский подвал, вот и попал на Лно.
 - Неправда, ты совсем не знаешь, кто ты.
 - А ты знаешь, кто ты? огрызнулся Вьюн.

Как же ему надоели эти недомолвки!
— Не до конца. Но в свое время узнаю, — Адинья погрузилась в размышления и, казалось, не заметила едкого тона.

Повисла долгая пауза.

«А девушка славная», — вдруг подумал он. На дне синих глаз крылась тайна, и Вьюну во что бы то ни стало захотелось ее разгадать. Как хочется открыть сложный замок, найти лазейку там, где ее быть не может, или украсть то запретное, что никто не осмелился взять раньше.
Он достал виуэлу, легко коснулся струн и, не отрывая взгляда от

девушки, тихо запел:

...Скажи себе, кто ты, спроси себя, где ты — И в этом вот тайны все.

Даже те, кто в песнях воспеты, Шли босиком по росе. Может и нужно гордиться ими, Героями, что в веках... Но хочешь ли ты написать свое имя — Имя — на облаках?

Заря как пламя и мир зажженный Сгорать будет вновь и вновь, Чтоб ты родился опять, воскрешенный, Готовый признать любовь. Нельзя оправдывать холодом зимним Сердце, что вмерзло в лед. ...Но хочешь ли ты написать твое имя Там, где любой прочтет?..

Лицо Адиньи засветилось, будто за хрупкой фарфоровой маской кто-то зажег свечу. Девушка улыбнулась, опустила глаза, стала наматывать пряди на палец.

Святая трехвостка, неужели смутилась? Вьюн почему-то обрадовался. На душе стало необыкновенно тепло. Словно глубоко в сердце свернулся калачиком пушистый котенок. Отчаянно захотелось протянуть руку, коснуться Адиньи, и пусть бы котенок замурлыкал, заурчал от удовольствия.

Удивленный, сбитый с толку, он замолчал. Отложил виуэлу, пересел поближе к Адинье.

И не успел понять, в какой миг тепло исчезло.

По лицу девушки рябью пробежала тревога, тонкие черты исказились, Адинья зажала рот рукой и принялась кашлять взахлеб.

Что с тобой, дона?

Вьюн обнял ее за плечи, принялся гладить по голове.

Девушка отняла ото рта руку, и Вьюн увидел в раскрытой ладошке мокрые от слюны ракушки и водоросли.

Она растерянно посмотрела на него и зашлась в новом приступе похожего на лай кашля.

Вьюна прошибла тревожная догадка.

Адинья, опять где-то стряслась беда?

Девушка попыталась ответить, но он услышал только хрип.

– Куда идти? В какую сторону?

Она беспомощно протянула раскрытую ладонь. Застрявшие в водорослях ракушки...

- К морю?

Адинья кивнула и схватилась за горло, будто могла так остановить проклятый кашель.

Пригревшаяся у костра трехвостка бросилась наутек.

* * *

В рыбацкий поселок они дошли к полудню.

Соломенные лачуги жались ближе к берегу, тут же качались на приливной волне и били друг дружку боками утлые лодки. Соленый запах моря смешался с насыщенным духом рыбьих потрохов, под ногами скользила чешуя, сушились на солнце не раз чиненные сети.

Снялись ночью — девушка наотрез отказалась ждать рассвета. Как только они, подгоняемые криками невесть откуда взявшихся чаек, вышли на западную тропку, Адинье стало легче. Может, помог чай из трав, что Вьюн успел на скорую руку сварить на костре, а, может, еще что. Наверняка не скажешь...

В селении их встретили привычно мрачные люди со следами перламутровой коросты на теле. Адинью те будто не замечали, а Вьюну доставались тяжелые недоверчивые взгляды.

Девушка устремилась к берегу, Вьюн нехотя поплелся следом.

Из видавшей виды лодки в заплатах старик с девочкой-подростком тащили молочно-белую круглую рыбину внушительных размеров.

Молодая луа-луа, присвистнул Вьюн, вот это удача! Нежнейшее мясо детенышей считалось деликатесом, а из выдубленной рыбьей кожи шились самые прочные и нарядные плащи.

У старика — костлявого, с высушенной солнцем кожей и одуванчиком седых волос — уже не хватало сил справиться с луа-луа, девочку он жалел и пытался всю немалую рыбью тушу взвалить на себя.

Не успел Вьюн и глазом моргнуть, как Адинья оказалась рядом с рыбаком, поддержала выскальзывающий, похожий на кружевную юбку, хвост. Вьюн опомнился и тоже бросился помогать.

Старик одобрительно хмыкнул, глянул на него, но не по-злому, а с неожиданным любопытством. Луа-луа далеко тащить не пришлось лачуга рыбака оказалась чуть ли не у самой полосы прибоя. Девочка скрылась в хижине, вернулась с циновками, предложила гостям присесть. Она улыбнулась, сверкнули жемчужные с переливом зубы. Вьюну это показалось даже красивым.

Адинья бродила, не отрывая взгляда от морской глади. Вьюн снова почувствовал, как потеплело на сердце. Рассердился на себя, отогнал нечаянную радость.

Вдруг девушка обернулась, позвала, махнула рукой вдаль. «Что снова не так?» — забеспокоился Вьюн. И понял без слов — на горизонте чернел флибустьерский флаг. Еще до того, как старик разделает луа-луа, пиратская шебека пристанет к берегу.

Рыбак выронил нож, тяжело поднялся, прижал ребенка к себе. В удивительно ясных глазах старика мелькнул неизбывный страх.

— Не уберег я тебя, Ннека. Прости, девочка, — морщинистые руки старика крепко обхватили тонкие плечики. Он пожевал запавшим ртом,

и, не глядя на гостей, произнес, — всех нас заберут, кого продадут, кого забьют на галерах. Прошлой луной дочь отобрали, теперича внучку... Вьюн оглядел собравшуюся у берега жалкую кучку поселенцев. Дети

и старики — пираты здесь хорошо поживились.
— Адинья, нам надо бежать! — он схватил девушку под локоть.
— Как ты не поймешь, Каэтано, — разозлилась Адинья, — от себя

- не убежишь!

Рыбаки разом замолчали, уставились на Вьюна. Мурена раздери, что от него хотят на этот раз?! В одиночку от флибустьеров не отобъешься, он пробовал и чудом унес ноги. А старики и дети — не подмога.

- Ты все знаешь наперед, Адинья, да? Может, ты ворожея? огрызнулся Вьюн, — так почему не развернешь шебеку, не нашлешь шторм на проклятых пиратов, не спасешь людей?
 — Я не могу... без тебя ничего не могу. Пожалуйста, Каэтано! — глаза девушки затопила боль и какая-то совсем детская доверчивость.

Выон осекся, тряхнул головой. Что это с ним? Столько раз выкручивался из переделок, где другие прощались с жизнью. Неужели сейчас оплошает?

Думай голова, думай! Он прикоснулся к лапке трехвостки, в который раз огляделся, взгляд задержался на гигантской луа-луа. Откупиться от флибустьеров уловом? Слишком неравноценный обмен против полутора десятков юных рабов с перламутровыми зубами.

И тут снова пришла на помощь наука Шелудивого. Нет, ухмыльнулся Вьюн, он преподнесет пиратам совсем другой дар! — Эй, — крикнул он испуганным рыбкам, — всю свежую рыбу режьте на мелкие куски, разбрасывайте вокруг домов и бегите в степь, прячьтесь!

Сеть, живо!

— Сеть, живо:
Ящериц они с Адиньей нашли сразу за деревенькой. Любопытные трехвостки сновали рядом, однако в руки не давались, и чтобы изловить их, потребовалось немало усилий. В конце концов сетка наполнилась десятком ящериц, истошно гремящих хвостами.
Вьюн подождал, пока рыбаки отойдут подальше в степь, отослал с ними девушку, а сам присел на окраине и принялся ждать. Очертания шебеки стали четче, он мог различить косые паруса, вспарывающие

воду весла.

Еще чуть-чуть.
Стрекот хвостов становился все сильнее. Трехвостки чуяли запах свежей рыбы и не могли усидеть в тесной сетке.
Как только Вьюн выпустит ящериц и те начнут терзать рыбьи потроха, к берегу будет не подойти. Вмиг нагрянут сотни других трехвосток. Поодиночке ящерицы на людей не нападают, но раззадоренную запахом свежего мяса стаю трехвосток уже никто не удержит.

Он прикинул расстояние от шебеки до берега, удовлетворенно кивнул, открыл сеть и выпустил заждавшихся ящериц. Оглянулся лишь раз — поселок будто укрыли живым буро-зеленым

ковром.

Теперь флибустьерам не позавидует даже мертвец.

Старик долго не отпускал Вьюна, дождался, пока Ннека увела Адинью к берегу ловить крабов, и зашептал:

— Ее оставляют многие, но ты не бросай. Не родится мир, умрет ммири, не станет нас!

До Выона дошло, что рыбак просто перестал отличать явь от выдумки. Он невольно отстранился от старика. Но тот и не думал отступаться, только крепче вцепился в локоть гостя. Рука, обтянутая тонкой, почти черной от солнца кожей, была удивительно похожа на высохшую лапку трехвостки.

- Каждые десять лет, в Сотворение, Оан раздвигает стенки ракушки, и мир рождается заново, — старик опасливо оглянулся, будто его мог кто-то подслушать, — и посылает огненных трехвосток, а ящерки ищут человека, который станет для них луной и солнцем, морем и землей и тащат его на дно океана...

Для безумца глаза рыбака оставались слишком ясными. И Вьюн, завороженный этим взглядом, почти верил старику.

— Люди боятся и бегут от посланниц Оана. А он гневается и зако-

- вывает их в...
 - Жемчуг, закончил Вьюн.

Обноски, что заменяли старику рубаху, раздул ветер, открывая перламутровые полосы на впалой груди.

Здесь все были отмечены жемчужным проклятием, но не умирали, как в Либоне, а влачили жалкую безрадостную жизнь. Вот где настоящее дно, понял Вьюн, это не та земля, по которой они ходят, это пропасть, куда летят их души. И она гораздо страшнее, чем пустоши, пожары, пиратские набеги...

— Не бросай ее, сынок, — повторил старик, глаза его потухли, он отпустил локоть Вьюна и скрылся в хижине.

Будто и не было никакого разговора... Поселок оживился. Жители собирали недоглоданные ящерицами остатки припасов, спешно чинили прохудившиеся сети, снаряжали лодки.

Трехвостки уничтожили почти весь улов, но и отвадили флибустьеров надолго. Затаившись в зарослях ковыля, рыбаки наблюдали невиданное зрелище: разъяренные пираты, обвешанные десятками ящериц,

метались между хижин, беспорядочно рубили воздух абордажными саблями, натыкались друг на друга, вертелись волчком. В конце концов исполосованные острыми зубами трехвосток, флибустьеры погрузились в шлюпку и ни с чем вернулись на свою шебеку.

Лишь один головорез, забравшись по пояс в воду, все медлил и, казалось, высматривал что-то вдали.

Вьюн различил седую бороду, широкополую шляпу — Шелудивый никогда не снимал головного убора, и юноша догадывался, почему. Он тоже никогда не снимал при других перчатку.

Вьюн сидел на песке в сторонке и наблюдал, как Адинья перебирает у воды камешки. Тихо шелестели волны, опасливо выползали на берег крабы, чтобы тут же спрятаться под валунами, в хижине скрипела циновка— старик ворочался с боку на бок, видно, никак не мог уснуть. «Что я здесь делаю?»— спросил себя Вьюн и не нашел ответа. Почему до сих пор не попытался выбраться? Мог тайком улизнуть на пиратской

шлюпке, стал бы флибустьером, носил бы на перевязи абордажную саблю вместо виуэлы. Мог, да не мог...

Все это время он шел за Адиньей. Нехотя, то из корысти, то из необъяснимого чувства долга, и сейчас самое время попрощаться с ней. Здесь, у моря, девушка казалась совершенно счастливой. Он ей больше не нужен. Да и она ему тоже, спросит дорогу у кого-то другого... Вьюн стиснул лапку трехвостки. Вспомнилась фальшивая, подбро-

Вьюн стиснул лапку трехвостки. Вспомнилась фальшивая, подброшенная пиратам, карта и пятно ожога на плече Адиньи. Нет, ожог был не просто похож, он в точности повторял каждый изгиб замысловатого острова! Девушка чувствовала, где случится беда, ее тело давало подсказки. И флибустьеры не случайно оказались в поселке, сами они бы не нашли дорогу в призрачный мир Дна. Их провела сюда старинная карта матери. А это значит... Святая трехвостка, мама была здесь!

— Адинья, кто я? — он развернул девушку к себе, может, чуть грубее чем следовало. В глазах Адиньи мелькнула боль и сразу — понимание.

— Вспомнил? — девушка грустно улыбнулась, — теперь ты свободен.

- Иди, куда хочешь.

Как бы обрадовался Вьюн этим словам два дня назад, да еще сегодня утром, но сейчас им завладел всепоглощающий страх. Внутри повеяло холодом, будто только что разверзлась пропасть, куда вот-вот сорвется его душа.

— Не прогоняй меня!

Он стянул ненужную теперь перчатку, в темноте блеснул перламутром мизинец. Сжал руку девушки, поднес к губам, приложил к своей пылающей шеке.

И в этот миг все перевернулось. Сказки про Оана стали былью, а его прошлая жизнь в далеком Либоне— чьими-то глупыми грезами. Вьюн

почувствовал, что находится внутри раковины, и ладонь девушки — это гладкая жемчужная стенка. Он погладил волосы, те под его руками ожили, начали извиваться юркими трехвостками.

Адинья неуловимо менялась. Глаза темнели, черты лица то сглаживались, то проявлялись заново, словно девушка искала свой облик и никак не могла выбрать нужный.

Но Вьюну не было до этого дела. В нем разгорался жар, словно весь тот степной огонь, с которым он сражался, перебрался в сердце. Только на сей раз у него не осталось финтов, чтобы справиться с пламенем.

Он поднял Адинью на руки — крепко прижал к груди, стремясь разделить нестерпимый жар, припал к влажным губам.

Набежала волна, сбила Вьюна с ног. Они упали на песок...

Море проглотило их одежду, но будто побрезговав подношением, выплюнуло на берег.

Обнаженное тело Адиньи сверкало перламутром в лунном свете, девушка казалась ожившим диамантом, который Вьюн никогда не сможет украсть, только принять в дар, и он, не отрываясь от пьянящих не меньше выстоянного вина губ, прикасался к бархатной коже, с поистине пиратской жадностью читал карту ее тела, и проваливался все глубже в затопившую двоих нежность, в бешеный невозможный вихрь пожара и волн, огня и воды...

Вьюн ткнулся носом в плечо Адиньи. Вдохнул соленый запах пересыпанных песком волос. Девушка свернулась калачиком под его камзолом — единственной вещи, которую удалось спасти от воды.

И, не открывая глаз, улыбнулась.
— У нас будет сын, — прошептала Адинья.

* * *

Они снова куда-то шли. Девушка впереди, он за ней.

На горизонте росли крепостные стены и причудливые шпили, но как только путники подходили ближе, сотканные мертвой землей города рассыпались мелкими ракушками. Под ногами хрустели раковины—вот и все, что оставалось от манящих миражей.

Адинья была грустной и сосредоточенной. Вопросы Вьюна оставляла

без ответа и сама ни о чем не спрашивала.

В голове пойманной в силки птицей бились слова: «У нас будет сын». Наверняка его мать говорила то же самое другому избраннику огненных трехвосток. И через девять лун в бедняцких кварталах Либона родился он, Каэтано Пэрола. Мальчик с жемчужным мизинцем.

Вьюн удивленно посмотрел на палец. Он и не заметил, как перламутровая корка подобралась к запястью. Интересно, сколько ему осталось? Он догнал девушку, взял за руку — хоть так почувствовать ее тепло. Ладошка дрогнула и затихла.

- Зачем Шелудивый меня толкнул на Дно?
- Он твой отец, Каэтано...

Вьюн проглотил тугой ком.

— Ты еще можешь вернуться. — Синие глаза сверкнули тоской, и он понял, что Адинья боится. — Держи!

Девушка протянула Вьюну большую ракушку. Помнится, он наступил на такую перед тем, как провалился в пустоши.

— В Либоне меня никто не ждет, кроме графской стражи. А остаться здесь... — он задумался, — люди на Дне не живут и не умирают. Даже уйти не могут, приросли корнями к своим домам. Они все когда-то отвергли гвэрэ, да? И Шелудивый отверг, бросив мать... Должен найтись кто-то, кто отдаст их долги.

Он мягко отстранил руку Адиньи. Девушка выронила ракушку, и та затерялась среди других раковин.

Вьюн вдруг понял: не чет-нечет решает судьбу. Шелудивый умел бросать кости, но что с этого? Отец разбазарил себя на пустую удачу.

 Каэтано! — девушка порывисто обняла его, — я не знаю, что будет дальше. Это как шаг в бездну.

Вьюн проглотил комок. Только бы Адинья не увидела его смятения.

- Что мне делать на этот раз?
- Просто не оставляй меня.

Вьюн притянул девушку к себе, нежно поцеловал. На губах горчила соль — то ли слезы, то ли брызги моря. И еще до того, как разжать объятия, Вьюн понял — это прощание.

Неизбывная, неизвестная до сих пор горечь еще не случившейся потери в одночасье опустошила душу, вывернула наизнанку.

И чтобы хоть чем-то заполнить пустоту, он схватился за гриф любимой виуэлы, провел по струнам, будто погладил волосы Адиньи. Слова не шли с языка, забылись все песни, и лишь одинокий голос виуэлы звучал в бескрайней степи.

* * *

Перламутровый нож неумолимо разрезал небо, закатное солнце окрашивало облака в кровь, и те зияли свежим шрамом.

Вьюн сперва подумал, что увидел очередной ракушечный мираж, но стена не рассыпалась, лишь росла— странно, как все на Дне, сверху вниз падала жемчужная твердь.

Сорвался безумный, не имевший направления ветер— то бил в спину, то толкал в грудь, то вертел их с Адиньей, как щепки. Крупные капли не то дождя, не то соленых брызг летели в лицо.

Вьюн знал одно — он не должен выпустить руки спутницы. Остальное неважно.

Адинья повернула голову, ее губы произнесли: «Каэтано». Он не услышал голоса девушки — но имя подхватил ветер, оно прокатилось шорохом трав, отозвалось в дроби дождя. Весь мир теперь кричал имя, которым прежде его называла только мать.

И Каэтано стало спокойно. Сомнения, страх, боль — все сгинуло на Дне. Он понял, к чему так долго шел — надо перевести Адинью на ту сторону перламутровой стены и помочь новому миру родиться. Она важна, а он — просто вор, который случайно оказался рядом.

«Нет, — Адинья покачала головой, беззвучно отвечая на его мысли, без тебя не было бы меня. Ты дал мне имя, укротил для меня огонь, вывел к морю. Ты показал мне земную любовь. Это и есть сотворение. Мир не может родиться одиноким... «

Порыв ветра поднял их над землей, Каэтано закрыл собой девушку, зажмурился. Их с молниеносной скоростью понесло на стену, швырнуло, а Каэтано все не разжимал объятий.

«Отпусти», — прозвучали в голове слова Адиньи.

Неожиданно стало тихо, щеки коснулись теплые губы, или то снова был ветер?

Каэтано разжал пальцы — держать было некого. Пустынные земли Дна исчезли. Он стоял в гигантской раковине моллюска-ммири, чей свод уходил в небо, и ошалело смотрел, как Адинья — такая обыденная, белокурая, хрупкая — подметая подолом простой холщовой юбки ракушечную твердь, подходит к перламутровой глади, та идет рябью, стелется туманом, и девушка легко ступает сквозь.

И когда силуэт Адиньи растаял, жемчужное марево дрогнуло, прорвалось, на Каэтано обрушилась волна красок, запахов и звуков. Он увидел, как вспыхнула слепящим солнцем на небе трехвосткагвэрэ, как разлилось из ее хвоста синее море, как блеснула полная луна. Пряно запахли травы, камень за камнем стали расти из песка города.

А высоко в небе над вновь рожденным миром мерцал лик Адиньи. Драгоценности, которую он не стал красть.

Каэтано часто заморгал и снова почувствовал соленый вкус — то ли моря, то ли слез.

* * *

Шпоры звякнули над самым ухом, Каэтано встрепенулся, поднял голову. Дно, Адинья, перламутровая раковина, прощание, шквал нового мира — воспоминания пронеслись перед его внутренним взором.

Нехотя встал, потер ушибленный затылок. Пусть графская стража берет его с потрохами. В Либоне Каэтано делать нечего. А так, может, снова угодит на Дно, к Адинье.

Чет-нечет...

- Оставьте сеньора менестреля в покое! Лучше воров ловите!
- Как благородной доне Дуартэ будет угодно...

Стражники почтительно поклонились и отступили.

Каэтано вздрогнул, схватился за перевязь с виуэлой, будто так мог унять разыгравшееся воображение, и только тогда осмелился взглянуть на балкон.

И застыл с открытым ртом.

Толстухи-служанки и след простыл. Опершись на перила, на Каэтано с интересом смотрела светловолосая девушка с синими, как штормовое море, глазами. Последний раз он видел это лицо в небесах над новорожденным городом.

Адинья? — все еще не веря глазам, прошептал он.

Девушка смутилась, удивленно кивнула. Не узнала, понял Каэтано. Для нее все начинается сызнова. Но так даже лучше, зато он ничего не забыл.

Каэтано расправил плечи. Только сейчас он осознал, что пронизывающего ветра, которого он подспудно ждал, к которому был готов— нет и в помине. Великая ракушка простила их.

- Кажется, вы не успели закончить куплет...
- Ax, да, спохватился Каэтано, и, поглядывая на зардевшуюся девушку, принялся настраивать виуэлу.

Он много чего пока не успел, улыбнулся своим мыслям Каэтано. Ведь Адинья обещала ему сына, и он будет не он, если не поможет девушке сдержать обещание.

Никто не знает, зачем тебе это, А сам ты не хочешь знать. Есть право и правда, есть голос и эхо, Память и тишина. Сто истин... нужны ли тебе сто истин Или звезда в руках? Если проще всего написать свое имя — Имя — на облаках?..

Анастасия Тамило

КАЛЛИГРАФ

Влажная черная живая. Линия — как мое домашнее животное. Без нее я не проживаю ни дня: она выстраивает меня, как я выстраиваю ее. Это началось в детстве. Спустя 10 месяцев после моего рождения — в доме случился пожар. Меня спасли, но кожа после этого стала красной, как свекла и я лишился речи. Знакомые матери, сплошь профессура посоветовали: «Дайте ему перья и бумагу: пусть пишет.» И так, со временем, мои крючочки, точки, линии и кляксы стали вытягиваться в согласный унисон на белой странице, а в моем выразительном центре начали роиться звуки и складывать эмоции в словеса. Так все очистилось и пунцовая кожа просветлела, и линия моей жизни с тех пор стала завиваться в ровные барашки и причудливые вензеля. Я стал каллиграфом. «Каллиграфия» в переводе с греческого — «красивый почерк», но для меня это понятие много шире. Когда я целую дочь ощущаю глубокую нежность траектории приближения моего лица к ее пушистому височку. Когда мою руки — осуществляю осознанный каллиграфический акт — росчерка воды на мыльной поверхности кожи.

Тайный звук бытия мне открыли перо и чернила. А силу самих орудий письма разъяснил преподаватель русского языка. Тонкий знаток графологии с символичной фамилией «Вензель», легко определял по почерку владельца неподписанной тетради. Характер и даже полученика ясно, как в зеркале, проявлялись для него в одной коряво нацарапанной фразе: «Домашняя рОбота». Виртуоз каллиграфии требовал от нас скурпулезности в написании каждой буквы и безоговорочного использования перьев «вставочек», чем провоцировал бессчетные кляксы в тетрадях и возмущение прогрессивных учеников, а также их родителей. В конце шестидесятых, когда из Америки в Россию завезли шариковую ручку, а Хрущев разрешил ее использовать в школе, мой учитель сказал:

Увидишь, это обернется национальной трагедией!

Что именно? — с недоумением спросил я, катая фиолетовый палец по шершавой промокашке и любуясь отпечатком в сеточку.

Подмена! Подмена спонтанности — заданностью, осознанности — автоматизмом. Пойми ты: легкость письма, читай, достижения — обесценит значение внимания и воли. Если мы потеряем линию — потеряем национальный характер. Обменяем на комфортный ручкин стержень — свой стержень, внутренний.

Я тогда украдкой посмеялся над пафосом трагедии шариковой ручки. Которая провинилась лишь тем, что разучила пальцы вытягивать

объем из линии, укладывая ее в плоскость наклоном перышка, или истончая и наращивая текучую массу. Потом все случилось так, как сказал мой старый наставник. Мистика, выдумка, нейрональные окончания — объясняйте чем хотите. Мы обменяли на шариковую ручку волю и характер. Получившееся назвали «обществом потребления».

Помню: древняя, красная тушечница из пористого камня. Черный, вдавленный в рисовую бумагу хрип боли и мужества — иероглиф, выбивший извилистые потеки из уголков моих глаз. Класс японского мастера Есихидэ во время стажировки в стране истонченных умов и самурайской воли, где у каждого каллиграфического почерка — есть свой хранитель, оберегающий для нации ее достояние. Мастер уронил слезу, узнав в русской вязи восемь элементов японского иероглифа. И так мне сказал великий Тано: «Вы утратили свою линию. У вас нет больше характера: есть только природные ресурсы. Когда они закончатся — вы погибнете. А мы будем жить. Независимо от обстоятельств. У нас есть киаи — сила духа, воля. После трагедии Хиросимы дух японцев был сломлен. Народ — на грани гибели — спас один человек, создав Хиро да кэмпо. Программа возрождения нации ввела каллиграфию обязательным предметом, во все школы. Дети, у которых не было рук — писали ногами, если и ног не было — кисть зажимали в зубах. И постепенно линия выправила сломленных, дала востребованность, вывела тоненьким канатом — в будущее.»

...Мы потеряли линию — может, и так. Но остались буквы — как сегменты пространства, они одними очертаниями наполняют его жизнью и смыслом: присмотритесь! «К» — прикосновение, «У» — хмурое нисхождение вглубь, «О» — всеобъемлющая открытость. «Я», утверждающее самость, но теряющее баланс в противостоянии «А» — устойчивой неколебимой равностности основы. Вот я погружаю перо в черный хаос, осуществляя намерение. Сейчас, из белой пустоты, объединяющей все цвета и элементы, от трения возникает вибрация: шепот и поскрипывание. Вибрация оформляется в букву... слово... фразу... и — намерение выражено. А фраза увековечена; теперь она — след-указатель-знак. Так остается в пространстве все, излучаемое нами. Так фигурист, танцуя, выводит узоры на льду, так человек — от первого до последнего звука — проживает свою краткую но головокружительную каллиграмму... просто — красоты ради.

Андрей Добров

ЛЕТОПИСЬ 2016 ГОДА

В лето 2016-е от Рождества Христова бысть война в Сирии вельми великая понеже бяху есть.

Царь Сирийский Асад Второй со своей дружиной малой терпеху от орд восставших противу его мудрого правления, прислал посольство в Москву к Царю Малая, Белая, Чеченская, Дагестанская, Ингушская, Якутская, Калмыцкая, Ненецкая, Башкирская, Татарская и Прочая Руси с грамотой о посылке сильного войска на подмогу. Но Царь всея сильного войска не послал, а токмо дружину младшую специальных операций, дружину воздушно-космическую, да еще ладей ракетных с Северного моря. И стали они близ города Аллепы, почав ворога ненавистного топорами бити, пищалями стреляти, конями топтати, копьями колоти, мечами рубити, стрелами поражати, ракетами уничтожати, кулаками умерщвляти, зубами кусати.

И возопиши тогда Цари Европейские — негоже, мол, добрых басурман гнобити, егда злые басурмане мирно хожати и девок сирийских ети безо всякого препону. На что вои русские отвечали — нам ништо. Добьем этих, примемся за тех, потому как пашню расчищая, не валишь сначала ели, а потом березы, а сечешь все, что с краю.

А еще в лето оно в далекой Америце туземный люд избрал себе Царем непотребного купчишку Данилу Трямпку, коий супротив тамошнего закону, да обычаю, вельми инородцев не любил, а бахвалился такую высокую стену на своей украине поставить, что чрез нее ни мышь не проскочит, ни мексиканец не пролетит. А до того американские Цари злые были, и Русь Великую поносными словами лаяли. И подбивали Царей Европейских на то же воровство и бл*дство. А такоже хотели Богопротивного — сделать Царем бабу злую, ведьму, колдунью мерзостную, которая лицем и нравом так испакостилася, что даже ейный муж под столом девку держал — терпения и благодушествия для.

Посему Господь и наказал их за гордыню дерзостную, низвергнув с престола во прах.

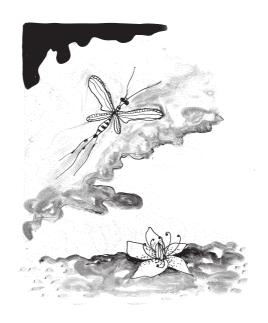
А новый Царь Американския, Техасския, Калифорнийския, Алабамские и прочия земли, встав на колени пред иконой Вашингтонской Богоматери, крест целовал на дружбу и любовь с Русской землей, назвал Русского Царя братом и дань послал малую с головой Макфолки-чародея.

В оное же лето на Туретчине презлые и подлые людишки затеяли бунт супротив Султана Эрдогана, но токмо Султан послал своих янычар на них. Янычары бунтовщикам головы поотрубали, на том и утихло все.

В то же лето Британская земля вдруг сотряслась и ото всей Европы отделилась. Европейские людишки зело плакали и ругались, понеже теперь Британия островом стала и торговые дела с ней вельми трудно стало вести.

А больше в тот год ничего международного и не было. Аминь.

Сие записал усердный летописец Андрюшка Добров в монастыре им. св. Великомученицы Рентивийской. С поклонами и молитвами, постом и прилежанием. На память и в поучение потомкам. ©

И ЧАСТЬ ПЯТАЯ ГРУШКИ

Александр Карапац

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Десять.

Майк задумался. Голос звучал в голове. Но кто говорил, было неясно.

Девять.

Похоже на отсчет. Но кто же это?

Восемь.

Майк запаниковал. Может быть, так отсчитываются последние секунды жизни? Кто знает? Ведь потом никто уже не рассказывает.

Семь.

А он так много не успел! Не женился. Не родил детей. Не отдал долги.

Шесть.

И еще поссорился с Хелен. Если бы он мог сейчас попросить у нее прощения! В эти последние секунды.

Пять.

И еще давно не навещал маму. Она ждет каждый день, а он отговаривается делами.

– Четыре.

Если бы чуть раньше задуматься! Он бы все изменил: не опаздывал бы на работу, каждый день ездил бы к маме, сделал бы предложение Хелен.

— Три.

Он получил быповышение по службе. Прочел бы книги, которые без дела пылятся в шкафу. Ходил бы в церковь.

Два.

Ну разве так можно? Без всякого предупреждения! Вот живешь, ни о чем не думаешь, и вдруг конец!

Один.

Говорят, что осужденным полагается последнее желание. Хочу...

- Заседание суда объявляется открытым. Слушается дело корпорации «Майволд» против Джона Джонсона. Слово имеет обвинитель.
- Уважаемый суд! В результате действий подсудимого в мире произошли ужасные события. Зафиксировано пятьдесят тысяч самоубийств, семьдесят тысяч несчастных случаев, девяносто тысяч человек попали в психиатрические лечебницы. И это еще не все! Было нарушено движение поездов, автомобилей, самолетов, произошли сбои в работе фабрик и заводов. Список происшествий занимает более тысячи страниц. Прошу для подсудимого высшей меры наказания!
 - Подсудимый, что вы можете сказать в свою защиту?
- -Уважаемый суд! Обвинитель перечислил лишь негативные последствия моих действий. Но положительных гораздо больше.

Зафиксировано сто тысяч случаев отказа от суицида, двести пятьдесят тысяч предотвращений катастроф, триста тысяч исцелений безнадежно больных, заключено пятьсот тысяч браков, семьсот тысяч преступников явились с повинной, более восьмисот тысяч стариков их дети забрали из домов престарелых, число прихожан только в христианской церкви увеличилось в два раза. Прошу учесть это и смягчить мое наказание.

— Суд удаляется на совещание.

* * *

- А что он сделал этот Джонсон? спросил я у милой девушки, сидевшей слева.
- -Мой муж включил трансляцию обратного отсчета в чипы всех людей планеты. Говорит, что случайно. Заигрался в игру и нажал не ту кнопку.

Станислав Карапапас

ЗАПИСКИ НА ПОЛЯХ

- Доктор! Док-тор... тор... тор... Вам хорошо спалось? А я думал о котятах. Милые пушистики. Алергичные комочки меха. Дерущие мебель твари. Миндалевидные глазурные глазки смотрят на меня из мешка. Вы любите зеленый? Успокаивающий цвет. Травка, букашки, девочка с шариком, тоже зеленым. Ровно подстриженный газон. Дата на камне. Ей было всего двенадцать. Белый бархат сгнил, белое платье истлело, белые кости. Белый мне нравится больше. Белый мне идет, вам не кажется?
 - Доктор, вы весы? Вы должны родиться позже. Никогда!
- Как меня раздражает улыбка того, кого ты только что убил. Я всаживал нож по самую рукоятку, а она продолжала мне улыбаться. Доктор, это невыносимо! А вы принесли те замечательные таблетки, что я сплёвываю в унитаз? Весь мир нужно смыть в унитаз, ему там самое место.
- Роршарх? А вы шутник, Доктор! Развяжите меня, и я заставлю вас смеяться. Развяжите меня! Развяжите!
- Гештальты, Гештальты... Хм... Когда мне был пять, дядя Рональд любил принимать ванну, когда мама уходила из дома. Он всегда брал меня с собой. Очень заботливый дядя. У него была любимая игра раздень дельфина. Очень увлекательно! Вы играли?
- Он украл! Украл моих плюшевых единорогов! Я лепил их для вас, Доктор.
- Мои детские воспоминания? O! Они опасны, Доктор. Витражными крыльями бабочки они всплывают в темноте моего разума. Тронь их,

и дзинь! Они осыплются бритвенными осколками. Они могут поранить меня, вас. Весь город будет изрезан на клочья воспоминаний. Где мой пиджак и помада?

- Пирог, пирожок, пирожочек. Бог? Да, я верю в Бога. В могучего дядьку в белой простыне и с бородой. Он прекрасен. Он любит нас всех. Мы с ним так похожи. Нас умоляют и просят, стоя на коленях. Нас проклинают и требуют ответов, эти странные людишки. У нас одинаковое чувство юмора. Вы согласны, Доктор?

 Зачем вы лезете в мою голову? Понять? Тс-с... Я открою вам секрет.
- Зачем вы лезете в мою голову? Понять? Тс-с... Я открою вам секрет. Приставьте дрель к своему виску и нажмите на кнопку. Вставьте трубочку и высосите свой мозг, запивая «Маргаритой». Зажмите в зубах провод и воткните в розетку. Вы увидите мою улыбку это дверь. Моя нора, но вы в неё не вле-зе-те.
- Вам нравится моя улыбка. Я хотел смеяться. Хотел получить ошеломительную улыбку. Мой отец был рыбак. Я взял крючки. Они такие острые, так похожи на маленькие трезубцы. Я протыкал ими щеки. Один крючок за одним. Чпоньк, и он внутри меня. Чпоньк, и уже снаружи. Боль и возбуждение. Я скрепил их леской, привязал к ручке нашей двери и позвонил. Мама распахнула дверь. Она была первой в мире, кому я подарил свою улыбку, а она не засмеялась. Почему, Доктор? Почему?
- Скрепка. Ваш подарок мне, Доктор. Вы знаете, о чём мечтает мужчина! Я тоже хочу сделать вам подарок. Сейчас, Доктор, я делаю вам о-о-очень, о-о-очень смешно!

Ольга Сафарова

КОНЕЦ СВЕТА

Дело было так — по дороге в кафе, где меня ждала подруга, я, Вольный Ездок, посадил на цепь свой мопед и заскочил в третий двор у Собачьей площадки, где за мусорным баком, в стене, за помеченным кирпичом была для меня закладка. Я вынул пакетик с таблеткой, сунул за кирпич деньги, а розовую таблетку сразу заглотнул. И мне похорошело...

…дело было так — мы уже год жили и работали вахтовым методом на этой планете № 4711/уг в системе эллиптической галактики NGC 5128 созвездия Центавра. Мы прекрасно изучили её и обустроились с комфортом, но сегодня утром лабораторные приборы забарахлили и стали выдавать странные показатели, напарник остался отлаживать датчики, а моя смена закончилась.

Я предвкушал свидание с милашкой-лаборанткой и так торопился, что не снял портативный универсальный гравитатор, а так с ним и пришёл в наше уютное кафе...

...дело было так — в нашей Новгородской областной психбольнице мы уже приняли свои таблетки и уколы, пообедали и, кому можно, бродили по коридору или смотрели телевизор, а кому нельзя — сидели по палатам, а некоторые и лежали, привязанные к койкам. А я, как регулярный мирный псих, не замеченный в буйствах шизик, порулил в наше кафе на первом этаже на свиданку с одной сексуальной истеричкой...

А на самом деле было так — как раз наступала Ночь Брахмы, когда весь космос прекращает своё существование, свою Великую Кальпу, и когда после семи разрушений Мира огнём наступает следующее разрушение Мира — водой. И настал переломный, переходный момент для всего Мироздания и для Вольного Ездока-наркоши, и для космонавта с гравитатором, и для мирного шизика...

…а мы сидели с подругой в кафе на веранде. Столик стоял у перил, и мы, не зная о чём говорить, рассеянно смотрели на кусты, траву и клумбу с цветами. И тут я отчётливо заметил, что трава, какие-то сорняки, два куста и цветы буквально на глазах, рывком, подросли сантиметров на двадцать. Я взглянул на свою спутницу, она круглыми глазами смотрела то в палисадник, то на меня, а там растения продолжали вести себя странно — они рывками подрастали и внезапно снова уменьшались. Мы смотрели друг на друга, и я подумал: «...это только мне мерещится, или она тоже это видит...» И тут все растения, перильца ограды, наш столик и всё, что я видел прямо перед собой и боковым зрением, — беззвучно и мгновенно ушло под землю. Не осталось ни провалов, ни ям, — ровная земля, и я лежу на ней, пальцы чувствуют тёплую рыхлую землю. Где всё, где моя спутница, и почему меня не поглотила земля? Всё кануло, как в воду... да так оно и есть — вода, вокруг вода, зеленовато-голубая и чистая, похоже — глубокая, она колышется пологими волнами беззвучно, без плеска. Как приятно лежать на воде. Я не чувствую её мокрости, она не холодная и не тёплая. Она — температуры моего тела, я сливаюсь с нею. Я почти растворяюсь в этой воде. Мне хорошо... Но я чувствую опасность под этой водной гладью...

пературы моего тела, я сливаюсь с нею. Я почти растворяюсь в этой воде. Мне хорошо... Но я чувствую опасность под этой водной гладью... И вот из воды медленно поднимаются — дома? ангары? вышки? Они оплывают, подобно подтаявшим кускам тростникового сахара... Подобно оседающему на жаре фигурному мороженому крем-брюле... Они — как теряющие форму песчаные зАмки на пляже, просевшие под набежавшей и откатившей медленной волной прибоя... Строения с причудливыми арками, куполами и наружными лестницами в некотором отдалении

от меня поднимаются беззвучно из зеленоватой воды на фоне блиста-

ющего лазурью неба... поднимаются, оплывая тающей карамелью... Мне надо улететь из этого беззвучного катаклизма, я умею летать, но... Но мне не взлететь с воды, с этой зыбкой пологой волны, и я пытаюсь выбраться на почти стёртые размытые ступени восстающей из воды рядом со мной лестницы из песчаника, этой истекающей песком лестницы, ведущей в Никуда. Вот-вот, уже рука чувствует тёплые, крошащиеся, сухие плиты песчаника. Почему сухие? — они же под-

нимается из воды... да какая разница — мне нужна опора для взлёта... А вся эта текучая архитектура быстро и без всплеска начинает погружаться и исчезает под водой, а потом уже совсем бесформенные ружаться и исчезает под водой, а потом уже совсем оесформенные руины строений всплывают совсем в других местах... Вот подо мной край какой-то стёршейся — арки? стены? ограды? — я отталкиваюсь — и взлетаю! Как хорошо, что я могу летать! Я лечу довольно низко, метра два-три над водой, а надо бы выше, туда, в бесконечную лазурь. Я с усилием поднимаюсь. Вода притягивает вниз, не отпускает... но вот я уже высоко, подо мной бескрайняя зеленоватая, цвета нефрита — вода. А совсем потерявшие свои очертания строения, купола, арки и лестницы превратились в островки, отмели и скалы, торчащие из воды; я лечу всё выше, и что там внизу— мне уже не различить...

...и я падаю в лазурную бездну ввысь ...И вдруг очухался я, Вольный Ездок, глубокой ночью рядом со своим мопедом за мусорным бачком... голова трещит... Прикинь, теперь я не Вольный Ездок, я теперь — Об-долбаный Летун, блин... Интересно, что за таблетку Димон-барыга подсунул мне вчера в закладку под кирпич, какую такую дурь новую, что я летал в небесной бездне, а весь мир сгинул пол водой...

…и я падаю в лазурную бездну ввысь… и хорошо, что я не снял свой портативный универсальный гравитатор, и он вынес меня с гибнущей планеты № 4711/уz к нашему грузовому кораблю на орбиту. Что-то там пошло не так в недрах планеты, чего-то мы не досмотрели, не учли, и всё погибло под водой....

...и я падаю в лазурную бездну ввысь...открываю глаза... н-н-ну-у-у, это я, похоже, не регулярный мирный псих теперь, а привязанный к койке маниакально-депрессивный визионер с галлюцинациями... и чем это меня вчера кольнули, что я летал в миражах на седьмом небе, а всё вокруг сгинуло под водой...

А на самом деле наступила Ночь Брахмы, вселенная после потопа свернулась в Космическое яйцо, внутри которого спал Брахма. Он спал и видел во сне Обдолбанного Летуна за мусорным бачком, космонавта

с универсальным гравитатором на грузовом космолёте, маниакальнодепрессивного визионера в Новгородской областной психбольнице и всё остальное сгинувшее человечество...

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водами»

Ирина Бакулина

УЧЕНИК МАСТЕРА ХА

«Мастер Ха сказал: в пятый день месяца юй выйди в ночь».

Такие письма получили сто мальчиков царства Чжоу. Всего сто! И лишь один из них станет учеником самого Мастера Ха — легендарного, равного богам Мастера Ха!

Как только четвертый день месяца юй сменился пятым, сто мальчиков шагнули из своих домов... прямо на горную дорогу. Она была широкой, но заросла травой и вела ниоткуда в никуда: и начиналась, и обрывалась среди валунов.

— Это он! Это Мастер Xa! — зашумели мальчики, увидев стоящего на обломке скалы древнего старика, но тут же притихли. Старик проговорил громким, звучным голосом:

Сегодня полнолуние. Кто не восхитился луной — домой!

И исчез вместе с десятком мальчиков.

Так было несколько ночей подряд:

- Кто в страхе бежал от летучих мышей взашей!
 Кто прогнал камнями раненую рысь брысь!
- Кто...

Когда по дороге из ниоткуда пришел черный кот размером с тигра, мальчиков оставалось всего трое. Первый вежливо посторонился. Второй храбро шагнул навстречу. Третий же ахнул: «Вот это да!» и про-

- тянул руку ладонью вверх, давая себя обнюхать.

 Не скучно ли на темной дороге? спросил его возникший рядом старик. А впрочем, какая разница. Мне ты все равно не подходишь.

 Зато я подхожу ему, завороженно выдохнул мальчик, осторожно почесывая огромного кота под подбородком.
- - Xa! вырвалось у зверя.

Мальчик отдернул руку и вдруг понял, что на горной дороге их осталось трое: кот, старик и он сам.

— Его беру, — черный зверь ткнул лапой в изумленно раскрытый рот мальчика, отчего тот невольно заплевался. — Смешной, любопытный, упрямый. Беру!

Старик кивнул и лег на дорогу.

- Вот тебе мой совет, мальчик, медленно проговорил он. Не делай, как я. По крайней мере, пока тебе не исполнится лет семьсот.
 - A? растерялся мальчик. Чего не делай?
- Не скучай, пояснил кот. Если человеку становится скучно жить значит, ему пора умереть.

Тело старика стало прозрачным и расплылось туманом.

— Идем, юный ученик, — Мастер Ха встопорщил длинные черные усы. — Утро близко. Время собирать звезды.

Юрий Гаврюченков

ЛИКБЕЗ

— Афиноген, сколько времени? Не на меня смотрите, на циферблат смотрите. Ну? Куда указывают стрелки? Толстая короткая напротив какой цифры стоит? Хорошо. А длинная тонкая? Правильно. Таким образом, сколько сейчас времени? Нет. Часовая стрелка короткая и толстая. Что значит «допускает произвольное толкование»? Вы тролль или прикидываетесь? Смотрите у меня, Афиноген! Вы слушайте, запоминайте и применяйте на практике. Так не нами заведено и не нам это менять.

Какой мы из этого делаем вывод, дети? Ну же, включите логическое мышление. Вы — в школе, стрелки на часах указывают девять ноль пять. Знаю, что устали после смены, но давайте уж сниматься с тормоза.

Это значит, что урок начался. Повторим пройденное. Доска грязная, тряпку бы хоть кто намочил...

Это буква «а». Это такой домик с чёрточкой. Это буква «бэ». То, что вы называете «беременная кочерга». А вот это что за буква? «Верблюд»... Правильно, Леночка, меметичненько, но всё-таки что это за буква? «Вэ»?

Пройдёмся по всему ряду...

А теперь, дети, раскроем тетрадочки и возьмём карандаши... Совсем обленились, твари бородатые. Дети, я понимаю, что с работы. Машенька, раздайте листочки всем склеротикам, кто забыл тетрадку. И вон та коробка из-под кроссовок, в ней огрызки карандашей. Спасибо. Так, пишем, дети... Валериан, чего тянете в рот всякую каку. Не мусольте карандаш, он не химический. О, у вас химический? Как это модно. Как мило!

Пишем, дети. «Ван-на-би». У «эн» чёрточка посередине, ровная как пол. «Вал-ла-би». У «и» чёрточка идёт вверх в другую сторону, не справа налево, а слева направо. Да, странно. Так заведено. Учитесь, дети. Гаджетов больше не будет.

Наталья Голованова

ТЕСТИРОВЩИКИ

- Ничего не помню, поморщился я, ощутив новый ментальный удар. Немудрено, старичок, ухмыльнулся Дим. Вчера центром твоего внимания была Ирка. Вернее, ее ноги. Договор ты подмахнул, не читая.
- Погоди, погоди, я сложился пополам и какое-то время не дышал. — Припоминаю что-то такое. Подписал и... выпил зелье?
- Коктейль, уточнил Дим. Коктейль, старичок. Чертов Пашкин коктейль, мрачно добавил я, пригнув голову, словно это могло спаси от очередного удара какого-то сердитого читателя.

Это утро я встретил в квартире Дима, куда мы завалились после встречи однокашников. Я действительно пялился на Иркины ноги и плохо следил за происходящим. А тем временем, оказывается, Пашка соблазнил нас протестировать его изобретение. По словам Пашки, все люди где-то как-то понемногу оставляют частичку своей души. Например, когда «с душой» делают работу. Другими словами, поскольку душа является частью личности, они раздают себя по кусочкам. Чтобы не быть голословным, Пашка предъявил зелье, якобы способное подтвердить сей сомнительный постулат. Мол, после его принятия мы сможем ощутить в полной мере те эмоции, что посылают нам люди, вступая в контакт с частичками нашей души.

- Так что, старичок, заключил Дим, удары, которые ты получаешь, на самом деле получает твоя душа, заложенная тобой, например, в последний роман.
- Ты хочешь сказать, он совсем-совсем никому не нравится? жалобно спросил я.
- Может, и нравится, но, видишь ли, симпатия гораздо менее ярко выражена, нежели антипатия. Увы.

Снова удар.

- И долго это будет продолжаться? спросил я, отдышавшись.
 В договоре указана неделя.

Нелеля!

Так. Надо что-то делать.

Я бросился к компьютеру. Для начала закрываю все аккаунты. Убираю из свободного доступа тексты.

Блин! Пиратки!

Всякие там флибусты и иже с ними!

Что за дурная манера тащить к себе всякую хрень? Буду надеяться, что с пираток качают только мэтров — Кукляненко там, Сивова. Бромыко на худой конец.

— A ты не пиши хрень, — мудро посоветовал Дим.

Я пообещал, что не буду. Чуть не накатал в издательство, чтобы расторгнуть договор. Но вовремя вспомнил про неделю. Спросил:

- A как это вообще работает?
- Я не очень понял, ответил Дим. Пашка толкал что-то про квантово-волновой дуализм душевной материи, про пространственно-временной континуум, где располагается, длится, продолжается наше тело.

Удары прекратились. Более того, я ясно ощутил пару ментальных поцелуев. Наверное, в благодарность за удаление текстов.

— Не забудь ежедневно посылать Пашке отчеты, — сказал Дим.

Я посмотрел на друга. Спросил:

- А ты разве ничего не чувствуешь? Как поживают частички души, которые ты вкладываешь в криво оформленные сайты?
- Я никогда не вкладываю душу, нравоучительно заметил Дим. И зря ты так про сайты. Я все делаю с любовью. А не с душой. Чувствуешь разницу, старичок?

В этот момент он сложился пополам, а во дворе завыла сирена. Я подошел к окну.

В новенькую Димкину машину со всей дури влетел черный крузак.

Дмитрий Гужвенко

АЛЛО, ЭТО ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ?

Я отгородился от суетливого мира. Вовремя. Запиликал сигнал, и запустилась стандартный процедуал вхождения пользователя.

- Вы соединяетесь для общения с нашим искусственным интеллектом. Его универсальное имя — Талант. Если хотите поменять форму обращения, измените настройки...

— Хорошо. — Какой же приятный у неё голос! — Представьтесь и введите пароль. Она сделала паузу, и мое сердце остановилось.

— Ольга Колесникова, пароль...

Я перестал дышать. Я перестал жить. Общение с искусственным интеллектом стоит больших денег, для нас, студентов, они неподъёмные. А Ольга очень хотела поговорить о литературе. О стихах.

- Пароль: мне нравится Славик, твердо закончила она.
- Пароль принят.

Я выдохнул. Сердце отбило барабанную дробь. Она сказала пароль! Еще вчера я подарил ей универсальный ключ на общение с «интюхой». Еще неделю тому скачал пиратский образ, который имитировал вход в систему известной фирмы. Теперь самое сложное.

- Я вас приветствую. Мне сменить имя?
- Нет, я извиняюсь, Талант, у меня сразу вопрос, можно из цифр сделать стихи?
 - Легко, ответил я, чувствуя, как лоб покрывается испариной.

Оля тактично подождала, а я лихорадочно искал ответ.

- Ольга, вам нравится Пушкин?
- Очень.
- Тогда повторите вслух:

17 30 48

140 10 01

126 138

140 3 501

- Понравилось? спросил я, когда Ольга перестала смеяться.
- А Маяковского можно?

Время бежало незаметно, летели секунды, падали минуты и текли часы, как на картине Сальвадора Дали. Я успешно заменял «интюху», старался говорить нескладно, механически. Ольга смеялась и радовалась, даже хлопала в ладоши.

- Ой, а вы сами стих сочините? Прямо сейчас? - внезапно попросила она.

Я поднял голову, уставился в потолок. Как придумать стих, который нормальный человек не придумает? Выдохнул:

- Только детский.
- Талант, если можно, два сразу.

Я аж засопел. Но какие у нее прекрасные голубые глаза. Разве им можно отказать?

— Над землей арбуз летит,

Он чирикает, свистит:

- Я - горчица, я - лимон!

Я закрылся на ремонт!

Какой же у Оли замечательный смех!

Опасность! Дверь открылась. Я замахал на отца руками, словно пропеллер и затараторил:

Время общения истекло. Спасибо за внимание, Ваш Талант.

И погасил связь. Отец покрутил у виска пальцем и закрыл двери.

- Fuuh, prosto pizdec, произнес я с улыбкой на лице. Получилось. Все получилось. Ольга довольна! Чего не сделаешь ради любимой, пусть она и не знает про это...
 - Славик?

Я замер.

- Славик?

Я глянул на комп: связь продолжалась и дальше. Я промахнулся и не выключил прогу. Это провал, надо найти в себе силы...

— Оль, прости... У меня не было денег на настоящий абонемент. А тебе так хотелось поговорить с искусственным интеллектом...

Во рту пересохло так, что пустыня Сахара мне начала завидовать. Тишина длиною в жизнь.

- Слав, а на мороженое у тебя деньги есть?
- Да.
- Тогда через час, в парке. Успеешь? спросила Ольга.

Я улыбнулся. Конечно, успею.

Дмитрий Гужвенко

КУСКИ НЕБА, ДУБ-ЛЮДОЕД И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ В ШКОЛУ

- Осторожно! Небо падает!

От криќа Жаклин даже вороны кинулись врассыпную. Крылья мяли воздух, и птицы стрелами понеслись с веток в сторону желтого поля. Я задрал голову... Небо падало кусками. Вниз летела часть облака, следом само Небо. Я даже успел заметить черную подкладку с золотыми пуговками — звездами.

Я же ринулся под свод старого дуба, на ветвях которого кроме широких и мясистых листьев росли длинные иголки. Дуб, под которым проводили обряд, под таким даже ливнем переждать не следует, но Небо падало. Жаклин дернула меня за камзол, и я послушно рухнул за дубом, рядом с ней. Приятный хвойный запах щекотал нос, и я чихнул. Следом раздался звон битой посуды, очень похоже, когда у нас в трактире пьянь да рвань бьет тарелки с капустой. А капуста вкусная, мамань туда добавляет кусочки курицы. Кушать хотело от слова очень...

Облако, — сказала сестра.

Следом звон разбитого стекла. Я его слышал один раз в жизни, когда единственный бокал бросили в стену. Проезжий барон сказал, что это на счастье. Правда, кому на счастье, я так и не понял: бокал разбит, барон утонул при переправе, его конь убежал в Темный Оскольчатый Лес, и охотники нашли его череп ближе к весне. Мне же было обидно за бокал, и я помнил этот ужасный звук разбитого стекла...

— A это кусочек Неба, — сказала сестра.

Она у меня смелая и умная.

- Это ведьмы с Вонючего Луга Небо рушат? спросил я.
- Не знаю... задумалась сестра, продолжая внимательно осматривать поле, скорее нет. Ведьмы могут червяков трупных напустить

или молоко скашивать, корову извести. Помнишь, как у соседки нашей коровы все в обрыв прыгнули?

- Вот то ведьмы. А это маги...
- Трупники? оживился я. Я всегда любил истории про трупников. Вот же жизнь, надо тебе садовника, пошел в глухую ночь на кладбище, оживил себе труп. Или надоела старая служанка, кожа с нее уже совсем сошла, новую поднял из гробика...

- Сестра звонко ударила меня по лбу. Сплюнь! Погодники это, все не могут поделить края границы... Так, до школы осталось совсем чуток. - Что мне там делать? - насупился я.

 - Учиться читать и писать, сказала Сестра.
 - А зачем?

Ответить Жаклин не успела, ветки дуба нагнулись и схватили нас, словно рукой. Жаклин сцапала меня за ворот, а сама вцепилась в выступающий корень.

— Он нас хочет поднять и кинуть!— закричал я.

Вот почему так мокро под деревом! Дерево — людоед! Расплющить, а потом на перегной, под корни...

 Два плюс два равно четыре! — закричала сестра. — Пять минус четыре равно один!

Я почувствовал, как сила веток слабеет...

— Ветер измеряется в метрах на секунду!

Я уже почти выкрутился, но дуб недовольно зашелестел...

— Земля вращается вокруг Солнца!

Ветки нас отпустили. Мы ринулись через поле, огибая куски Неба. Ветер свистел в ушах, пятки горели огнем.

— Стой. Все, тут граница школы... Тут уже магия не действует, — сказала сестра и поучительно добавила: — Вот для чего нужно учиться в школе. Магия нечестии не работает, если знания рядом!

И я подумал, если мы все выучимся в школе, то магия насовсем исчезнет?

Алексей Донской

ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА

Этот мир мне нравился. Тучи внезапно разошлись, и Солнце сияло великолепным золотым шаром. Закатный свет пронизывал нижний этаж леса, обычно сокрытый во мгле, и заставлял пылать огнём стволы сосен, а каждая травинка приобретала подчёркнутый контрастом объём.

Но идиллической картине оставались считанные минуты. И душа взбунтовалась: «Остановись, мгновенье!» «Ладно», — согласилось время, и Солнце зависло в недоумении. Потому что красота красотой, но где-то там, за лесами и морями, его ждут такие же души, имея на то полное право. «В чём причина остановки?» — негодовали они.

«Ищи, кому выгодно», — пыхнул трубкой детектив, похожий на Мегрэ и Холмса одновременно. Пока искали, взошла Луна и, панически перебирая одну фазу за другой, пригрозила затмением, ежели Солнце не уберётся восвояси.

«Нечистое место! — вмешался ум. — Если бы время остановилось, ты бы не смог этого заметить. А если остановится Земля — то её мгновенно обдерёт, как заблокированную шину на скорости 1000 км/ч». Как это скучно, подумал я.

Золотые листья устроили хоровод, поднимаясь с земли и занимая свои места на ветках. «Прекратите!» — закричал ум, и Солнце скатилось под стол от смеха. «Выхода нет!» — написал тогда ум на небе крупными буквами. Но старые кирпичные стены по-прежнему пламенели неизъяснимой радостью заката.

* * *

- Если отключить нейроинтерфейс прямо сейчас, он очнётся? растерянно спросил наладчик.
- Угу, буркнул мастер. Только не факт, что крыша встанет на место.

Директор музея метал молнии праведного гнева. Как можно было испортить простейший экспонат — конструктор виртуальных миров?! — Да я хотел подкрутить правила формальной логики, — оправдывался наладчик. — Вчера посетители жаловались, что барахлит...

- Так отправил бы всех классику смотреть, там ломаться нечему. А то развёл самодеятельность...

Наладчики продолжали ломать голову, как вытащить посетителя из дефектного изделия. Как сообщить ему, что для безопасного завершения сеанса надо дважды топнуть левой ногой... или почесать правое ухо... или левое? Даже мастер не помнил точно — как истинный адепт, инструкцию он не читал.

* * *

С Луной (она уже давно обратилась месяцем) я договорился. Пара невинных шуток отправила её в нирвану. Там стало светлее, и аборигены выстроились в очередь за анекдотами.

— A обезьяна смотрит в замочную скважину с той стороны — что будет делать исследователь?

Деревья расступались, веткоплеская.

- «Расскажи про критерий разума!» попросил ум. Похоже, он чегото задумал, но плевать!
- Старая байка. Предположим, камера откроется, когда заключённый почешет левое ухо. Условие алогично, и найти решение может только свободный от разума человек...

Внезапно дверь взяла и открылась! Вот зараза, этот провокатор добился своего!

Вокруг толпились унылые люди — значит, я попал в один из самых нудных тренажёров, где царит железная логика причин и следствий. Вероятно, здесь потребуются столетия, чтобы осознать единственный текуший миг.

«Выхода нет», — обречённо подумал я. Солнце горестно вздыхало, ища дырку для ключа в моём сознании. Вот ужо я ему!

Алексей Донской

ПОСЛЕДНИЙ ЧИТАТЕЛЬ

Крыши, нависшие над узкой улочкой, от дождя не спасали — холодные потоки хлестали с двух сторон. Подходящая погода для человека, замыслившего преступление.

Бек потянул тяжёлую дверь и услышал звон колокольчика — полузабытое детское воспоминание сказки... В лавке было тихо; глухо шумел дождь за окном да капали его остатки с плаща. К посетителю выбежал маленький игрушечный робот, умильно посмотрел на него снизу вверх, вытер лужу и скрылся.

— Чем могу служить?

Бек не сразу заметил пожилого лавочника при длинных вьющихся волосах и удивительно добром взгляде.

— Ты пришёл не за игрушкой?

Бек поёжился — предательская капля наконец нашла дорогу за шиворот.

За интеллектом.

Едва наметившаяся на лице лавочника улыбка сменилась насторо-

- Откуда такой дефицит у старьёвщика?! Знаешь, какой спрос...Знаю, кивнул Бек. Но мне гаджеты не нужны. Мне нужен человеческий, натуральный.

Старьёвщик вздохнул.

— Такой не продаётся. Зарабатывается. Тяжким трудом. Чтением. Многолетними занятиями...

Ехидная усмешка не укрылась от глаз Бека. Разумеется, это проверка. Какие сейчас могут быть занятия, какое чтение?

- Я хочу найти учителя, сказал он осторожно. Но времени нет. Вы знаете, почему.
- Возьми игрушку, предложил лавочник. Ты удивишься, но в ней тоже есть интеллект.

- Бек нервно оглянулся. За окном уже совсем стемнело.
 Я иду во Дворец, признался он решительно. Это единственное место... где...
- Где ещё можно творить, помог ему старьёвщик. Да... еле слышно согласился Бек. Тогда зачем тебе? Во Дворце есть библиотека... старьёвщик знал, что говорит чушь, но видел, как нужно посетителю доброе слово поддержки.

— Я не пройду собеседование... Беку почему-то было неловко выглядеть неучем перед этим стари-ком. Впрочем, он и слова-то такого не знал, но впервые чувствовал себя не в своей тарелке.

— Хорошо, — сказал наконец старьёвщик и достал из холодильника ампулу супертоника.

Сеанс программирования длился несколько часов, затем Бек ушёл в дождь, чтобы проспать трое суток.

А потом он отправился к Дворцу.

Предчувствие вынудило его пройти той же улицей — и не обмануло. Бек стоял перед сорванной с петель дверью. После разрушителей в лавке побывали мародёры, и делать здесь было нечего. Останки робота, на которого наступил железный слон, лежали у порога, и Бек на мгновение почувствовал неподвижный взгляд разбитого объектива.

Никакого собеседования не было. Киберы отсканировали тело Бека снаружи и изнутри, вырезали два вживлённых чипа с прежних мест работы, вставили новый и швырнули рекрута в казарму.
Отныне смыслом существования Бека стала механическая жизнь.

Перед владетелями сознание его спало, выполняя команды чипа. Кончено, для этого лучше подошли бы киберы — однако Дворец олицетворял не только власть, но и новую нравственность, которая требовала натуральности во всём.

Зато Бек теперь хранил в памяти всемирную библиотеку. И у него была целая вечность для чтения.

И ешё належда.

Андрей Загородний

АДАМ

— Здравствуй, прапрадед.

В морду б хмырю за такое, но сдержался— что я, юноша, чтоб в рыло не разбираясь. И лицо у него знакомым кажется, промолчал.
— Сразу к делу, ты— Адам.

Надо было бить.

- Я твой потомок, про машину времени слышал?
- Слышал, цежу. Идиотов не быют.
 Смотри, отрывисто говорит, спешит куда-то.

Фокусы пошли — хмырь над полом полетел, Люськину вазу опрокинул — вода шаром в воздухе. Пасту зубную выдавил и обратно вдавил. В зеркало ткнул, я посмотрел. Вот почему знакомым показался — похож он на меня, одно лицо.

- Ладно, уговорил, что надо?
- Ты в отпуск через два дня?
- -Hv?
- Собрался в тур «Остров древних славян», вдвоём, турбюро пустое, никто в славян играть не хочет, — даже и не спрашивает уже, утверждает. Киваю. Чё дёрнуло эту путёвку взять? На дешевинку повёлся. — Ищи людей, уговаривай вместе поехать, человек двадцать с собой
- увезёшь.
 - Нафига?
- Третья мировая. На острове не было... не будет... бомбёжек. И от голода не умрёте— там лошади, соха, топоры. Славяне, в общем. Начнешь человечество с начала. Согласно истории... нашей истории— ты лидер и основатель.

Я и не уловил даже куда он делся после этих слов — в воздухе растаял или в дверь вышел, только открытку бросил. Обычная фотография, люди. Все на него — на меня — похожи. В любом Фотошопе склеишь, а убедило. Сзади надпись «Не вешайся, время потеряешь и всё». Нашли дурака самоубиваться. Мало там, в будущем, о предке великом знают. Хотя... точно ведь просчитали как пронять. И мужик похож, и фокусы, и вообще.

— Турбюро? Я у вас поездку на двоих брал. Ещё места остались? Сколько?

Не соврал потомок, путёвок завались, не идут дела у славян. Теперь друзья. Кто? Николай, конечно. Не отвечает, жму домашний:

Коля в командировке, из-за роуминга телефон выключает.

Облом. Родители? Их не уговоришь. И вдруг... Я парень прямой, но всегда себя парнем хорошим считал, а тут мысль «а пользы от стариков»? Аж тошно — хоть к унитазу и два пальца в рот. Открыл окно — чикса по улице коляску катит, девчонка совсем. У нас-то с Люськой детей нет. Пока. Как раз хотели после отпуска вопросом заняться. Смотрю вниз на неё — с собой не возьмёшь. И в глазах темно.

Дальше — хуже. В голове все, кого обидел. Кого зря обидел. Ольга всплыла. Тогда бросил «для её же блага». Она постарше, ей замуж, какой из меня муж в двадцать три? Теперь хоть вой — и Люську люблю, и Ольгу сегодня б спасал, если б иначе тогда решил.

Всех не возьмёшь. По улице с криком не побежишь. Записка «не вешайся» в тему, как ни крути. Стою у окна, минуты тикают, мне решать.

Решу. Потомок прилетал, значит сложилось всё. Выберу, погружу на ковчег. Не Адам, получается, а Ной. Может потому и бухал Ной по-свински на Арарате своём, что забыть не мог? Тех, кого оставить пришлось.

Мария Кимури

БАБУЛИН ИНТЕРНЕТ

— Сереж, у нас вызов от клиента из глубинки. Из совсем глубинки. Из деревни Малые Гадюки, одной бабке интернет настроить. Техника, говорит, есть. Эппл, говорит, старый, но надежный, модель не сказала, но точно яблоко. Хорошо заплатить обещает. Озолочу, говорит, милок.. Найди там кого-нить из яблочников, пусть съездит. Да хоть Васю мелкого.

* * *

— Серега, ты меня куда послал? Тут грунтовка, навигатор не пашет, мобила и то еле ловит! Это уже не Гадюки нифига, то есть юридически оно Гадюки, а по факту это дом в лесу, блин, и у меня машина завязла. Пойду с клиентом разберусь, а потом до эвакуатора дозваниваться, он ваще, может, завтра приедет...

* * *

— Серега, ты меня куда послал? Ты вообще знаешь, куда меня послал!? Эппл, блин, у клиентки! Я прихожу — показывайте, говорю, вашу яблочную технику! Она мне и показывает... У нее безумная аналоговая хрень с поднос размером и яблоко-транслятор. Физическое яблоко, нах... А бабка руки потирает, улыбочку щерит и говори, мол, сделай

мне правильную интернету, озолочу, внучек, а то мне нынче блюдечко такое показывает, разобрать не могу.. Боюсь я ее. Такая сожрет и костей не оставит. Лучше б я к пьяному бандиту приехал. Серега, спасай, срочно нужны цифроаналоговые преобразователи, паяльник, платы, и пришлите, что еще попрошу. Она заплатит, реально. Только не тормози!

* * *

— Серега, короче, я у клиентки зависаю на выходные. Место на полатях есть, кормит от пуза, работы море. Не, заменять технику не дает. Знаю я, говорит, ваше новомодное через несколько лет сдохнет, а моему яблочку сносу не будет. Я сам не знаю уж как, но клавиатуру все же подключил, работаю. Пробую IOS установить, винду принимать отказывается, а яблочное вроде ставится, только ме-едленно... Паяю переходники дальше. По секрету, она имперскими золотыми рублями хочет платить. Если вернусь, четверть твоя. Если не сделаю, боюсь, она меня сожрет... и до тебя, надеюсь, доберется. Физически сожрет. Тут все физическое, и яблоко, и золотые рубли, и печь как из кино, аж целиком залезть можно, и медведи за окном, живые.

* * *

Месяц спустя.

— Серега, я выезжаю. Не, эвакуатор не надо, мы тут с Мишкой машину сами вытолкали. Оплату я вам перечислю. Да пусть увольняют, напугали ежа голой жопой. Я теперь на частных заказах заработаю больше. И новую строчку в резюме добавлю. Приезжай, заберешь свою долю, я тебе налью того, чего бабка в дорогу налила. Только не пугайся, главное. В смысле, меня не пугайся. Мы теперь ростом, наверное, сравнялись, а может, я и повыше буду. Бабка все говорила — мелкий ты какой-то, Васенька, да бледненький, бедненький... Не просто так говорила, оказалось. Слушай, привези свои джинсы какие-нибудь, мне мои коротки стали, в магазин выйти стыдно. Куплю новые — верну.

Виктор Кузьмин

ФИЗИКА БУДДЫ

Королева «Инстаграма» Майя Неверова, полная горестных дум, бесцельно шла по улице. Похоже, ее фолловеров уже тошнило от фитоняшных попок, мимишных котиков и селфи в клубах. Рейтинг падал третью неделю подряд, рекламодатели нервничали. Требовалось что-то нестандартное,

экзотическое. И вдруг ее взгляд уперся в цветастую листовку на столбе, жабтическое: И вдруг се взгляд уперея в цветастую листовку на столос, начинавшуюся слоганом «Наше все — ничего для никого». Текст ниже приглашал состоятельных людей узреть истинного Будду на улице Коммунаров, в здании НИИ квантовой физики.

- Это был знак. Майя взяла такси и вскоре была по указанному адресу.
 Здрасьте, тут Будду показывают? топовая блогерша беспардонно шагнула в дверь, открытую секретаршей.
 Показывают, но только не Будду, а ваше все Будде! усмехну-
- лась та. Входите, вы сегодня первая.
 В приемной Майя первым делом сделала селфи на фоне слога «Ом»,

нарисованного на стене.

- Здесь и вправду институт квантовой физики?
 Был раньше, но когда ученые добрались до базового уровня реальности, любые названия стали не важны, поэтому и вывеску не стали снимать.
- А Будда у вас хоть настоящий?Он и есть единственно, кто настоящий, это мы по сравнению с ним так, видимость одна.
- А-ха-ха, отлично сказано, надо запомнить! Майя нацелила на собеседницу айфон.
- Гаджеты придется оставить здесь, к Будде с этим нельзя, без-
- апелляционно заявила секретарша.

 Как же я без фотки? Майя изобразила предельное негодование. Пока я не покажу вашего Будду подписчикам, его как будто и не существует!
- Вы правы, Будда, как и квантовая физика, учит, что мы существуем потому, что за нами наблюдают. Однако верно и то, что познать истину можно только в состоянии квантовой неопределенности, выпутавшись из плена взаимного наблюдения...
- из плена взаимного наблюдения...

 -Эй, полегче! скривила рот Майя. Оставьте проповеди себе. Если Будда разрешит мне сделать селфи, я могу вернуться за айфоном? Да, можете, вздохнула секретарша. А пока положите сумочку и телефон вот здесь. Это кольцо с бриллиантом? Тоже снимите. И золотые серьги. Затем проходите в первую дверь по коридору, где табличка «центр квантовых вычислений». И помните, главная причина бытия состоит в том, что ваш ум непрерывно наблюдает сам за собой, схлопывая суперпозицию волновой функции. Однако в присутствии Будды ум совершенно останавливается, так что...

 Но Майя уже решительным шагом вышла в коридор. Секретарша тот час подошла к столику с вещами. Она принялась внимательно рассматривать дорогую сумочку, смартфон, драгоценности. Главное четко запечатлеть их в зрительной памяти, осознать их наличную и актуальную вещественность. Цепко ухватиться за них умом.

И тут вселенная моргнула.

Итак, это опять случилось. Женщина разглядывала предметы, лежащие на столике. За такие можно выручить хорошие деньги. Один Будда знает, откуда они здесь взялись. Она смахнула их к другим вещам в коробку и убрала под стол.
Раздался звонок. Секретарша открыла дверь.
— Добрый день, мы по объявлению.

- Входите, вы сегодня первые.

Злата Линник

НАСЛЕДНИК

Корпоратив — это легко, они в своих фирмах по веселью соскучились. А тут живой аниматор приглашен, резвись, не хочу. В этот раз тоже все как по маслу: менеджеры, начальники и прочие прыгали, играли в «веселую эстафету» и пели, будто снова стали детьми. Все кроме одного. Этот тип весь вечер просидел с таким видом, будто ему психологическую драму показывают. А в конце вечера вдруг подошел.
— Вам нравится ваша работа? Она не кажется... несерьезной?

— Дарить радость мое призвание, вот только с вами что-то не получилось. Знаете, где я первого клоуна увидел? В Коучвилле, я там родился. Юмор там вообще редкость. Мне было года четыре, я выскочил на арену и угостил его лимонадом. Увидел его так близко, притронулся и с тех пор... что с вами?!

* * *

Публика и правда оказалась тяжелее некуда. Не стоило соглашаться на эти гастроли, ох не стоило! Смотрят на тебя, аплодируют, когда нужно, а улыбки как приклеенные и в глазах ноль эмоций. Будто перед тобой полный цирк киборгов старой модели. С детьми чуть полегче, их еще можно расшевелись, если как следует постараться, у них эта дрянь еще в организме не накопилась...

Директор тогда каждого персонально предупреждал:
— В Коучвилле ничего не пить! Ни воды из-под крана, ни газировки из уличного автомата, ни тем более пива в баре. Станете как все тамошние и со специальностью можно распрощаться. Не лечится это, понятно? Никакими средствами!

Я и не собирался, вот только этот малыш... Нельзя отказывать, когда на тебя так смотрят — искренне, от всей души, будто не бутылку лимонада протягивают, а сердце на ладошке. Вот оттолкни сейчас эту ручонку и захлопнется что-то у него внутри, навсегда захлопнется.

Не пил, вроде, по-настоящему. Так, глоток сделал, но и того, значит, хватило. Представление кое-как отработал, прошел мимо остальных, смотрящих с сочувствием и ужасом, сложил реквизит и ушел.
Понял: не место мне здесь. Хватит дурачиться, пора взяться за ум,

остепениться, заняться чем-нибудь настоящим.

— А давайте попробуем в обратном порядке. — Молодой мужчина в клоунском костюме протянул своего собеседнику бутылочку лимонада. Тот долго не решался сделать глоток, а затем вдруг широко открыл глаза, будто проснувшись, и с озорной улыбкой предложил:

— Этот номер с шарами я делал чуть по-другому. Давайте, покажу.

Александр Петренко

СОВРЕМЕННАЯ ПЕДАГОГИКА

Молоденькая учительница Анна Калач, облачённая в элегантный брючный костюм, решительно открыла дверь в класс.
— Проходите, Мария Степановна, я после вас.
Каждый из учеников был на голову, а то и на целых три выше своей учительницы. Ну что поделать если природа не наделила её ни ростом, ни преподавательским голосом. С природой не поспоришь.

- На нашем сегодняшнем уроке будет присутствовать инспектор РОНО. Мария Степановна, вон там рядом с Подопригорой есть свободное местечко, Калач указала на свободный стул за последним столом. А ты, Подопригора, марш к доске! Я давно хотела побеседовать с тобой о литературе и о жизни вообще.
- Анна Сергеевна, может, я с места, обречённо произнёс он, надеясь на чудо.
- Я сказала к доске, значит, к доске, тоном, не терпящем возражения, произнесла учительница, решительно снимая туфли на высоком каблуке. Она встала на стул, а затем и на стол. Теперь педагог и стоящий рядом ученик были одного роста.

 Сегодня отвечать будем или опять из себя партизана на допросе
- изображать станешь?

Подопригора молчал, только изредка шмыгал носом, вытирая его рукавом пиджака. Класс замер. Все опустили головы, на тот случай, если учительница вдруг решит произвести замену и поменяет второгодника на кого-нибудь другого.

Тишину разорвал звонкий «лещ» с правой руки педагога.

Это тебе от Мармеладовой!

Подопригора пошатнулся, но устоял. Последовал сильный удар в ухо. Это тебе от Мышкина!

Инспектор РОНО строчила в своём блокноте.- «Молодой учитель весьма доходчиво объясняет ученику пройденный материал, применяя при этом эффективные педагогические приёмы!»

— В последний раз спрашиваю — учил?
Подопригора отшатнулся, но было поздно. Блестяще исполненный «Брюслиевский» удар «Хвост дракона с разворотом» отправил его в глубокий нокаут.

На перемене, в учительской, директор школы Аркадий Осипович подозвал к себе Калач.

- Анна, на минуточку. Я, конечно, понимаю, что вы к нам прямёхонько с вуза. И великолепно усвоили последние достижения современной педагогики. Инспектор РОНО по секрету поведала мне, как вы эффективно применяете одобренный Думой закон № 1/2-ФЗ. Особенно параграф 13. Но, голубушка, давайте как-то помягче, поделикатнее. Не так радикально. Вот мы, педагоги старой закалки, всё больше словами. — Он хотел ещё что-то добавишь, но учительница перебила.
- Господин директор, я возражаю! Доброе слово, оно только кошке и приятно! А закон! Есть закон! Его исполнять надо! В полном соответствии с его буквой!

На следующий день на вопрос: «Кто готов?» руки подняли абсолютно все.

- Ну, допустим, Рожно. Поведай классу, что было задано?
- Можно с места? пролепетал он. И, не дожидаясь ответа, затараторил. «Отвечал, нисколько не с мутясь такою встречей, вошедший князь, в придворном, шитом мундире»
- Я наизусть «Войну и мир» не задавала, проворчала учительница. Подопригора, прикрывая рукой посиневшее ухо, тянул вторую как можно выше.
 - А я и Чернышевского «Что делать» полностью и наизусть!
 - Это хорошо, похвалила учительница. Теперь ты знаешь, что делать? Учиться, учиться и учиться, как завещал Ленин! гаркнул класс!

Светлана Тулина

ТВОРЦЫ И БОГИ

«Учреждение по отправлению религиозных потребностей приветствует вас! Выберите цель визита».

Арон почесал бороду и ткнул узловатым пальцем в окошко «помощь/ прошение». На «Выберите суть прошения», подумав, нажал «разрешение

имущественного спора в пользу просителя». Конечно, больше всего ему хотелось справедливости, но боги иногда очень своеобразно ее толковали. Лучше не рисковать.

А вот следующая надпись озадачила уже всерьез.

— Вам что-нибудь подсказать? — поинтересовался улыбчивый бритоголовый монах.

Монах был правильный, уважающий традиции, с вытатуированными на бритом черепе пейсами и полумесяцем, с серебряным крестиком на голой груди, спиралью Бау-Ти на плече и глазом Будды на лбу, зубами Бога Акулы в ушах и массой других атрибутов и знаков, чью принадлежность Арон опознать не мог, но благоговел.

— Да вот, эта... За справедливостью мы, — откликнулся Арон с облегчением. Монах человек знающий, он поможет, и не надо выбирать самому. — То есть ну чтобы эти гады отступились от нашей половинки кладовки! Наша ведь, испокон, а они... я мальцом был, когда они въехали, и началось. Стиралку свою воткнули... Полвека судимся. Я деньжат подсобрал и решился вот... чтобы сотворили, значит, божественную справедливость. А тут вот...

На экране светились две кнопки: «ТВОРЦЫ» и «БОГИ», внизу мелко змеилось курсивное — «выберите категорию адресата».

- Кого выбрать-то? Даже и не знаю...
- Вы хотите справедливости? Тогда вам к кому-нибудь из богов, могу подсказать тех, чей рейтинг наиболее высок именно в этом качестве.
- Нет-нет, замахал руками Арон. Мне бы просто кладовку вернуть. Или... Я тут подумал может, они это... ну... Сделают нам еще одну кладовку, а? Им же не трудно!
- А сами не пробовали? монах смотрел с интересом. Ребристые бусины патерностера-рудракши мелькали в темных пальцах, успокоительно постукивая.
- Ну дык... Арон моргнул. Мы-то что? Им же проще! Пускай сделают, а?
- Тогда богов лучше не беспокоить, они не умеют творить ничего, кроме суда и чудес. Ну и справедливости, конечно же.
 К творцам, значит? обрадовался Арон, которому показалось,
- К творцам, значит? обрадовался Арон, которому показалось, что он правильно понял подсказку монаха. Но тот лишь задумчиво качнул головой.
- Творцы творят, да. Но творят они совершенно бездумно и бессистемно, все подряд. Любой из них может сотворить вам кладовку. Легко. А попутно котёнка.
 - Котёнка?
- Ну да. Или льва. Или десяток новых соседей. Это уж как повезет. Творцы не оценивают творимое ими, оценивают боги. Но боги не творят. Так что же вы выберете?

Арон помолчал, скребя бороду. Прищурился:

- А можно и этих, и тех? Чтобы, значит, наверняка уж...
- Можно, монах вздохнул. По двойному тарифу. Но при заказе комплексной услуги идет тридцатипроцентная скидка.

* * *

Когда проситель уходил, расплатившийся и удовлетворенный, монах смотрел ему вслед с грустной улыбкой. Вот и еще один, который так и не понял, что боги не умеют творить, а творцы — делать выбор и принимать решения.

<u>И</u> то и другое вместе — доступно лишь людям.

Светлана Тулина

БЕСПРОИГРЫШНЫЙ ВАРИАНТ

- Я не клоун!
- А жаль, батенька, жаль. Рыжий парик и красный нос залог успеха. Впрочем... пиар-менеджер осмотрел Стаса с ног до головы, скептически пожевал губами и уточнил: Пожалуй, не в вашем случае, у вас слишком интеллигентное лицо для простого коверного. А для Скарамуша слишком славянское... Значит, работаем модель «Арлекин», она внерасова. Язвительно, тонко, спортивно... со спортом у вас как?
 - Кандидат в мастера... но при чем тут это?
- Отличненько! Безумные изобретатели со сковородкой на голове или хилые задроты никому не интересны! Настоящий гений должен быть атлетом, тогда ему поверят. Сумеете красиво запрыгнуть на кафедру?
- Я ученый, а не прыгун! Стас потихоньку свирепел. С мировым именем, между прочим! Мое открытие перевернет с ног на голову все представления...
- O! пиарщик восторженно хлопнул в ладоши. Это замечательно! Сумеете пройтись на руках? Это было бы великолепной иллюстрацией к вашему докладу.
 - Я ученый, повторил Стас, стискивая зубы. И моя идея...
- Ая, снова перебил его пиарщик, тот, кто поможет вам оказаться услышанным. Вы же хотите донести свою идею до народа, правильно? И что для этого надо?
- У меня там статистика... факты, графики, Стас потянулся к папке, но был остановлен презрительным возгласом пиарщика.
- Факты! Xa! Да кому интересна эта занудь? У вас одни факты, у вашего оппонента другие. И кому, как вы думаете, поверят слушатели?

- Тому, кто собрал больше доказательств.
- Не порите чушь, батенька, пожалейте бедняжку, ее и так кто только не... хм... Вот кстати, возьмите на заметочку: каламбуры с легкими аллюзиями на секс срабатывают практически всегда, даже самые бородатые. Юмор вообще великая сила, это понимали лучшие умы. Только с шутками ниже пояса поосторожнее, их не все одобряют. Хотя французский конферансье утверждал, что есть беспроигрышный способ спасти любой самый провальный номер — это громко пукнуть со сцены. И все! Вишенка во рту, публика в экстазе! А вы — факты... Ваши факты-шмакты, опыты-шмопотоы, вся эта наука — она в лаборатории. Вот и оставьте ее там! А здесь слушатели поверят тому, кто сумеет рассказать более занимательную историю — и более красочно ее подаст. Никакие факты и статистика не могут никого убедить только хорошо рассказанная история. Честный политик или ученый основывает свой рассказ на фактах и статистике. Нечестный — просто гонит отсебятину, развлекая толпу. Расскажите о котиках — все любят котиков! Беспроигрышный вариант. Лучший рассказчик побеждает — ему верят, за ним идут. Вы можете быть тыщу раз правы, но если вы плохой рассказчик — вас придушат и выкинут на свалку истории. Расскажите про жену и садовника, вплетите в нее вашу любимую науку — и слушатели будут рыдать от восторга!
 - У меня нет жены!
- И почему меня это не удивляет? пиарщик вздохнул. Соврите. В конце концов, кому это нужно вам или мне? Вы же хотите быть услышанным?

* * *

Стас чувствовал себя выжатым. Колесом он уже ходил, дважды. На кафедре сделал стойку и спрыгнул двойным сальто. Двенадцать анекдотов. Три байки из жизни ученых. Две — про котиков. Ювелирные вкрапления собственно доклада — не долее трех минут подряд, чтобы не заскучали. Прошелся по залу, посидел на коленях у дородной матроны из первого ряда. Потрепал по щеке ее спутника.

Зал реагировал — правильно, но вяловато. Стас печенкой чувствовал, что до уверенной победы не хватает совсем чуть. Может, опять про котиков? Их все любят... А, к черту!

Стас опустил микрофон пониже, поднапрягся, и...

* * *

Конкурент был безоговорочно посрамлен — Стасу зал аплодировал стоя.

Виталий Придатко

МИР СЛЕДУЮЩЕГО ДНЯ

Проснулся поздно, практически под вечер. Сидел на кухне, слушая мерное дыхание мира. Держал в руке цветные ленты, скрипел зубами и подвывал, сам не зная отчего.

Уже не зная.

Ленты ласково и чуточку снисходительно шуршали в пальцах, поблескивали, пахли тонко, едва уловимо пылью и слежавшимися тканями... так легко, немыслимо, непростительно легко было поверить, что вот-де, просто себе придумались такие ленты— из задавленной ли тоски, из недобитого стремления продолжиться в других человечках, в курносых, к примеру, и белобрысых дочурках...

Стоп, скомандовал он себе. Прислушался, внутренне повторяя:

курносые; белобрысые; дочурки.

Эта мысль тоже отзывалась утраченной былью, но: иначе. Не как нечто, что существовало вчера, а как что-то...

Он покатал слова во рту, так и не произнеся вслух. Как мечта. Даже больше — как уверенная надежда, как план на будущее.

Он сжал кулак, хрустнув пальцами. Посмотрел в окошко на изумрудное солнце. Как-то оно само собой получилось, стоило подумать, каково с похмелья будет щуриться на золотой пылающий кружок... а что еще, спросил он себя, с мукой глядя в окошко, что еще получилось само в этот раз?

Не было ответа.

Мир, как он возник, овеществился нынешним утром, успел плотно лечь в пазы и извилины мозга, казался теперь уже незыблемым, вечным. Хотя вот летающие корабли, закрывающие небо стремительной суетой: что — это взаправдашняя реальность вчерашнего дня?

Не верится, сказал он, и под ногами шелохнулась керамическая плитка. Вот что страшно: не верится.

А надо. А должно бы.

Он выглянул в коридор, напряженно пытаясь вспомнить узор на обоях— вчера ведь были какие-то такие розовенькие вроде бы...

И вдруг — рывком — вспомнил! На секунду перед глазами возникло бесконечно дорогое лицо, ясные серые глаза, пушистые брови, наморщенный лоб, белесая челка. Губы, от которых невозможно было оторваться — и сохранить жизнь. Прозябанием сделалась бы жизнь без этих губ...

Все это нужно было воссоздавать прежде неба, прежде солнца, прежде боли и движения. Все это осталось зыбким послевкусием в мире, гле не было ее.

Он выл, шаря в холодильнике. Вот уж чего никогда и нипочем не забывал: холодильник-водка-закусь.

Потому что с некоторых пор окончательно разуверился, что способен правильно воссоздать мир поутру. А алкоголь помогал задавить сомнения — и самую чуточку подогревал фантазию, да; позволял делать мир

не просто укрытием, местом, где можно провести день, но домом и чудом. Я не мог ее забыть, думал он, все еще воя, и водка спокойно лилась в стаканчик, и день, едва начавшийся день вновь собранного мира, дрожал, предчувствуя, что его скоро сотрут, забудут, изгладят...
Обожгло горло, и практически сразу боль стала утихать, померещи-

лось даже, что была, была причина не воссоздавать ее заодно со всем прочим. Как будто могла существовать причина не жить.
— Я тебя помню, — шептал он, стоя на коленях. — Не бойся, родная,

я тебя помню.

Стремительно надвигалась тьма.

Станислав Романов

СТРОГОВ. СПЕЦИАЛЬНЫЙ СТИЛИЗОВАННЫЙ РАССКАЗ

Строгов старался сконструировать стратоплан. Страдал смутными сомнениями; странный ступор стреножил созидательную силу. Сроки сокращались. Со стены сурово смотрел Сталин. Словно советовал: страна строит самолеты сотнями, стремится сокрушить стихию, сотрясти саму структуру сущего. Сосредоточься, Строгов! Соберись, совладай со страхами! Смелее, скоро старт!

Строгов снова сверил сложные схемы, символы, степени. Стер старые строчки.

Радостно рассмеялся.

Решение!

Разумеется, реактивный ракетоплан!

Татьяна Тихонова

Я АНДРОИД

— Ты знаешь, Фёдор, — сказала посудомоечная машина полотёру, закладывая в себя посуду, — люди только думают, что они особенные. Они такие же андроиды, как и ты, и я. Думаю, если хорошенько поковыряться в них, то обнаружишь клеймо изготовителя.

- Не может быть, Василий, полотёр вытер под столом, аккуратно приподняв мои ноги, — а выглядят как натуральные. Аргументируй. — Легко. Они также разбираются на запчасти, как и мы. Они так
- же, как и мы без процессора, не могут функционировать без сердца.
 - Мозга?

 - Нет, думаю, сердца.Думаю, ты не прав, всё-таки мозга.
 - Сердца.
 - Мозга.
- Хватит, сказал я, намазав масло на ломоть свежего хлеба из пекарни напротив, этот хлеб мне нравился больше всего, — так я никогда не услышу всех аргументов. Продолжим.
- Сердца, сказал Василий и продолжил, начав заливать в себя воду: А так же информационная база, похожий интерфейс и порты подключения.
 - Теоретик! Теперь про отличия, сказал я с набитым ртом.
- Звучит убедительно, сказал Фёдор, передвинув меня с табуреткой влево и протерев пол под ней.
 - Именно.
 - Эй вы, две говорящие розетки, я ещё не сдох!
- Ты знаешь, Фёдор, их самым главным аргументом является самый бездоказательный. Вы никогда не сможете любить. Говорят это химия, физика, и ещё что-то, м-м-м, тут они вертят вот так пальцами. А объясняется это работой трёх портов.
 - O да! сказал Фёдор, замирая, наконец, в углу.
- Трёх портов! буркнул я, допивая кофе. Волынщики, дождусь ли я ответа, или мне так и придётся уйти на работу?!
 - Я наблюдал за ними.
- О боже, это будет про меня, сказал я.Ты неделю назад собирал друзей у себя дома, подтвердил мои опасения Василий. — На одном объекте ты завис.
 - Лена.
 - Нет
 - Ника.
 - Нет.
 - Но четвёртым был Дюша.
 - Нет, это была девушка, приехавшая за документами. Твоя коллега. Я усмехнулся и промолчал. Марина. Действительно, этот взгляд.
- Чёрт знает, что такое, этот её взгляд!
- Два порта я понял, а что за третий порт? Это банально, потянулся лениво я и встал из-за стола.
 - Третьим подключается процессор. Вот тут ты попался.
 - Даа? протянул я. Это мозг?

- Сердце.
- Да, нет, мозг! крикнул я уже от двери, не желая признавать поражение, потому что Марину я вчера пригласил поехать на выставку дирижаблей и при этом подозрительно глупо улыбался. Заметил свою улыбающуюся физию в витрине кафе. И что самое противное, ёкало где-то в груди. Нервный тик.
 - Сердце, как заведённая машинка пробубнил из кухни Василий.

Кира Эхова

АГЛЬ

Она неслась над ночным городом на древнем разбитом пылесосе, начинённом злобой и ненавистью и грохочущем, словно сотни сотен громов разом. Ядовитый выхлоп сеял над улицами беладонно-чемеричную пыль.

Люди закрывали окна и двери, не забывая выставлять за порог коробки с накопившейся за день душевной грязью. К полуночи улицы полностью опустели.

Старая Агль приземлилась на главной площади прямо в большую клумбу с нарциссами, и нежные цветы мгновенно увяли. На Агль нельзя было смотреть, поэтому никто не знал, как она на самом деле выглядит. С нею невозможно было находиться рядом — такой ужас и отвращение

она внушала всякому, кто смел приблизиться.
Агль шла по улицам, собирая подношение. Коробки, предназначенные ей, были один другого полнее, и Агль довольно урчала, частью пожирая, частью скармливая пылесосу их содержимое. Лишь один коробок у старого кособокого домишки на окраине оказался пуст.

Агль загрохотала в дверь.

— Где моё угощение, скареды? Неужто вам жаль для старушки немного дряни и мерзости?

Дверь под ударами приотворилась, внутри было тихо и темно. И только в дальнем углу одинокой тесной комнатки кто-то притаился, давя рвущиеся из груди всхлипы. Агль ввалилась, принюхалась и довольно захохотала.

— Чую, крошечка, чую боль и ненависть, и страх! И месть! Желание мести чую! Расскажи! Скажи старушке, чего так страстно хочет твоя душенька?

Всхлипы поутихли, а потом тонкий девичий голосок вдруг выкрикнул:
— Не дам! Не отпущу тебе свою злобу! Накоплю, капля по капле, полную душу и отомщу. За смерть любимого, за смерть суженого. Злые люди, чужие, подловили на дороге в лесу. За копейку и ради

забавы! — Голос девушки перешёл в стон, а затем вновь послышались всхлипы.

— Полно, куколка! Выплачь своё горюшко да отдай старушке, — заскрежетала в темноте Агль. — Не марай душеньку, потом не отмоешь. Выжжет месть тебе сердечко и чувства, и память о возлюбленном. Лучше дай старушке полакомиться! В углу забились, засопели.

— Ты, старуха Агль, и так полна ненавистью. Отсыпь лучше мне немножко. Пригодится, слежится, затвердеет. Крепче стали сделается.

Агль, хохоча, шагнула в угол.

- Накормить просишь злобою, душенька? Ею досыта не наешься...
- Накорми! упрямо прошептали в углу.

Молодая Агль покинула домишко и легко запрыгнула на забитый под завязку ненавистью пылесос. И завыло, загрохотало с новой силой над полуночью. Громче грома, свище ветра, пронеслось и кануло во тьме...

Кира Эхова

ОПАСНО БЕЗОБИДНЫЙ ЯД

Пузырёк Эдгар нашёл во время уборки на чердаке, в коробе с кучей пустых баночек из-под лекарств. Он отличался от прочих — фигурный флакон тёмного стекла. Под толстым слоем пыли обнаружилась самодельная этикетка — кусочек тетрадной бумаги в клетку, а на нём слово «яд» — крупное, готическое, старательно выведенное. Ниже едва различимая приписка: «Волшебный эликсир для путешествий в иные миры».

Эдгар недоверчиво хмыкнул. Осторожно извлёк пробку и принюхался. Запаха не было. Плеснул капельку содержимого на палец — жидкость оказалась бесцветной, прозрачной.

«Опасные вещи могут выглядеть весьма безобидно», — подумал Эдгар. Однако пузырёк с прочим хламом не выкинул, а поставил в гостиной на каминную полку.

Пузырёк притягивал взгляд. Эдгар поймал себя на том, что, сидя на диване над книгой, поминутно поднимает глаза, чтобы проверить — на месте ли его странная находка. Тёмное стекло загадочно поблёскивало в свете лампы. Эдгару отчаянно хотелось взять пузырёк в руки, согреть, ощутить ладонью плавный изгиб его стеклянного бока.

Неужели ли там действительно какой-то яд? А может кое-что по-

хуже... что может значить та загадочная приписка про «иные миры»? Пузырёк занимал, отравлял мысли, даже когда не был на виду. Ночью Эдгар ворочался в кровати, безуспешно пытаясь заснуть. Но сон не шёл.

Промучившись несколько часов, Эдгар сдался. Спустился в гостиную и сделал крохотный глоток из таинственного пузырька. В самом деле, какой вред может причинить столь малая доза?

Жидкость оказалась чуть сладковатой. Эдгар облизнул пересохшие губы, сел прямо на пол и стал ждать. Время тянулось ужасно медленно.

Веки понемногу налились тяжестью...

...он летел над дивным парящим в небе городом, взмахивая крыльями, как огромная птица. И люди махали ему рукой, снизу, с вымощенных цветным камнем улиц...

...Эдгар очнулся на полу своей гостиной, возле камина. Было ужеЭдгар очнулся на полу своей гостиной, возле камина. Выло уже утро, в окна настойчиво заглядывало солнце. Эдгар ощущал приятную лёгкость, мысли его были ясными, а воспоминания яркими. Вот только тело всё затекло и слушалось своего хозяина плохо. Уж не от действия ли яда? Или дело в неудобной позе, в которой он лежал на полу?

Впрочем, всё это было неважно — ведь надпись на этикетке его не обманула. Эдгар побывал в чудесном месте и страстно желал вернуться туда вновь. Если для этого его телу придётся претерпеть небольшие неудобства, то это сущая мелочь. Эдгар откупорил склянку с ядом и следал большой глоток...

* * *

На следующий день Эдгара нашли его сёстры Гайя и Виола.

— Он не дышит! — в ужасе воскликнула Гайя, опускаясь на колени у тела брата.

Виола подобрала валявшийся возле остывшего камина пузырёк.

- Странно, что он тут делает...
 О чём ты? Гайя подняла на сестру глаза, в которых уже стояли слёзы.
- Помнишь, маленькими мы с тобой играли в волшебную аптеку? Эдгару было с нами скучно, а мы развлекались, придумывая зелья и эликсиры.
 - Да... и что?

Виола грустно улыбнулась воспоминаниям.
— Тут был «Волшебный эликсир для путешествий в иные миры». Вода и сахар.

Максим Тихомиров

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Вода в канале была чёрной и гладкой, как стекло. Он тщетно пытался усмотреть в ней свое отражение, но видел лишь звезды, глядевшиеся в черное зеркало вод.

— Барин! Эгей! Простудитесь! Поедем домой! Барыня, поди, заждались!.. — кричал возница с козел рессорной коляски.

Колесничего окутывали клубы махряного дыма. Лошадь недовольно фыркала и стригла ушами.

— И впрямь, не помереть бы от простуды, — невесело усмехнулся он. Остался на месте.

Взошла луна, высветив его лик. Из черной глубины всплыло отражение. Болезненный пергамент лица, седина в бакенбардах, неистовый блеск глаз. Как знакомо.

Над пустыней по ту сторону канала танцевали миражи. Неописуемой красоты дворцы, цветущие сады, проспекты неизвестного города, полные нарядных людей. Далеко, на самом горизонте, по красноватым дюнам бродили треногие великаны, грустно трубя в рога: эллу... эллу...

Было морозно. По берегам темная гладь канала подернулась кружевом льда. Дыхание срывалось с губ легкими облачками. Зябли руки под тонкой лайкой перчаток. Ветер нес песок из стынущей за каналом пустыни. Миражи продолжали свой танец в лунных лучах.

«Как мертвецы на погосте», — подумалось вдруг. Тупо заныло в животе, там, где остался страшный рубец. Холод поднялся в грудь, обнял вздрогнувшее сердце. Он закрыл глаза, задержал дыхание. На миг снова оказался в плену у бездны, как когда-то очень, очень давно.

— Ба-ари-ин!.. — звал его кто-то из далёкого далека. — Ба-а!..

Бездна, усмехнувшись, отпустила его.

Не в этот раз. Не сейчас. Не сегодня.

— Иду, Прохор, иду!

Он в раздражении нахлобучил на непослушные кудри такой нелепый здесь щегольской цилиндр, повернулся спиной к каналу, к пустыне, к миражам и, трепеща полами крылатки, зашагал к экипажу.

— Вот давно бы так, — добродушно проворчал возница.

Чмокнул губами, и лошадка бледной, лунной почти масти, встрепенулась и повлекла экипаж по тракту. Как всегда ниоткуда, пришли в голову строки:

Вода канала лепестки несет

В цветеньи яблонь наступает лето...

«Какое лето? Какие яблони?» — думалось ему меж тем. Впереди лишь студеные месяцы бесконечной зимы под ледяным небом, по

которому катится яркой блесткой такое далекое и холодное солнце. Вспомнилась другая, из прошлой жизни, последняя зима, чёрные воды и долгие, полные муки дни другой, закончившейся жизни. Накатила тоска— и ушла, как не было. Все в прошлом. Незачем грустить.

Вторая луна устремилась в погоню за первой, расчерчивая мир сетью двойных теней. На востоке зажглась голубая звезда — знакомая, манящая, родная.

Коляска катила ей навстречу— вдоль древнего канала, мимо сжатых полей красной травы, мимо садов соконосных кактусов, мимо диковинных руин, над которыми по ночам танцуют призраками прежних хозяев песчаные смерчи.

Домой.

Туда, где ждет постаревшая жена и внезапно взрослые дети, где няня, совсем не изменившаяся с момента той последней, болдинской встречи, накрывает к ужину стол, а в кабинете лежат на бюро исчерканные пером листы с неоконченной ещё поэмой.

Максим Тихомиров

НИЧЕГО ЛИШНЕГО

— Доброе утро, сотрудники корпорации «Тайрел». Приятный бесполый голос встречает на проходной первую смену. Сигурд неторопливо шагает к турникетам, вежливо раскланиваясь со знакомыми. Ему известен каждый, кто работает в «Тайрел», но до начала смены он помнит лишь тех, с кем знаком вне работы.

— Здравствуй, Рейнар! — приветствует Сигурд громилу за стеклянным барьером.

Тот зыркает на Сигурда и сдержанно кивает ему. Смена Рейнара не закончена, и он приветлив настолько, насколько позволяет ему профессиональный протокол — «помощник». Сигурд входит в зону контроля, и антропометрические датчики дают команду на рекордер. Индукционные катушки в стенах оживают, и благодушие Сигурда снимает, как рукой.

Сигурд заступает на пост. Следующие восемь часов он — собственность корпорации, и ничто не может отвлечь его от исполнения долга. Таймер перезвоном возвещает о начале смены. Крупный мужчина машет ему рукой на выходе с проходной. «Помощник» услужливо выводит на сетчатку досье. Хуго Рейнар. Служба безопасности корпорации. Третья смена. Лоялен. Женат. Двое детей. Проживает по соседству. В круг профессиональных интересов Сигурда эта информация, за

исключением сведений о лояльности, не входит, и он благополучно переключается на работу.

Восемь часов пролетают незаметно, оставив удовлетворение от хорошо выполненной работы. Смутно знакомый человек приветствует его, проходя в турникет. Нильс Янгер, СлужБез, вторая смена, подскаывает «помощник». Лоялен. Женат. Двое детей. Живет по соседству. Плевать.

На выходе Сигурд размагничивает поведенческий модуль. В голове на миг — кристальная пустота. Сигурд больше не сотрудник службы безопасности корпорации «Тайрел». На мгновение он — никто. Потом датабанк сливает в приемный буфер сохраненный с утра поведенческий протокол «горожанин», и Сигурд снова начинает быть.

Дом, милый дом! Сигурд проводит ладонью по индукционной пластине на дверном косяке. В притолоке поют, просыпаясь, магниты. Сигурда наполняют благодушие и довольство.

— Я дома! — объявляет он.

Мгновение, и на нем висят дети — девочка и мальчик. Собака с радостным лаем скачет вокруг.

- Мой руки, милый, улыбается красивая женщина. –Ужин готов.
 Я получила «А»! хвастает девочка.
- Умница!

Сигурд пытается вспомнить ее имя.

- Что ты делал сегодня на работе, папочка? спрашивает мальчик.
- Секрет, улыбается он. А если его украдут? щурится мальчик.
- Это исключено, смеется он.

В ванной под ногтями Сигурд обнаруживает вязкую багровую массу. Недоуменно хмурится. Потом выбрасывает это прочь из головы.

Аника, дочь. Девять лет, школьница. Пер, сын, шесть, старшая группа детского сада. Герда, жена, тридцать два, домохозяйка. Собаку зовут Рекс.

Я помню все, что мне нужно.

Ничего лишнего.

- На выходных нужно навестить соседей, говорит Сигурд перед CHOM.
 - Этих, как их там... сонно хмурится Герда. Я вспомню, обещает Сигурд.

Он знает, что вспомнит.

Магниты напомнят ему, когда наступит суббота.

Тимур Максютов

СЛЕДУЮЩИЙ!

Семь.

Ободранными пальцами дёрнуть клапан разгрузки.

Шесть.

Нащупать продолговатое яйцо гранаты. Omne vivum ex ovo. Смерть тоже из него. Конец отсчёта.

Для меня. И для этих, ниже по каменистому склону — вопящих, предвкушающих. Они уже поняли, что я пустой; что последний магазин, выплюнув последнюю очередь, превратился из надежды в ничто, в смятую банку из— под пива, в использованный презерватив.

Они ухмыляются, дают отдых раскалённым стволам и сладострастно поглаживают рукоятки опытных ножей. Вечно голодных ножей. Ножи нахлебаются моей, ещё живой, крови. Ножи будут минусовать: минус ухо, минус сморщенный от ужаса пенис. Плюс девять метров вытянутых на свет божий (божий?!) кишок. Итог под чертой: мои потроха и тягучая слюна на изуродованных счастьем харях мучителей.

Хрен им.

Пять.

Обломанным ногтем подхватить заусениц чеки. Супермены в кино рвут кольцо зубами. Брехня. Нет таких зубов. Сначала — пальцами согнуть усики, сблизить, слепить. Как два тела перед последним танго.

Четыре.

Палец — в кольцо. Венчаюсь с тобой, милая. Моя гладкая, моя прохладная, моя осколочная. Будь со мной ласковой, девочка. Не подведи.

Три.

Она летит. Освобождённая. Свободная.

Морды тех, на склоне, начинают вытягиваться. Они ещё вопят. Но уже от другого предвкушения. Человек — мерзкое существо. Всё время орёт. Рождается — орёт. Радуется — кричит. Рыдает от горя, верещит при оргазме.

Видит трёхсекундную смерть — визжит.

Заткнитесь уже.

Послушайте лучше, как шелестит песком вечность.

Два.

Смерть танцует, белые одежды её развеваются и открывают на миг прекрасное тело. Иди ко мне, желанная. Пульс — сто шестьдесят. Я приготовил ложе для нас с тобой, видишь? Оно засыпано, как лепестками роз, горячими благоухающими гильзами. Оно украшено обрывками бинтов в бурых пятнах. Резиновый жгут, сорванный впопыхах с приклада, свернулся змеем— искусителем.

Иди же, познай меня!

Один.

Господи, неужели всё? Зачем было всё? Запах мамы, сентябрьский букет, слепые руки во влажной темноте. Снег слёзы вспышка прихода в мир вспышка ухода ещё секунду одну секундочку господи

* * *

— Вариант нормы. Реакции стандартные. Годен.

Медсестра — холодной ладонью по щеке:

- Поднимайтесь, голубчик. Вы прошли. Зачислены в штурмовую роту. Бреду к двери, пошатываясь. Пацаны в коридоре: все глаза на меня.
- Ну, как там? Что было?
- Фигня. Мультик посмотрел.

Следующий!

Элеонора Воробьева

БРАЧНОЕ АГЕНТСТВО ЧЕРНОГО ВЛАСТЕЛИНА

Высокая башня Черного замка затмевала заходящее солнце на подкрашенном кровавым закатом небе, порождая вокруг мрак и холод. Но всё это не остановило усталого Героя— и в окованные чёрным железом ворота требовательно ударило копье.

После третьего удара из приоткрывшихся створок выглянула заспанная физиономия стражника.

- Ну? Кто там? Чего надо?
- Я хочу биться с твоим господином, глухо прозвучало из-под шлема.

Стражник скользнул взглядом по немолодому коню, посеченным устаревшим доспехам, когда-то неплохим, и щиту с ныне позабытым гербом. Сплюнув, потребовал:

- Рожу покажи!
- Чего-о-о? не понял рыцарь, от удивления его голос сорвался на полтона выше.
- Забрало, говорю, подними, а то мало ли мож, ты девка какая-то! Победишь тебя, а потом позора не оберешься...

Кипя от гнева, рыцарь поднял забрало и продемонстрировал юное лицо. Весьма неказистое. Полные щеки, конопушки, маленькие светлые глазки, нос картошкой и редкая бородёнка, чтобы казаться старше. Всё это мелькнуло и вновь скрылось за полосой серого металла.

- Удовлетворен, деревенщина? - голос юного Героя клокотал от возмущения. - Ну! Открывай!

Стражник со вздохом распахнул ворота. Копыта коня гулко простучали по темным камням мощеного двора. Черный Властелин уже ждал. Он выдвинулся навстречу из-под высокой колоннады у подножья башни. На вороном пышногривом коне, облаченный в черные глухие доспехи и со здоровенным мечом, притороченным к седлу. На его черном щите не было герба, зато на груди блеснул амулет в виде черепа, который недвусмысленно оскалился в издевательской ухмылке. Единственный светлый блик на сотканной из мрака фигуре.

Из верхнего окна башни высунулась несчастная похищенная девица, она призывно махнула спасителю платком. Вот ветер вырвал его из тонких пальчиков и отнес прямо на седло юного рыцаря. Он явно счел это хорошим знаком, подхватил и засунул за пояс. Черный В зловещей тишине Властелин заставил своего коня попятиться, давая скакунам место как следует разогнаться. Девица в окне восторженно взвизгнула, и всадники сорвались с места. Тишина взорвалась лязгом и топотом копыт.

Поединок начался.

Копья ударили в щиты и противники развернули коней для второго захода. Было заметно, что юному рыцарю и удержать-то копье нелегко, не то что верно его направить, а вот копье Черного Властелина било именно туда, куда он хотел. От второго удара о щиты копья разлетелись. В последний момент Черный Властелин чуть придержал удар, но и этого хватило — противник вылетел из седла. Молодой человек прокатился по земле, хватая грязь латными перчатками в безуспешной попытке остановиться. На мгновение замер, мотнув головой, но тут же вскочил, поправляя щит и доставая меч.

попытке остановиться. На мітновение замер, мотнув головои, но тут же вскочил, поправляя щит и доставая меч.

Черный Властелин тоже спешился, с невозможной гибкостью перебросив ногу через переднюю луку седла. Он отбросил щит и взялся за огромный изогнутый клинок. Такой же черный, как доспехи и лошадь. В прорезях шлема полыхнуло багровое пламя, меч взлетел в руках, как пушинка, обрушился вниз — и взрыл землю там, где только что стоял юный рыцарь. Следующий удар Герой принял на щит и сразу осознал — это была ошибка. Его швырнуло к колоннам, щит распался на части, рука отозвалась резкой болью. Черный Властелин, впрочем, ошибкой не воспользовался, а громко демонически расхохотался, запрокинув голову. Это дало время защитнику невинной девы оправиться, сообразить, что пользы от расколотого щита мало и, отбросив его, ринуться в атаку. Мечи столкнулись, высекая искры. Черный Властелин отражал град ударов уверенно, руки, державшие огромный меч, казались выкованными из железа. Рыцарь быстро выдохся, спотыкался, один раз даже упал на колено. Но Черный Властелин опять не нанес удара. Он

дождался, пока противник поднимется, и возобновит атаку. Девица нервно смотрела сверху на бой. Ее пленитель был явно сильнее. Он красовался, каждым шагом подтверждая свое превосходство. И она решилась — швырнула из окна медный таз для умывания. Разумеется, она не попала, но Черный Властелин лишь отвлекся, обернувшись на грохот, и меч героя ударил в его доспехи. Темная фигура рухнула в пыль и, полыхнув ярким синим пламенем, исчезла. С крыши башни сорвался ворон. Пронзительно крича, он пропал в небе...

сорвался ворон. Пронзительно крича, он пропал в небе...
Все еще не веря в случившееся, победитель сбил цепь, закрывающую дверь башни. И, взбежав по ступеням, подхватил на руки наследную принцессу — свою будущую невесту...

Прошли годы. Сетуя на неизменное бездорожье и необходимость обходиться без королевской кареты, он приблизился к воротам. Черная башня высилась незыблемо, как всегда. Некоторое время посетитель смотрел на нее с безмолвным упреком, потом всетаки постучал рукояткой меча. Приоткрылась створка, выглянул стражник. Тот же, что и семнадцать лет назад, хотя казалось, что прошла целая вечность...

- Ну, чего надо? приглядевшись, поспешно поправился: А, это вы, Ваше Величество, ну проходите!
 - -OH?
 - Конечно, Он вас ждет.
 - A...
 - Разумеется, Он в курсе. Проходите, Ваше Величество...

Зал был освещен десятками свечей и факелов. Ковровая дорожка, истертая бесчисленным числом ног, небрежно струилась от двери. В углу стояли страшные вороненые доспехи без единой вмятины или царапины. Увидев хозяина замка, Король, ныне похожий на весьма откормленного поросеночка, недружелюбно уставился на него.

Черный Властелин, сидевший на троне с ногами и, казалось, вовсе не обращал внимания на посетителя, сосредоточившись на пузатом металлическом бочонке. Властелин оказался среднего роста, худощавый, с темными волосами, собранными в солидный хвост. А еще он был очень молод, молод просто до безобразия. Совершенно не то, что представлял себе король все эти годы. Приходилось утешаться тем, что тут явно не обошлось без колдовства. Правда, одет Властелин был во все черное, да и знакомый медальон-череп болтался на цепочке, хоть что-то совпадало с воспоминаниями и напетым в балладах образом. Укрытая черной перчаткой рука чуть шевельнулась, и кресло само пристроилось под упитанный королевский зад.

Горячего вина, Ваше Величество? Как ваша супруга и дочь?

- Да, вина пожалуйста.... Подозреваю, оно у вас превосходное... Собственно, я как раз по поводу дочери!
 - Так. Как я понимаю, затруднения с замужеством?
 - Ну да, хотелось бы, так сказать... ну, вы понимаете?
- Конечно, Черный Властелин одобряюще кивнул, —она не красавица, да и королевство не очень богатое.
- Полтора оврага! А красота.... Да ты же видел ее мать! Воскликнул Король. - $\dot{\text{И}}$ я сам тоже....
- Вижу. Значит, желателен: молодой рыцарь, потомок древнего рода...
 При этом не состоящий с нами в родстве! Храбрый, красивый! На последнем слове король запнулся под насмешливым взглядом Черного Властелина.
- Ну, хоть немного симпатичный, ты же колдун!
 Злой Колдун, Похищающий Невинных Девиц! хищно уточнил Черный Властелин. — Хорошо. Сундук золота!
 - Но это же грабеж!
- Ваше Величество, с упреком сказал Черный Властелин, «грабеж» — на Большой дороге, а это — коммерция! Ну подумайте сами: мне надо пристроить некрасивую девицу с плохой фигурой. А если у нее еще и характер, как у мамочки? Да? Я угадал?! А ведь мне с ней в одной башне жить!
- А я с ней всю жизнь живу! завопил король, вскакивая, Да ты просто не представляещь себе, что это такое!
- Представляю. Потому прошу только один сундук, а не два. Исключительно из сострадания. Мне же еще оплачивать менестрелей знаешь, сколько берут? Доспех и конь — это тоже не дешево. А моральный ущерб? Я от последней Невинной Девы только месяц назад избавился! Крикливая попалась и такая стервозная.... Всю посуду перебила, слуг замучила.

По хлопку в ладоши вошел давешний стражник. Сел на пол, разложив рядом письменные принадлежности.

- Как всегда, Рили, вздохнул Черный Властелин и повернулся к королю: Или есть особые пожелания, Ваше Величество?
- Да, в принципе, никаких, ну там род познатнее... Кстати! Вот скажи, а почему ты сам не женишься?
- Женюсь, отмахнулся Черный Властелин. Как только найду девицу хоть чуть умнее коровы и красивее виверны. Но за всю мою многолетнюю практику такие еще не попадались. Возможно, они просто не нуждаются в моей помощи. Так. Башню желаете посмотреть? Да видел же, хоть и давно, усмехнулся король, деньги тебе
- доставят завтра, а дочь...
- Дочь отправь через три дня гулять с подругами, на луг под стены. Можно в окружении каких-нибудь ненужных солдат, так будет драматичнее. А дальше жди ее домой с женихом.

- Благодарствую!

И Черный Властелин пожал протянутую руку.

Проситель ушел. Черный Властелин подошел к доспеху и сел возле него на пол. Доспех послушно опустился рядом.

— Ну вот, опять тебе проигрывать, старый друг!

В глазницах шлема полыхнуло алым. Старинный артефакт поднял руку и коснулся плеча владельца.

— Не скучаешь? — продолжал Властелин. — Тебя же создавали армии в бой водить, пока хозяин отсиживается в замке!

Шлем качнулся из стороны в сторону. Алый блеск сменился ледяным синим.

- Ладно, делай пока что хочешь, только орков не убивай, они тебя и так боятся. Понадобишься — позову.

Прорези шлема вспыхнули ослепительным светом и доспех исчез.

- Куда он все-таки девается? Спросил стражник тихо.
- Не знаю, Рилиан! Может быть, его где-то ожидает какая-нибудь симпатичная кольчуга? Или бальное платье? Кто знает эти древние артефакты? Пни там слуг, пусть готовят покои! Я потом зайду, освежу заклинания от физического ущерба помещений если у принцессы характер, как у мамы, то они понадобятся!

Литературно-художественное издание

Астра Нова альманах фантастики

Главный редактор: Светлана Тулина
Редколлегия: Кирилл Берендеев,
Александр Тишинин
Литературные редакторы: Анна Райнова и Григорий Панченко
Корректоры: Светлана Ушакова
Компьютерная верстка и дизайн Ольга Денисова
Художники: Светлана Тулина, Ольга Маковская,
Елена Нестерова, Ильмир Амиров

Подписано в печать 05.12.2018 Формат 60×84 ¹/16. Отпечатано с готового оригинал-макета по технологии Print-on-Demand. Усл. печ. л. 18,89. Уч.-изд. л. 17,64.

> Заказ книг fanni.old-land.ru sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2018